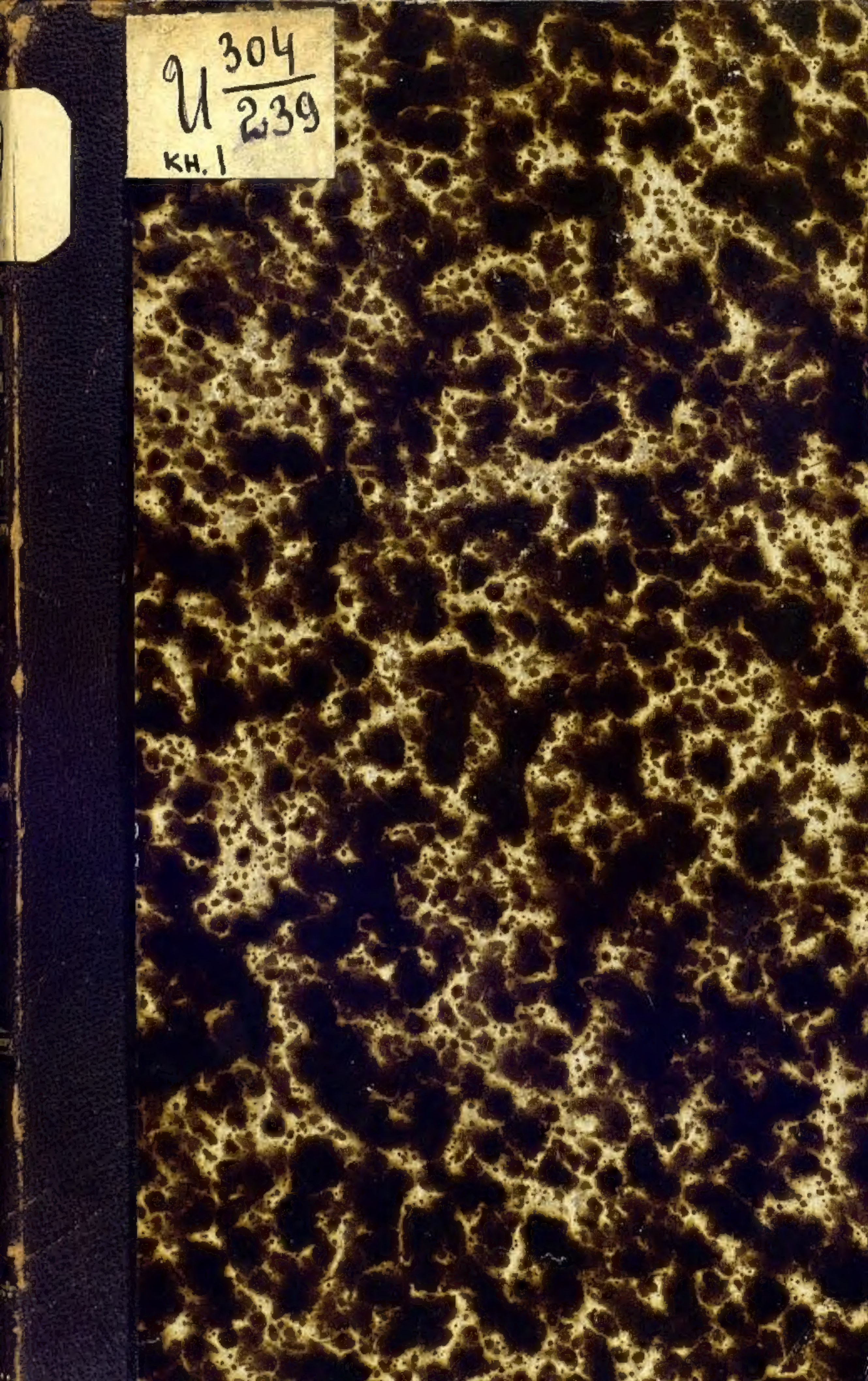

И 304/239
кн. 1

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ ВОСТОКА И ГРЕЦІИ

[кн. 1]

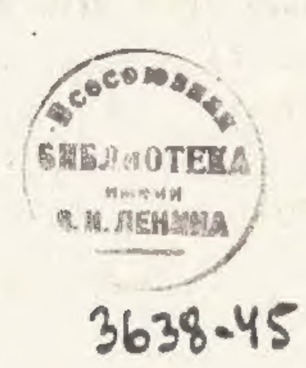
Составилъ

КАРЛЪ БИРНАЦКІЙ

переводъ А. Бѣлявскаго.

МОСКВА
Въ типографіи Ѳ. Б. Миллера.
(Яуз. ч. 1 кв. № 82.)
1867.

Дозволено Цензурою. Москва. 9 Іюня 1867 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Стр.

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРІИ.

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ ИЗЪ ИСТОРІИ МАКЕДОНІИ.

Стр.

КАРТИНЫ АѲИНСКОЙ ЖИЗНИ.

ПОГРѢШНОСТИ:

Стр.	*строки*	*напечатано*	*читай*
8	11 сверху	волнующими	вздымающими
24	10 снизу	жизнь.—Индра	жизнь—Индра,
31	19 св.	нарисованныхъ	разрисованныхъ
33	4 сн.	Я накажу	Я покажу
65	13 сн.	въ преддверіи	въ преддворіи
68	12 св.	въ степа;	въ степи,
86	3 св.	птоизводящихъ	производящихъ
—	10 св.	многихъ изъ нихъ	многихъ
87	2 св.	мощую	мощную
—	8 сн.	землею,	землею
88	8 сн.	робкій	рабскій
91	3 сн.	въ равнинѣ	по равнинѣ
97	15 сн.	иль	или
98	7 св.	бальзамирозанію	бальзамированію
110	9 св.	Горусъ	«Горусъ
140	12 сн.	въ его цѣпи	его въ цѣпи
147	9 св.	пожиралъ	пожралъ
154	9 сн.	острогъ	отрогъ
—	1 сн.	Этна	Эгина
156	16 сн.	изъ аркадскихъ горъ	изъ Киллене
163	4 сн.	Девкаліона,́	Девкаліона
169	10 св.	Партеновъ	Партенопъ
172	16 св.	воскъ	войскъ
176	14 св.	стоя	стая
183	14 св.	король	царь
223	1 св.	къ моему сердцу	моему сердцу
242	12 сн.	къ западу чрезъ	къ западу отъ источни-ка чрезъ
279	16 сн.	вокругъ подножія	подножіе

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга содержитъ рядъ историческихъ очерковъ и картинъ. Я желалъ представить въ этихъ очеркахъ возможно «пластически» какъ цѣлые народы, такъ и отдѣльныя выдающіяся личности, равно и особенно замѣчательныя событія. Недостатки найдутся въ моемъ трудѣ; въ оправданіе могу только сказать, что до сихъ поръ еще не появлялось хорошихъ сочиненій въ этомъ родѣ.

Составителю книги принадлежитъ планъ ея, равно какъ и краски, сообщенныя картинамъ. Я долженъ также указать на превосходную книгу «Хариклесъ» Беккера, Лейпцигскаго проф., изъ которой заимствовано многое въ «Очеркахъ Аѳинъ.» Я изучалъ прилежно древнихъ писателей, хотя рѣдко привожу буквально выдержки изъ нихъ.

Выборъ картинъ не случайный, не безъ плана. Кто поприсмотрится, замѣтитъ это. Равно не безъ цѣли поставлены на первомъ планѣ картины изъ Израильской Исторіи. Въ этомъ выразился основный взглядъ составителя на Исторію. Но объемъ книги не дозволилъ сдѣлать полное собраніе картинъ и очерковъ. Впрочемъ, едва ли въ этомъ можно видѣть недостатокъ. Иначе какое собраніе картинъ придется назвать со-

вершенно полнымъ? Притомъ и неполное собраніе картинъ можетъ иногда достигнуть цѣли — пробудить и образовать чувство. Кромѣ того, при послѣдующей обработкѣ книга можетъ быть пополнена новыми картинами.

Книга должна имѣть въ виду извѣстный кругъ читателей. Предлагаемая книга имѣетъ въ виду внушить молодымъ читателямъ любовь къ изученію Исторіи. Нынче книга, назначаемая для юношей, удовлетворяетъ и другой цѣли, — развиваетъ охоту къ чтенію въ кругу семейномъ, и такимъ образомъ вмѣсто поверхностной и пустой болтовни о томъ да о семъ, доставляетъ разговорамъ поучительное содержаніе. Эта книга не увеличитъ собою числа учебниковъ, и не замѣнитъ ихъ; она имѣетъ въ виду пробудить охоту къ серьезному изученію Исторіи, къ изслѣдованію законовъ народной жизни. Я могу заявить, что до сихъ поръ никто еще не далъ юношеству и семейству подобныхъ картинъ изъ Исторіи, представленныхъ въ органической связи и проникнутыхъ одною идеей.

Есть желаніе представить всю Исторію въ подобнаго рода картинахъ. Второй томъ будетъ состоять изъ «картинъ Исторіи Рима и Среднихъ вѣковъ» третій изъ «Исторіи новаго времени.» Оба тома выйдутъ въ слѣдующіе два года, если Богъ продлитъ жизнь мою.

И если составитель книги своимъ трудомъ успѣетъ хоть нѣсколько содѣйствовать тому, чтобы пробудить въ юношествѣ стремленіе къ болѣе основательному занятію Исторіею и укоренить въ нихъ христіанскій, евангельскій взглядъ на Исторію, — онъ будетъ считать свой большой трудъ, потраченный на «Картины» достаточно вознагражденнымъ.

Составитель.

ЗАВѢСА.

Послѣ труднаго странствованія мы достигаемъ возвышенія. Предъ нами, за нами со всѣхъ сторонъ открывается ландшафтъ. Высоко на небѣ стоитъ солнце и изливаетъ свои золотые лучи на лѣсъ и воды, пашни и луга, города и деревни, лежащія у нашихъ ногъ. Только даль скрывается въ туманѣ, горизонтъ охваченъ парами; что дальше за нимъ и надъ нимъ, мы не можемъ разгадать.

Подобные взгляды и мысли приходятъ въ голову тому, кто броситъ взглядъ на свою жизнь. Живо и ясно рисуются въ его душѣ случаи и обстоятельства только что минувшихъ годовъ. Но чѣмъ дальше идемъ мы воспоминаніями тѣмъ темнѣе дѣлаются они, наконецъ совершенно исчезаютъ изъ памяти. До ранняго дѣтства не доходятъ воспоминанія человѣка, событія первыхъ лѣтъ не хранятся въ памяти, что тогда человѣкъ переживалъ и о чемъ думалъ, не можетъ онъ сказать.

Подобно отдѣльнымъ людямъ и человѣчество имѣетъ свою память; эта память есть Исторія. Она обнимаетъ всѣ воспоминанія о томъ, какъ народы жили, что дѣлали, что вытерпѣли; но чѣмъ дальше эти воспоминанія уходятъ въ прошедшее, тѣмъ они дѣлаются темнѣе, непонятнѣе. Времена дѣтства народовъ покрыты непроницаемымъ для всякаго изслѣдованія туманомъ. На порогѣ, отдѣляющемъ отъ насъ дѣтскій возрастъ человѣчества, виситъ завѣса отъ неба до земли, и что сокрыто за нею, того не могъ проникнуть человѣческій умъ. Никакая человѣческая рука не въ состояніи открыть эту завѣсу.

Только рука Бога могла открыть ее. Онъ, указавшій звѣздамъ путь, по которому онѣ движутся, Онъ указалъ и народамъ ихъ пути; Онъ одинъ могъ сказать, что было въ началѣ всѣхъ вещей. И Онъ сказалъ это въ своемъ святомъ словѣ, Онъ говоритъ намъ о началѣ всѣхъ временъ и всѣхъ существъ на землѣ. Его первое слово есть Міръ, второе слово—Исторія народовъ.

Отъ дуновенія Его устъ разсѣялись туманы, покрывавшіе начало рода человѣческаго, основаніе обществъ человѣческихъ. Онъ открылъ завѣсу, Его непреходящее слово разоблачило для насъ величавый образъ происхожденія міра и первыя времена жизни народовъ на землѣ.

Въ этомъ образѣ, въ этой картинѣ обрисы возвышенны, величавы, краски живы и разнообразны, группы бездушныхъ предметовъ и живыхъ существъ прекрасны и удивительны, — нѣтъ картины, которая могла бы равняться съ этою первою картиною міра и его жителей. Это картина Божескаго всемогущества и Божественной премудрости, картина вѣчной неизреченной Божеской любви.

Такимъ образомъ Исторія является предъ нами святилищемъ Бога, у порога котораго на стражѣ поставлена истина. Только тотъ, кто любитъ мудрость, долженъ переступить этотъ порогъ, предъ его глазами откроется завѣса. Божіе слово повѣствуетъ намъ о древнѣйшей исторіи міра и человѣчества, оно содержитъ неложную память о первыхъ временахъ, неоцѣненную сокровищницу, въ которой положены воспоминанія о ранней юности всѣхъ народовъ.

ПЕРВЫЯ ВРЕМЕНА.

На Востокѣ мерцаетъ заря. Свѣжій вѣтеръ, этотъ прощальный поцѣлуй улетающей весенней ночи, вѣетъ надъ прекрасно убраннымъ садомъ. Нѣжными перстами онъ касается деревъ, украшенныхъ роскошнымъ цвѣтеніемъ, начинается тысячегласный чудный шопотъ, вѣтки дрожатъ, шелестятъ листы, безчисленные лепестки цвѣтовъ кружась падаютъ на землю. На легко движимыхъ листьяхъ липъ и акацій покачиваются первыя волны утренняго свѣта. Свѣтлыя какъ перлы капли росы виснятъ на стебляхъ дерна, который стелется подобно бархатному ковру; тонкій паръ тумана стоитъ надъ зеленою равниною. Въ срединѣ яблонь распустила свои широкіе сучья, около лиственнаго гребня красуются совершенно распустившіеся цвѣты, розовый свѣтъ играетъ вокругъ вѣнчика, который подобно зонтичной кровлѣ осѣняетъ травку внутри цвѣтка.

Ряды розъ красуются въ уборѣ, исполненномъ яркихъ красокъ. Только что пробудившаяся пчела стаями кружится надъ душистою чашечкою цвѣтка, потомъ скрывается въ полуоткрытой почкѣ агатовой розы. Вдали величаво возносится пирамида пихты, верхушка ея блещетъ въ солнечнемъ свѣтѣ. Тяжолыя вѣтви согнулись до земли. Въ чащѣ вѣтвей дроздъ разливается въ пѣсняхъ, которыхъ звуки можно сравнить съ нѣжными аккордами флейты.

Красивыя акаціи, толстостволые дикіе каштаны образуютъ тѣнистые ходы; сквозь воздушный лиственный покровъ падаютъ дрожащіе лучи свѣта. Щелкаетъ зябликъ подъ цвѣтистою кровлею вишни, въ кустахъ жасмина раздается пѣсня чернаго дрозда.

Вдали изъ буковой чащи несется голосъ кукушки, слышно воркованье дикихъ голубей, гнѣздящихся на вершинѣ буковъ. Тамъ раздается торжественная пѣсня жаворонка, который съ поля поднялся въ синюю даль неба. Повсюду неописанное богатство благоуханія и красокъ, блеска и звуковъ, прекрасныхъ и высокихъ картинъ.

Живительная свѣжесть легла на цвѣтущія деревья и травы. Мы жадно вдыхаемъ въ себя эту свѣжесть и чувствуемъ чудное дѣйствіе ея на наши силы. Все такъ величаво, нѣжно, очаровательно. Наша душа восхищена роскошью и ласкою природы, которая пышно развернула свои сокровища. Какъ глазъ невольно обращается къ чистому безоблачному небу, такъ возвышается душа къ Тому, кто живетъ на небѣ. Сердце проникается умиленіемъ предъ красою природы, въ которой Богъ открылъ намъ себя.

Небо—престолъ Его, земля—подножіе Его. Невольно изъ устъ вырывается благодарность Ему: хвали, душа моя, Господа, и все что во мнѣ хвали имя святое Его; хвали, душа моя, Господа, и не забывай всѣхъ благъ, дарованныхъ тебѣ!

Такими то, если не гораздо высшими благами, могли пользоваться Адамъ и Евва, когда они въ первый разъ окинули взорами все, окружавшее ихъ въ эдемскомъ саду. Божіе твореніе разстилалось предъ ихъ глазами въ неземной юношеской красѣ, обвѣянное дыханіемъ Того, Кто изъ ничего вызвалъ все къ бытію. Насколько прекраснѣе тогда было это твореніе, чѣмъ теперь,—тогда, когда оно было чисто какъ свѣтъ, прозрачно подобно свѣтлому кристаллу ключа, бьющаго изъ скалы! Ибо Богъ видѣлъ, что все созданное имъ хорошо. Ни одинъ неправильный звукъ не нарушалъ отношенія твореній другъ къ другу. Нигдѣ не проявлялось неудовлетворенныхъ желаній, нигдѣ не видно было зависти, недовѣрія и вражды. Миръ Божій исполнилъ все. Его святое дыханіе проникало все живущее. Первые люди дѣлили съ своимъ создателемъ неизреченное блаженство.

О если бы это блаженство осталось съ ними на вѣки! Такъ и было бы, если бы желаніе не породило грѣха, за которымъ слѣдовала вина и наказаніе.

Вслѣдъ за грѣхопаденіемъ исчезло благословеніе, мѣсто его заступило проклятіе. Голосъ прогнѣваннаго Господа отдается въ саду. Онъ указываетъ Адаму вину его, и когда Адамъ старался оправдаться ничтожными предлогами, хотѣлъ смягчить вину своего непослушанія, голосъ Бога, вѣчно праведный, разбиваетъ въ прахъ его неосновательныя увертки. Наказующее, и въ тоже время заключающее въ себѣ милость, Божіе слово уничтожаетъ всякое счастіе рая: «Въ потѣ лица твоего долженъ ты ѣсть хлѣбъ твой, до тѣхъ поръ, пока возвратишься въ землю, изъ которой былъ взятъ.» Трудъ и работа вотъ противоядіе всякому желанію злому, всякому искушенію; смерть представляетъ возможность воскресенія для вѣчной жизни. Среди ужаса наказанія звучитъ кроткій голосъ Божескаго милосердія, подающій надежду избавленія изъ узъ грѣха: потомство человѣка должно стереть главу змія, прельщенный побѣдитъ обольстителя!

Но святое обладаніе Эдемомъ потеряно, Богъ изгоняетъ человѣка изъ рая и ставитъ ангела съ обнажоннымъ мечемъ у воротъ Эдема, которыя, разъ запертыя, не должны больше растворяться. На первой страницѣ исторіи людей Богъ проявилъ свою благодать въ неизгладимыхъ чертахъ; на второй страницѣ, которая теперь начинается, человѣкъ заявилъ себя грѣхомъ на память потомству.

Опустивъ въ смущеніи взоры къ землѣ, съ горемъ и мученіемъ на сердцѣ, въ потѣ лица, Адамъ съ тяжкимъ трудомъ обработываетъ поле. Много на немъ волчцовъ и терній, мало полезныхъ для него плодовъ. И жена раздѣляетъ съ мужемъ тяжкое бремя труда. Съ утра до вечера тянется скучная работа, и только хлѣбъ насущный пріобрѣтенъ, не больше. Когда солнце уходитъ на закатъ, мирно восхо-

дятъ звѣзды на небѣ, тихо разстилается покровъ ночи надъ земною поляною, звѣри лѣсовъ ищутъ себѣ покойнаго мѣста, птицы затихли въ своихъ гнѣздахъ, цвѣты закрыли свои чашечки, чтобы ночной вѣтеръ не разсѣялъ нѣжной цвѣточной пыльцы, они склонили въ умомленіи головки—все предалось освѣжающей дремотѣ. Луна поднимается по усѣянному звѣздами небу и свѣтитъ нѣжнымъ сіяніемъ; тихій пастырь ночи, она медленно проходитъ чрезъ горныя вершины и глубокія долины; само безпокойное море затихаетъ, лишь тихо всплескиваютъ его волны, но и онѣ улегаются, чтобы отдохнуть отъ борьбы съ волнующими его бурями. Только человѣкъ не находитъ нигдѣ себѣ покоя. Онъ хотѣлъ испытать Бога, и миръ отлетѣлъ отъ него! Онъ сдѣлался непокорнымъ своему Творцу, кто же теперь примиритъ Его съ нимъ? Сонъ бѣжитъ отъ очей его, голосъ совѣсти мучитъ его, онъ желалъ бы молиться и не можетъ, хотѣлъ бы испросить прощеніе,—не можетъ. Кто возвратитъ ему потерянное счастье? Ночь такъ мрачна, сердце его еще мрачнѣе, ночь такъ долга, но еще долѣе будетъ кара за его грѣхъ.

Наконецъ мерцаетъ утро, наступаетъ день; солнце выходитъ изъ воротъ неба, оно такъ чисто, свѣтло, похоже на солнце эдемскаго сада. Съ возвратившимся свѣтомъ дня не возвратится ли свѣтъ благости Божіей? Не придетъ ли вмѣстѣ съ нимъ часъ обѣщаннаго прощенія? Адамъ поспѣшно встаетъ. Руками, покрытыми мозолями, онъ беретъ заступъ, чтобы взрывать неподатливую почву. Онъ схватилъ колкій волчецъ, и вотъ по пальцамъ течетъ кровь;—вредная трава крѣпко держится на корнѣ. Наконецъ удалось вырвать ее, съ негодованіемъ бросаетъ онъ траву, ни къ чему негодную, въ сторону. Тутъ крапива тянется къ нему своими морщинистыми листьями; онъ схватилъ ее мощною рукою, дернулъ и бросилъ въ сторону. Но рука его горитъ, какъ будто въ огнѣ. Тернистый кустарникъ требуетъ отъ него

новыхъ усилій. Не смотря на жгучую боль отъ крапивы, Адамъ вырываетъ кустарникъ изъ негостепріимной почвы; огромный камень лежитъ у ногъ его, усталый работникъ пытается поднять его руками,—но напрасно. Нужно сначала обкопать землю вокругъ камня, тогда только удастся, и то съ большими усиліями, сдвинуть его съ мѣста. Въ изнеможеніи падаетъ онъ у рва. Потъ ручьемъ течетъ съ лица на грудь и плечи. Глаза его поднимаются къ небу. Какъ много, какъ безконечно много приходится ему поплатиться за свою вину! Онъ склоняетъ глаза, влажные отъ слезъ, къ землѣ, предъ нимъ ровъ, это могила человѣка. Туда положатъ его, когда онъ окончитъ горестную жизнь, чтобы онъ обратился въ землю, изъ которой взятъ. А душа его, его безсмертный умъ, дыханіе божеское въ его груди: что будетъ съ нею? Жизнь или смерть? Вопросъ труденъ, кто дастъ на него отвѣтъ?

Но чу! что-то тамъ слышится. Съ поля пронесся глухой стукъ, словно упало что-то тяжолое. Послышался какой-то зловѣщій голосъ, потомъ опять все тихо. Адамъ вскочилъ. Какое ужасное зрѣлище ожидаетъ тебя, отецъ! Предъ тобою два алтаря, на одномъ лежитъ жертва изъ плодовъ, на другомъ куски мяса убитаго ягненка. Это мѣсто жертвоприношенія твоихъ сыновей Каина и Авеля. Но гдѣ же Авель? Не подходи сюда: мѣсто молитвы сдѣлалось мѣстомъ убійства. Авель лежитъ въ крови около своего алтаря; онъ пораженъ на смерть буйною рукою своего брата. Голосъ крови убитаго вопіетъ отъ земли къ Господу!

Съ ужасомъ смотритъ отецъ на страшное злодѣяніе сына. Вотъ плодъ собственнаго его непослушанія, слѣдствіе собственнаго грѣха. Непослушаніе Адама, братоубійство Каина: начался безконечный рядъ грѣховъ, онъ тянется непрерывно, и цѣпь ихъ охватила собою все потомство людей.

* * *

Прошли годы, миновали столѣтія—снова загорѣлась заря утренняя, солнце такъ же прекрасно и ярко какъ и прежде было, когда Адамъ вставалъ съ своего безсоннаго одра. Уже давно похоронили его. Потомки Каина потянулись на востокъ въ землю Нодъ. Вмѣсто Авеля дарованный праотцамъ сынъ, Сиѳъ, также оставилъ многочисленное потомство. Потомство братоубійцы оказалось смышленымъ во многихъ искусствахъ и ремеслахъ, но безбожнымъ и забывшимъ Бога. Потомки Сиѳа вели благочестивую, богобоязненную жизнь и сохранили вѣру въ единаго истиннаго Бога и въ обѣщаніе искупителя. Но земля, обремененная проклятіемъ за грѣхопаденіе, не можетъ носить на себѣ людей. Сношенія потомковъ Каина съ потомками Сиѳа заразили и послѣднихъ своимъ нечестіемъ. Это былъ могучій народъ на землѣ, славные люди, они ѣли и пили, но забыли о своемъ Богѣ. Милость Бога истощилась, наступилъ судъ Господа.

На тверди небесной собираются облака, и въ теченіи 40 дней и 40 ночей безпрерывно источаютъ дождь на землю. Выступили изъ подъ земли ключи, надулись ручьи, рѣки выступили изъ береговъ, море покатило волны по сушѣ. Съ шумомъ стремятся воды съ горъ въ долины, зашумѣли они по ущельямъ и наводнили низменности: затѣмъ неудержимая волна покрываетъ пашни и луга. Все, что только дышетъ и движется, бѣжитъ къ возвышеніямъ, звѣри и люди. Они карабкаются на лѣсныя высокія деревья, на вершинахъ они отдыхаютъ отъ напряженія, съ которымъ добрались до вершины; они взираютъ на небо, ожидая оттуда спасенія. Но не прерывается дождь, у ногъ ихъ бушуетъ волна, со дня на день поднимается она все выше и выше; вотъ волна охватила древесные пни, она размываетъ землю у корней, съ грохотомъ валятся лѣса;

искавшіе спасенія на вершинахъ находятъ гробы во всепоглощающихъ волнахъ. Но горы еще высятся надъ водною пустынею. Онѣ покрыты тысячами народа. Многіе изъ нихъ уже погибли отъ голода и жажды. Другіе, не смотря на продолжающіеся проливные дожди, еще не вовсе потеряли надежду на спасеніе жизни. Но воды, затопившія лѣса, все поднимаются выше и опоясываютъ горы. Съ каждымъ днемъ онѣ близятся къ вершинамъ горъ, какъ къ своей цѣли, и ничто не въ состояніи остановить ихъ. Еще и еще разъ взошло солнце. Когда появилась на востовѣ послѣдняя утренняя заря, страшный видъ представляла земля,—но главные ужасы скрыла ночь въ своемъ мракѣ. Горы исчезли, взорамъ могло представиться одно необъятное море. Все, что создалъ Господь, все стерла съ лица земли морская волна.

Одинъ Ной обрѣлъ милость у Господа. Въ баркѣ, построенной по повелѣнію Бога и по Его указанію, онъ спасся съ своимъ семействомъ и съ животными, взятыми въ барку, отъ страшнаго наказанія. Когда вода начала убывать, барка остановилась на горѣ Араратѣ, и подъ аркою мира (радуга) Господь заключилъ съ Ноемъ завѣтъ и благословилъ Ноя. Онъ былъ второй праотецъ рода человѣческаго, который отъ него снова распространился по землѣ.

ПЛЕМЕНА ЛЮДЕЙ. НАЧАЛО ОБЩЕЖИТІЯ.

Человѣкъ изгнанъ былъ изъ рая. Вавилонская башня осталась недоконченною. Исполинское зданіе, долженствовавшее служить къ соединенію всѣхъ людей въ одно общество, служило причиною ихъ разсѣянія. Смѣшеніе языковъ имѣло слѣдствіемъ разсѣяніе народовъ. Потомки трехъ сыновей Ноя пошли съ первоначальнаго общаго мѣста жительства странствовать и заселили мало по малу всю землю. Но при этомъ у нихъ осталась память объ ихъ общемъ происхожденіи, почему сдѣлалось возможнымъ новое соединеніе ихъ въ общества, и въ тоже время подъ вліяніемъ климата, пищи и пр. выработывалось различіе ихъ внѣшняго вида, ихъ образа жизни, склада ихъ ума. Такъ всѣ народы земли соединились въ три большихъ семейства и въ пять расъ.

Прошли столѣтія, прежде чѣмъ племена, разсѣявшіяся по землѣ послѣ смѣшенія языковъ, осѣлись прочно на выбранныхъ ими мѣстахъ; однѣ раньше, другія позже начали вести оседлую жизнь; первыя выступаютъ подъ опредѣленными именами на сцену исторіи, вторыя постоянно мѣняютъ мѣста жительства, равно какъ и названія.

Семиты (потомки Сима) образовали Израильскій народъ, Персидскій, Ассирійскій, Халдейскій и Арабскій. Къ Хамимамъ принадлежатъ Египтяне, Ливійцы и Нубійцы, Еѳіопы и народы средней Африки; равно первобытные жители Крита, Индіи, Канарскихъ и Азорскихъ острововъ, также народы Южной Аравіи, которые потомъ заняли мѣста по берегу Чермнаго моря, долину Іордана и восточные берега Средиземнаго моря. Іафетиты суть жители Сѣверной и Средней Азіи, Мидяне, Индійцы и Малоазійцы, равно какъ въ Ев-

ропѣ Пеласги (Греки и Римляне), жители нижняго Дуная и Испанскаго полуострова, Германцы, Кельты, Славянскія и Финнскія племена.

Въ другомъ видѣ представляется намъ народонаселеніе земнаго шара, если мы обратимъ вниманіе не на семейства, а на расы (племена), къ которымъ принадлежатъ разные народы. Монгольское племя заключаетъ въ себѣ жителей восточной Азіи, восточнаго полуострова Остъ-Индіи, Китайцевъ, Японцевъ, Камчадаловъ, а въ Европѣ Лапландцевъ, въ Америкѣ Эскимосовъ и Гренландцевъ. Къ Еѳіопскому племени принадлежатъ въ Африкѣ Кафры и Готтентоты, Папуанцы Восточной Индіи и островитяне Тихаго Океана. Первые имѣютъ желтый, даже свѣтлокоричневой цвѣтъ тѣла, послѣдніе темный, и волнистые совершенно черные волосы. Австралійское племя темнокожее, съ гладкими волосами живетъ въ Новой Голландіи, Новой Гвинеѣ и на Малайскихъ островахъ. Американское племя темножолтаго цвѣта, иногда краснаго, живетъ въ Америкѣ, именно въ Мексикѣ и Перу. Наконецъ къ Кавказскому племени принадлежатъ всѣ народы бѣлаго цвѣта съ разными его оттѣнками даже до темныхъ Индійцевъ: всѣ Европейцы, исключая Лапландцевъ, народы, населяющіе Азію по сю сторону Ганга и Гималайскихъ горъ, жители сѣверной Африки и Нильской долины. Это послѣднее племя есть самое благообразное и даровитое изъ всѣхъ племенъ.

По различію мѣстъ жительства, дарованій и стремленій разныхъ народовъ, и занятія ихъ были различны; дѣятельность народовъ развивалась все шире въ слѣдствіе увеличенія потребностей, изобрѣтеній и разнообразной ихъ дѣятельности.

---

* * *

Свѣтлое небо простирается надъ знойною степью. На дальнемъ горизонтѣ мелькаетъ цѣпь не слишкомъ высокихъ горъ, которыхъ очертанія сливаются съ синеватыми облаками горизонта. Горы до самой вершины покрыты темнымъ лѣсомъ, у подножія ихъ зеленѣющія поляны. Это плодородная луговая страна, разстилающаяся по степи; она покрыта травою и цвѣтами, изрѣзана ручейками, будто серебряными нитями; они всѣ идутъ къ одной рѣчкѣ, которой источникъ находится далеко въ горахъ, съ которыхъ рѣчка каскадами стремительно прыгаетъ внизъ. Тутъ покоится стадо длинношейныхъ верблюдовъ, вяло пережевывающихъ душистую траву; тамъ рогатый скотъ лѣниво сгибаетъ шею и клонитъ голову къ сочной травѣ. Табунъ стройныхъ коней, преслѣдуемый буйволомъ, со ржаніемъ скачетъ чрезъ поляну; долгія гривы развѣваются въ воздухѣ, некованное копыто едва касается земли, широкія фыркаютъ ноздри; бодливо устремивъ рога, гонится за ними неповоротливый буйволъ. По скатамъ горъ взбираются снизу вверхъ дикія козы, ища сладкаго стебелька между камнями, неприхотливая овца подбираетъ траву, оставшуюся на томъ мѣстѣ, гдѣ только что паслось стадо рогатаго скота. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ каменистая почва не дала зелени, гдѣ растутъ лишь колючія травы да терпъ, добродушные бродятъ ослы, ихъ дикіе вопли раздаются въ долинѣ и подымаютъ стаю хищныхъ птицъ, которыя жадно раздирали трупъ издохшей лошади. Съ шумомъ поднимается стая, нѣкоторое время кружится надъ падалью, зорко высматривая, не миновала ль опасность. Тогда снова спускается она на добычу съ быстротою стрѣлы и снова принимается за отвратительный обѣдъ.

На право виднѣются ряды шалашей, пріютъ пастуховъ, которымъ принадлежатъ эти стада. Рѣзвая толпа дѣтей

шумитъ у ручья; онѣ собираютъ въ пескѣ пестрые камешки и стараются перекинуть ихъ на другой берегъ ручья. Предъ шалашами женщины готовятъ обѣдъ. Онѣ зажигаютъ сухіе прутья и на длинныхъ веретелахъ жарятъ жирныя берца ягненка.

Это племя кочевниковъ, которое здѣсь остановилось на нѣсколько времени. Оно не заботится о завтрашнемъ днѣ, его привлекаетъ одна зелень пастбища, дающаго стадамъ довольно корму, и свѣжій ключъ, изъ котораго оно можетъ черпать воду для утоленія жажды. Когда травы не достаетъ для стада, шалаши разбираются, все племя приходитъ въ движеніе и ищетъ себѣ новаго пастбища. Такъ переходитъ оно съ мѣста на мѣсто, живя вольною, независимою жизнью. Произведенія скотоводства удовлетворяютъ его небольшимъ потребностямъ, овца доставляетъ ему матеріалъ для одежды, верблюдъ и рогатый скотъ молоко для пищи. Гостепріимное въ отношеніи къ чужеземцу, оно не знаетъ другаго врага, кромѣ хищнаго звѣря, который ночью вздумаетъ забраться въ его овчарню. Глазъ кочевника дальнозорокъ, подобно глазу моряка, его сердце способно получать впечатлѣнія отъ явленій природы; важный и разсудительный въ сношеніяхъ съ другими людьми, кочевникъ обладаетъ поэтическимъ чувствомъ. Вечеромъ, когда луна проливаетъ свой серебристый свѣтъ на богатую лугами степь, палатки номадовъ оглашаются пѣснями нѣжными и мелодическими, а юноши, собравшись вокругъ пылающаго костра, слушаютъ фантастическія сказки стариковъ.

Другой видъ представляетъ жилище племени земледѣльческаго. Близко другъ къ другу стоятъ прочно построенныя жилища; плотная крыша охраняетъ ихъ отъ ненастья. Тихая, безмолвная ночь покоится надъ селеніемъ; только изрѣдка прерываетъ торжественную тишину лай собаки, вѣрнаго стража дома. Но вотъ исчезаютъ ночныя тѣни, начинаетъ разсвѣтать, отворяются ворота домовъ, пожилые

люди и молодые парни выходятъ въ поле. Одни подымаютъ землю плугомъ и заступомъ, другіе сѣютъ въ борозды сѣмена. Солнечная теплота и дождь даютъ пищу зерну. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и поля покрылись волнующеюся зеленью, вотъ колосья уже полны и зрѣлы. Раздается въ воздухѣ пѣсня жнецовъ, восклицанія тѣхъ, которые вяжутъ снопы и везутъ жниво въ гумно. За осенью идетъ суровая, холодная зима, которая не дозволяетъ много работать внѣ дома. Вьюга бушуетъ на сжатомъ полѣ, дождь и снѣгъ попеременно выпадаютъ на землю. Чѣмъ холоднѣе, чѣмъ ненастнѣе погода, тѣмъ удобнѣе и веселѣе дома у горящаго камина и на току въ гумнѣ. Здѣсь хлѣбъ молотятъ, просѣваютъ и приготовляютъ везти на мельницу. Тутъ поправляютъ земледѣльческія орудія, изготовляютъ новыя; длинные вечера сокращаетъ старикъ разсказомъ изъ воспоминаній жизни и правоученіями своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Племя, обработывающее землю—это мирный, спокойный народъ; онъ не заражонъ славолюбіемъ, скорѣе самодоволенъ, осмотрителемъ, остороженъ. Онъ любитъ сношенія съ другими народами, но далекъ отъ всякаго расположенія къ кочевой жизни; на томъ мѣстѣ, гдѣ родился дѣдъ, вырываетъ для него могилу внукъ, и самъ ляжетъ возлѣ него, когда пробьетъ его часъ.

* *
*

Суровая, гористая страна лежитъ предъ нашими глазами. Темный лѣсъ покрываетъ вершины и спуски скалистыхъ горъ. Сквозь мрачное ущелье пробивается ручей, весело журча спускается онъ по гранитному подножью; волна съ пѣною разбивается о скалу, которая встрѣчается ей на пути, но рѣчка пролагаетъ себѣ дорогу по обѣимъ сторонамъ скалы и съ шумомъ падаетъ по узкому, крутому ложу. Тонкій еловый лѣсъ, стоящій на вершинѣ горы, гнет-

ся подъ бурею, которая гонитъ надъ нимъ мрачный строй облаковъ. Въ глуши буковаго лѣса, у подножія горы живетъ племя животныхъ, на которыхъ можно охотиться: олень съ многовѣтвистыми рогами, быстрая коза, съ острыми клыками кабанъ.

Надъ узкою долиною въ скалахъ кружится коршунъ; на берегу рѣчки, тамъ, гдѣ сквозь разсѣлину скалы солнце проглядываетъ въ мрачную узкую лощину, гнѣздится хищная выдра и грѣется на солнцѣ. На вершинахъ сосны и вѣковыхъ дубовъ воркуетъ дикій голубь. Съ громкимъ карканьемъ дружно живущее стадо воронъ тащитъ хворостники для гнѣзда на самыя верхушки дерева. На суковатомъ дубу изъ подъ листьевъ выглядываетъ дикая кошка, она подстерегла рѣзвую векшу, которая неосторожно карабкалась по дереву, и раздирала ее сильными когтистыми лапами. Но и ея часъ пробилъ: лисица, посматривавшая съ высокаго пня на неровный бой, бросается на хищницу безжалостную, хватаетъ ее и спускаетъ ей шкуру съ шеи на голову. Но въ тоже время въ смертельномъ бою сама падаетъ на землю, обрызганная кровью своей соперницы. Своими острыми когтями кошка разорвала грудь и животъ лисицы. Веселая стая коршуновъ ликуетъ надъ двумя трупами.

Тамъ, гдѣ скала выдается въ долину, или гдѣ на крутомъ спускѣ утеса образовался гротъ, въ которомъ можно найдти нѣкоторое убѣжище отъ вѣтра и непогоды, тамъ устроилъ человѣкъ себѣ жилье. Охота—его промыслъ, его занятіе, его развлеченіе. Кожа медвѣдя, котораго онъ подкараулилъ изъ за утеса, развѣдавъ въ лунную ночь, какою дорогою лѣсной житель ходитъ къ ручью пить, служитъ для него постелью. Безстрашно карабкается онъ за серною по самымъ крутымъ скаламъ, онъ слѣдуетъ за нею и перепрыгиваетъ смѣло бездонную пропасть; послѣ безустанной погони наконецъ вѣрный выстрѣлъ доставляетъ добычу въ руки охотника. Его не страшитъ мрачная чаща, онъ

идетъ смѣло въ нее, высматривая слѣдъ вепря, онъ не боится борьбы съ страшнымъ звѣремъ; онъ его отыскиваетъ и охотничій ножъ не измѣнитъ ему. Высоко взвилась стрѣла изъ лука, и убитая дикая утка падаетъ къ ногамъ, утка столько разъ въ своихъ странствованіяхъ къ югу перелетавшая гору. Зимою, когда на горахъ лежитъ снѣгъ, голодный волкъ снуетъ вокругъ его жилища, ища себѣ добычи; привыкшаго къ опасности охотника не смутитъ страшный вой; изъ хитро устроенной засады онъ вѣрно пускаетъ легкую стрѣлу въ грудь хищника.

Грубы его нравы, грубы мысли, подобно его ремеслу: его мысль любитъ лишь бой, его сердце черство. Не смотря на то, что онъ малымъ довольствуется, онъ не презираетъ земныхъ благъ. Онъ всегда готовъ помочь купцу, везущему товаръ по горной тропинкѣ, облегчить тяжко нагруженнаго верблюда, онъ охотно пристанетъ къ шайкѣ удалыхъ друзей для нападенія на мирнаго земледѣльца долинъ, или на скитающагося въ степи номада. Для него, какъ привычнаго къ борьбѣ съ звѣрями, бой съ людьми составляетъ пріятное разнообразіе. Обремененный добычею, возвращается онъ побѣдителемъ въ свое убѣжище.

* *
*

Море глубоко врѣзалось въ землю. Заливъ или бухта окружена съ одной стороны зеленѣющею возвышенностью, съ другой простирается плодоносная равнина. Здѣсь поселился смѣлый, предпріимчивый народъ. Волны, постоянно прибивающія къ берегу и уходящія отъ него, какъ будто манятъ человѣка довѣриться съ легкою лодкою перегибающимся хребтамъ ихъ. Заманчиво зоветъ къ себѣ невѣдомая даль, къ тому мѣсту, гдѣ сошлись небо и земля. Желаніе видѣть, что находится тамъ далеко, дѣлаетъ человѣка изобрѣтательнымъ. Для дальняго плаванія недостаточно

челна, приготовленнаго изъ выдолбленнаго пня. И вотъ строятся корабли, черепокъ раковины представляетъ модель для образца. Силы веселъ недостаточно для того, чтобы справиться съ волною въ открытомъ морѣ. Вѣтеръ, волнующій море на зло моряку, является на службу ему, дѣлается силою, движущею судно. Въ срединѣ судна ставятъ высокую мачту, вѣшаютъ къ ней парусъ, а руль на задней части корабля вѣрно направляетъ корабль чрезъ безпокойныя волны. Въ даль смотритъ острый носъ судна, въ даль правитъ смѣлый морякъ по необозримой водной пустынѣ. Много дней и ночей проходитъ, а видитъ онъ только небо да воду. Часто солнце смотрится въ спокойно струящихся водахъ, часто буря поднимаетъ волны до носовой части корабля, часто корабль готовъ упасть въ пѣнящуюся бездну. Наконецъ мелькаетъ въ туманной дали берегъ чужой земли. Труды плаванія забыты, и мореходецъ пристаетъ къ берегу, цѣли его желаній. Здѣсь вступаетъ онъ въ сношенія съ чужземнымъ народомъ, который гостепріимно обращается съ чужестранцемъ. Обоюдная потребность облегчаетъ обмѣнъ мыслей, любопытство подстрекаетъ узнать чужеземца. Чего недоставало туземцу, то есть у чужеземца, что послѣднему нужно, знаетъ первый. Ремесленныя издѣлія, произведенія разныхъ странъ вымѣниваются,—и съ сокровищами новой земли возвращается мореходецъ домой по тѣмъ же шумящимъ волнамъ.

* *

Тамъ гдѣ рѣка катитъ по равнинѣ свои прозрачно-чистыя воды, окаймленныя покатыми берегами, основалъ свое мѣсто жительства трудолюбивый, рабочій народъ. Домы построены прочно, стѣны изъ дерева, камня или кирпича, съ надежною, плотною крышей. Жители собираютъ произведенія своей земли, которыя пріобрѣтаютъ какъ собственнымъ

воздѣлываніемъ земли, такъ и мѣною; изъ льна они приготовляютъ искусныя ткани, изъ желѣза нужныя ремесленныя орудія, они дѣлаютъ изъ дерева многіе домашніе сосуды и все это очень искусно. Если такого рода производство достаточно развилось, то предметами онаго нагружаютъ животныхъ, употребляемыхъ для ѣзды, и караванъ отправляется съ товарами въ чужую землю. Рано утромъ онъ подымается, останавливается тамъ, гдѣ свѣжій ключъ бьетъ изъ земли, тутъ онъ располагается на отдыхъ или стоянку и поитъ своихъ животныхъ. Плодъ финиковой пальмы, молоко верблюда составляютъ пищу ѣдущаго купца. Онъ довольствуется очень малымъ въ своемъ путешествіи, его мысль устремлена на то, какъ бы изъ обмѣна своихъ товаровъ получить побольше барыша. Какъ ни труденъ путь, какъ ни опасенъ, но купецъ не боится ни пустыни степей, ни вихря поднимающаго пески, застилающаго глаза и ротъ; его не страшитъ обманчивая игра *Фата Моргана*, ни лежащія по сторонамъ уединеннаго пути груды костей людскихъ и верблюжьихъ, эти люди погибли отъ ужасовъ пустыни, отъ бѣдствій въ пути. Но мужественно идетъ купецъ, глазъ его смотритъ въ даль; положеніе солнца и звѣздъ, движеніе облаковъ, полетъ птицъ пустыни служатъ ему надежнымъ путеводителемъ. Дни, недѣли и мѣсяцы видитъ онъ подъ собою только пески, надъ собою небо; но взятый провіантъ приходитъ къ концу, вода въ кожаныхъ мѣхахъ начинаетъ портиться; путникъ истомленный едва движется, задыхаются и едва бредутъ животныя съ грузомъ. Но тутъ цѣль путешествія достигнута: предъ купцомъ ярмарка, и за всѣ перенесенныя тяжести вознаграждаетъ хорошій барышъ. Съ цѣнными произведеніями чужаго климата, которыя онъ вымѣнялъ на свои товары, возвращается въ свое отечество путешественникъ, полный довольства.

Даже на негостепріимномъ берегу моря человѣкъ съумѣлъ устроить себѣ мѣсто жительства. Море, постоянно прибы-

вающее волны на пустынный берегъ, не мѣшаетъ ему строить себѣ домъ; въ низенькихъ землянкахъ, которыхъ кровля едва возвышается надъ поверхностью земли, онъ находитъ себѣ прiютъ. Долго тянущееся суровое время года употребляетъ онъ на то, чтобы плести себѣ сѣти, и когда пахнетъ свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ весны, когда солнце заблеститъ на безоблачномъ небѣ, тогда сколачиваетъ человѣкъ свой попорченный, часто только изъ звѣриныхъ кожъ устроенный челнъ, и на немъ пускается въ море. Тутъ онъ погружаетъ сѣти въ воду, терпѣливо ждетъ, скоро ли опустится въ воду плавающiй значекъ. Тогда тянетъ онъ осторожно, но съ надеждою на богатую ловлю, свою сѣть изъ глубины, причаливаетъ къ берегу, чтобы схоронить въ удобномъ мѣстѣ живую добычу. Но при постоянно однообразныхъ занятiяхъ такого рода, кругозоръ мысли его не расширяется, онъ не знаетъ желанiй, которымъ онъ не могъ бы удовлетворить; образецъ довольства почти безъ потребностей, онъ не чувствуетъ недостатка духовнаго образованiя и общественной жизни. Бѣдность его удѣлъ, но ея онъ не ощущаетъ, не чувствуетъ.

РЕЛИГІОЗНЫЙ КУЛЬТЪ.

Чудная, теплая ночь легла на землю. На синеголубомъ небѣ блестятъ планетарнымъ свѣтомъ неподвижныя звѣзды, которымъ нѣтъ числа. Образъ Большой Медвѣдицы ушелъ далеко на сѣверъ, въ туманѣ горизонта плавалъ Поляръ съ красноватымъ отблескомъ. Противъ него высоко на южномъ небосклонѣ красовалось великолѣпное созвѣздіе Оріона, подобно алмазамъ блисталъ поясъ; группа Плеядъ свѣтлѣла млечнобѣлымъ свѣтомъ на хребтѣ Тельца. Еще ниже искрился Сиріусъ въ созвѣздьи Пса. Млечный путь простирался по небосклону, мерцая тихимъ, нѣжноплывучимъ свѣтомъ. Тамъ, гдѣ онъ раздвоялся, Лебедь простиралъ свои золотыя крылья, въ сторонѣ отъ него сіяла Гемма въ Вѣнцѣ, противъ нея Атаиръ въ Орлѣ. Далеко внизу на горизонтѣ свѣтлѣли матовымъ свѣтомъ созвѣздія Водолея, Рыбъ и Вѣсовъ. Торжественная тишина царствовала на равнинѣ къ югозападу отъ Каспійскаго моря; безмолвно совершали звѣзды свой незримый путь, природа праздновала дивную, святую ночь.

Вотъ вспыхнулъ востокъ. Въ широкихъ волнахъ свѣта заколебалось золотое сіяніе, достигшее разомъ зенита. И изъ этого моря свѣта, окаймленнаго на крайнемъ предѣлѣ легкимъ туманомъ, поднимается медленно, въ спокойномъ величіи, пастырь звѣздъ — луна. Среди степи собралась толпа Мидянъ, мужей и женщинъ. Бѣлыя праздничныя одежды мерцаютъ при свѣтѣ луны; подобно привидѣніямъ суетятся едва распознаваемые образы. Голова мужчинъ укра-

шена пестрымъ покрываломъ, изъ подъ котораго черные волосы падаютъ на плечи, вѣтеръ играетъ волнующимися покрывалами женщинъ и шумитъ по равнинѣ. Странная пляска начинается подъ немелодическій тактъ нескладной музыки, замысловатая мимика сопровождается конвульсивными движеніями, перегибами всего тѣла, размахами рукъ, поднятіемъ и опусканіемъ ногъ. Среди пляшущихъ стоитъ алтарь, сдѣланный изъ дикаго камня, на который возложенъ большой костеръ изъ дерева. Загорѣлся сначала одинъ факелъ, отъ него посыпались искры и сильное пламя поднялось отъ алтаря вверхъ. Подлѣ алтаря жрецы заняты приготовленіемъ жертвоприношенія; они закалываютъ жертвенныхъ животныхъ. Куски окровавленнаго мяса они обвертываютъ кожею и бросаютъ въ горящій костеръ, остальное откладываютъ къ обѣду. Черныя облака дыму вьются къ небу, окаймленному на окраинѣ золотистымъ блескомъ луны.

Наконецъ жертвенное пламя начинаетъ потухать, шумная музыка замолкла, окончилась пляска. Мущины и женщины въ изнеможеніи падаютъ на землю, и сидятъ съ подогнутыми подъ себя ногами, скрестивши руки на грудь. Жрецы приближаются къ алтарю медленною, полною достоинства поступью, становятся вокругъ алтаря; ихъ блѣдныя лица освѣщены краснымъ пламенемъ потухающаго костра. Они шепчутъ непонятныя молитвы, то запоютъ протяжнымъ тономъ, то вдругъ понесутся отъ нихъ неистовые отрывочные звуки. Иногда имъ вторитъ вся собравшаяся толпа, и звуки подобно раскатамъ грома отдаются въ воздухѣ. Вой шакаловъ, которые вдали ждутъ своего времени, чтобы поживиться остатками жертвенныхъ животныхъ и рыщутъ вокругъ мѣста жертвоприношенія, сливается съ невнятными криками собравшихся на праздникъ. Луна идетъ все выше по небу, и все яснѣе обрисовываются магически освѣщенныя группы тѣхъ, которые молятся этому свѣтилу и въ честь его устроили ночной праздникъ. Звѣзды блѣднѣютъ

по мѣрѣ возрастающаго сіянія владыки полуночи и песокъ степи лучеобразно отражаетъ лунный свѣтъ.

Послѣ жертвенной церемоніи начинается жертвенный обѣдъ. Толпы расположились большими и малыми группами другъ возлѣ друга. Нѣтъ недостатка въ сочныхъ кускахъ мяса, ни въ опьяняющихъ напиткахъ. Съ каждою минутою разговоръ дѣлается живѣе, являются шутки, смѣхъ, пѣсни, сильные взрывы радости и веселья слѣдуютъ другъ за другомъ. Когда собраніе уже довольно пресыщено, начинается опять игра и пляска, дикое разгулье оглашаетъ воздухъ.

Тогда повѣялъ ночной вѣтеръ своими незримыми крылами, темное облако явилось на западѣ. Оно прикрыло свѣтлый образъ луны и мракъ покрылъ безпорядочную оргію поклонниковъ луны.

Когда поутру восходитъ солнце на востокѣ, оно освѣщаетъ стадо шакаловъ, которые тоже празднуютъ надъ остатками жертвоприношенія, валяющимися по песку.

* *
*

Индія, волшебная страна земнаго шара, есть отечество хотя фантастическаго, но въ то же время проникнутаго высокимъ смысломъ міросозерцанія. Три силы природы, преимущественно предъ прочими, наполняютъ вселенную. сила свѣта дающая жизнь.—Индра, сила питающая и поддерживающая (сохраняющая)—Варуна, и сила разрушительная огня—Агни.

Индра есть высшій изъ боговъ, владыка Неба, онъ потрясаетъ горами и пускаетъ молнію; онъ направляетъ солнце по своду небесному; онъ утвердилъ нестройную, колеблющуюся землю и поставилъ прочно горы, далъ мѣру и границы воздуху, и утвердилъ небо. Златоблестящія лошади возятъ его колесницу, высоко и грозно стоитъ онъ на ней съ громовыми стрѣлами въ рукѣ. Такъ онъ несется по небу

и разсѣкаетъ облака молніею, чтобы они источали дождь, нужный землѣ. Онъ владыка боговъ, верховный повелитель всѣхъ народовъ; голова его имѣетъ тысячу глазъ, которые все видятъ, онъ все знаетъ, всѣми повелѣваетъ. «Индру призываемъ мы въ бою, какъ помощника, поражающаго молніею. Великъ нашъ Индра издавна, да будетъ хвала громовержцу, велика сила его какъ сила неба. Онъ вѣдаетъ стези небесныя, по которымъ несется въ быстроконномъ бѣгѣ. Индра сильнѣйшій между богами, ты всемогущій, прекраснѣйшій!»

Варуна проложилъ стезю солнцу и произвелъ огромные потоки рѣкъ; сила его сосредоточена между небомъ и землею. Міръ движется по его законамъ, ему повинуется владыка звѣздъ, онъ есть всенаполняющій воздухъ. Великій и необъятный какъ океанъ, особенно онъ бодрствуетъ ночью, управляетъ бурями и облаками, источающими дождь. Онъ поддерживаетъ и хранитъ слабыя творенія; отъ него исходятъ болѣзни, оковы и узы, которыми онъ вяжетъ людей. Шумящій вѣтеръ есть его дыханіе, благодаря которому птицы летаютъ въ воздухѣ, а корабли плаваютъ по морямъ. Изъ глубины потоковъ выходитъ онъ и несется на морскомъ чудовищѣ; по его повелѣнію рѣки идутъ изъ своихъ источниковъ и наполняютъ океанъ.

Агни, хранитель огня, даже самъ жертвенный огонь, есть первый жрецъ и владыка жертвоприношеній. Онъ рожденъ изъ тренія двухъ деревьевъ жрецами на зарѣ; его, свѣтоноснаго, жрецы положили на дрова, и вотъ онъ, высокочтимый, живетъ въ каждомъ домѣ, разливая богатства. Въ растеніяхъ живетъ онъ въ видѣ корня, всѣ дары природы, всѣ плоды, носитъ онъ въ своихъ нѣдрахъ,—отъ воды онъ произошолъ. «Благослови, Агни, ты великъ, приди къ любящему боговъ народу; избави насъ отъ зла, сожги твоимъ чистѣйшимъ пламенемъ, богъ, всякаго врага. Хвалите его, владыку неба; его, никогда недремлющаго, послали боги;

ты возносишь жертву въ небеса. Тебѣ я пою гимны, тебѣ, который проявилъ небо и землю, тебѣ мудрѣйшему я обязанъ жертвами, возлюбленному подателю благъ, котораго прекрасный образъ отражается въ жертвѣ, златоручному, который изъ блеска создалъ небо. Неописанный для слова, горящій въ пламени, ты свѣтишься отъ дерева. Досточтимый, достойный молитвословій, ты во тмѣ дѣлаешься познаваемъ. Агни благодѣтель. Тобою возженный высокій пламень, о свѣтоносный, чистый возносится.» Его славитъ Индусъ, какъ самаго милосердаго изъ боговъ: «Агни, ты можешь насъ избавить отъ скорбей Варуны, отъ скорбей великаго бога.»

Кромѣ этихъ трехъ божественныхъ началъ и первобытныхъ силъ, есть еще множество другихъ второстепенныхъ или подчиненныхъ боговъ, которыхъ образъ ясно видѣнъ въ тѣлахъ природы или въ ея силахъ. Такъ солнце, Суржа или Сура, называется также Савитри (творецъ) и Пушанъ (Питатель). «По истинѣ, солнце, велико ты въ славѣ, всегда, богиня, ты велика, ты живоносный первенствующій между богами чрезъ твое великолѣпіе, великій неугасимый огонь, Суржа, ты, душа всего.»—Ушасъ—утренняя заря, рожденная отъ ночи, она открываетъ врата неба; Ацринъ, близнецы, ѣдующіе на конѣ, дѣти моря, спутники зари утренней, несущіе людямъ свѣтъ, спѣшащіе въ бурю на помощь пловцамъ; Агсарасъ, утренній багряный лучъ, позднѣе граціи неба; Марутсъ, боги вѣтра, сыновья гибель несущей бури: всѣ эти и многіе другіе пользовались высокимъ почитаніемъ, о нихъ часто упоминается въ священныхъ пѣсняхъ Индусовъ.

Переходъ отъ боговъ къ людямъ образуетъ почитаемый въ древнее время за бога Яма, богъ смерти, который въ послѣдствіи почитался первымъ изъ смертныхъ; онъ въ сообществѣ боговъ пируетъ съ ними подъ кровлею прекраснолиственнаго дерева. «Его, открывшаго для многихъ

тотъ путь, который ведетъ изъ преисподней на высоту, собирателя людей, Яму царя, чтимъ дарами. Яма первый открылъ намъ то мѣсто, ту отчизну, которой нельзя у насъ отнять; куда прежде удалились наши отцы, туда онъ ведетъ рожденныхъ по ихъ пути.»

Наконецъ въ древней Индійской религіи есть и злые боги, приносящія зло силы природы. Витра, задерживающій мѣшающій дождю идти изъ облаковъ. Потому что облако похоже на кожаный мѣхъ, наполненный дождемъ, а Витра завязалъ этотъ мѣхъ. Тогда приближается Индра, своею молніею раздираетъ онъ облака, и побѣждаетъ Витру. Азуры, требующіе для себя жертвенной части и славословія, также принадлежатъ къ злымъ духамъ, которые, сражаясь другъ съ другомъ, тѣмъ самымъ ослабляютъ себя.

Однако и подъ защитою высшихъ боговъ, въ прекраснѣйшей странѣ земнаго шара, человѣкъ все таки не доволенъ своею судьбою:

«Дни смертнаго быстро текутъ въ этомъ мірѣ,
Быстро снѣдаетъ насъ жизнь, какъ воду свѣтъ солнца.
Хлопочи жь о себѣ, о другихъ что печешься,
Пройдетъ твое время, будешь ли что нибудь дѣлать?...
На каждомъ шагу съ нами смерть, безустанно съ нами идетъ,
Вотъ мы ужь далеко зашли,—вернемся назадъ—она съ нами.
Какъ щепочка въ морѣ съ другою можетъ столкнуться,
Потомъ плыветъ снова одна, на мгновенье сошедшись,
Такъ супруга, родной, сыновья и богатства всякаго рода
Улетаютъ отъ насъ; неизмѣнной останется всѣхъ ихъ потеря.
Какъ капля, дрожащая на листкѣ лотоса,
Быстро уносится вѣтромъ летучая жизнь.

* *
*

Подъ столѣтнимъ банановымъ деревомъ расположилась толпа благочестивыхъ для совершенія великой жертвы—Сома. Банановое дерево есть образъ вселенной: «оно пускаетъ корни вверхъ, вѣтви склоняетъ внизъ; священная смоковница непроницаема, кто проникнетъ въ нее, тотъ пойметъ священныя письмена.» Жрецъ приноситъ освященный сокъ Сомы. Въ свѣтлую лунную ночь собираютъ растенія на горахъ, вырываютъ ихъ съ корнемъ, ощипываютъ листья и трутъ стебель между камнями. Потомъ истертыя растенія кропятъ водою, выжимаютъ руками и сокъ пропускаютъ сквозь сито; приготовленный такимъ образомъ сокъ приводятъ въ броженіе при помощи очищеннаго масла или сыворотки.

Славословіе Сомѣ начинается: «Ты, Сома, произвелъ всѣ эти растенія, равно какъ воды и ручьи; ты простеръ ширь небесную, свѣтомъ своимъ ты покрылъ тьму. Тебя пьютъ боги для безсмертія, Индра и Варуна, они вкусили тебя изначала. Ихъ удовольствіе испытываю я теперь, божественное слово, я вкушаю Сому. Ибо этотъ богъ наполняетъ всѣ мѣста, онъ изначала рожденъ, постоянно пребываетъ; онъ есть тотъ, который теперь проявляетъ себя, который и будетъ проявляться; вездѣсущій онъ надъ всѣмъ наблюдаетъ, творящій богъ».

Праздничная молитва ему: «Ты, Сома, ведешь насъ правымъ путемъ, ты силенъ своею крѣпостью, всевѣдущъ, подающій людямъ блага. Твои дѣла, какъ и дѣла Варуны, велики и прекрасны; твоя сила велика и высока. Ты владыка праведныхъ, ты царь и побѣдитель Витры, ты, о солнце, служишь намъ источникомъ жизни; еслибы ты пожелалъ, мы не умирали бы, о владыка цвѣтовъ. Избавь насъ отъ всякаго искушенія, о свѣтозарный, чтобы не по-

гибло подобное тебѣ твореніе. Эту жертву, эту молитву прими, Сома, милостиво, освяти насъ и приблизься милостиво къ намъ. Сіяющій Сома, кто имѣетъ часть въ тебѣ, къ кому ты милостивъ, тотъ силенъ и разуменъ. Побѣдитель враговъ, источникъ безсмертія, Сома, приготовь намъ пищу на небесахъ. Тебя, непобѣдимаго, стража сильныхъ, рожденнаго въ жертвѣ, славимъ мы, Сома.» Тогда выходитъ одинъ изъ числа участниковъ празднества и говоритъ: «Жрецъ, поспѣши приготовить Сому, Индра жаждетъ питья Сомы, дѣйствительно броженіе успокоилось, приближается уничтожающій Витру.»

И въ то время, какъ жрецъ наполняетъ жертвенную чашу священнымъ сокомъ, присутствующіе поютъ: «Приди, мы для тебя выжимали, пей Индра, этотъ напитокъ Сомы, спустись на мою вью.»

Жертвенная чаша обходитъ присутствующихъ, каждый изъ нихъ дѣлаетъ возліяніе на землю, чтобы Индра, высшій изъ боговъ выпилъ владычній напитокъ. Готово питье Сомы для тебя, Индра» гремитъ по рощѣ: «Приблизься, храбрѣйшій побѣдитель, исполнись силою, какъ Сома наполняетъ воздухъ своими лучами. Пей приготовленный, чудесный, дающій безсмертіе напитокъ.» Изъ круга жрецовъ отвѣчаетъ голосъ призываемаго бога:» Какъ возмущающій вѣтеръ, возмутилъ меня напитокъ: Такъ я испилъ Сому? всколебалъ меня напитокъ, какъ быстрые кони колеблютъ колесницу.

«Пей, Индра,» повторяютъ приносящіе жертву, «пей это питье, этотъ высшій безсмертный хмѣль. Для тебя выжимали Сому, исполнись силою, какъ солнце исполняетъ міръ лучами своими. Сома приготовленъ, чудесный напитокъ» владыка жертвы!»

Потомъ празднующіе сами начинаютъ вкушать священный напитокъ. Далеко раздаются голоса собранія: «Не отходи отъ

насъ, Индра, явись на нашъ жертвенный обѣдъ, потому что ты истинно наше прибѣжище, ты нашъ братъ.»

Собраніе все болѣе и болѣе приходитъ въ экстазъ, мольбы дѣлаются болѣе напряженными, тѣлодвиженія болѣе страстными: «Здѣсь, всеблагой, приготовленъ напитокъ, наполни имъ твое чрево до сыта, потому что утренняя жертва есть твое первое питье; пей, Индра, напейся допьяна, герой, чтобы побить враговъ.»

На всѣхъ находитъ опьяненіе и дикій вопль мало по малу замираетъ. За напряженіемъ слѣдуетъ усталость и изнеможеніе. Жрецы взываютъ объ окончаніи празднества. Торжественно звучитъ ихъ таинственное славословіе: «Въ твоей сладости ты носишь все, Сома. Всепроникая стремишься ты, ты сіяешь, какъ владыка всѣхъ тварей, твоя сила живетъ на небѣ и на землѣ, на горахъ, въ растеніяхъ и водахъ. Ты далъ силу Индрѣ, на утесахъ горъ онъ живетъ мудрый, тобою рожденный.

* *
*

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ Нилъ, на высокой равнинѣ стоитъ колоссальный, изъ квадратныхъ каменныхъ плитъ построенный храмъ. Предъ нимъ возвышаются двѣ усѣченныя пирамиды, внушающіе благоговѣніе замысловатые столбы съ надписями. За ними идутъ своды большаго портала изъ пирамидальныхъ двойныхъ воротъ, чрезъ которыя входятъ на пространный первый дворъ. Дворъ съ правой и съ лѣвой стороны окруженъ массивными колоннами, которыя до половины своей вышины соединены промежуточными стѣнами. За этими стѣнами находятся жилища жрецовъ и небольшіе придѣлы храмовъ. Къ переднему двору примыкаетъ галлерея, зданіе возбуждающее наше удивленіе своею вышиною и обширностью. Три ряда колоннъ поддерживаютъ кровлю, стонетъ вѣтеръ, проходя чрезъ огромную длину

галлерей; на выложенномъ мозаикою полу отражаются тѣни исполинскихъ пиластровъ, поддерживающихъ сводъ, и перемежаются полосами солнечнаго свѣта, который падаетъ чрезъ пробоины въ стѣнахъ. Эта галлерея ведетъ въ залъ, котораго стѣны покрыты загадочными іероглифами, а равно и нескладными фигурами животныхъ и людей. Нечеловѣчески огромныя статуи, высѣченныя изъ чернаго гранита въ сидячемъ положеніи, выставлены по сторонамъ между колоннами. Громко отдается эхо отъ шаговъ идущаго по полу, устланному искусно сдѣланными четырехъугольными камнями. Маленькія отверстія, устроенныя въ верхнихъ частяхъ стѣнъ, даютъ немного мѣста для прохода солнечному свѣту. Сквозь магическій полусвѣтъ, наполняющій мѣсто, замѣтенъ голубоватый потолокъ, покрытый золотыми звѣздами и замысловатою живописью.

У подножія столбовъ, на которыхъ написаны священныя изреченія вьются изящные зигзаги, символы извивающихся теченій Нила; верхушки колоннъ украшены вѣнкомъ зеленыхъ листьевъ лотоса, искусно нарисованныхъ. Живопись указываетъ на полный значенія для Египтянъ зодіакальный кругъ. Тридцать шесть чудныхъ фигуръ съ головами животныхъ и людей, всѣ съ разнообразнымъ головнымъ украшеніемъ, образуютъ рамку, заключающую въ себѣ изображенія созвѣздій. Четыре фигуры женскія по угламъ, между ними четыре наклоненныя двойныя мужскія фигуры съ головами копчика поддерживаютъ знаки созвѣздій, украшающихъ средину потолка.

Между знаками зодіака находится множество другихъ маленькихъ, которые перемѣшаны съ звѣздами и изображеніями. Около Козерога, котораго задняя часть имѣетъ видъ рыбы, стоитъ Водолей; на головѣ у него украшеніе, въ которомъ на главномъ планѣ цвѣтокъ лотоса, въ рукахъ у него сосудъ, изъ котораго течетъ двойная струя воды, льющейся Рыбамъ въ ротъ. Онѣ лежатъ параллельно одна надъ

другою и связаны тесьмою. Не вдали отъ нихъ спокойно лежитъ со жвачкою во рту Овенъ, символъ луга, покрытаго зеленью послѣ разлитія Нила. Медленно идетъ Телецъ, символъ начинающейся полевой работы, для которой нужны его силы. Къ нему идутъ чуднаго вида два юноши, подающіе другъ другу руки, тутъ же женщина съ маской льва на лицѣ. Гораздо изящнѣе умѣли Греки изображать созвѣздіе Близнецовъ. Вмѣсто рака находится Жукъ, который какъ и ракъ имѣетъ способность ходить назадъ. Во время солнцеворота оно вступаетъ въ знакъ жука. Особенно выдается на голубомъ грунтѣ потолка Левъ; языкъ виситъ изъ раскрытой пасти его, женское изображеніе держитъ его за хвостъ; предъ львомъ стоитъ мужчина съ коровьей головой, между рогами видъ прибывающаго мѣсяца, въ рукѣ у него шнурокъ. Египтянка, благородная по выраженію лица и одеждѣ, несетъ хлѣбный колосъ, это знакъ Дѣвы. За нею слѣдуютъ Вѣсы и Скорпіонъ. За ними прыгаетъ Стрѣлокъ, совершенный кентавръ, котораго нижняя часть головы имѣетъ видъ головы животнаго. Онъ намѣревается пустить стрѣлу изъ лука, въ лѣвой рукѣ у него щитъ, заслоняющій грудь

Такимъ образомъ залъ содержитъ въ себѣ въ образныхъ видахъ небо и землю, все мірозданіе, и чрезъ него-то входятъ въ самое святилище храма. Это послѣднее состоитъ изъ неслишкомъ высокой комнаты, окруженной многими стѣнами. Въ самомъ углубленіи стоитъ каменное изображеніе Изиды величиною гораздо больше обыкновеннаго человѣческаго роста. Изо лба женственной фигуры выходятъ два коровьихъ рога.

По обѣимъ сторонамъ дороги, проложенной отъ храма къ близълежащему городу, на гранитныхъ пьедесталахъ покоятся исполинскіе сфинксы. Чрезвычайно большое львиное тѣло имѣетъ колоссальную голову дѣвицы, на темени которой, или на лбу лежитъ корона. У широкой груди протянуты сильныя лапы, на спину вьется мохнатый хвостъ.

Эти огромныя животныя подобно стражамъ съ человѣческимъ лицомъ охраняютъ священное жилище боговъ, поражая строгимъ взглядомъ того, кто проходитъ между ними.

Прошолъ ужь полдень, солнце переступило меридіанъ и начало склоняться. Вотъ началось шествіе смуглыхъ лицъ изъ воротъ города по дорогѣ, ведущей ко храму. Впереди идутъ жрецы, въ бѣлыхъ блестящихъ, волнующихся, виссоновыхъ мантіяхъ, которыя отъ бедръ идутъ до самыхъ пятъ. Верхняя часть тѣла ихъ обнажена, ихъ наголо остриженная голова покрыта шапочкою, которая спадаетъ имъ на затылокъ. На ногахъ носятъ они подошвы, на верхней части руки бѣлую перевязь. Первый изъ нихъ пѣвецъ, открывающій ходъ. Онъ несетъ величаво роскошно украшенную трубу, которой звуки, раздающіеся вдали, собираютъ народъ для жертвоприношенія. За нимъ слѣдуетъ гороскопъ, который изъ относительнаго положенія звѣздъ, изъ ихъ восхожденія и захожденія угадываетъ будущее. Какъ символы своей должности онъ держитъ въ одной рукѣ часы, въ другой пальмовую вѣтвь. За нимъ идетъ священный писецъ, на головѣ находится красная, съ соколинымъ перомъ перевязка; онъ несетъ принадлежности письма: трость, дощечку для письма и ящичекъ съ красками, со свиткомъ папируса, перевязаннымъ шнуромъ. Ему извѣстны таинственныя письмена, порядокъ планетной системы, движеніе луны и солнца, онъ знаетъ каждую мѣстность земли, природу священныхъ водъ Нила, мѣры и жертвенные обряды. За нимъ слѣдуетъ хранитель священныхъ одеждъ, несущій мѣру правосудія и сосудъ для возліяній; онъ знаетъ все, что касается высшаго образованія и нравовъ высшихъ кастъ. Далѣе пророкъ, прорицатель будущаго, сроднившійся съ жреческими книгами. За нимъ слѣдуетъ верховный жрецъ вся въ складкахъ виссоновая мантія его доходитъ до пятъ; на плечахъ его виситъ богато убранная кожа леопарда, лѣвая рука покоится на груди, правая покрываетъ лѣвую.

Драгоцѣнный поясъ, перевязывающій одежды, идетъ вокругъ тѣла, въ рукѣ онъ держитъ загнутую палку, на ногахъ его сандаліи красивой работы. За нимъ идутъ несущіе священные сосуды для жертвоприношенія: священный ковчегъ, въ которомъ находится золотой ящичекъ, который ежемѣсячно въ 19-е число наполняется священною водою Нила; трехсортный ѳиміамъ, (смола, мирра и третій состоящій изъ десяти разныхъ составовъ), который возносится солнцу при восходѣ, въ полдень и при заходѣ его; трехугольный жертвенный ножъ съ серпообразно загнутымъ клинкомъ и въ другую сторону загнутымъ черенкомъ; искусно сдѣланныя чаши для жертвы, мѣдныя ведра съ ручками, наполненныя священною водою Нила; кадильницы, которыхъ ручка состоитъ изъ хорошо изваяннаго копчика или головы овна. Послѣдніе въ жреческой процессіи ведутъ жертвенное животное, посвященное Озирису, богу, представляющему солнце, равно и Нилъ, отъ которыхъ исходитъ сила плодородія. Животное должно быть убито въ честь Изиды, богини страны, матери земли, къ которой возвращается все сотворенное.

Торжественною, медленною поступью выходятъ жрецы на предлежащую дорогу. Огромная толпа тянется за ними. Она идетъ въ безмолвіи, нигдѣ не слышно звука веселья, не видно выраженій дружбы. На лицахъ участниковъ празднества мрачный отпечатокъ, сокрушеніе въ чертахъ ихъ лица: это траурный праздникъ, осенній праздникъ отживающей природы, образъ смерти.

Какъ скоро достигаютъ храма, жрецы проходятъ порталъ, проходятъ чрезъ галлерею и первый дворъ въ залъ, украшенный знаками небесныхъ свѣтилъ. Въ благоговѣніи народъ собирается предъ заломъ на дворѣ и въ ходахъ между колоннами галлереи. Жрецы зажигаютъ ладанъ и ставятъ курящіеся сосуды на полъ предъ изображеніемъ богини. За тѣмъ начинается священный гимнъ о семи ос-

новныхъ силахъ міра, который поютъ на семь голосовъ торжественно меланхолическимъ тономъ. Сначала гимнъ идетъ тихо въ нѣжныхъ льющихся звукахъ, выражающихъ сожалѣніе объ Озирисѣ, который подвергся смерти. Но по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ чувство горести, звуки раздаются громче, голоса поднимаются выше, сильнѣе оглашаютъ они залъ. Отчаяніе находитъ себѣ выраженіе: мелодія гремитъ подобно раскатамъ грома, кажется, что стѣны дрожатъ, колонны шатаются, подобно трубному гласу послѣдняго суда завопили голоса мужей. Постепенно начинаютъ ослабѣвать звуки, борьба кончена, сопротивленіе преодолѣно, тихая покорность року восторжествовала. Подобно вѣянію западнаго вѣтра, который пробирается по вершинамъ кипариса, подобно нѣжному журчанію ручья, текущаго по кремнистымъ валунамъ, нѣжно льются одушевленные звуки. Всѣ степени чувства, которыя выражаетъ пѣніе въ увлекающихъ душу звукахъ, испытали присутствующіе и слушающіе. Тогда источаютъ они слезы изъ глазъ, тогда въ сердцѣ своемъ и умѣ они кладутъ тѣло умершаго Озириса, благодателя, къ ногамъ Изиды и посвящаютъ ему свои слезы, какъ послѣднюю жертву своей благодарности.

Жрецы выходятъ изъ святилища на дворъ, съ почтеніемъ разступается толпа и даетъ имъ мѣсто. Начинается принесеніе жертвы: приводятъ животное — быка. Равнодушно глазъ его озирается вокругъ, онъ протягиваетъ впередъ шею и издаетъ далеко несущійся ревъ. Этотъ послѣдній предсмертный вопль на смерть обреченнаго животнаго такъ жалостенъ, что думаешь, будто оно предчувствуетъ свою судьбу. Одинъ ударъ повергаетъ его на землю, кровь течетъ изъ пробитой раны, скоро жизнь отлетаетъ. Тогда отдѣлили кожу отъ туловища, вынули внутренности; однѣ части вынули, другія же оставили въ тѣлѣ.

Потомъ обрѣзали лядвеи и бедра, отрѣзали шею, — это части, назначенныя для обѣда праздничнаго. Тѣло жертвеннаго быка наполняется чистымъ хлѣбомъ, медомъ, корицей, фигами и ладаномъ, обливается обильно масломъ и зажигается.

Между тѣмъ зрители въ знакъ своей печали ударяютъ себя, нѣкоторые рѣжутъ свое тѣло ножемъ. За тѣмъ располагаются вокругъ угасающаго мало по малу жертвеннаго пламени и поѣдаютъ съ важнымъ видомъ обѣдъ, приготовленный жрецами. Когда обѣдъ кончится, выстроиваются они снова такъ же какъ въ началѣ, и тихо—одинъ стукъ шаговъ слышится по дорогѣ—возвращаются въ городъ, гдѣ ихъ у воротъ встрѣчаютъ жены и дѣти, ожидающія ихъ.

СЦЕНА.

Азія и часть юговосточной Европы образуютъ сцену древнѣйшей исторіи народовъ. На окраинѣ этой сцены слѣва лежатъ въ Европѣ Македонія, сосѣднія съ нею страны на сѣверѣ и ѳракійскій полуостровъ, на материкѣ Азіи возвышается Кавказъ, цѣпь горъ, соединяющихъ Черное море съ Каспійскимъ; направо стелется орошаемая Охомъ, Оксомъ и Яксартомъ равнина, доходящая до подошвы Тибетскихъ горъ. Въ срединѣ находятся греческій полуостровъ, горная страна Малой Азіи, плодоносная низменность по берегамъ Евфрата и Тигра, степи на югъ отъ хребта Гиндуку до Инда. На главномъ планѣ лежатъ Египетъ, омываемый съ сѣвера Средиземнымъ моремъ и Аравійскій полуостровъ.

На этой сцепѣ разыгрывалась великая драма народовъ древняго востока въ трехъ актахъ. Первый актъ составляютъ переселенія.

Съ армянской горной возвышенности, отчизны народовъ, распространились сначала родственныя, потомъ отдѣлившіяся другъ отъ друга племена Ассиріянъ и Вавилонянъ, по плодоносному междурѣчью Месопотаміи. Въ тоже время Авраамъ, праотецъ Израиля, странствуетъ къ Ханаану, а Египтяне тянутся вверхъ по Нилу, и основываютъ на берегахъ его свои поселенія. Исчезнувшій изъ исторіи арійскій народъ выходитъ изъ горъ Тибета въ степи, лежащія къ западу отъ него. Одна вѣтвь этого народа переходитъ хребетъ Гиндуку и Индъ и занимаетъ мѣста на полуостровѣ передней Индіи. Другая вѣтвь переходитъ страны, лежащія къ югу отъ Аральскаго озера, отъ нея произошли Мидяне и Персы.

Послѣ того, какъ эти переселенія, относящіяся большею частію къ доисторической порѣ, окончились, начинается второй актъ. Отдѣльныя народныя племена прочно усаживаются на своихъ, часто съ большимъ трудомъ пріобрѣтенныхъ, мѣстахъ. Онѣ дѣлятся и устроиваются въ отдѣльные народы. Свойства и способности народовъ, качество земли и климата, религіозныя представленія и образъ жизни способствуютъ тому, чтобы образовать изъ каждаго народа особенную націю съ своимъ отличительнымъ характеромъ. Такъ вступаютъ они въ своемъ мужескомъ возрастѣ на сцену исторіи, чтобы принять на себя роль, назначенную имъ провидѣніемъ.

Слѣдуетъ третій и послѣдній актъ драмы: предъ нами проходятъ въ своихъ дѣяніяхъ совершенно развитые народы. Не естественныя потребности въ пищѣ и жилищѣ, двигавшія ими при ихъ переселеніяхъ, теперь приводятъ ихъ въ движеніе. Жажда славы, честолюбіе отдѣльныхъ, выдающихся въ средѣ ихъ личностей, ведутъ ихъ къ боль-

шимъ и славнымъ предпріятіямъ. Подобно морю, взволнованному бурею, стремятся они другъ за другомъ; предводимые могучими властителями достигаютъ преобладанія и въ свою очередь уступаютъ мѣсто другимъ народамъ. Мѣста жительства расширяются; сосѣдніе народы покорены, основаны царства, которыя по волѣ высшей силы, стоящей у основанія царствъ, пользуются большею или меньшею долговѣчностью.

Такъ произошли, кромѣ многихъ незначительныхъ царствъ, большія всемірныя государства на востокѣ: Ассирійско-Вавилонское при Навуходоносорѣ, Мидійско-Персидское при Кирѣ, и послѣ долгаго промежутка Персидско-Македонское при Александрѣ Великомъ.

Среди этихъ движеній возрастаетъ подъ особеннымъ покровительствомъ божіимъ, происходящій отъ Авраама, Израильскій народъ, единственный народъ, сохранившій живую вѣру въ единаго Бога, въ то время, когда всѣ прочіе народы преданы были язычеству. Какъ ни своеобразна поэтому его исторія, все же она носитъ на себѣ печать восточнаго міра. Странствованіе Авраама изъ Месопотаміи въ Ханаанъ можно назвать первымъ актомъ сорокалѣтняго странствованія Израиля въ пустынѣ. Затѣмъ слѣдуетъ поселеніе въ Палестинѣ и блестящее время этого народа въ правленіе трехъ первыхъ царей. Вавилонское плѣненіе образуетъ третій періодъ израильской исторіи, который заканчивается возвращеніемъ въ отечество при Кирѣ.

По мѣрѣ того, какъ мрачныя тѣни болѣе и болѣе закрываютъ отъ насъ востокъ, на западѣ становится свѣтлѣе. Греческій народъ, уже нѣсколько столѣтій тому назадъ поселившійся на юговосточномъ полуостровѣ Европы, въ могучемъ развитіи своихъ богатыхъ дарованій, выступаетъ на поприще исторіи. Греція становится центромъ извѣстнаго тогда міра, и народъ ея достигаетъ міроваго значенія сво-

имъ стремленіемъ развить всѣ стороны жизни личной и общественной до высшаго совершенства. На сколько міровое значеніе основывается на военной славѣ и счастіи оружія, во второй половинѣ четвертаго вѣка досталось это значеніе Македоніи; Филиппъ приготовилъ Македоніи всемірное владычество, Александръ В. осуществилъ оное. Но съ распространеніемъ христіанства начинаетъ падать духовная сила Греціи. Блескъ язычества уступаетъ небесному свѣту Христовой церкви.

КАРТИНЫ ИЗЪ ИЗРАИЛЬСКОЙ ИСТОРІИ.

АВРААМЪ (около 2000 лѣтъ до Р. Х.).

Надъ безлѣсною степью утреннее солнце распространяетъ свой блестящій свѣтовой покровъ. На дальнемъ горизонтѣ на западѣ утренніе туманы склубились въ густое облако, которое мало по малу скрылось за вершинами горъ. Чистъ и ясенъ сводъ неба, земля раскалена, блеститъ песокъ.

Тутъ на краю равнины виднѣется длинный рядъ верблюдовъ и другихъ вьючныхъ и верховыхъ животныхъ. Послѣ освѣжительнаго ночнаго отдыха, еще до восхода солнца караванъ навьючилъ и впрягъ животныхъ, теперь медленнымъ шагомъ онъ тянется по дорогѣ. Впереди каравана, на проворныхъ дромадерахъ (одногорбый верблюдъ) суетится толпа всадниковъ, которые наблюдаютъ за безопасностью пути, наблюдаютъ, не таится ли гдѣ нибудь въ засадѣ коварный врагъ. За нею слѣдуютъ тяжело нагруженныя верблюдицы, около которыхъ бѣжатъ рѣзвые верблюжата. Въ срединѣ поѣзда виденъ на широкой спинѣ крѣпко сложеннаго осла сидящій высокій мущина, съ бѣлою развѣвающеюся бородою, старецъ 75 лѣтъ, но еще бодрый силами. Широкая яркихъ цвѣтовъ одежда спадаетъ частыми складками съ его плечъ до самыхъ пятъ; поясъ держитъ ее на бедрахъ; голова его обвита полотняною повязкою для за-

щиты отъ горячихъ солнечныхъ лучей. По его важному виду и особенной одеждѣ можно въ немъ узнать богатаго князя номадовъ, владѣтеля идущаго каравана. За нимъ, совершенно закрытая отъ чела до ногъ, покоится на спинѣ осторожно ступающей ослицы, женщина, также довольно пожилая; но огонь черныхъ глазъ, выглядывающихъ изъ подъ покрывала, свидѣтельствуетъ о юношеской силѣ старухи. Это жена предводителя номадовъ. По сторонамъ обоихъ, впереди и сзади двигаются слуги, вожаки и погонщики верблюдовъ, домашняя и дворовая челядь богатаго господина. Въ нѣкоторомъ отдаленіи время отъ времени поднимается густая пыль. Какъ только вѣтеръ нѣсколько отнесетъ пыль въ сторону показываются многочисленныя стада рогатаго скота,ословъ, козъ и овецъ, которые слѣдуютъ за караваномъ, подъ наблюденіемъ проворныхъ пастуховъ. За стадами еще ѣдетъ нѣсколько мущинъ и женщинъ; всѣ они сидятъ на ослахъ и верблюдахъ.

Солнечный зной, падающій съ безоблачнаго неба, затрудняетъ движеніе животныхъ. Медленно и со стонами подвигаются они впередъ, покрытыя потомъ. Гдѣ промелькнетъ оазъ, зеленѣющій островокъ въ степи съ пальмовою рощею, караванъ останавливается на отдыхъ. У скупо бьющаго ключа утоляютъ жажду измученныя животныя, дернъ доставляетъ имъ здоровую пищу. Погонщики снимаютъ съ верблюдовъ грузъ, слуги приготовляютъ обѣдъ, и если застанетъ ночь на мѣстѣ, зажигаютъ кругомъ лагеря огни, чтобы не подпускать хищныхъ животныхъ,—ставятъ стражу, чтобы не разбѣжались развьюченныя животныя. Между сотнями людей господствуетъ порядокъ и послушаніе, не рабская покорность, но свободное повиновеніе. Одна воля служитъ для всѣхъ закономъ, и всѣ считаютъ за честь слѣдовать волѣ одного. Это не язычники, разъѣзжающіе по степи, но семейство, почитающее одного истиннаго Бога, который сотворилъ небо и землю.

Авраамъ, потомокъ Сима, въ сопровожденіи своей жены Сарры, со всѣми своими домочадцами и стадами былъ на пути изъ своего отечественнаго города Харрана въ землю, которую Богъ ему покажетъ. Сынъ его брата Лотъ съ слугами и стадами присоединился къ нему. Послѣ нѣсколькихъ дней медленнаго похода путешественники достигли границы Ханаанской земли. Подобно божьему саду она раскинулась предъ ихъ глазами, вездѣ показывая необыкновенное богатство, неописанное плодородіе. Подлѣ рощи Теревиноово-Море у Сихема, на горѣ, послѣ названной Ефраимъ, остановился Авраамъ на жительство. Здѣсь онъ узналъ, что цѣль его странствованій именно эта страна, что эту страну Богъ обѣщалъ ему и сѣмени его. Между Бетелемъ и Аи поставилъ Авраамъ алтарь и благословилъ имя Господа.

Но скоро дороговизна заставила его отправиться въ Египетъ. Возвратившись оттуда, чтобы покончить споры между рабами Лота и своими собственными изъ за лучшихъ пастбищъ, Авраамъ съ сожалѣніемъ отдѣлился отъ Лота, который, отправился въ приіорданскую страну, въ долину Сиддимъ, и тамъ поселился въ Содомѣ. Затѣмъ Авраамъ прошолъ Ханаанъ и вдоль и поперекъ и остановился наконецъ въ перелѣсистой мѣстности Мамре при Хебронѣ, у горы, въ послѣдствіи названной іудиною.

* *
*

Глубокая ночь покрыла страну. На востокѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи течетъ Іорданъ въ тѣсномъ ложѣ, еще ближе источникъ у подошвы Ливана. На западѣ лежалъ закрытый тѣнями ночи городъ Данъ, а недалеко отъ него чуть виднѣлся во мракѣ рядъ палатокъ. Царь Кедорлаоморъ Эламскій разбилъ здѣсь свой станъ. Онъ возвращался изъ одного похода, который онъ предпринималъ противъ

пяти царей Сиддимской долины, которые прежде платили ему дань, а потомъ отказались отъ зависимости. Оружіе его было счастливо, онъ принудилъ къ повиновенію возмутившихся царей и взялъ съ нихъ большую дань. Между многочисленными плѣнниками его находился и Лотъ съ своими домочадцами. Въ лагерѣ царствовала мертвая тишина, животныя тоже покоились. Царь считалъ себя въ такой безопасности послѣ одержанной побѣды, что нигдѣ не поставилъ стражи, нигдѣ не видно было огней.

Но мщеніе не заставило долго ждать себя. Одинъ изъ побѣжденныхъ, бѣжавшій съ битвы, принесъ Аврааму извѣстіе о плѣненіи Лота. Поспѣшно Авраамъ вооружилъ 318 рабовъ, сосѣдніе цари Аморрей, Анеръ и Эсколъ привели на помощь войско; приготовившись такимъ образомъ, онъ отправился вслѣдъ за опьяненнымъ побѣдою Эламскимъ царемъ.

Подъ покровомъ ночи смѣлая толпа подкрадывается къ лагерю. Глухо отдаются шаги людей, идущихъ по степи, но они не пробудятъ спящаго врага. Высланные впередъ соглядатаи возвратились съ извѣстіемъ, что въ лагерѣ все спокойно, нигдѣ не видно стражи: слабые посты были замѣчены.

Тогда Авраамъ велѣлъ окружить лагерь и по данному знаку велѣлъ всѣмъ своимъ спутникамъ броситься на лагерь. Спящіе пробуждаются отъ сна, надъ головами ихъ блеститъ мечъ, кругомъ раздается шумъ напавшихъ воиновъ. Непріятели поспѣшно поднимаются, пробуютъ защищаться, но напрасно. Имъ ничего не остается дѣлать, какъ только бѣжать.

Вмѣстѣ съ царемъ бѣжали они съ поля, и побѣдоносное войско преслѣдовало ихъ до Ховы, лежащей влѣво отъ Дамаска. Потомъ побѣдители возвратились, и взяли огромную добычу въ оставленномъ непріятелемъ лагерѣ.

Послѣ такой побѣды Авраамъ отправился домой. На пути

встрѣтили его царь Содомской и Мельхиседекъ, царь Салемскій, священникъ вышняго Бога. Послѣдній предложилъ ему хлѣбъ и вино и благословилъ его; Авраамъ съ своей стороны далъ ему десятую часть изъ полученной добычи. Авраамъ отказался отъ предложеній Содомскаго царя удержать за собою все имущество, возвращенное отъ непріятеля и только отдать ему подданныхъ, освобожденныхъ изъ плѣна; только для своихъ союзниковъ согласился онъ взять часть добычи. Самъ онъ не взялъ ни одной нитки, ни ремня сапожнаго, кромѣ того, что вышло на пищу его отрокамъ.

* *
*

Было раннее утро. Еще не совершенно разсѣялись ночныя тѣни, густой туманъ покрывалъ землю, большими каплями висѣлъ онъ на верхушкахъ цвѣтовъ, на листахъ кустовъ и деревъ. Далеко на востокѣ зарумянилось небо; еще немного времени, и солнце распространило блескъ по горизонту. Туманъ исчезъ, насталъ день; обширный ландшафтъ лежалъ предъ глазами въ роскошномъ уборѣ.

Человѣкъ въ простой одеждѣ идетъ около своего осла. Его бѣлая борода падаетъ на грудь. Голова его въ скорби опустилась также на грудь. На ослѣ лежитъ вязанка расколотыхъ дровъ. Печальный старикъ держитъ за руку своего сына, веселаго свѣжаго юношу; онъ не знаетъ причины скорби, снѣдающей душу отца, поэтому въ лицѣ его не видно и слѣда грусти. Два другихъ отрока, слуги старика, ведутъ вьючное животное.

Авраамъ идетъ подобно страннику въ землю Моріахъ; послушный вѣрѣ, онъ идетъ принести въ жертву Богу своего сына Исаака, многожеланнаго и многопросимаго сына обѣтованія. Три раза восходило солнце, три раза спускалась ночь, прежде чѣмъ они дошли

до горы, на которой онъ долженъ былъ исполнить тяжкую обязанность послушанія. Ему кажется, что часы имѣютъ крылья, такъ быстро они летятъ предъ нимъ; еще немного времени, и любимый сынъ, свѣтъ его очей, утѣшеніе его старости долженъ умереть; вмѣсто теплой руки, которую отецъ держитъ въ своей рукѣ, онъ скоро будетъ держать руку трупа. И этотъ трупъ будетъ жертвою, закланною рукою отца! Полными слезъ глазами смотритъ онъ на небо: неужели дѣйствительно Богъ того хочетъ? Да, хочетъ, говоритъ ему внутренній голосъ, и послушный, хотя и съ невыразимою скорбью, приступаетъ къ дѣлу мужъ крѣпкій вѣрою.

У подошвы горы оставляетъ онъ отроковъ при ослѣ. «Когда мы помолимся, возвратимся къ вамъ,» сказалъ онъ. Потомъ онъ положилъ дрова, потребныя для жертвоприношенія, на плечи сына, самъ взялъ огонь и ножъ въ руку, и оба отправились вмѣстѣ. Назначенный въ жертву сынъ долженъ былъ самъ нести деревья для принесенія себя въ жертву. Этимъ онъ таинственно преднаменовалъ Того, кто принесъ себя въ жертву за человѣческій родъ.

Всѣ великія обѣтованія Бога, данныя Аврааму относительно его потомства, предстали теперь его душѣ въ живомъ воспоминаніи. «Посмотри на небо и сосчитай звѣзды; можешь ли счесть ихъ? Таково будетъ твое потомство! Я устрою твое потомство, какъ песокъ на землѣ; можетъ ли человѣкъ исчислить песокъ?» Будущую судьбу его потомковъ Богъ ему предсказалъ: «Твое потомство будетъ въ чужой землѣ, тамъ его будутъ мучить работою четыреста лѣтъ. Я накажу народъ, которому твои потомки должны служить, послѣ чего они выйдутъ изъ работы съ многимъ имуществомъ.»

Въ размышленіяхъ, въ глубокой скорби, Авраамъ остановилъ глаза на своемъ сынѣ, который былъ опорою полной вѣрою его надежды: какаяжь надежда останется, когда угас-

нетъ его жизнь? Ужели Богъ оставитъ неисполненнымъ свое обѣщаніе? Тогда Исаакъ спросилъ: «Отецъ мой, гдѣ же овца для жертвоприношенія?» Мучительна скорбь отца, что отвѣчать ему? «Сынъ мой, отвѣчаетъ отецъ, Богъ укажетъ овцу для жертвоприношенія!»

Наконецъ достигли мѣста жертвоприношенія. Высказано все, что требовалось, больше было не объ чемъ говорить. Скорбь оковала языкъ отца, изумленіе языкъ сына. Авраамъ построилъ алтарь, положилъ на него дрова, связалъ Исаака и положилъ его на алтарь поверхъ дровъ. Сынъ научился у отца повиновенію, онъ не сопротивляется, онъ готовъ на все безъ малѣйшаго противодѣйствія. Теперь ему нѣтъ сомнѣнія въ томъ, какую овцу надобно принести въ жертву; но ни одного вопля не слышно изъ его устъ. Надъ головою его блещетъ ножъ отца; онъ занесъ руку, чтобы заколоть сына, отъ котораго онъ уже совершенно отказался для исполненія воли Божіей. Тогда Ангелъ Господень сказалъ ему съ неба: «не налагай руки на сына, и не дѣлай ему ничего; потому что Я знаю теперь, что ты боишься Бога и не пожалѣлъ для Меня собственнаго сына. Авраамъ схватилъ овна, который запутался рогами въ кустахъ, и принесъ его въ жертву вмѣсто сына. И опять пронесся голосъ Господа съ его святою клятвою: «Я благословлю твое сѣмя и умножится оно, какъ звѣзды на небѣ, какъ песокъ на берегу моря, и потомство твое взойдетъ на врата враговъ своихъ, и чрезъ потомство твое будутъ благословенны народы земли, потому что ты послушался Моего голоса.»

ГРОБЫ ПРАОТЦЕВЪ.

Около Мамры недалеко отъ Геброна, гдѣ жилъ Авраамъ, находится тихое мирное поле съ рощею. Городской шумъ не достигаетъ этого мѣста, рыночные клики, громкій вопль туда и сюда стремящихся каравановъ, пѣсни веселыхъ друзей на праздничномъ пиру не доходятъ до этой темной, уединенной рощи. Здѣсь могучій дубъ образовалъ изъ своихъ вѣтвей мрачнотѣнистую кровлю, тамъ стройный кипарисъ, хорошо знаменующій то, что содержится въ этихъ мѣстахъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи круто поднимается не слишкомъ высокая, но старая сѣдая скала. На ней отражаются тѣни вѣчнозеленыхъ деревьевъ, сквозь лиственные своды которыхъ рѣдко пробивается солнечный лучъ. Подъ деревьями такъ мрачно, такъ страшно свѣжо. Вѣтеръ шелеститъ верхушками ихъ и увядшій листъ, высохшіе семянные мѣшочки съ шумомъ валятся на землю.

Когда Сарра умерла 127 лѣтъ въ Гебронѣ, Авраамъ пожелалъ купить у Хеттеевъ мѣсто для погребенія своихъ мертвецовъ. Они предложили ему избрать мѣсто, которое ему угодно; онъ хотѣлъ купить землю Ефрона. Послѣдній сначала отказывался отъ денежной платы и предлагалъ Аврааму землю въ подарокъ. Но когда Авраамъ не хотѣлъ даромъ пользоваться землею, передалъ ему поле за 400 сиклов серебра. Земля со всѣми пещерами, съ деревьями сдѣлалась собственностью Авраама.

Впослѣдствіи здѣсь около Сарры были погребены Авраамъ и сынъ его Исаакъ, его жена Ревекка и сестры Рахиль и Лія. Одного недоставало изъ рода патріарховъ, Іакова, называемаго Израилемъ, который съ сыновьями долженъ былъ

отправиться въ Египетъ, гдѣ Іосифъ находился у Фараона въ великой чести. Тогда обѣтованная земля снова занята была языческими хананейскими племенами; только это уединенное мѣсто погребенія, мѣсто мира, осталось наслѣдствомъ и собственностью фамиліи патріарховъ. Это былъ единственный клочекъ земли, приковывавшій къ себѣ вѣщія чувства тѣхъ, которые съ терпѣливою надеждою на исполненіе божескихъ обѣтованій ожидали того времени, когда народъ Израильскій призванъ будетъ къ безраздѣльному владѣнію землею. Посему когда Іаковъ въ Гозенѣ почувствовалъ приближеніе смерти, то собралъ своихъ сыновей, благословилъ ихъ и приказалъ имъ: «Погребите меня съ моими отцами въ пещерѣ, на полѣ Ефрона Хеттея!»

* * *

Абадъ—это токъ, гдѣ подъ открытымъ небомъ молотятъ хлѣбъ; онъ находился въ двухъ миляхъ на западъ отъ Іордана. Здѣсь стоялъ большой обозъ; много было повозокъ и всадниковъ—почти цѣлое войско. По темному цвѣту кожи и плотно прилегавшимъ къ тѣлу одеждамъ можно было узнать въ этой толпѣ египтянъ, а по остроконечнымъ головнымъ уборамъ особенно знатныхъ, которыхъ было здѣсь не мало. Это были старѣйшины Египетской земли. Въ собраніи были также и Израильтяне. Черные глаза, сильно согнутый носъ, темные волосы обозначали сыновей Палестины, потомковъ праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова. Между ними особенно выдавался одинъ важностью пріемовъ и одеждою, мужъ, близкій къ старости; на лицѣ его горе провело глубокія борозды. Даже знатнѣйшіе египтяне съ благоговѣніемъ обращались въ ту сторону, куда ступитъ его нога, многочисленная свита сопутствовала ему. Онъ былъ вождемъ и ему даны были Царемъ Египетскимъ въ

спутники знатнѣйшіе египтяне; здѣсь на порогѣ священной земли остановился поѣздъ.

Повозки были поставлены такъ, что образовали изъ себя крѣпость, лошади разрѣшены были отъ двойнаго ярма и паслись по близости. Съ важнымъ видомъ расположились египтяне на землѣ въ кружокъ. Среди ихъ находилась богатая, отлично убранная колесница, и величиною она была больше чѣмъ другія. Предъ нею стояли впряженными три лошади, а около нихъ вожаки. На колесницѣ возвышался гробъ, устроенный по египетскому образцу; дорогіе ковры сверху и снизу украшали оный.

И этотъ гробъ, сопровождаемый знатными египтянами и ихъ слугами, привезенный съ береговъ Нила съ немалыми затрудненіями по пескамъ пустыни, — кому онъ служилъ мѣстомъ покоя? — Знатный израильтянинъ, предводитель шествія, и одиннадцать мужей его племени, очень сходныхъ другъ съ другомъ чертами лица, собрались около колесницы, на которой лежало тѣло ихъ отца. Двѣнадцать сыновей Іакова, послушные повелѣнію отца, отправились, чтобы присоединить бренные остатки умершаго въ Гозенской землѣ къ гробамъ авраамова потомства.

Тогда мужи египетскіе подняли погребальный плачъ въ протяжныхъ, меланхолическихъ звукахъ. Подобно нѣжному плеску ручья, бьющаго изъ скалы, началось монотонное пѣніе. Съ шумомъ течетъ сынъ пустыни чрезъ узкое ущелье, съ ревомъ пролагаетъ себѣ дорогу между камнями, не дающими ему свободнаго пути, съ громомъ падаетъ онъ съ крутаго утеса въ пропасть, и оттуда при большой массѣ воды шумно течетъ по долинѣ, нѣжно журча среди зеленой береговой поляны. Такъ постепенно измѣнялся торжественно важный тонъ погребальнаго плача. Протяжные тоны внезапно прерывались, изъ глубины гортани неслись сильные звуки, они исчезали въ круговомъ переливѣ высокихъ и низкихъ звуковъ. Тогда опять возвышались голоса, гремѣлъ

полный хоръ мужей, завывалъ, ревѣлъ, раздавался по степи. Медленно уносились звуки, они погасали, изливаясь въ мягкихъ, нѣжныхъ, стонущихъ переливахъ, пока мало по малу совсѣмъ не исчезли.

Израильтяне громко рыдали. Тогда тронулся траурный поѣздъ. Съ болѣзненными стонами египтяне провожали глазами удалявшихся мужей.

Опустивъ голову къ груди, съ потупленными въ землю, полными слезъ глазами, шли за колесницею сыны Израиля. Они думали о словахъ, въ которыхъ умирающій отецъ предсказалъ имъ будущій ихъ жребій. Іуда, т. е. возвеличенный, былъ особенно обильно благословеннымъ между ними, былъ сосудомъ божескаго обѣтованія. «Іуда, такъ говорилъ отецъ, тебя прославятъ твои братья. Іуда — юный левъ. Не долженъ отходить скипетръ отъ Іуды, ни властительскій жезлъ отъ чреслъ его, пока не достигнетъ онъ покоя, пока не достанется въ удѣлъ ему послушаніе народовъ.» Онъ далъ братьямъ, хотѣвшимъ умертвить Іосифа, совѣтъ продать его египтянамъ, и ручался жизнію за Веніамина, когда отецъ не хотѣлъ отпустить его въ Египетъ, какъ того требовалъ Іосифъ. Его краснорѣчивое изображеніе отцовской скорби, если Веніаминъ не возвратится, было для Іосифа ближайшимъ побужденіемъ открыться своимъ братьямъ. Но что теперь будетъ! Будетъ ли Іосифъ по прежнему милостивъ къ своимъ братьямъ, или теперь, когда умеръ отецъ, пришло время разсчитаться съ ними?..

Колесница остановилась. Здѣсь гробы праотцевъ. Глухо шелеститъ вѣтеръ вершинами кипарисовъ, вокругъ гробовая тишина. Мужи подняли взоры; теперь имъ предстоитъ оказать любимому отцу послѣднюю услугу. Они снимаютъ гробъ съ колесницы. Ворота, замыкающія поляну, отворены. Въ глубокой тѣни деревъ, шумящихъ вершинами, идетъ погребальная процессія. Пришедши къ пещерѣ, спустили они гробъ, отвалили камень отъ могилъ, потомъ внесли своего

покойника въ пещеру, чтобы онъ покоился тамъ въ родовомъ склепѣ.

Камень снова положили предъ входомъ въ гробовую пещеру, ворота поляны съ рощею заперты. Сыновья возвращаются опять въ чуждую, египетскую землю; ничего не остается имъ отъ обѣтованной земли, кромѣ того дома покоя, гдѣ они похоронили умершаго отца. Все болѣе отдаляется отъ нихъ надежда на исполненіе даннаго праотцамъ обѣтованія.

ВЪ ДОМѢ РАБСТВА

Послѣ смерти Іосифа, въ теченіе почти 400 лѣтъ, Израиль размножился до $2^1/_2$ милліоновъ душъ, между которыми было 600,000 человѣкъ способныхъ носить оружіе. Позднѣйшіе египетскіе цари, забывшіе объ услугахъ, оказанныхъ Іосифомъ ихъ предкамъ, съ опасеніемъ смотрѣли на такой многочисленный народъ внутри своей земли. Имъ казалось опаснымъ, что чуждое племя, совершенно несходное съ ихъ народомъ нравами, обычаями, религіею, дѣлается все многочисленнѣе, все сильнѣе. Для громадныхъ построекъ они нуждались въ большомъ числѣ людей. Постепенно возлагали они на израильтянъ тяжкія работы, доставку и приготовленіе строительнаго матеріала, стѣсняли ихъ въ образѣ ихъ жизни и дѣлали ихъ рабами. Подъ бичами жестокихъ египетскихъ смотрителей за постройками, Израиль долженъ былъ заниматься въ египетскомъ рабствѣ трудною кирпичною работой. Такъ сдѣлался онъ рабскимъ

народомъ, упорнымъ и своенравнымъ, онъ забывалъ о своемъ высокомъ призванiи быть избраннымъ народомъ, и ждалъ того часа, когда египетское иго будетъ снято съ его выи.

Господь приготовилъ освобожденiе такъ, какъ никто не ожидалъ, никто не думалъ. По приказанiю египетскаго фараона (около 1600 г.), новорожденныя израильскiя дѣти должны быть немилосердно умерщвляемы; когда такое приказанiе не вездѣ приводилось въ исполненiе, вышло новое повелѣнiе бросать всѣхъ дѣтей въ воду. Материнской любви удалось спасти одного мальчика изъ священническаго племени Левiина отъ такой страшной участи; она рѣшилась лучше предоставить судьбу своего сына волнамъ, чѣмъ отдать его въ руки неистовыхъ убiйцъ. Она приготовила утлую корзинку изъ тростника, замазала пазы глиною и смолою, положила туда новорожденнаго младенца, и ввѣрила дорогую ношу волнамъ Нила, текущимъ въ тростникѣ у берега. Старшая сестра стояла недалеко и наблюдала за дальнѣйшею судьбою ребенка.

Солнце заходитъ, послѣднiе лучи его разливаютъ золотыя полосы свѣта на покойно струящiяся волны Нила. Послѣ жаркаго дня меркнетъ и свѣжiй вечеръ. Царская дочь выходитъ съ своими служанками на берегъ купаться въ рѣкѣ. Она видитъ корзинку, велитъ вытащить ее изъ тростника, принести и открыть. Что за диво! Плачущiй мальчикъ. Она узнаетъ въ немъ еврейскаго младенца. Состраданiе трогаетъ ея сердце. Поспѣшно подходитъ сестра дитяти и предлагаетъ отыскать еврейскую женщину, которая выкормитъ мальчика. «Ступай,» говоритъ царская дочь. Скоро она возвратилась съ матерью дитяти. Ея попеченiю врученъ сынъ, какъ бы во второй разъ дарованный, подобно Исааку. Его назвали Моисеемъ т. е. отъ воды взятымъ.

Возросши, Моисей поступилъ ко двору царской дочери; онъ зналъ о своемъ происхожденiи, и хотя получилъ воспитанiе не среди своего народа, однако сохранялъ живое

состраданіе къ бѣдствіямъ своихъ братьевъ. Предчувствіе того, что онъ будетъ спасителемъ своего народа, жило въ его душѣ. Когда одинъ израильтянинъ предъ его глазами истязуемъ былъ жестокою рукою египтянина, распалился гнѣвомъ тогда уже 40 лѣтній мужъ. Онъ убилъ египтянина и думалъ, что его не замѣтили. Но онъ ошибался, молва объ убійствѣ разошлась; непріятная вѣсть могла дойдти до слуха царскаго. Моисей долженъ былъ бѣжать, воспитанный при дворѣ царской дочери, долженъ былъ 40 лѣтъ пасти овецъ Іофора. Тогда пробилъ часъ, въ который Богъ положилъ выставить въ немъ Израилю спасителя. Моисей испугался и просилъ знаменія, съ которымъ онъ могъ бы предстать предъ лице могущественнаго фараона во главѣ своего народа, въ качествѣ его предводителя и орудія божественной силы.

На горѣ Хоривѣ, на сѣверной сторонѣ Синая, Моисей, мужъ Зиппоры, пасетъ стада своего тестя Іофора. Уже давно разбита его душевная сила, онъ не вѣритъ больше собственнымъ силамъ, но съ нетерпѣніемъ ожидаетъ исполненія божеской воли. Тутъ загорѣлся предъ нимъ кустъ яркимъ пламенемъ. Удивленный подходитъ онъ ближе, пламя не сожигаетъ кустарника; голосъ Божій напоминаетъ ему о святости мѣста, на которомъ онъ стоитъ, и поручаетъ ему какъ своему посланнику идти къ фараону и требовать отпуска израильтянъ изъ Египта. Въ сознаніи своего безсилія Моисей отклоняетъ отъ себя порученіе, но повелѣнія Божіи неизмѣнны. Какъ ручательство вѣрнаго успѣха дѣла, ему порученнаго, Моисей получаетъ чудесную силу въ трехъ видахъ. Брошенный посохъ становится змѣею; какъ только онъ беретъ змѣю, она обращается въ палку: подобно сему и рука его, укрѣпленная Богомъ, должна была нести египтянамъ смерть и разрушеніе, но потомъ отвратить отъ нихъ бѣдствія. Онъ кладетъ руку въ пазуху и рука становится прокаженною, въ другой разъ прячетъ ее, и она

становится невредимою: такъ-то было, когда онъ въ первый разъ самопроизвольно задумалъ спасти свой народъ, —онъ былъ изгнанъ изъ страны какъ прокаженный; теперь когда онъ возвращается къ нему по повелѣнію Божію, дѣло избавленія ему удастся. Онъ могъ наконецъ рукою почерпнуть воду изъ Нила, и вода сдѣлается кровью: эта вода, источникъ благоденствія въ Египтѣ, должна была рукою Моисея сдѣлаться бичомъ страны и ея жителей. Его косноязычіе въ очахъ Господа не было препятствіемъ: Ааронъ, краснорѣчивый братъ, будетъ говорить его устами.

До сихъ поръ приготовлялось освобожденіе Израиля отъ рабства, теперь началось исполненіе обѣщаннаго. Богъ оставилъ язычниковъ, которые позабыли о Немъ и исказили понятія о Немъ, Израилю же былъ путеводителемъ, а цѣль этого водительства была прославленіе Его имени.

ИСХОДЪ

Предъ трономъ жестокосердаго фараона являются два Богомъ посланныхъ израильскихъ мужа, Моисей и Ааронъ, и требуютъ во имя Бога, чтобы царь отпустилъ народъ въ пустыню на праздникъ. Пренебрегая именемъ Божіимъ, Фараонъ отказываетъ имъ и даетъ повелѣніе увеличить и безъ того уже тяжкое иго работъ. Тогда еще разъ посланники Господа приблизились къ ступенямъ трона, повторили требованія и подкрѣпили ихъ чудными дѣйствіями. Но призванные царемъ маги совершали повидимому подобныя же дѣла. Поэтому фараонъ упорно отвергалъ представленія

Моисея, хотя уже 7 дней тому вода Нила превратилась въ кровь. Теперь послѣдовали казни; лягушки, москиты, гады, моровая язва, струпы, градъ, саранча опустошали Египетъ, наконецъ трехдневная тьма простерлась надъ землею. Пока свирѣпствовала казнь, фараонъ соглашался отпустить израильтянъ, но какъ только Моисей полагалъ конецъ казни, онъ отказывался исполнить обѣщаніе. Только послѣдняя казнь, умерщвленіе всѣхъ первородныхъ изъ людей и животныхъ, похитившее также старшаго сына царя, заставили его просить къ себѣ еще во время этой страшной ночи Моисея и требовать немедленнаго выступленія съ народомъ.

Между тѣмъ сдѣланы были всѣ нужныя приготовленія къ выходу. Стоя, одѣвшись въ дорожное платье, съ посохомъ въ рукѣ, каждый домохозяинъ съ своими ѣлъ пасхальнаго ягненка. Когда былъ данъ знакъ къ выходу, весь народъ поднялся. Изъ Ремзеса, главнаго исходнаго пункта, потянулся израильскій народъ къ Геліополису на югозападъ, переночевалъ въ Зухотѣ, въ 9 часахъ пути отъ Безатина, гдѣ была песчаная равнина, потомъ имѣлъ второй ночлегъ въ 8 часахъ пути въ Этамѣ. Богъ указывалъ ему дорогу днемъ въ облачномъ столпѣ, ночью въ огненномъ, которые предъ народомъ двигались.

Еще и въ нынѣшнее время караванная дорога, идущая около сѣвернаго конца суэзскаго залива, знакома пилигримамъ, — эта дорога лежала предъ Израилемъ. Но вмѣсто того, чтобы отправиться по ней, израильтяне по повелѣнію Божію обратились къ Югу къ Пи-Хагироту въ приморской равнинѣ Бедь. Здѣсь на востокѣ у ногъ ихъ разстилается Красное море, справа и слѣва подымаются горные кряжи, и узкій, легко преградимый путь чрезъ нихъ, ведетъ къ Суэцу.

Вѣстники фараона идутъ за ними по пятамъ. Уже онъ раскаялся въ томъ, что отпустилъ ихъ. Онъ готовъ рѣшиться на все, лишь бы заставить ихъ возвратиться.

Теперь они заблудились, они оставили настоящую, широкую дорогу, по которой одной и могъ подвигаться впередъ огромный походъ людей съ множествомъ животныхъ. Они не могутъ пройти: ни моря у нихъ предъ глазами, ни горъ по сторонамъ. Поспѣшно гонцы извѣщаютъ царя: «пустыня окружила ихъ».

«Гонитесь же за ними», воскликнулъ царь. Вытаскиваютъ, боевыя колесницы, запрягаютъ лошадей; кони потрясаютъ гривою, съ фырканьемъ роютъ ногами землю, пѣна покрываетъ удила. Вооружась копьемъ и лукомъ, съ мечемъ за поясомъ, помчались воины. Вотъ приближаются будто раскаты далекаго грома. Это ѣдетъ царская колесница. Онъ самъ стоитъ на ней въ блестящихъ доспѣхахъ, около него правитель коней. Будто крылатые мчатся его чудные кони. За нимъ несется все войско фараона, безчисленная толпа всадниковъ и колесницъ.

Израиль поднимаетъ глаза и видитъ египтянъ. Такъ чтожь, или недостало гробовъ въ Египтѣ, говоритъ народъ Моисею, что ты рѣшился вывести насъ, чтобы всѣ мы погибли въ пустынѣ? Страхъ и смятеніе овладѣли ими, нигдѣ нѣтъ надежды спастись отъ мстительной руки египтянъ. «Не бойтесь, стойте твердо и смотрите», возразилъ имъ рабъ Божій: что вы теперь увидите, того больше во вѣкъ не увидите.

Ночь объемлетъ пустыню своими темными крыльями. Облачный столпъ отдѣляетъ Израиля отъ враговъ, погружая въ тьму послѣднихъ, распространяя свѣтъ надъ Израилемъ. Моисей становится на берегу моря и простираетъ свою руку на воды. Поднимается сильный восточный вѣтеръ, море осушается, воды раздѣляются, и по морскому дну сухими ногами идетъ Израиль до другаго берега. Египтяне въ слѣпой ярости слѣдуютъ за нимъ; кони, колесницы и всадники вступаютъ въ высохшее море.

Начинаетъ разсвѣтать, загорѣлась утренняя заря. Израиль

подъ защитою облачнаго и огненнаго столпа благополучно достигъ другаго берега моря. Съ изумленіемъ смотрятъ египтяне и ужасъ овладѣваетъ ими. «Бѣжимъ отъ Израиля», взываютъ они. Скрипя, ударяются другъ о друга колеса ихъ колесницъ, колесницы падаютъ, кони подымаются на дыбы и разрываютъ упряжь. Сумятица и общее разстройство распространяются въ войскѣ.

«Простри руку твою на море!» говоритъ Господь Моисею. Онъ исполнилъ. И опять пошли воды, раздѣленныя жезломъ Моисея на двѣ стороны, онѣ слились покрыли колесницы и всадниковъ. фараона и все его войско.

Волны выбрасываютъ на берегъ трупы египтянъ, осколки отъ колесницъ, коней и оружіе. «Господь есть истинный воитель, рука его поразила враговъ.»

ДАЛЬНѢЙШІЙ ПУТЬ.

Привѣтливѣе стала земля, легче путешествіе. Вздохнувшій новою жизнью, укрѣпленный въ вѣрѣ продолжаетъ Израиль свой путь. Въ Элимѣ струятся три источника, они доставляютъ прохладное, освѣжающее питье; семдесятъ финиковыхъ деревъ распространяютъ свои тѣнистыя верхушки и приглашаютъ къ отдыху подъ своею лиственною кровлею. Утомленный народъ успокоился отъ трудовъ путешествія.

Снова поднимаются они, чтобы продолжать свой путь. Пустыня Синъ, обширная, каменистая, расширяется предъ ихъ глазами; нѣтъ защиты отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, нѣтъ и съѣстныхъ припасовъ въ пустынѣ. Чтожь заставило

Моисея вести народъ въ такія мѣста? Днемъ облачный столбъ, ночью огненный идетъ предъ народомъ. Егова путеводитель своего народа!

Мало по малу потребляются взятые съ собою припасы, чувствуется недостатокъ мяса, хлѣба, необходимыхъ жизненныхъ средствъ. Не то было въ Египтѣ; при трудной работѣ пищи было довольно. «Вы завели насъ сюда для того, чтобы голодомъ погубить народъ», такъ ропщутъ израильтяне на Моисея и Аарона.

Но живъ Богъ, Онъ хочетъ только, чтобы народъ ходилъ въ Его законѣ. Онъ посылаетъ руку и вся земля насыщается Его благоволеніемъ. Ропотъ на Моисея и Аарона—ропотъ на Бога.

Жаркій день, песокъ пустыни горитъ подъ ногами измученныхъ странниковъ, лучи солнца ударяютъ имъ въ голову. Но вотъ день склоняется къ вечеру, настали сумерки, съ ними пахнуло прохладнымъ, освѣжающимъ вѣтромъ. Вотъ видны перепелы, летящіе сюда, безчисленныя стада ихъ спускаются на землю, и покрываютъ ее тысячами. Бери, Израиль, и ѣшь, ты желалъ мяса, вотъ тебѣ его вдоволь.

Разсвѣтаетъ. Туманъ опускается, роса покрываетъ землю. Вотъ взошло солнце, высохла роса, и въ пустынѣ по землѣ круглые небольшіе кусочки въ родѣ инея. Это манна Божія, это хлѣбъ, данный вамъ Богомъ. Собирай каждый столько, сколько ему нужно на день. Съ каждымъ утромъ является свѣжая пища. Только на шестой день нужно было собирать двойное количество, чтобы имѣть пищи на субботу, день Господа.

Недостаетъ воды,—опять ропотъ въ нетерпѣливомъ, упрямомъ народѣ. Моисей, по волѣ Божіей, беретъ свой посохъ, ударяетъ въ скалу, камень треснулъ, и вотъ пробивается шумящій источникъ, чтобы напоить жаждущихъ.

Тогда приближается толпа враговъ, это Амалекиты въ

полномъ вооруженіи. Искрятся копья на солнцѣ, блестятъ мечи, сіяютъ щиты, земля стонетъ подъ твердою поступью воиновъ, стремящихся на израильтянъ. Кто противустанетъ имъ! Ужели народъ, измученный трудностями путешествія, робкіе, унылые мужи? Сердце замираетъ въ ихъ груди, рука дрожитъ, подкашиваются ноги. «Выходи и сражайся», говоритъ Моисей Іисусу. А самъ отправляется на холмъ горы и возноситъ руки въ молитвѣ. Начинается битва, нападеніе враговъ отбито, они обращаются въ бѣгство. Тогда Моисей въ утомленіи опустилъ руки. Амалекъ тотчасъ останавливается, собирается съ силами и начинаетъ снова нападеніе. Израильтяне разбиты. Тогда приближаетсяАаронъ и Гуръ и поддерживаютъ вознесенныя на молитву руки Моисея, они приносятъ камень, чтобы онъ могъ сѣсть и держатъ поднятыми руки Божьяго слуги до самаго заката солнца. И гдѣ сила враговъ? Она уничтожена, раздавлена. «Я истреблю Амалека такъ, что объ немъ не будетъ больше и помину», говоритъ Господь.

НА СИНАѢ.

Выступивъ изъ Египта въ половинѣ перваго мѣсяца, въ первый день третьяго мѣсяца Евреи достигли до Синая, большой, величавой горы. У сѣверной подошвы его разстилается равнина эр-Рахагъ, 4000 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ нее вдаются два ущелья, отдѣленныя одно отъ другаго значительными горными купами. Восточная отрасль горъ называется Джебель эл-Деиръ, запад-

ная Джебель эл-Гомръ, въ срединѣ возвышается Хоривъ. Отвѣсно подымается эта крутая скала въ 1500 футовъ надъ равниною эр-Рахагъ, къ югу въ Джебель эль-Муза (Моисеева гора) возвышается до 7000 фут., и потомъ крутизною въ 2000 футовъ обрывается на группу кремнистыхъ холмовъ, за которыми расширяется большая равнина Себайже амфитеатромъ вокругъ Хорива.

Сюда привелъ Моисей народъ и сталъ лагеремъ въ равнинѣ эр-Рахагъ. Тутъ находилась у него предъ глазами огромная гора, окруженная огромными уступами, какъ бы алтарь Бога, Неприступнаго; кто въ силахъ взойти на нее! У подошвы могучей горы поставлена ограда, за которую никто не долженъ былъ переступать, тѣмъ больше всходить на нее: кто отважится на это, тотъ долженъ умереть.

Два дня прошли въ приготовленіяхъ, народъ былъ освященъ, одежды обновлены. Моисей взошелъ на гору, Господь сказалъ ему, что онъ долженъ передать народу: «если они послушаютъ Моего голоса и сохранятъ Мой завѣтъ, то будутъ избраннымъ Моимъ народомъ преимущественно предъ всѣми народами, потому что Моя вся земля!»

Такъ приблизился третій день. Наступило утро, тогда поднялись громъ, молнія, густое облако пало на гору и слышался голосъ какъ бы изъ сильной трубы. Дымился весь Синай. Господь сошолъ на землю въ огнѣ, и его дыханіе восходило какъ пещный пламень, такъ что дрожала вся гора. Трубный голосъ дѣлался все сильнѣе, Моисей говорилъ, а Богъ громко отвѣчалъ ему.

Онъ потребовалъ Моисея на вершину горы, велѣлъ ему спуститься и опять придти вмѣстѣ съ Аарономъ. Тогда Онъ сказалъ народу свой законъ въ неизмѣнныхъ словахъ десяти заповѣдей: «Ты долженъ» и «Ты не долженъ!» Слово Господа не допускаетъ никакихъ условій, никакого выбора. За Него или противъ Него: третьяго нѣтъ. Дыханіе горы, трубные звуки, молнія и громъ утверждаютъ Моисеевъ законъ. Небо

и земля пройдутъ, законъ Господа останется вѣчно. Народъ видитъ страшное величіе Высочайшаго, онъ бѣжитъ и издали даетъ знать: «Говори ты съ нами, обращается онъ къ Моисею съ такими словами, мы будемъ слушаться тебя, пусть Богъ не говоритъ съ нами, иначе всѣ мы умремъ».

* * *

«Мы будемъ исполнять все, что Господь сказалъ!» Таковъ единодушно высказанный Израилемъ обѣтъ! Моисей записываетъ всѣ слова Господа для всегдашняго памятованія.

Наступаетъ утро, слуга Божій выходитъ къ подошвѣ Синая. Равнина еще покрыта сумерками; свѣтъ солнца блеститъ на вершинѣ горы, вѣнецъ изъ лучей горитъ вокругъ святаго мѣста божественнаго откровенія. По мѣрѣ того какъ солнце поднимается выше и выше, свѣтъ спускается внизъ; вершина горы покрывается облаками, сіяющая вершина исчезла, а туловище горы горитъ въ блескѣ утренняго солнца.

Моисей собираетъ лежащіе въ долинѣ обломки скалы. Онъ строитъ алтарь съ двѣнадцатью столбами по числу колѣнъ Израиля. Тогда устроиваетъ онъ жертву всесожженія и жертву благодарности изъ молодыхъ быковъ. Половину крови освященныхъ животныхъ беретъ онъ и кропитъ ею алтарь, другую половину собираетъ въ сосудъ.

Между тѣмъ собрался весь народъ, толпою стоитъ онъ около священнаго мѣста жертвоприношенія. Моисей открываетъ книгу завѣта, громкимъ голосомъ читаетъ въ слухъ народа то, что въ ней написано, законъ Бога. Сильно, подобно звукамъ праздничныхъ колоколовъ, раздаются слова по равнинѣ, въ горахъ отдается ихъ эхо; кажется, что самъ Богъ въ другой разъ говоритъ съ дымящейся вершины Синая. Дрожитъ Израиль въ священномъ ужасѣ, онъ снова одними устами заявляетъ свой святой обѣтъ: «Все, что Богъ сказалъ, будемъ мы дѣлать и слушать Его. Земля внима-

етъ, свидѣтельствуетъ небо и Тотъ, кто живетъ на небесахъ».

Теперь Моисей беретъ жертвенную чашу и кропитъ кровью народъ. «Смотрите, говоритъ онъ, это кровь завѣта, который Богъ заключилъ съ вами о всѣхъ сихъ словахъ!»

* *
*

Много недѣль прошло съ того дня, когда дымился Синай. Израиль все еще отдыхаетъ въ лагерѣ у подножія горы. День онъ ходитъ, ночью покоится подъ покровомъ Вышняго, онъ ѣстъ и пьетъ то, что Богъ ему даетъ; но забылъ о законѣ Бога, и Моисей удалился отъ него.

«Иди ко Мнѣ на гору и останься здѣсь!» Такова воля Бога. Моисей повиновался; сквозь облака, покрывавшія гору въ теченіе шести дней, достигъ онъ въ седьмой день вершины горы, изъ которой выходилъ голосъ. Онъ видитъ величіе Божіе, видитъ Бога лицомъ къ лицу. Онъ получаетъ изъ Его рукъ каменныя доски завѣта, и изъ Его устъ слышитъ слова закона.

«Гдѣ Моисей?» раздается говоръ народа. Назойливые вопросы идутъ по лагерю. «Ужь не случилось ли чего съ нимъ?» съ безпокойствомъ говорятъ одни. «Нашъ вождь, изведшій насъ изъ Египта, гдѣ онъ?» взываютъ съ трепетомъ другіе. Кругомъ стелется страшная пустыня, нѣтъ хлѣбныхъ полей, нѣтъ плодоносцаго дерева. Только крики коршуновъ, ждущихъ поживы, слѣды шакала на сухомъ пескѣ, да ступни льва.

Синай грозно уходитъ въ облака, неприступныя скалы кругомъ, кто ступитъ на нихъ, погибнетъ. Солнце жжетъ горячимъ блескомъ, штормъ вздымаетъ пески, сухъ воздухъ, трудно дышать. Медленно проходятъ дни, тянутся ночи, а Моисей, единственный человѣкъ, который могъ бы вывести изъ этой пустыни, не возвращается, его нѣтъ.

Нетерпѣливый, снѣдаемый тоскою народъ, собирается вокругъ Аарона. „Дѣлай намъ боговъ, которые бы предъ нами шли.» И онъ, въ страхѣ передъ настойчивыми требованіями народа, приказываетъ: «Возьмите золотыя серги у вашихъ женъ, сыновей и дочерей и несите ихъ ко мнѣ». Онъ беретъ грифель и чертитъ изображеніе идола, изображеніе тельца. Потомъ зоветъ ковачей, которые топятъ золото и выливаютъ форму по чертежу. Горнило дымится, металлъ течетъ, наполняетъ форму и вотъ готовъ золотой телецъ. «Это твой богъ, Израиль, который вывелъ тебя изъ египетской земли.»

Тогда Ааронъ строитъ алтарь и приказываетъ провозгласить: «Завтра праздникъ Іеговы.»

Наступаетъ день. Едва занялась на востокѣ заря, Израиль поднимается изъ лагеря. Онъ одѣвается въ праздничное платье, выбираетъ воловъ, которыхъ должно принести во всесожженіе. И когда первые лучи солнца заиграли на золотомъ идолѣ, онъ садится ѣсть и пить, потомъ встаетъ для ликованья.

Громко раздаются праздничные клики тѣхъ, которые ведутъ хороводъ вокругъ тельца.

Богъ видитъ все это съ своей святой горы. Онъ говоритъ Моисею: «Оставь Меня, чтобы Мой гнѣвъ возгорѣлся и истребилъ ихъ!» Но Моисей не оставляетъ Его, умоляя онъ напоминаетъ Господу посрамленіе Египтянъ, собственныя Его обѣтованія и клятвы. Потомъ онъ спускается внизъ, и полный святаго гнѣва бросаетъ скрижали и разбиваетъ ихъ у горы, сожигаетъ тельца и прахъ отъ него бросаетъ въ воду, которую Израиль долженъ пить. Онъ обращается къ Аарону съ вопросомъ. «Что сдѣлалъ тебѣ народъ, что ты возложилъ на него столь великій грѣхъ?» Потомъ предъ воротами лагеря онъ воскликнулъ: «Идите ко мнѣ всѣ, которые слушаютъ Господа!» Сыны Левіины собрались вокругъ него. «Опояшьте мечи около

чреслъ вашихъ, повелѣваетъ онъ во имя Бога, и истребляйте своихъ братьевъ, друзей и ближнихъ!» Непреложенъ, неотвратимъ кровавый судъ Бога! Три тысячи пало искупительною жертвою отступничества отъ Бога.

СВЯТИЛИЩЕ.

Лагерь Израильтянъ въ пустынѣ былъ расположенъ по двѣнадцати именамъ. Цѣлое образовало большой четырехъугольникъ, расположенный лицомъ къ востоку, мѣсту солнечнаго восхода; на каждой сторонѣ стояли шатры трехъ племенъ. На востокѣ въ срединѣ стоялъ Іуда, получившій обѣтованіе Мессіи, около него Зевулонъ и Исахаръ. Къ сѣверу Невфалимъ, Данъ, Ассиръ; на Западѣ Веніаминъ, Эфремъ, Манассія, и на Югѣ Симеонъ, Рувимъ и Гадъ. Внутри этого четырехъугольнаго шатра, стояла скинія завѣта, окруженная и оберегаемая Левитами. Собственно священникъ Ааронъ и его сыновья поставили свои палатки на восточной сторонѣ, на остальныхъ сторонахъ стояли шатры трехъ сыновей Левія, именно къ югу Кагатиты, къ западу Герсониты, къ сѣверу Merариты.

Скинія завѣта, святыня Израиля, была переноснымъ зданіемъ, которое можно бюло разбирать и опять складывать. Бецалель и Агаліабъ построили ее по предписаніямъ, даннымъ отъ Бога. Въ первый день втораго года по исходѣ израильтянъ изъ Египта она устроена Моисеемъ и когда зданіе было окончено, облако покрыло зданіе скиніи и величіе Господа наполнило домъ.

Важнѣйшимъ праздникамъ Израиля былъ праздникъ очищенія или примиренія. Онъ праздновался въ десятый день седьмаго мѣсяца, Тисри. На внѣшнемъ дворѣ, длиною въ 100 локтей, шириною въ 50 локтей, который окружалъ скинію, стоялъ собранный народъ и ожидалъ жрецовъ. Виссоновыя завѣсы между столбами образовали внѣшнюю границу внѣшняго двора, входъ на который былъ съ восточной стороны. Во главѣ священниковъ шолъ первосвященникъ, который только въ этотъ праздникъ совершалъ обрядъ. Онъ имѣлъ не обыкновенную одежду своего званія, но бѣлую полотняную: длинное исподнее платье съ рукавами, платье по бедрамъ, поясъ и повязку на головѣ. За нимъ вели животныхъ, назначенныхъ для жертвоприношенія, тельца и овна, которыхъ онъ приносилъ за свои грѣхи и за грѣхи своего дома; кромѣ того двухъ козловъ, которыхъ народъ приводилъ для жертвы умилостивительной за грѣхи всѣхъ людей.

Когда первосвященникъ умоетъ руки и ноги въ большомъ, мѣдномъ умывальникѣ, находящемся на внѣшнемъ дворѣ, приводятъ тельца къ жертвенному алтарю, сдѣланному изъ акацій и обшитому мѣдью, алтарь стоялъ тоже въ преддверіи. Между тѣмъ ставили двухъ козловъ передъ входомъ въ скинію, и первосвященникъ рѣшалъ по жребію, котораго изъ нихъ слѣдуетъ принести въ жертву. Потомъ онъ приступилъ къ жертвенному алтарю, положилъ руку на тельца въ знакъ того, что онъ переноситъ на него свои грѣхи, и убилъ его. Затѣмъ бралъ нѣсколько крови тельца и вступалъ въ святилище скиніи. Здѣсь бралъ онъ съ кадильнаго алтаря, стоявшаго посреди скиніи, кадильницу, и клалъ двѣ полныхъ горсти фиміама на горящіе угли. Потомъ онъ проходилъ около седмиручнаго подсвѣчника изъ литаго золота и и стола, на которомъ лежали хлѣбы предложенія, отдергивалъ драгоцѣнную завѣсу, на которой вышитъ былъ херувимъ; эта завѣса отдѣляла святилище отъ святая святыхъ,

куда и входилъ первосвященникъ. Только онъ, и только въ этотъ день могъ вступить въ это мѣсто. Дымъ, несшійся изъ кадильницы, совершенно покрывалъ кивотъ завѣта, который стоялъ во святая святыхъ. Каппоретъ, или покровъ, называемый очистилище, былъ сдѣланъ изъ чистаго золота; на каждомъ концѣ покрова находился херувимъ въ нѣсколько выдающемся впередъ положеніи и съ распростертыми крыльями. Ихъ лица наклонены одно къ другому, ихъ взоры опущены на ковчегъ завѣта. Это былъ четырехъ-угольный ящичекъ изъ акаціеваго дерева, выложенный извнѣ и извнутри золотомъ, и окружонный золотымъ вѣнцомъ. Въ немъ лежали скрижаль закона, сосудъ съ манною, и въ послѣдствіи процвѣтшій жезлъ Аарона изъ миндальнаго дерева. Святая святыхъ, тронъ Еговы, былъ мѣстомъ совершенно темнымъ, только чрезъ отдернутый занавѣсъ падалъ нѣкоторый свѣтъ изъ святилища въ мѣсто безмолвія.

Первосвященникъ семь разъ омокнулъ палецъ въ кровь жертвеннаго животнаго, и семь разъ окропилъ кровью крышку священнаго кивота. Этимъ онъ символически искуплялъ свои грѣхи. Подобнымъ же образомъ потомъ кровью овна онъ искуплялъ грѣхи своего дома, всего племени священниковъ, а кровью одного козла грѣхи всего народа.

Наконецъ слѣдовалъ послѣдній актъ праздника жертвоприношенія. Другой жребіемъ выбранный козелъ на внѣшнемъ дворѣ стоялъ предъ первосвященникомъ. Послѣдній положилъ руки на голову животнаго, перенесъ на него всѣ грѣхи и преступленія народа и передалъ его за тѣмъ одному изъ окружающихъ его лицъ, который долженъ былъ вывести его изъ лагеря въ пустыню, такъ чтобы онъ больше не возвращался. Такъ въ символическихъ образахъ снимались грѣхи съ народа и удовлетворена была божеская правда.

Съ благоговѣніемъ смотрѣлъ собравшійся народъ на этотъ священный обрядъ, къ которому приготовлялся постомъ.

Но праздникъ и церемоніи еще не оканчивались этимъ. Въ то время, когда народъ стоялъ на дворѣ въ ожиданіи, первосвященникъ опять входилъ въ скинію свидѣнія. Здѣсь снималъ онъ льняную одежду, омывался водой въ священномъ мѣстѣ и являлся уже въ своей обыкновенной одеждѣ для жертвы всесожженія. Онъ имѣлъ подобно другимъ священникамъ нешитое исподнее платье съ узкими рукавами, набедренную одежду и поясъ, обвернутый нѣсколько разъ вокругъ тѣла; надъ всѣмъ этимъ облаченіе, свойственное его сану. Съ плечъ до колѣнъ спускалось дорогое голубое верхнее платье, внизу обвѣшанное украшеніями въ видѣ гранатныхъ яблоковъ и колокольчиками. Когда онъ шолъ, колокольчики звенѣли въ знакъ того, что онъ, первосвященникъ, какъ носитель божественнаго откровенія, долженъ и другимъ проповѣдывать оное.

Грудь и спина были вышиты золотыми нитками (канитель) и покрыты четырехъцвѣтнымъ эфодомъ. На плечахъ сіяли ониксы, оправленные въ золото, они застегивали обѣ половины эфода. Каждый изъ этихъ камней носилъ имя шести колѣнъ, которыя на нихъ были вырѣзаны рѣзцомъ. Въ срединѣ на груди блестѣлъ хошенъ, прикрѣпленный золотыми кольцами къ эфоду и золотыми цѣпочками къ ониксу на плечахъ. Внизу онъ приклѣпленъ былъ гіацинтовыми лентами. По верхнему краю шли въ четыре ряда, одинъ подъ другимъ, двѣнадцать золотомъ оправленныхъ драгоцѣнныхъ камней, изъ которыхъ каждый носилъ названіе одного колѣна. Голова первосвященника была покрыта повязкою, похожею на тюрбанъ, на которой впереди надъ челомъ находилась діадема, тонкая золотая пластинка, на которой была надпись: святость Еговы.

Такъ собирался онъ приносить жертву всесожженія за себя и за народъ. Онъ полагалъ на алтарь куски мяса убитыхъ животныхъ, чтобы сжечь ихъ во славу Божію. Оставшіяся части животнаго, принесеннаго въ искупительную

жертву, равно и козла, не были назначаемы для обѣда, но были выносимы предъ лагерь и тамъ сожигаемы; потому что всякая жертва за грѣхи, которой кровь внесена была въ скинію, для умилостивленія съ святѣйшимъ существомъ, по закону не могла быть пищею, но предавалась пламени.

ПУСТЫНЯ.

Цѣлый годъ простоялъ Израиль у горы Синая. Отпраздновавъ во второй разъ праздникъ пасхи, собрался онъ далѣе въ дорогу. Родственникъ Моисея Ховавъ, знакомый съ страною, служилъ въ походѣ предводителемъ, а облако—признакъ присутствія Божія, стоявшее надъ скиніею поднялось и показывало направленіе, которому должно слѣдовать. Но трудности путешествія въ степи; неизбѣжныя лишенія при походѣ чрезъ совершенно невоздѣланную землю, возбуждали недовольство въ народѣ, которое часто проявлялось въ ропотѣ противъ Моисея и даже противъ Бога. Правда, наказаніе слѣдовало тотчасъ за непослушаніемъ—огонь истреблялъ внѣшній лагерь, язва похищала множество народа; но при дѣйствительной нуждѣ всегда являлась помощь—Господь питалъ народъ манною и перепелами. Но народъ, избалованный долгимъ покоемъ упорствовалъ въ своемъ малодушіи.

Наконецъ въ началѣ втораго года своего странствованія, Израиль достигъ южной границы Ханаана при Кадесъ Барнеа въ пустынѣ Паравъ. Двѣнадцать мужей отправлены были за границу развѣдывать страну. По возвращеніи они разсказывали о необычайнсмъ плодородіи страны, и принесли въ до-

казательство своихъ словъ виноградную лозу, на которой висѣла кисть, которую двое держали на палкѣ. Но они также разсказывали о большомъ сильномъ народѣ и многихъ укрѣпленныхъ городахъ, которые они едва ли въ силахъ взять. Израиль былъ опечаленъ и возмущенъ такими извѣстіями, и когда Іисусъ и Халевъ, бывшіе въ числѣ соглядатаевъ, ободряли народъ и внушали ему мужество, ихъ едва не побили камнями.

Тогда Богъ положилъ конецъ нерѣшительности: сорокъ лѣтъ должно было продолжаться странствованіе по пустынѣ, только по прошествіи этого времени они могли принять во владѣніе землю. Тѣ, которые пытались теперь овладѣть страною вопреки волѣ Божіей, были побиваемы Амалекитами и Хананитами.

*
* *

Такъ долженствовалъ Израиль еще 38 лѣтъ провести въ пустынѣ. Потому что всѣ мужи, видѣвшіе величіе Господа и его знаменія въ Египтѣ и пустынѣ, и многократно искушавшіе его, не хотѣвшіе слушать Его голоса, не должны были увидѣть земли, которою Онъ клялся отцамъ ихъ; никому не должно было видѣть землю изъ людей, которые поносили Его.

Тогда начинается открытое возмущеніе. Дафанъ и Авиронъ изъ племени Рувима, перворожденнаго сына Іакова,—у Синая въ этомъ племени считалось 46,500 душъ,—заявили права на господство. Корахъ, Кагатидъ, добивается первосвященства. Его, Дафана и Авирона, вышедшихъ изъ своихъ палатокъ съ женами и дѣтьми, поглотила земля съ жилищами и имуществомъ. Двѣсти пятьдесятъ мужей, приставшихъ къ Кораху и приносившихъ ѳиміамъ въ жертву, пожралъ огонь. Вмѣсто того чтобы молчать и повиноваться, народъ снова начинаетъ возмущеніе, злоба его распространяется

на Моисея и Аарона. Они бѣгутъ въ скинію, и внезапный судъ начинаетъ убивать возмутителей. Ааронъ кладетъ ѳиміамъ въ священную кадильницу и спѣшитъ къ народу. Тогда наказаніе было остановлено, но 14,700 человѣкъ были уже убиты.

Потомъ послѣдовали 38 лѣтъ скитанія по пустынѣ. Въ священной исторіи осталось только упоминаніе о такихъ мѣстахъ, гдѣ останавливались евреи. Но мало по малу приближается граница обѣтованной земли, и въ первый мѣсяцъ сороковаго года по исходѣ изъ Египта приблизилось опять къ Кадесу на южной границѣ Ханаана уже новое поколѣніе, послушное голосу Господа.

Еще разъ впрочемъ явился народъ непослушнымъ и упрямымъ, когда появился недостатокъ въ водѣ. Въ малодушіи онъ роптвлъ на Моисея и Аарона: «зачѣмъ привели сюда народъ Господа на нашу гибель и съ нашими стадами?» Богъ велѣлъ Моисею взять жезлъ и ударить скалу, которая источитъ воду. Но самъ Моисей не съ полною вѣрою, поднялъ руку и ударилъ два раза въ скалу. Правда, она источила въ обиліи воду, но Моисей и Ааронъ подверглись суду Бога. Такъ какъ они своимъ малодушіемъ и досадою не почтили Господа предъ сынами Израиля, то и не должны были ввести народъ въ обѣтованную землю.

Новыя препятствія предстояли при входѣ въ эту землю, и опять замедлялся болѣе чѣмъ когда либо ожидаемый моментъ занятія страны. Эдомиты, потомки Исава, значитъ родственный Израилю народъ, отказали ему въ проходѣ чрезъ свою землю, и хотя Моисей обѣщалъ имъ уплату за все, что Израильтяне будутъ брать па пути, все-таки получилъ отвѣтъ: «вы не должны проходить чрезъ нашу страну.» Эдомиты выступили противъ израильтянъ съ сильнымъ, хорошо вооруженнымъ войскомъ. Тогда поднялся Израиль изъ Кадеса и пошолъ вдоль Эдомитской горы на западъ. На горѣ Хоръ умеръ Ааронъ, передавъ первосвя-

щенническое достоинство вмѣстѣ съ облаченіемъ своему сыну Елеазару. Тридцать дней плакалъ по немъ весь народъ.

Пришло время, когда Израиль долженъ былъ съ мечомъ въ рукѣ пролагать себѣ дорогу, для того чтобы достигнуть обѣщанной цѣли. Нападеніе ханаанскаго царя, владѣтеля Арада, въ которомъ послѣдній увелъ въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, было образцомъ длиннаго ряда битвъ. Народъ шолъ далѣе къ тростниковому морю, Эланитскому заливу. Въ раздраженіи народъ снова началъ роптать на Моисея; причиною недовольства была манна, легкая пища, которая ему надоѣла. Тогда появились ядовитые змѣи, отъ укушенія которыхъ многіе умирали. Такое наказаніе произвело большое дѣйствіе. Сознавъ свои грѣхи, Израиль просилъ у Моисея заступничества предъ Богомъ. И мѣдный змій, знаменіе креста Христова, былъ поставленъ предъ народомъ. Лишь посмотритъ на него укушенный, тотчасъ исцѣляется.

Наконецъ народъ достигнулъ горы Аварима, границы Моавитской земли, противъ которой онъ не предпринималъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій. При Арнонѣ, текущемъ въ Іорданъ, израильтяне стали лагеремъ. Между этою рѣкою на югѣ и Ябокомъ на сѣверѣ жили Амориты, которые не задолго предъ тѣмъ изгнали Аммонитянъ и Моавитянъ. Моисей послалъ въ Хесбонъ, столицу Аморитскаго царя Сихона, посольство, и просилъ пропуска чрезъ его землю. Сихонъ вышелъ противъ него съ войскомъ. При Яхцѣ израильтяне разбили его на голову, и завоевали всю землю до Ябока. Безостановочно походъ продолжался далѣе за эту рѣку къ Бозану. Тутъ жилъ царь Огъ, который вышелъ съ войскомъ. «Не бойся, было слово Господа къ Моисею, Я предаю его тебѣ съ землею и людьми.» При Эдрей произошла битва, въ которой Огъ палъ съ своими сыновьями и народомъ, такъ что никто не ушолъ.

Эдрей былъ самый дальній сѣверный городъ, до котораго дошолъ народъ. Южнѣе, въ странѣ богатой пальмами, ок-

ружонной горами, насупротивъ Іерихона, израильтяне расположились станомъ для того, чтобы отсюда перейти Іорданъ. Но тутъ нужно было выдержать жаркую битву. Моавитскій царь Балахъ соединился съ Мадіанитами противъ Израиля. Чтобы получить предсказаніе о своей побѣдѣ, онъ вызвалъ изъ Месопотаміи знаменитаго мага Билеама (Валаамъ) чтобы онъ проклялъ Израиля. Но языкъ Валаама вмѣсто проклятій, которыя онъ хотѣлъ произнести, говорилъ благословенія сначала на возвышеніи Ваалъ, потомъ на горѣ Пизга, и въ третій разъ на горѣ Пеоръ. Балакъ не хотѣлъ сражаться, и Мадіаниты прибѣгнули теперь къ хитрости. Они склонили израильтянъ къ отступничеству отъ Бога; въ наказаніе за это язва въ короткое время истребила 24000 человѣкъ. За тѣмъ Мадіаниты были побѣждены, города ихъ выжжены, всѣ мужи, женщины, отроки, кромѣ неженатыхъ, были умерщвлены. Это были послѣдніе враги на восточной сторонѣ Іордана, которая была такимъ образомъ завоевана.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ МОИСЕЯ.

Приближался часъ, когда Моисей, слуга Божій, долженъ былъ отойти къ своимъ отцамъ. И онъ, подобно Аарону, могъ только посмотрѣть на обѣтованную землю, но не ступить на нее. Еще разъ бесѣдуетъ онъ съ народомъ обстоятельно, подробно. Все, что Богъ ему повелѣлъ, передаетъ онъ народу, напоминаетъ ему побѣды, которыя Богъ даровалъ ему надъ его врагами, благодѣянія, которыя онъ по-

лучалъ во время странствованія въ пустынѣ, и поощряетъ его къ вѣрности и послушанію Господу. Потому присоединяетъ великія обѣщанія, которыхъ удостоился Израиль, не умалчиваетъ и объ угрозахъ, которыя должны исполниться, если народъ забудетъ Бога и не соблюдетъ его заповѣдей.» Сегодня я призываю небо и землю предъ вами во свидѣтели, такъ заключилъ онъ свою сильную рѣчь, я предложилъ вамъ жизнь и смерть, благословеніе и проклятіе, чтобы вы избрали жизнь, чтобы вы и ваше сѣмя могло жить; чтобы вы возлюбили Господа, вашего Бога, и голоса Его послушали и Ему служили. Потому что въ томъ твоя жизнь, Израиль, и твое долголѣтіе, чтобы жить тебѣ въ землѣ, которою Господь клялся праотцамъ, Аврааму, Исааку и Іакову дать вамъ во владѣніе.»

Тогда призвалъ онъ къ себѣ Іисуса, пошолъ съ нимъ въ скинію, гдѣ отъ Господа передалъ ему предводительство надъ народомъ. Затѣмъ онъ пополнилъ книгу законовъ и приказалъ левитамъ положить ее въ святой ковчегъ, чтобы она была свидѣтелемъ противъ Израиля, если онъ отступитъ отъ закона. Наконецъ онъ предъ всѣмъ народомъ прославилъ Бога, благословилъ родъ и каждое племя отдѣльно и въ заключеніе сказалъ: «благо тебѣ, Израиль, нѣтъ тебѣ равныхъ! Будь же, народъ, благословенъ отъ Господа, который щитъ тебѣ въ своей помощи и мечъ въ твоей побѣдѣ. Твои враги падутъ и ты взойдешь на ихъ высоты.»

Послѣ этого торжественнаго прощанья онъ удалился, никто больше не говорилъ слова съ нимъ. Онъ взошелъ на гору Небо, лежащую противъ Іерихона, и посмотрѣлъ на землю обѣтованія. Она раскинулась предъ нимъ со всею своею роскошью. Это былъ настоящій садъ Господа, страна плодородная и прекрасная, какой не было больше на землѣ. И Господь, приведшій его сюда, сказалъ ему: «вотъ земля, которою Я клялся Аврааму, Исааку и Іакову и говорилъ:

Я дамъ ее твоему потомству. Ты видѣлъ ее своими глазами, но не можешь пройти въ нее!» Счастливый этимъ взглядомъ, въ которомъ вѣра сдѣлалась видѣніемъ, умеръ Моисей, величайшій пророкъ ветхаго завѣта. Никто не нашолъ его гроба, потому что теперь слѣдовало не обожать его кости, но вѣровать въ его писанія.

ГЕДЕОНЪ.

Война израильтянъ за страну къ западу отъ Іордана длилась семь лѣтъ. Въ это время разбиты были 30 Хананскихъ князей, и хотя многія крѣпости все еще оставались въ рукахъ язычниковъ, и филистимляне на югѣ Ханаана еще не были побѣждены, все таки можно было приступить къ раздѣленію страны между двѣнадцатью колѣнами. Это было послѣднее дѣло Іисуса, какъ предводителя народа. Въ преклонныхъ лѣтахъ онъ умеръ, еще разъ торжественно давъ увѣщаніе народу о послушаніи и вѣрности Еговѣ. «Не будетъ того, возразилъ Израиль, чтобы мы оставили Господа и послужили инымъ богамъ; Ему хотимъ мы служить, Онъ нашъ Богъ!»

Но какъ скоро забылъ Израиль о своемъ желаніи и своемъ обѣщаніи! Послѣдовавшее за симъ время судей, періодъ болѣе 400 лѣтъ, было безпрерывною цѣпью отпаденій и обращеній. Отпаденіе приносило съ собою войну, порабощеніе, нужду и бѣдствія; обращеніе на оборотъ побѣду, покой, счастіе и миръ.

* * *

На полѣ Іоаса въ Офрѣ стоялъ дубъ, далеко раскинувшій свои сучья и вѣтви, доставлявшій защиту противъ жара солнечныхъ лучей. Недалеко отъ него Гедеонъ, сынъ Іоаса, молотилъ пшеницу. Сердце его было наполнено страхомъ; потому что уже семь лѣтъ Израиль стоналъ подъ игомъ Мадіанитянъ, въ руки которыхъ Господь предалъ народъ за его непослушаніе. Ежегодно, когда поспѣвалъ посѣвъ, язычники вторгались въ землю; подобно стаду саранчи многочисленные и жадные, собирали они то, что сѣялъ Израиль, и уводилъ съ собою овецъ, рогатый скотъ и ословъ. Народъ бѣжалъ въ горы.

Случилось, что ангелъ Господа сидѣлъ подъ дубомъ; Гедеонъ молотилъ пшеницу, Ангелъ явился ему и сказалъ: «Господь съ тобою, храбрый мужъ!» И когда Гедеонъ въ въ недоумѣніи возразилъ ему: «Господь оставилъ насъ и предалъ въ руки Мидіанитовъ!» Ангелъ продолжалъ: «соберись съ своею силою, ты долженъ освободить Израиля изъ рукъ Мадіанитянъ. Смотрижь, я тебя послалъ.» Гедеонъ шолъ принести жертву, онъ убилъ козла, положилъ мясо на камень, и прибавилъ опрѣсноки. Тогда ангелъ прикоснулся къ жертвѣ концомъ жезла, который онъ держалъ въ рукѣ, огонь вышелъ изъ скалы и пожралъ мясо и опрѣсноки. Въ память своего призванія Гедеонъ соорудилъ на этомъ мѣстѣ алтарь.

* * *

Наступила ночь, сдѣлалось темно. По приказанію Господа Гедеонъ взялъ 10 своихъ рабовъ, подошелъ къ скалѣ, гдѣ Израиль поставилъ алтарь Ваалу, низвергнулъ его и велѣлъ своимъ людямъ срубить деревья, которыя тамъ сто-

яли. Потомъ поставилъ онъ другой алтарь, положилъ на него дрова отъ поваленныхъ деревьевъ и принесъ Господу въ жертву молодаго быка.

На другое утро жители Офры увидѣли разрушеніе капища Ваала. Они отыскивали разрушителя, и когда узнали, что это сдѣлалъ Гедеонъ, пришли къ Іоасу и говорили: «выдай своего сына, онъ долженъ умереть.» Но отецъ отвѣчалъ словами: «Если Ваалъ богъ, пусть онъ самъ заступается за себя, что его алтарь разрушенъ.» Пристыженный народъ разошолся.

* * *

Опять пришли въ страну Мадіаниты, съ ними Амалекиты и другіе языческіе народы, чтобы собрать жатву, которой не сѣяли и пограбить стада Израиля. Тогда Гедеонъ велѣлъ трубить въ военныя трубы, чтобы собирались къ нему люди, способные сражаться. Пришло 32,000 человѣкъ. Но не всѣ они одушевлены были равнымъ мужествомъ, поэтому Гедеонъ отпустилъ 22,000 и только 10,000 удержалъ при себѣ. Но и этого было много по мысли Божіей; 300 человѣкъ оставилъ онъ, а остальныхъ отпустилъ домой. Съ этимъ небольшимъ отрядомъ Гедеонъ выступилъ противъ Мадіанитянъ и расположился станомъ противъ нихъ. Ихъ было много какъ саранчи, а верблюдовъ ихъ и не сочтешь, какъ песокъ на берегу моря.

* * *

Два мадіанитскихъ мужа сидѣли ночью въ своей палаткѣ и разговаривали между собою.

Одинъ разсказываетъ другому сонъ: «Слушай, мнѣ снилось, будто бы хлѣбъ, испеченный изъ ячменя, приблизился къ мадіанитскому войску, и когда взошолъ на па-

латки, ударилъ на нихъ и повернулъ ихъ низомъ вверхъ, такъ что онѣ разбились. «Слушавшій со страхомъ вскричалъ: «Горе намъ, это не что иное, какъ мечъ Гедеона, Іоасова сына, израильтянина. Богъ предалъ Мадіанитянъ въ его руки.» Больше они уже не разговаривали.

За ихъ палаткою стоялъ Гедеонъ съ отрокомъ Фурой. Незамѣчаемый никѣмъ, во мракѣ ночи пробрался онъ въ лагерь. Онъ слышалъ чудныя рѣчи и вѣрилъ значенію сна. Въ молитвѣ онъ палъ на колѣна и восхвалилъ Того, кто обѣщалъ побѣду его оружію.

Еще не прошла ночь, еще тьма покрывала лагерь израильтянъ и враговъ. Тогда Гедеонъ собралъ своихъ 300 мужей и сказалъ имъ: «Мужайтесь, Господь предаетъ мидіанитское войско въ ваши руки!» Каждому изъ нихъ онъ далъ трубу, пустую кружку и факелъ, приказалъ слѣдовать за собою, и когда онъ затрубитъ, они должны тоже дѣлать. «Здѣсь мечъ Господа и Гедеона!» таковъ былъ бранный кликъ.

Тремя отрядами выступили израильтяне, тихимъ, неслышнымъ шагомъ. Они обошли лагерь Мидіанитянъ; стража спала, никто не чаялъ нападенія. Тогда Гедеонъ затрубилъ, 300 мужей послѣдовали его примѣру. Въ лѣвой рукѣ они держатъ горящіе факелы, по лагерю разлился страшный свѣтъ. Они бросили кружки отъ себя, которыя съ трескомъ разбились; «Мечъ Господень и Гедеона» раздалось по палаткамъ и пробудило спящихъ. Трубные звуки и клики такое смятеніе произвели въ станѣ, что непріятели вмѣсто того чтобы обратиться на Израиля, нападали другъ на друга. Тѣ, которые спаслись отъ дикой сѣчи, обратились въ бѣгство. Часть израильтянъ преслѣдовала ихъ, другая часть, которой Гедеонъ далъ извѣстіе, преградила непріятелю дорогу чрезъ Іорданъ. Пораженіе враговъ было полное, войско было истреблено, два предводителя взяты въ плѣнъ, 120,000 воиновъ убито.

* *
*

Истомленный ночною битвою небольшой отрядъ побѣдоносныхъ Израильтянъ вступалъ въ ворота города Сухота и требовалъ подкрѣпленія и покоя. Но власти Сухота отказали и говорили: «Еще не въ вашихъ рукахъ кулаки Себаха и Салмуны.» Оскорбленный Гедеонъ повелъ свои усталыя войска къ Пнуэлю. Но и здѣсь отказали имъ въ пристанищѣ. Тогда поднялся онъ на мидіанитскихъ царей Себаха и Салмуну. Онъ неожиданно напалъ на ихъ войско въ 15,000 человѣкъ и взялъ въ плѣнъ обоихъ князей. Потомъ наказалъ онъ Сухотъ и Пнуэль, разрушилъ въ Пнуэлѣ башню и истребилъ жителей. Подобная же участь постигла плѣнныхъ царей, они пали подъ мечемъ Гедеона.

Послѣ такихъ геройскихъ подвиговъ Израиль предложилъ Гедеону наслѣдственное царское достоинство. Но онъ отвергъ предложеніе, полный благороднаго негодованія, сказалъ: «Я не хочу быть вашимъ господиномъ, мой сынъ также не хочетъ быть господиномъ надъ вами,—Господь долженъ быть вашимъ Господомъ!» Скоро однако забылъ онъ эту рѣчь. Изъ сокровищъ мадіанитской добычи велѣлъ онъ сдѣлать великолѣпную одежду и принести ее въ Офру, гдѣ ей воздавали божескія почести. Гедеонъ прожилъ еще 40 лѣтъ и Израиль въ это время пользовался благодѣяніями мира. Но послѣ его смерти опять началъ строить алтари Ваалу, и внутреннія несогласія разстроивали его благосостояніе.

КАРТИНЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ВОСТОКА.

ВАВИЛОНЪ И НИНЕВІЯ.

Съ арменской возвышенности почти въ параллельномъ направленіи текутъ къ югу двѣ рѣки, Евфратъ и Тигръ, соединяющіяся другъ съ другомъ въ своемъ нижнемъ теченіи и впадающія въ Персидскій заливъ. Воды Евфрата ежегодно два раза въ Апрѣлѣ и Ноябрѣ выступаютъ изъ своихъ низкихъ береговъ и тѣмъ увеличиваютъ плодородіе равнинъ, распространяющихся по берегамъ. Тигръ напротивъ протекаетъ большею частію холмистое пространство, которое отличается также плодородіемъ. Въ этой чрезвычайно облагодѣтельствованной природою странѣ съ раннихъ поръ поселились два народа, принадлежавшіе къ особеннымъ племенамъ, которыя, соединяясь другъ съ другомъ, сливаясь съ другими племенами подъ властью одного государя, образовали имѣющее міровое значеніе Вавилонское царство. Это были древніе Вавилоняне и Ассиріяне.

На громадныхъ развалинахъ по обѣимъ сторонамъ Евфрата, на мѣстѣ древняго Вавилона, нынче находится городъ Гилла. Бедуины живущіе грабежамъ несутся въ окрестности на своихъ статныхъ коняхъ; бѣлый бурнусъ развѣвается вѣтромъ, гуляющимъ по равнинѣ, подъ черными бровями блестятъ темные глаза, черная борода окаймляетъ смуглыя

щеки. Подъ вывѣтрившимися остатками отъ стѣнъ стоятъ ихъ прохладныя палатки; скрываясь за развалинами они отдыхаютъ отъ утомительнаго наѣздничества и хлопочутъ о скудномъ обѣдѣ. Когда-то знаменитая своимъ плодородіемъ страна теперь обратилась въ дикую пустыню. Исполнились слова Пророка Исаіи 13, 20 и 21: » И поселятся тамъ звѣри пустыни, совы станутъ жить въ ихъ домахъ! Страусы запрыгаютъ тамъ и косматые звѣри. Шакалы завоютъ въ ихъ палатахъ, и одичавшія собаки въ покойныхъ жилищахъ ихъ.» Надъ развалинами гуляютъ облака, подъ развалинами упавшихъ стѣнъ поселились львы. Эти звѣри спокойно грѣются на солнцѣ, — посѣщающіе руины видятъ ихъ на остаткахъ стѣнъ; только спугнутые крикомъ Арабовъ они медленно спускаются внизъ.

Не то было здѣсь прежде; тутъ находились знаменитые громадностью, блескомъ, великолѣпіемъ города древности, обширныя, убранныя съ расточительною роскошью зданія востока. На правомъ берегу Евфрата возвышалась башня Бела, Нимрудова бирса или замокъ Нимруда. Стѣны зданія, возвышавшіяся на 600 футовъ, были сдѣланы изъ полированнаго кирпича. Фундаментъ онаго вѣроятно былъ отъ вавилонской башни, надъ которымъ въ послѣдствіи дѣлали надстройки. Пирамида башни восемью уступами поднималась къ облакамъ, она была символомъ семи небесныхъ планетъ, по которымъ можно достигнуть самаго неба. Теперь на равнинѣ, покрытой разсыпавшимся кирпичемъ, еще стоитъ уцѣлѣвшій отъ стѣны столбъ, вышиною въ 35 футовъ. Это остатокъ большаго храма, посвященнаго богу солнца Белу (Ваалу Библіи, Геліосу грековъ); въ немъ находились золотой столъ и роскошное сѣдалище. Цѣнность выставленныхъ здѣсь золотыхъ статуй и сосудовъ простиралась на сумму болѣе 7,000 талантовъ, на наши деньги отъ 9 до 10 милліоновъ рублей. Навуходоносоръ окончилъ зданіе; на внутренней сторонѣ кирпичей стоитъ его имя, написанное клино-

образнымъ шрифтомъ. Александръ В. нашолъ башню уже въ развалинахъ, онъ хотѣлъ ее опять надстроить, назначилъ 10,000 рабочихъ на расчистку мусора; смерть помѣшала исполненію его плана.

Недалеко отъ башни находился другой храмъ Бела, едва ли не стольже роскошно украшенный какъ и первый. Тутъ стоялъ тронъ изъ золота, на немъ золотой истуканъ бога; около трона золотой столъ. Предъ входомъ стояли два алтаря, меньшій изъ золота, большой изъ квадратныхъ плитъ. Когда наступалъ праздникъ Бела, что случалось разъ въ году, съ каменнаго алтаря возносился большой жертвенный пламень къ небу; душистые ароматы и ладанъ горѣли на алтарѣ. Количество ѳиміама, сожигаемаго въ этотъ праздникъ, оцѣнивали въ тысячу талантовъ. Теперь многія магометанскія мечети указываютъ на мѣсто, гдѣ былъ храмъ.

Нимродъ положилъ основаніе Вавилону, то есть двору Бела, около 2200 года. Семирамида сдѣлала Вавилонъ своею резиденціею около 1200 г. до Р. Х. Она сначала построила стѣны города, которыя имѣли въ окружности 12 географическихъ миль; она возвела два царскихъ замка на обѣихъ сторонахъ Евфрата, изъ которыхъ западный, по свидѣтельству древнихъ, былъ великолѣпнѣйшій; она построила большой мостъ на Евфратѣ для соединенія двухъ частей города и для той же цѣли проложили подземный подъ рѣкою ходъ; она укрѣпила берега рѣки плотинами, чтобы предохранить городъ отъ наводненій.

Навуходоносоръ около 600 г. до Р. Х. расширилъ и украсилъ Вавилонъ. Онъ построилъ въ расположенной на восточномъ берегу части города знаменитый каменный четырехъугольникъ, котораго каждая сторона имѣла 5 часовъ въ длину; высота стѣнъ, имѣвшихъ 400 мѣдныхъ воротъ и 250 башенъ, достигала 400 футовъ, ширина 100 футовъ. «Іосифъ говоритъ, что онъ украсилъ старый городъ и стѣснилъ рѣку набережными и шлюзами такъ, что при

осадѣ города рѣку невозможно было обратить противъ города. Онъ окружилъ городъ тройною оградою извнѣ и тройною внутри,—ограда была выстроена изъ кирпича. Въ выстроенномъ вновь царскомъ замкѣ недалеко отъ резиденціи его отца, Навуходоносоръ велѣлъ заложить каменныя террасы, которыя виднѣлись подобно горамъ; приказавъ разсадить на террасахъ различныя деревья, онъ создалъ знаменитый висячій рай (висячіе сады), въ угоду своей супругѣ, которая. какъ урожденка Мидіи, желала имѣть въ Вавилонѣ такіе же сады, какіе видѣла на родинѣ.» Дарій началъ разрушеніе Вавилона, Александръ продолжалъ оное, а въ позднѣйшее время туземцы растащили мало по малу кирпичи, на которыхъ было много смолы и цемента, такъ что теперь остались только малые слѣды этого огромнаго города.

* *
*

Напротивъ Вавилона, на холмистой мѣстности Тигра, въ направленіи къ сѣверу, недалеко отъ нынѣшняго Хоросабада, начавшіяся въ новѣйшее время раскопки открыли развалины другаго города, очень сходнаго съ Вавилономъ по величинѣ и великолѣпію. Это Ниневія столица древнеассирійскихъ царей. Въ осьми часахъ отъ Мозула предприняты раскопки, и открытія признаны также за остатки Ниневіи. Не смотря на значительное отдаленіе здѣшнихъ и Хоросабадскихъ развалинъ, убѣдились достаточно въ томъ, что Ниневія простиралась на три дня пути, какъ о ней сказано у пророка Іоны. Что за великолѣпный видъ должна была представлять Ниневія съ своими исполинскими дворцами! Особенно великъ и чуденъ былъ царскій дворецъ, построенный на высокой въ 40 футовъ террасѣ въ видѣ четырехъугольника. Шесть воротъ вели внутрь дворца, ворота состояли изъ стѣнъ кирпичныхъ, выложенныхъ съ внутренней стороны мраморными плитами, и украшенныхъ

богатою скульптурною работою. У южныхъ воротъ самыхъ большихъ стояло два ряда колоссальныхъ крылатыхъ быковъ, изъ которыхъ каждый вѣсилъ 500 центнеровъ или 1500 пудовъ, и двѣ исполинскихъ мужскихъ фигуры, держащихъ въ рукахъ льва; они представляли собою стражей у входа въ царскій дворецъ. Въ самыхъ воротахъ растянулись два бронзовыхъ льва, приклѣпленные къ полу цѣпью и кольцомъ, продѣтымъ сквозь носовой хребетъ. Дворецъ имѣлъ 15 залъ, изъ которыхъ первая, ближайшая ко входу, имѣла 165 футовъ длины и 12 вышины. Въ этихъ великолѣпныхъ покояхъ жили ассирійско-вавилонскіе цари. Сколько блестящихъ украшеній было въ нихъ, что за жизнь царствовала внѣ и внутри этихъ стѣнъ. Еще отчасти сохранившіяся скульптурныя работы и живопись на стѣнахъ даютъ намъ понятіе объ этой жизни. Царь окруженъ былъ всѣмъ величіемъ, голову его украшалъ драгоцѣнный вѣнецъ, съ плечей падала богато обшитая одежда. Здѣсь сидѣлъ онъ на мраморномъ стулѣ за роскошнымъ обѣдомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ него гости, высшіе сановники государства. Безчисленное множество слугъ разносить кушанья, которыя отличаются рѣдкостью и особеннымъ приготовленіемъ. Сервизъ состоялъ изъ золота и серебра, огнистыя вина искрятся въ золотыхъ ковшахъ. Музыка гремѣла, танцоры и танцовщицы въ фантастическихъ одеждахъ извивались въ хороводѣ, залы оглашались звуками инструментовъ.

Когда кончился обѣдъ, отворились бронзовыя ворота, которыя вели въ сосѣдній залъ. Это была пріемная комната царя, гдѣ онъ принималъ пословъ отъ покорныхъ ему народовъ. Царь отправился туда съ своимъ придворнымъ штатомъ, сѣлъ на высокомъ золотомъ тронномъ стулѣ, который стоялъ подъ богато украшеннымъ балдахиномъ, и далъ знакъ слугамъ ввести чужестранцевъ. Они вошли: тутъ были египтянинъ въ плотно обтянутомъ вокругъ тѣла платьѣ, съ остроконечнымъ головнымъ уборомъ, темнокожіе еѳіопы,

бородатые, мускулистые скиөы, персъ въ драгоцѣнной одеждѣ, мидянинъ въ блестящемъ вооруженіи. Всѣ низко поклонились, три раза коснулись лбомъ пола предъ ступенями трона; потомъ передали дары. Красивые сосуды ставили на столъ, стоящій у трона, дорогіе пурпурныя ткани разстилали предъ царемъ, золотые браслеты и серьги несли на золотыхъ блюдахъ. Еөіопы несли сокровища далекой Индіи, золото, слоновую кость өиміамъ, скиөы оружіе кованное изъ желѣза, египтяне свитки папируса, персы шерстяныя и хлопчатобумажныя издѣлія.

Царь съ дружескою улыбкою принимаетъ принесенные подарки. Потомъ онъ оставляетъ тронъ и подходитъ къ окну, ведущему на внутренній дворъ. Слуга отдергиваетъ завѣсу и царь смотритъ въ окно. Тутъ стояли живыя произведенія странъ, подчиненныхъ его скипетру. Проводники держали животныхъ. Левъ потрясалъ своею головою, украшенною косматою гривою, искрятся глаза царя пустыни. Верблюдъ вытягивалъ длинную шею, мирно и покойно стоялъ онъ около страшнаго носорога, обитателя Нильской низменности. Гордо поднималъ олень свои рога, отечество его Скиөія. Буйволъ поникъ своими рогами къ землѣ, около него слонъ подымалъ свой гибкій хоботъ. Когда царь благосклонно осмотрѣлъ животныхъ, онъ велѣлъ ихъ отвести. Потомъ онъ опять взошолъ на тронъ и отпустилъ пословъ, выразивъ имъ въ нѣсколькихъ словахъ свою благодарность.

Остатки другаго подобнаго дворца, котораго описаніе еще не можетъ быть довольно точно представлено, открыты при Мозулѣ. Два льва съ человѣческимъ лицомъ стерегутъ входъ съ юга, другіе два изъ аллебастра и съ крыльями, въ 12 футовъ вышины и такой же длины, съ переднею половиною человѣческою и съ руками, охраняютъ ворота, идущія на сѣверъ. Позади колоссальнаго, крылатаго быка съ человѣческою головою сидятъ 16 мѣдныхъ львовъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ступенямъ, первый длиною въ

футъ, послѣдній въ дюймъ. Статуя человѣка сверхъестественной величины, тутъ же стоящая, имѣла голову хищной птицы; изъ полуоткрытаго клюва выдавался красный языкъ, гребень перистый украшалъ голову. Внутреннія стѣны дворца украшены были скульптурою изъ аллебастра полувыпуклой работы; это были большею частію сцены изъ достохвальной жизни властителя, который жилъ въ этихъ роскошныхъ покояхъ.

Они, любили не одну блестящую, расточительную мѣрную жизнь, честолюбіе влекло ихъ къ военной славѣ и къ военной добычѣ. Они водили многочисленныя войска въ близкія и въ дальнія страны, давали страшныя битвы, покоряли цѣлыя племена. Въ такую-то дѣятельную жизнь переносятъ насъ стѣнныя скульптурныя работы во дворцѣ. Въ самой страшной сѣчѣ царь является первымъ, храбрѣйшимъ, примѣромъ для своихъ войскъ. По широкой равнинѣ, на которой шла битва, военная колесница, запряжонкая тремя ботато-убранными конями, неслась къ мѣсту битвы съ шумомъ и звономъ. Царя сопровождали довѣренные полководцы въ другихъ двухъ колесницахъ. Самъ онъ имѣлъ шлемъ и панцырь, и стоялъ среди колесницы, въ лѣвой рукѣ держалъ лукъ, тогда какъ правою натягивалъ тетиву для выстрѣла; эта рука заходила за ухо. Стоящій за нимъ оруженосецъ прикрываетъ его щитомъ, который держитъ предъ нимъ. Третье лицо на боевой колесницѣ правитъ конями, онъ взмахнулъ бичемъ, чтобы побудить лошадей къ быстрому бѣгу. Такъ стремится царь чрезъ поле битвы къ стѣнамъ непріятельской крѣпости. Прибывъ сюда, онъ назначаетъ штурмъ. Избранные храбрецы идутъ впереди. Они безъ панцырей, чтобы ничто не мѣшало ихъ движеніямъ; лукъ виситъ на лѣвой рукѣ, на спинѣ полный колчанъ; въ лѣвой рукѣ щитъ, въ правой мечъ. Другая часть воиновъ бѣжитъ впереди, чтобы поставить лѣстницы къ стѣнамъ. Подъ градомъ камней и стрѣлъ, которыя не—

пріятель пускаетъ съ вершины стѣнъ, имъ удается приставить лѣстницы, хотя такая храбрость многимъ стоила жизни. Колонна производящихъ штурмъ достигаетъ лѣстницъ, щитъ покрываетъ ихъ головы. На валу у стѣны завязывается кровавый рукопашный бой.

Тутъ движется метательная машина по равнинѣ. Она ставится вблизи крѣпости и начинаетъ бросать въ городъ тяжолые камни. Трещатъ кровли домовъ, рѣдѣютъ войска, поставленныя въ срединѣ города въ качествѣ резервовъ, камни повергаютъ многихъ изъ нихъ на землю. Одинъ солдатъ незамѣтно пробирается къ воротамъ города, онъ несетъ факелъ, и зажигаетъ деревянныя городскія ворота. Вотъ пламя высоко поднялось въ воздухѣ, напрасно непріятель усиливается потушить оное, ворота съ трескомъ падаютъ, воины врываются въ городъ.

ЖИТЕЛИ МЕСОПОТАМІИ.

Каковъ же долженъ быть самый народъ, который въ состояніи былъ создать подобныя исполинскія зданія; каково благородное сильное племя, которое съ необыкновеннымъ блескомъ умѣло украшать свои дворцы и храмы боговъ! Пространная месопотамская равнина предлагала въ изобиліи все, что нужно было для удовлетворенія жизненныхъ потребностей многочисленнаго народонаселенія. Здѣсь крестьянинъ не напрасно водилъ плуговаго тучнаго вола по полю, удобренному иломъ рѣки. Едва въ силахъ мощное животное

тащить широкій отрѣзъ плуга по тучной землѣ; голову оно гнетъ къ землѣ, ярмо сильно давитъ мощую выю, упряжный ремень сильно натягивается на широкомъ челѣ, сильно напираютъ копыта въ землю, острымъ шиповникомъ погоняетъ пахарь вола, когда онъ истощился въ силахъ: такъ проводитъ земледѣлецъ взадъ и впередъ борозды, жаждущія сѣмени. А когда онѣ уже наполнены зерномъ, обѣщающимъ плодъ, опять запрягаютъ вола, чтобы прыкрыть землею, сѣмена, лежащія открыто. Но какъ ни много усилій требуетъ обработка поля, щедро вознаграждаются потраченныя на нее силы: хлѣбъ родится самъ двѣсти и триста, листья пшеницы и ячменя достигаютъ широты отъ трехъ до четырехъ дюймовъ, а просо и сезамъ (кунжутъ) поднимаются кустарникомъ вышиною въ дерево.

Далеко вокругъ стѣнъ резиденціи разстилались тщательно воздѣланныя поля, которыхъ произведенія составляли настоящее богатство этой благословенной страны. Бѣдна была деревьями эта плодородная страна, смоквы (фиговое дерево), масличнаго дерева, виноградныхъ лозъ здѣсь совсѣмъ не было. За то впрочемъ было большое изобиліе въ финиковыхъ пальмахъ, весь Вавилонъ былъ наполненъ ими; и нынче ихъ много на берегахъ Евфрата, но нѣтъ на Тигрѣ. Плоды этой пальмы ѣли, и приготовляли да и нынче изъ нихъ приготовляютъ сахаръ и вино. Другихъ же высокоствольныхъ деревьевъ въ Месопотаміи совсѣмъ не было, кромѣ кипариса.

Близость рѣкъ и ежегодно правильно повторяющіяся наводненія заставили жителей искать средствъ противъ слишкомъ большихъ наводненій; теплый сухой климатъ требовалъ въ тоже время искуственнаго орошенія почвы. Знающіе страну и опытные въ землемѣрномъ искусствѣ лица изъ касты жрецовъ или халдеевъ, составляли планы огромныхъ гидравлическихъ сооруженій, неограниченная власть правителей, которымъ каждый безпрекословно повиновался, дѣлали возможнымъ выполненіе этихъ колоссальныхъ работъ.

Одного мановенія руки достаточно для того, чтобы созвать тысячи и десятки тысячъ на постройку огромнаго зданія.

Стонетъ плодородная долина подъ руками трудящихся. Тутъ сносятъ холмъ, чтобы провести воду въ сосѣднее мѣсто. Безчисленныя фуры свозятъ землю съ возвышенія на низменныя мѣста. Гдѣ недавно играли плещущія волны, тамъ въ нѣсколько дней явилась плотина, которая, не смотря на прибой волнъ, цѣлыя столѣтія спустя, все еще хранитъ слѣды своего существованія. Тамъ широкіе застуны и острая кирка роются въ глинистой почвѣ; словно по такту музыки подымаются и опускаются руки неутомимыхъ работниковъ. Безконечный рядъ двухколесныхъ тачекъ везетъ изъ глуби рыхлую землю. Вывезенная на поверхность земля, складывается на большіе вагоны, запряженные волами, и доставляется на мѣсто, гдѣ толпа искусныхъ ремесленниковъ дѣлаетъ изъ нея кирпичъ и выжигаетъ его въ жаркой печи. На каждомъ кирпичѣ ставится вензель государя, въ правленіе котораго начата работа.

Съ сѣвера, гдѣ армянскія горы служатъ границею мѣстности, приближается необозримый рядъ людей и животныхъ. На дровняхъ, сдѣланныхъ изъ крѣпкихъ древесныхъ пней, лежатъ выломленныя изъ скалы камни; они на мѣстѣ, гдѣ производится ломка, обсѣчены въ кубическую форму и по сторонамъ гладко обтесаны. Воловъ хоть и много впряжено, все таки ихъ недостаточно, для того чтобы тащить огромную глыбу, самъ человѣкъ налагаетъ ярмо на спину—другаго способа онъ не знаетъ, потому что робкій смыслъ его, обращенный на одну работу, неизобрѣтателенъ, — и соединяетъ свою силу съ силами неразумныхъ животныхъ. Соединеннымъ усиліямъ удалось наконецъ вытащить гранитъ изъ горнаго ущелья на равнину. Простая, но замысловатая машина, стоитъ на берегу только что вырытаго канала. Толстыми веревками оцѣпляютъ глыбу, рычагъ обращенъ въ дѣло, и подъ криками усердныхъ рабочихъ тяжолая ка-

менная глыба поднимается съ дровней и спускается въ ровъ, или каналъ. Это фундаментъ шлюзы. Такимъ же образомъ выложены боковыя стѣны, мѣдныя ворота образуютъ преграду въ каналѣ. Плотина, назначенная для отведенія воды, прорывается, вода съ шумомъ стремится въ каналъ, съ грохотомъ ударяетъ въ мѣдныя ворота; онѣ не позволяютъ волнѣ идти дальше, и безсильная волна клубится назадъ.

Не всякое время равно удобно для производства такихъ работъ. Искусные въ звѣздочетствѣ халдеи, опредѣляющіе дѣла и судьбу людей, сначала вопрошаютъ семь планетныхъ боговъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой храмъ.

Храмъ солнца, къ которому ведутъ шесть ступеней, имѣлъ видъ квадрата, ему посвящали золото, поэтому изображеніе солнца изъ золота, съ золотою короною, съ золотымъ скипетромъ; вызолоченый куполъ образовалъ кровлю жилища богини солнца. Храмъ луны былъ пятиугольный, изображеніе ея серебряное, серебряные столы украшали стѣны. Юпитеръ жилъ въ трехъугольномъ храмовомъ зданіи, восемь ступеней вели къ его изображенію, сдѣланному изъ олова. Изображеніе Марса было изъ желѣза, металла, изъ котораго приготовлялось оружіе; посвященный ему храмъ имѣлъ видъ продолговатаго четырехъугольника, на седьмой ступени подымалось изображеніе бога. Венера была обожаема въ трехъугольномъ храмѣ, внутреннія стѣны котораго украшены были кристаллами; ея изображеніе изъ бронзы стояло на пьедесталѣ, къ которому вели семь ступеней. Храмъ Сатурна образовалъ шестиугольникъ; къ его изображенію изъ смѣшаннаго металла вели девять ступеней. Въ этихъ числахъ былъ священный смыслъ, символическій, извѣстный однимъ магамъ; самыя планеты и ихъ появленіе на небѣ имѣли свое значеніе: Юпитеръ и Венера пророчили счастье, Марсъ и Сатурнъ несчастье, Меркурій то одно, то другое.

Когда еще отдыхаетъ полевая работа, во время роста и созрѣванія сѣмянъ, житель Месопотаміи отправляется по

Евфрату. Флотилія грубо сплоченыхъ лодокъ плыветъ внизъ по теченію до самаго устья. Потомъ идетъ подъ парусами вдоль западнаго берега Персидскаго залива до города Герры, къ бухтѣ, въ которой находятся острова Тимосъ, Арадусъ и др. Тутъ были вавилонскія колоніи, основанныя въ странѣ, богатой солью. Стѣны домовъ состояли изъ солянаго камня, который нужно было мочить водою, чтобы онъ не трескался отъ жару. Здѣсь вдоль береговъ находились песчаныя мели, которыя съ давнихъ поръ извѣстны добываніемъ въ нихъ жемчуга. На этихъ островахъ находились большія плантаціи хлопчатобумажника, и сверхъ того родъ дерева, изъ котораго вырѣзывали прекрасныя палки, которыя повсюду носили въ Вавилонѣ. Равно здѣсь же получали для судостроенія дерево, о которомъ Теофрастъ разсказываетъ, что оно могло существовать 200 лѣтъ, не сгнивая. Сокровища Индіи и Еѳіопіи здѣсь имѣли склады: слоновая кость, черное дерево и корица. Послѣ обмѣна товаровъ, ладьи нагружались драгоцѣнностями и пускались въ обратный путь. Но теченіе останавливало суда; съ трудомъ весла могли передвигать ихъ, потому суда шли медленно. Недѣли, мѣсяцы проходили, прежде чѣмъ суда достигали мѣста, отъ котораго они отправились изъ отечества.

Между тѣмъ дома сцена измѣнилась. Исчезла суетня рабочихъ, и поля, на которыхъ думали найдти спѣлыя колосья, готовыя къ жатвѣ, вытоптаны копытами коней и ногами воиновъ. Нинъ, царь Ассиріи, страны, которая имѣла населеніе родственное и дружественное вавилонянамъ, напалъ съ большою силою на Вавилонъ. Царь Вавилона созвалъ къ оружію народъ, вмѣсто звука серповъ, тамъ и сямъ раздается звукъ военныхъ приборовъ. Собираются безчисленныя толпы вооруженныхъ людей, для того, чтобы пролить не только потъ, но и кровь за отечество и царя. Внѣ городскихъ стѣнъ, окружающихъ резиденцію, толпятся воины. Грудь и голени покрыты коваными изъ мѣди доспѣ-

хами, грудь защищена щитомъ, который они держатъ предъ собою, на головѣ мѣдный шлемъ. Самъ царь строитъ свое войско къ битвѣ. Для перваго нападенія ставятся тысячи копьеносцевъ, съ щитомъ въ ростъ человѣка въ лѣвой рукѣ, съ длинною пикою, у которой желѣзный наконечникъ, въ правой. Они идутъ сплошными тройными рядами противъ наступающаго непріятеля, образуя предъ собою лѣсъ копій. За ними слѣдуютъ ряды стрѣлковъ изъ лука, вооруженныхъ легкимъ щитомъ и короткимъ мечемъ. Съ гибкаго лука пускаютъ они быстро летящія стрѣлы далеко чрезъ передніе ряды. На двухъ флангахъ войска стоятъ боевыя колесницы. На двухколесныхъ вагонахъ, запряженныхъ четырьмя лошадьми, стоящими одна около другой, стоятъ по два воина въ латахъ съ кожаными щитами. Ихъ сильныя руки бросаютъ легкія метательныя копья, а быстрые кони, которыхъ погоняетъ стоящій между воинами возница иглистымъ бичемъ, несутъ ихъ съ быстротою вѣтра въ мѣсто самаго жаркаго боя. Въ срединѣ ѣдетъ царь, окруженный своею свитою, среди своихъ тѣлохранителей. Это отборное войско въ дорогихъ доспѣхахъ, оно принимаетъ участіе въ бою только въ случаѣ особенной нужды.

Такъ мореплаватели, возвращающіеся домой, находятъ отечество стѣсненнымъ отъ непріятеля, а своихъ соотечественниковъ готовыми къ защитѣ страны. Они тотчасъ вступаютъ въ ряды воиновъ; и какъ имъ оставаться позади другихъ, когда ихъ домы и стада, имѣніе и богатства, царь и отечество нуждаются въ защитникахъ! Скоро приблизится рѣшительный часъ.

Наступаетъ утро, безоблачное солнце поднимается съ востока, лучи его освѣщаютъ военный станъ вавилонянъ. Вдали взвивается столбомъ пыль, приближаются Ассиріяне. Подобно глухимъ раскатамъ грома отдаются въ равнинѣ шаги воиновъ, топотъ коней, звонъ боевыхъ колесницъ. Вотъ вѣтеръ раздѣлилъ облако пыли, видно построеніе не-

редней боевой линіи,—безчисленное множество воиновъ въ блестящемъ вооруженіи. Подобно волнамъ моря, стремящимся безостановочно одна за другою къ берегу, — едва первая разбилась, за ней слѣдуетъ другая, третья, четвертая, волна за волною, такъ что всѣхъ волнъ и глазъ не смѣтитъ, — такъ стремятся одна за другою хорошо вооруженныя массы. Передовое войско состоитъ изъ бойцовъ на колесницахъ. Когда они приблизились къ вавилонянамъ, быстро устремились на нихъ. Послѣдовала схватка, но вавилонскіе копьеносцы выдержали страшный натискъ. Кони и всадники непріятеля плаваютъ въ своей крови, немногіе ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. Тогда явились ассирійскіе стрѣлки, свистятъ смертоносныя стрѣлы ихъ въ густыхъ толпахъ вавилонянъ. За ними штурмовымъ шагомъ движется главное войско. Строй вавилонянъ начинаетъ колебаться. Напрасно ихъ фланги съ боевыми колесницами бросаются на непріятеля. Послѣдній вводитъ въ битву новыя и новыя массы. Сошедшись лицомъ къ лицу, грудь съ грудью, рѣжутся воины, мечъ душитъ, кипитъ кулачный бой, щиты заступаютъ мѣсто оружія. Съ каждою минутою давка дѣлается жесточе, смятеніе возрастаетъ, прибавляются новые и новые холмы труповъ и раненыхъ. Мужество вавилонянъ ослабѣваетъ, они отступаютъ, стрѣлы враговъ разятъ ихъ въ тылъ. Когда царь замѣтилъ такой исходъ битвы, двинулся онъ впередъ съ своею гвардіею. Земля дрожитъ подъ ногами исполинскихъ мужей, подобно стаѣ львовъ бросаются они на мѣсто битвы. Ихъ нападеніе привело враговъ въ замѣшательство, они защищаются, озираются и готовы оставить мѣсто сраженія. Какъ торжествуетъ царь Вавилона! Уже онъ думаетъ возвратиться побѣдителемъ въ свой городъ, но счастіе еще разъ измѣняетъ вавилонянамъ. Бѣгущіе ассиріяне находятъ позади огромный обозъ, состоящій изъ осадныхъ орудій и багажа, непроницаемый рядъ колесницъ; бѣжать больше некуда. Предводители снова собираютъ

ихъ и вводятъ въ дѣло послѣднія запасныя войска. И вотъ они бросаются на вавилонскую тѣлохранительную стражу съ мужествомъ отчаянія. Гавилонское отборное войско уступаетъ силѣ, хотя послѣ упорной битвы, и только побѣжденному царю удается съ остаткомъ своего войска отступить за стѣны своего главнаго города. Когда наступилъ вечеръ и битва замолкла, ассиріяне удержали за собой поле битвы; костры, на которыхъ они сожигаютъ убитыхъ, горятъ высокимъ пламенемъ. Но побѣжденному врагу они отказываютъ въ такой чести. Жадный шакалъ, голодная стая хищныхъ птицъ раздираютъ и пожираютъ непогребенные трупы.

Въ ближайшіе дни непріятель приступилъ къ осадѣ города. И хотя городъ защищался съ геройскимъ мужествомъ, однако, послѣ нѣсколько разъ повторявшихся непріятельскихъ штурмовъ, сдался, тѣмъ болѣе, что не было уже многихъ укрѣпленій, о которыхъ выше было сказано. Побѣдоносно вступаетъ царь Нинъ въ ворота города, а Вавилонъ съ этого времени дѣлается провинціею древне-ассирійскаго царства. (2100 лѣтъ до Р. X.)

ЕГИПТЯНЕ.

Мизраимъ, колыбель наукъ и искусствъ древности, имѣетъ исторію, первыя времена которой окружены глубокимъ мракомъ. Открытія нынѣшняго времени ведутъ насъ сначала въ жреческое государство Мерое въ Эѳіопіи, и даже дальше въ Индію. Отсюда кажется пришелъ царь Менесъ, родоначаль-

никъ цѣлаго ряда властителей, и положилъ начало египетскому государству. Что дошло до насъ достовѣрнаго изъ египетской исторіи, связано большею частію съ именами отдѣльныхъ царей.

По обѣимъ сторонамъ Нила, въ верхнемъ Египтѣ, разстилается въ наше время широкое поле руинъ, мѣсто, на которомъ когда-то находились Ѳивы, стовратный городъ, имѣвшій четыре мили въ окружности. Здѣсь-то именно увѣковѣчилъ свое имя колоссальными постройками царь Озимандіасъ или Мемнонъ. На лѣвой сторонѣ рѣки, на границѣ низменности, которую рѣка ежегодно наводняетъ, находились дворецъ и надгробный памятникъ великаго государя. Разумный правитель построилъ на границѣ плодородной равнины и безжизненной пустыни свое земное жилище, въ которомъ онъ наслаждался земнымъ своимъ величіемъ, а возлѣ него мѣсто покоя, гдѣ должны были лечь его кости. Тутъ памятникъ полной радостей жизни, подлѣ уединенно въ тишинѣ стоящаго надгробнаго памятника; — здѣсь видъ поля, посылающаго благословенныя жатвы подлѣ безжизненной пустыни.

Входъ въ царскій дворецъ шолъ чрезъ ворота съ башнями и колоннами по сторонамъ; ворота построены изъ разноцвѣтныхъ камней, длина ихъ была въ двѣсти футовъ, вышина въ сорокъ пять аршинъ. Отсюда входили въ каменную галлерею (залъ), состоящую изъ колоннъ, величина которой была въ 400 квадратныхъ футовъ. Но вмѣсто колоннъ она держалась на статуяхъ, изъ которыхъ каждая имѣла 16 аршинъ вышины и сдѣлана была изъ одного камня. Весь потолокъ въ 12 футовъ ширины состоялъ изъ одного камня и усѣянъ былъ звѣздами по голубому полю. За этимъ заломъ слѣдовали опять ворота, и за ними преддворіе (передній дворъ), которое построено было совершенно такъ-же, какъ и первый залъ; отличалось оно только тѣмъ, что здѣсь встрѣчались стѣнныя скульптурныя фигуры (рѣзьба на стѣнѣ). У входа

стояли три статуи, высѣченныя изъ одной гранитной массы. Одна въ сидячемъ положеніи была самая большая изъ всѣхъ египетскихъ статуй; ея пьедесталъ имѣлъ болѣе семи аршинъ. Это была статуя царя Озимандіаса. Двѣ другихъ статуи, представленныя въ наклонномъ положеніи къ большой, изображали одна мать царя, другая его дочь. Недалеко отъ статуи матери стояла другая вышиною въ 20 аршинъ, тоже женская фигура, высѣченная изъ одного камня. На ней было три короны въ знакъ того, что она была сестра, супруга и мать царя. За этими воротами былъ дворъ, обнесенный колоннами, но болѣе замѣчательный чѣмъ первый, потому что стѣны его были богато украшены военными сценами, которыя прославляли царственнаго покойника. Въ срединѣ двора, подъ открытымъ небомъ, стоялъ алтарь чрезвычайно большой, искусно сдѣланный изъ лучшаго камня. Предъ заднею (къ выходу) стѣною находились двѣ статуи въ двадцать семь футовъ вышины. Около нихъ было три хода, главный порталъ (главныя двери), и по сторонамъ небольшія ворота; они вели въ четырехъугольное зданіе, покоющееся на колоннахъ; каждая сторона онаго имѣла 200 футовъ длины. Далѣе слѣдовала площадка, окруженная различными зданіями; по стѣнамъ находится изображеніе разныхъ съѣстныхъ продуктовъ, конечно особенно вкусныхъ. За тѣмъ шло собраніе священныхъ книгъ съ надписью: «лѣчебница для души». Около нея стояли изображенія всѣхъ египетскихъ божествъ, а къ ней примыкалъ прекрасный, для двадцати гостей, устроенный залъ, стѣны котораго украшены были изображеніями высочайшихъ боговъ, равно и изображеніемъ царя. Вокругъ этого зала шолъ цѣлый рядъ комнатъ, которыя украшены были рисунками звѣрей, считавшихся въ Египтѣ священными. Чрезъ эти комнаты шли ступени, которыя вели на кровлю. Поднимавшійся туда видѣлъ на надгробномъ памятникѣ царя золотой кругъ, имѣвшій триста шестьдесятъ пять аршинъ въ окружности и

аршинъ въ толщину. На отдѣльныхъ аршинахъ, на которые раздѣленъ былъ кругъ, обозначены были дни года, надлежащее время восхожденія и захожденія звѣздъ, и объяснено значеніе планетъ и вліяніе небесныхъ явленій на судьбу людей.

Этотъ когда-то великолѣпный дворецъ, вблизи котораго находился также и храмъ, совершенно разрушенъ. Остались отъ него только двѣ, вышиною въ 61 футъ, статуи, столь извѣстныя подъ именемъ мемноновыхъ столбовъ; стоятъ онѣ неповрежденныя недалеко отъ развалинъ дворца. Онѣ вырублены изъ песчаника и представляютъ двѣ мужскихъ фигуры въ сидячемъ положеніи, украшенныя царскимъ головнымъ уборомъ. По извѣстіямъ грековъ, которые принимали ихъ за изображеніе одного изъ сыновей Авроры, эти статуи издавали отъ себя каждое утро при восходѣ солнца гармоническіе тоны, которыми Мемнонъ привѣтствовалъ свою матерь, Утреннюю зарю.

Столь же величавы какъ развалины дворца остатки королевскаго надгробнаго памятника, который соединенъ былъ съ дворцомъ двойнымъ рядомъ колоссальныхъ сфинксовъ. Не знаешь, чему удивляться при взглядѣ на эти исполинскія сооруженія: мысли, которая создала ихъ и привела въ исполненіе, или громаднымъ силамъ, которыя требовались для этихъ построекъ! Не красота формъ, не искусные обрисы составляютъ цѣну этихъ памятниковъ древности, своими огромными размѣрами, которые далеко превосходятъ то, что мы видимъ въ обыкновенныхъ произведеніяхъ искусства, производятъ онѣ неизгладимое впечатлѣніе. Это произведенія того поколѣнія, которое хотѣло присоединить къ непреходящимъ образамъ мірозданія рядъ такихъ же неизгладимыхъ временемъ твореній рукъ человѣческихъ; эти произведенія свидѣтели того, сколько великаго могутъ произвести силы, послушныя одной волѣ, и въ то же время свидѣтели высокомѣрія и дерзости людей. Такой смыслъ

имѣютъ слова начертанныя по приказанію Озимандіаса на одной изъ вышеупомянутыхъ статуй, которая имѣла разстояніе между плечами въ 21 футъ: «Я Озимандіасъ, царь царей; кто хочетъ извѣдать мое величіе, тотъ превзойди меня въ моихъ дѣлахъ».

* * *

Каждый городъ въ Египтѣ состоялъ изъ жилищъ двоякаго рода, одни назначались для живыхъ, другія для мертвыхъ. Такъ какъ Египтяне мало цѣнили жизнь, и въ то же время много заботились о мертвыхъ, то и жилища свои, которыя они называли ночлегами, строили безъ украшеній и безъискусственно, напротивъ много труда полагали на украшеніе гробовъ. Городъ мертвыхъ (некрополисъ) въ Ѳивахъ, въ особенности царскіе гробы, превосходятъ прочія подобныя зданія. Приходится идти много часовъ между скалами, въ которыхъ тѣснятся жилища мертвыхъ, лежащія частію надъ землею, частію подъ землею. Часто темный ходъ въ сто иль полтораста футовъ длины, ведетъ къ собственно гробовымъ комнатамъ. Удушливъ воздухъ, неосвѣжаемый никакимъ притокомъ извнѣ, духъ занимаетъ, а дымъ, несущійся отъ горящаго факела, который проводникъ держитъ въ рукѣ, еще болѣе увеличиваетъ удушливость атмосферы. Что за поразительное зрѣлище при входѣ въ эти могилы! Здѣсь не отдѣльныя только лица или семейства, здѣсь погребено народонаселеніе всего города, здѣсь цѣлый народъ. Притомъ трупъ не распался на кости умершихъ, такъ что не отыщешь никакого сходства съ живымъ тѣломъ; нѣтъ, эти искусно набальзамированныя муміи кажутся живыми; словно войско, поставленное въ строй, стоятъ онѣ въ нишахъ, по обѣимъ сторонамъ, или лежатъ другъ около друга подобно спящимъ. Часто эти гробовыя пещеры до того переполнены мертвецами, что остается для прохода пространство въ два

фута ширины. Невѣрною поступью проходишь не безъ труда по этимъ слабо освѣщеннымъ подземнымъ пространствамъ; здѣсь попадается на глаза лицо, тамъ наша рука дотронулась до плеча какого нибудь Египтянина, умершаго нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Кому принадлежало это тѣло, сохранившееся отъ тлѣнія, благодаря искусному бальзамированію? Кто приготовлялъ эту ткань, обвивающую въ родѣ повязки сухое тѣло? Чья рука сплела жемчужную сѣтку, покрывающую тканую обвертку? Гробовыя комнаты тянутся въ нѣсколько рядовъ однѣ надъ другими, равно и корридоры, ведущіе къ нимъ. Въ нижнихъ комнатахъ, которыя больше всѣхъ и лучше другихъ украшены, находятся трупы богатыхъ и знатныхъ; болѣе тѣсныя комнаты надъ землею служили мѣстами погребенія менѣе знатныхъ.

* * *

Глубоко въ горѣ около Ѳивъ, открывается крутыми скалами замкнутая долина, къ которой природа не дала никакого доступа, но которую открыли руки человѣка при помощи механическихъ орудій. Какъ громадна была сила, которая умѣла раздвинуть, расколоть скалы! Какое множество рабочихъ требовалось для того, чтобы сдвинуть отломленныя глыбы! Какой высокій полетъ имѣли мысли того, кто составлялъ исполинскіе планы для этихъ исполинскихъ построекъ! Еслибы мы не видали этихъ чудныхъ созданій, мы могли бы считать ихъ просто выдумкою. И хотя мы не можемъ принять, чтобы все это заразъ было выполнено, все таки болѣе чѣмъ вѣроятно, что постройки эти воздвигнуты въ относительно короткое время. Можетъ быть требовалось нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ для созданія того, что переживаетъ тысящелѣтія, не потерпѣвъ существенныхъ поврежденій, кромѣ тѣхъ, которыя произведены рукою человѣка. Уже открытіе долины въ горѣ было началомъ ги-

гантской работы; она образуетъ лишь входъ, переднюю галлерею къ Өиванскимъ царскимъ гробамъ. Въ стѣнахъ, которыя образуютъ долину, высѣчены были могилы, мѣста опочитія царей. Это большія, пространныя пещеры отъ 20 до 340 футовъ глубины. Мракъ наполняетъ обширныя пространства, въ которыхъ повидимому царствуетъ страшная пустота; но какъ скоро зажжонный факелъ освѣтитъ гротъ въ скалѣ, является удивительное разнообразіе архитектуры и искусной живописи. Видишь, что находишься въ скалистомъ жилищѣ, великолѣпно украшенномъ, нѣтъ недостатка и въ жителяхъ, только они, подобно недвижимымъ статуямъ, спятъ глубокимъ сномъ смерти. Огромные гранитные столбы, и такія же стѣны поддерживаютъ сводъ и потолокъ, и дѣлятъ весь гротъ на большія и малыя пространства. Самая большая зала — это царская могила, широкая, окружонная по сторонамъ многими, высѣченными одна надъ другою галлереями. Въ срединѣ, на возвышеніи стоитъ гранитный саркофагъ (или аллебастровый), котораго внѣшнія стѣны украшены іероглифами. Онъ содержитъ тѣло царя, живопись на стѣнахъ зала состоитъ изъ разныхъ сценъ и событій жизни царя. Тутъ онъ представленъ въ бою, на тронѣ, на молитвѣ, за своими домашними дѣлами, въ минуты увеселеній. Отдѣльныя группы изображаютъ народовъ, подвластныхъ египтянамъ; Еѳіопа съ курчавой головою легко отличишь отъ тонкосложеннаго Индійца, Еврея отъ Перса. На этихъ подкрашенныхъ стѣнахъ красуются образы минувшихъ тысящелѣтій въ неувядаемой свѣжести красокъ, какъ будто художникъ вчера въ послѣдній разъ наложилъ руку на свои произведенія. Нѣкоторыя фигуры обозначены только краскою, но не награвированы на стѣнѣ; царь умеръ и долженъ быть помѣщенъ въ своемъ мавзолеѣ. Тогда замолкъ стукъ художественнаго молотка въ дальнихъ пещерахъ, рабочіе вышли на свѣтъ, и соборъ жрецовъ снесъ мумію въ темную могилу въ скалѣ на покой. Компа-

ты, стоящія рядомъ съ царскою и соединенныя съ послѣднею, вѣроятно содержатъ муміи тѣхъ, которые при жизни пользовались расположеніемъ царя.

Много такихъ царскихъ гробовъ лежатъ здѣсь другъ подлѣ друга. Тысячи лѣтъ прошли со времени основанія ихъ, и пока жилъ народъ, создавшій ихъ, эти мѣста оставались неприкосновенными. Только въ позднѣйшее время, довольно близкое къ намъ, когда народъ египетскій потерялъ свою самостоятельность, началось разрушеніе. Руки грабителей опустошили царскія могилы, матеріалы, годные для построекъ, растащены, часть произведеній искусства перевезена въ европейскіе музеи. Колоссальныя постройки большею частію до сихъ поръ остаются нетронутыми, и даютъ ясное представленіе о жизни и большихъ способностяхъ тѣхъ, кто составлялъ эти планы и приводилъ ихъ въ исполненіе.

* *
*

Египетскіе цари приготовляли для себя смертное ложе среди величавой обстановки; и жизнь свою они проводили въ огромныхъ дворцахъ. Судьба сохранила потомству не однѣ ихъ могилы, но также и жилища, какъ бы желая изъ этихъ громадныхъ развалинъ научить насъ тому, какъ у этого народа каждая мысль принимала полетъ, исключающій все обыкновенное. Объ этомъ свидѣтельствуютъ храмовыя палаты Карнака и Луксора на правомъ берегу Нила. Первый дворецъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ, досточтимѣйшихъ зданій Египта, тутъ и храмъ Аммона и главный дворецъ Ѳивской резиденціи. Каждый изъ царей расширялъ и украшалъ это зданіе. Даже Александръ В. устроилъ здѣсь себѣ памятникъ, а римскій императоръ Августъ украсилъ храмъ изящными скульптурными произведеніями. Это было дѣйствительно исполинское зданіе, на стѣнахъ котораго въ чувственныхъ образахъ представлена была исторія страны,

въ которой стоялъ храмъ. Фундаментъ состоялъ изъ террасы, построенной изъ кирпича, которой окружность занимала почти три четверти географическихъ миль. Двойной рядъ колоссальныхъ фигуръ сфинксовъ, на высокихъ пьедесталахъ — (растянувшіяся львиныя туловища съ бараньими головами), ведетъ къ главному порталу, который, вышиною больше 60 футовъ, находится между двумя гигантскими пилястрами (простѣночными столбами). Когда откроются бронзовыя створчатыя двери, чрезъ оныя вступаютъ на четырехъугольный первый дворъ, котораго продольныя стороны имѣютъ 320 футовъ, а поперечныя 270. На южной и сѣверной сторонѣ находилась галлерея, состоящая изъ 18 колоннъ въ 42 фута вышины. Открытая колоннада шла чрезъ дворъ посрединѣ къ богато украшенному входу во внутренность дворца, куда достигали по двадцати семи ступенямъ. Створчатыя двери отворялись, и предъ зрителемъ открывался залъ съ такимъ множествомъ колоннъ, столь громадный и великолѣпный, что изумленіе овладѣвало вступающимъ. Длина зала была въ 320 фут., ширина въ 164 фута; сто тридцать четыре столба поддерживали массивную каменную крышу. Ходъ, идущій посрединѣ между шестью колоннами съ каждой стороны, дѣлилъ залъ на двѣ части или два зала. Каждая колонна въ правомъ и лѣвомъ залѣ, имѣла 27 фут. въ окружности, и 80 футовъ отъ основанія до вершины. Средніе же столбы, образующіе ходъ, имѣли 66 фут. вышины, и 36 футовъ окружности; капители, на которыхъ покоилась каменная кровля, имѣли 64 фута въ объемѣ. Стѣны зала и столбы были украшены множествомъ изображеній, частію нарисованныхъ, частію скульптурныхъ и рѣзныхъ, которыя изображаютъ дѣянія фараоновъ на войнѣ и въ мирѣ. На концѣ зала, противъ входа, находилась выходная дверь. Ею входили на непокрытый передній дворъ, который обведенъ былъ стѣною; это была древнѣйшая часть зданія. Здѣсь возвышались два гранитныхъ обелиска, одинъ

вышиною въ 99 фут., другой въ 69. Между ними проходя дальше, доходили до нѣсколько выдающагося впередъ и встороpу портика (широкой галлереи), который велъ къ продолговатому пространству, по сторонамъ котораго подъ колоннадными галлереями находились входы въ разные покои. Дальше впередъ также лежалъ рядъ соединенныхъ одна съ другою крытыхъ и некрытыхъ камеръ, а за ними еще много рядовъ большихъ и маленькихъ комнатъ. Все это зданіе замыкалось вторымъ заломъ колоннъ, котораго кровлю держали 56 колоннъ.

Подобное же зданіе представляетъ Луксорскій храмъ. Онъ стоялъ ближе къ берегу Нила, чѣмъ Карнакскій храмъ, но главный ходъ былъ обращенъ къ Карнакскому храму. Предъ воротами, которыя вели внутрь храма, стояли два изъ гранита высѣченныхъ обелиска, вышиною въ 80 фут. За ними были четыре колоссальныхъ статуи въ сидячемъ положеніи, двѣ у входа, другія двѣ во входѣ въ порталъ. Чрезъ порталъ входили на первый дворъ: кругомъ двойная колоннадная галлерея, исполинскія статуи по обѣимъ сторонамъ, въ срединѣ также колоннада, доходившая до противулежащихъ воротъ. За нею находился залъ, богато убранный, поддерживаемый колоннами въ 45 футовъ вышины; къ нему примыкало множество большихъ и маленькихъ комнатъ. Двойной рядъ сфинксовъ, всѣхъ до 600, поставленныхъ на разстояніи другъ отъ друга въ 20 футовъ, образовалъ аллею, которая соединяла Луксорскій храмъ съ Карнакскимъ. Отъ нея вели многія дороги также со сфинксами по сторонамъ къ другимъ дворцамъ и священнымъ мѣстамъ, развалины которыхъ и теперь еще выглядываютъ изъ песка пустынь.

* * *

Подобно звѣздѣ, выглядывающей изъ облака въ темную ночь, мелькаетъ въ мракѣ египетской исторіи окруженное

царственнымъ блескомъ имя Мериса, основателя Меридова озера и Лабиринта.

Въ среднемъ Египтѣ, на плоскомъ, западномъ берегу Нила, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки, находится большая, почти кругообразная равнина, окруженная горами и пустынями; она теперь называется Эль-файумъ. Въ древности она называлась Арсиное, по называвшемуся такъ главному городу. Хотя она лежитъ внутри ежегодно наводняемой Ниломъ области, но горы препятствовали доступу водъ, несущихъ плодородіе. Поэтому уже въ древнѣйшее время она соединена была съ Ниломъ такъ называемымъ Іосифовымъ каналомъ, который устроили чрезъ углубленіе одной природной лощины, которая вела отъ Нила къ равнинѣ. Теперь, чтобы удержать стремящіяся по каналу воды и отвести ихъ въ равнину, которая окружала резиденцію Мемфисъ или Мофъ, на границѣ средняго и нижняго Египта, царь Мерисъ велѣлъ вырыть озеро, лежавшее на востокъ отъ города Арсиное и названное по имени царя Меридовымъ. Можетъ быть на мѣстѣ этого озера уже было природное озеро, во всякомъ случаѣ то, что произвела здѣсь рука человѣка, изумительно. Искусственный водяной бассейнъ имѣлъ 24 нѣмецкихъ мили въ окружности. Возведены были огромныя плотины, сдерживавшія воду; судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, онѣ были 160 футовъ ширины. Въ серединѣ озера возвышались двѣ большія пирамиды, которыя можетъ быть содержали гидравлическія сооруженія, которыми собранная въ озерѣ вода распредѣлялась по окрестности. Нынче этотъ бывшій водный бассейнъ совсѣмъ безъ воды, а его соединеніе съ Ниломъ разрушено.

Другое зданіе, приписываемое тому же царю Мерису, есть Лабиринтъ, о которомъ Геродотъ говоритъ, что онъ выше всякаго описанія, потому что если взять всѣ каменныя работы грековъ, всѣ зданія ихъ, не исключая знаменитыхъ храмовъ Самоса и Эфеса, все таки надобно будетъ

признать, что всѣ они не стоили такъ много труда и хлопотъ, какъ лабиринтъ. Онъ состоялъ изъ этажа надъ землею, и другаго этажа подъ землею, изъ которыхъ каждый имѣлъ 1500 комнатъ. Шесть воротъ находились на южной сторонѣ, шесть другихъ на сѣверной, и всѣ они были окружены стѣною. Большое число корридоровъ, которые вели чрезъ комнаты, частая смѣна прямыхъ витыми корридорами, которые разнообразнѣйшимъ образомъ тянулись около разныхъ покоевъ, все это наполняло душу изумленіемъ. Кто бы могъ безъ проводника не заблудиться въ этой путаницѣ комнатъ и корридоровъ! Изъ комнаты выходятъ на дворъ, со двора въ портикъ, изъ портика въ другія комнаты, въ которыхъ потолки и стѣны всюду украшены скульптурными изображеніями. Если спросятъ, для какой цѣли было выстроено это зданіе, мы на вопросъ не дадимъ отвѣта. Многіе принимаютъ лабиринтъ за соединеніе царскихъ дворцовъ, другіе за гидравлическое сооруженіе, назначенное для уравненія наводненій Нила, или для храненія водъ.

* *
*

Не меньшее удивленіе возбуждаютъ пирамиды. Самыя обширныя находятся въ нижнемъ Египтѣ, въ двухъ миляхъ къ западу отъ знаменитаго въ древности Мемфиса. Вдоль рѣки расположенныя отдѣльными группами, онѣ покрываютъ скалистое Plateau въ 8 миль длины, отдѣленное отъ Ливійской пустыни отрогомъ горы, наполненной гробами частныхъ лицъ. Не смотря на частыя опустошенія, которымъ подвергались пирамиды, служа долгое время каменоломнями, число ихъ въ настоящее время простирается до 40. Замѣчательнѣйшая группа ихъ находится недалеко отъ нынѣшней деревни Гизехъ. Здѣсь находится величайшая, носящая имя царя Хеопса (1083 г. до Р. Х.). Онъ приказалъ ломать камень, необходимый для ея постройки (на мѣстѣ не было

камня) на аравійской границѣ, и на плотахъ переправлять его чрезъ Нилъ. Но чтобы доставить камень на мѣсто постройки, онъ велѣлъ устроить плотину изъ полированнаго камня, для окончанія которой, равно какъ для того, чтобы вырыть подземныя комнаты пирамиды, едва ли было не мало десяти лѣтъ.

Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, посѣтившихъ этотъ величавый памятникъ, разсказываетъ намъ: «На горахъ, находящихся на правой сторонѣ Нила, сіяетъ пурпуровый блескъ утренней зари. Чрезъ нѣсколько времени онъ поблѣднѣлъ предъ восходящимъ солнцемъ, котораго первые лучи повѣяли розовымъ дыханіемъ на громадныя каменныя массы. Теплота ихъ была очень пріятна для насъ послѣ холодной ночи. Требовалось общество арабовъ, чтобы помогать намъ взбираться на пирамиды; ихъ шейхъ далъ на каждаго изъ насъ по два сильныхъ спутника и поручилъ насъ имъ, нетерпѣливо ожидавшимъ путешественниковъ; съ ними мы и отправились въ путь.

Сначала мы взобрались на крутую и довольно высокую гору, состоящую изъ груды камней отъ развалившейся стѣны; эта гора обваливалась на каждомъ нашемъ шагу, не мало пота стоилъ намъ каждый шагъ. Теперь только мы на настоящемъ основаніи пирамиды, только теперь, стоя у одного угла пирамиды, и поднявъ глаза вверхъ, въ состояніи мы были почувствовать невообразимую громадность и величавость этого чуда міра.

Можно принять за вѣрное, что Хеопсова пирамида теперь стоитъ въ песку на пятьдесятъ футовъ въ глубину, и все таки вышина ея достигаетъ, по измѣреніямъ французскихъ инженеровъ, четыреста шестидесяти парижскихъ футовъ. Каждая изъ сторонъ имѣетъ въ длину семьсотъ двадцать парижскихъ футовъ. Простое вычисленіе показываетъ, что Хеопсова пирамида занимаетъ плоскость въ 518 тысячъ четыреста квадратныхъ футовъ, и что она, если измѣрять

ее какъ совершенную пирамиду, не принимая въ расчетъ маленькихъ комнатъ и неважныхъ ходовъ внутри ея, имѣетъ больше 90 милліоновъ кубическихъ футовъ. Можно подивиться могучему духу народа, который умѣлъ построить такіе памятники; но если подумать, что огромныя глыбы камня, употребленныя на постройку, не иначе могли быть доставлены вверхъ, какъ по отлогимъ плоскостямъ, которыхъ постройка должна была значительно затруднять исполненіе труднаго дѣла, то нужно будетъ согласиться, что наши самыя смѣлыя постройки, не смотря на силу пара и механику новѣйшаго времени, совершенно стушовываются въ сравненіи съ этими истинно исполинскими твореніями.

Четыре угла пирамиды обращены совершенно точно къ четыремъ странамъ свѣта. Мы выбрали сѣверную часть, чтобы подняться на пирамиду. Наши спутники сначала прыгали на высокія до 5 футовъ ступени или шахты въ стѣнѣ, — таковыхъ до верхушки насчитывается до двухъсотъ двухъ,—а потомъ тащили насъ на рукахъ. Послѣ пятиминутнаго восхожденія мы должны были отдохнуть,—еще мы не сдѣлали и половины пути. Еще чрезъ пять минутъ мы стояли на вершинѣ Хеопса, на высотѣ 400 футовъ. Вершина довольно ровная, только въ срединѣ нѣкоторыя, покрытыя надписями, каменныя глыбы возвышаются надъ другими; онѣ можетъ быть показались разрушителю слишкомъ большими, или сильно ушедшими въ стѣну. Я взялъ съ собою на память высочайшій камень съ одной большой глыбы.

Измучившись тяжелымъ всходомъ, мы отдохнули немного; потомъ окинули нашимъ взоромъ разстилавшійся предъ нами и подъ нами ландшафтъ. Наши глаза прежде всего остановились на наполненной водою равнинѣ, изъ воднаго зеркала которой выдавались деревни Феллаховъ съ своими пальмовыми лѣсами, подобно цвѣтущимъ островамъ. Потомъ глаза наши любовались блестящимъ вѣнкомъ, состоящимъ изъ зеленѣющихъ полей, священною рѣкою Ниломъ съ его дерев-

нями и другими сосѣдними городами Булакомъ, Джизехомъ и старымъ Каиро; далѣе направо вниманіе наше приковано было къ пирамидамъ Сакараха, которыя, какъ скалистые острова, возносятся надъ волнующимися вдали вершинами необозримаго пальмоваго лѣса; налѣво показывается пріятный видъ Шубры съ ея зелеными, полными жизни садами и бѣлѣющими деревенскими домами; въ срединѣ ландшафта разстилается Каиро, побѣдоносный городъ калифовъ. Прислоненный къ Джебель ель-Мокаданму, окруженный пустынею, садами, полями, пальмовыми рощами, деревнями и тихимъ городомъ мертвыхъ, подъ защитою господствующей надъ нимъ цитадели, лежитъ онъ предъ нами; его минареты блестятъ золотомъ утренняго солнца, легкій туманъ покрываетъ ихъ своимъ нѣжнымъ покрываломъ. Во всѣ стороны тянется море его домовъ, фантастически построенныхъ, богато украшенные куполы выплываютъ изъ него. Вблизи у нашихъ ногъ мы видимъ нашъ маленькій лагерь, въ которомъ суетятся многіе, кажущіеся намъ муравьями, люди. Это передняя сторона нашего ландшафта; она рѣзко отличается отъ противолежащей стороны. Повернувшись отъ близко къ намъ стоящихъ пирамидъ Хефрена и Микерина, отъ сфинкса, стоящаго въ песку, и гробовъ съ муміями, занесенныхъ пескомъ, куда мы ни обращали взоры, ничего не видно кромѣ волнистыхъ холмовъ жолтаго песку или сѣроватыхъ каменныхъ массъ. Здѣсь начинается область «страшнаго, волшебнаго, непонятнаго», называемая по арабски Сахарою, хотя здѣсь по нашимъ географическимъ понятіямъ, еще ей не мѣсто. Никакой контрастъ не можетъ быть поразительнѣе того, который образуется переходомъ отъ Ливійской степи съ ея необозримыми песчаными холмами, начинающейся у большихъ пирамидъ, къ зеленой Нильской низменности.

Великолѣпна панорама, являющаяся предъ нами съ пирамиды, но поразительнѣе мысль, что стоишь на величайшемъ въ мірѣ зданіи.

Съ нами взошли на пирамиду многіе арабы и арабянки, несшія на ладони небольшія кружки съ водою, которою мы могли утолить жажду за небольшую плату. Извѣстная ловкость граціозныхъ арабянокъ удивила насъ меньше, чѣмъ легкость и стойкость, съ которыми Феллахи прыгали съ одного уступа на другой, чтобы показать намъ свою ловкость въ движеніяхъ. Одинъ изъ нихъ взялся въ 10 минутъ перебраться съ вершины Хеопса на вершину Хефрена и исполнилъ дѣйствительно этотъ удивительный маневръ за бакшишъ въ два піастра (10 коп.).

Чтобы сойти съ пирамиды мы избрали туже сторону, по которой взошли на нее. Сходить гораздо опаснѣе и труднѣе чѣмъ всходить; уголъ подъ которымъ мы спускались слишкомъ мало имѣетъ пологости и паденіе грозитъ смертью. Одинъ англичанинъ нѣсколько лѣтъ тому отправился на пирамиду и упорно отказался отъ всякихъ спутниковъ; съ нимъ случилось головокруженіе, онъ упалъ и ушибся до смерти. При помощи арабовъ мы благополучно спустились, и такъ какъ намъ хотѣлось посѣтить и внутренность пирамиды, то мы и отправились ко входу, находящемуся на сорокъ футовъ вышины надъ песчаною равниною, но взбираясь, до того измучились, что прежде чѣмъ рѣшились войти внутрь, должны были отдыхать довольно долго.

Входъ въ большую пирамиду, не смотря на множество стараній открыть его, оставался неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока не отвалилась одна большая плита известняка, которая покрывала гранитную глыбу, которою заложенъ былъ входъ во внутренность. Потомъ разбили стѣну толщиною въ 10 футовъ и достигли до узкаго подъ угломъ въ 25 градусовъ ведущаго внизъ хода, длиною въ сто двадцать футовъ. Стѣны онаго состоятъ изъ полированнаго гранита; на полу вырублены ямочки, чтобы облегчить ходьбу. У внѣшняго входа видна памятная доска, поставленная прусскою экспедиціею изслѣдователей іероглифовъ.

Съ зажженными свѣчами вступили мы во внутренность пирамиды. Острый, непріятный запахъ, производимый пометомъ летучихъ мышей, во множествѣ обитающихъ во внутренности всѣхъ египетскихъ монументовъ, дѣлалъ наше путешествіе въ высшей степени непріятнымъ. Чѣмъ дальше подвигались мы во внутренность, тѣмъ труднѣе было идти. Совершенный недостатокъ свѣжаго воздуха, постоянно господствующая здѣсь средняя температура Египта, густая пыль сдавливали намъ грудь; въ низкихъ, узкихъ и гладкихъ ходахъ мы должны были подвигаться согнувшись и съ большимъ трудомъ. Такъ достигли мы до конца внутренняго хода, потомъ двинулись по горизонтальному ходу, карабкались по глыбамъ камней и дошли до круто поднимающагося, все выше и выше идущаго третьяго хода, который наконецъ привелъ насъ въ «царскую комнату».

Она имѣетъ 32 фута длины, 16 футовъ ширины, 18 вышины, покрыта горизонтально огромными каменными блоками и содержитъ саркофагъ, состоящій изъ полированнаго гранита длиною въ 7 футовъ, шириною въ 6; стѣны комнаты обложены такимъ же гранитомъ. Саркофагъ при ударѣ въ него издаетъ чистый колокольный тонъ, который отдается эхомъ внутри комнаты.

Комната царицы находится ниже, но совершенно похожа на царскую. Кромѣ этихъ двухъ комнатъ, до сихъ поръ нашли еще одну, до которой можно достигнуть по толстымъ бревнамъ, прикрѣпленнымъ къ стѣнѣ въ видѣ лѣстницы. Здѣсь нашли водопроводную штольню, которая изслѣдована на 200 футовъ глубины. Пыль и мучительный жаръ такъ измучили насъ, что мы уже не изъявили желанія посѣтить двѣ послѣднія комнаты.

Прочія пирамиды не выдерживаютъ никакого сравненія съ пирамидою Хеопса; онѣ и построены не съ такою правильностію, какъ эта. На Хефреновой пирамидѣ видны слѣды дорогой обкладки, состоящей изъ сіенита, гранита и пор-

фира, почему нѣкоторые думаютъ, что она была самая блестящая изъ всѣхъ пирамидъ. Вышина оной доходитъ до 400 футовъ; Микеринова пирамида еще ниже.

Открытые гробы, остатки стѣнъ, законченныя и неоконченныя статуи, окаменѣвшія груды растворенной извести и другія остатки отъ давнихъ временъ, лежатъ въ большомъ изобиліи вокругъ пирамидъ. На юговосточной сторонѣ Хеопса видѣнъ огромный сфинксъ, названный древними египтянами Харъ-ем-ху Горусъ на горизонтѣ.»

Колоссальная фигура исчезаетъ подлѣ исполинскаго сосѣда: песокъ пустыни грозитъ совершенно затопить его; отъ небольшаго храма, открытаго между передними ногами сфинкса, теперь нѣтъ и слѣдовъ. Одинъ изъ изслѣдователей открылъ на груди сфинкса вырѣзанный стихъ на греческомъ языкѣ, который въ переводѣ говоритъ:

«Твое величавое тѣло поставили здѣсь безсмертные боги,
Чтобы хранить хлѣбъ дающую землю».

На лицѣ не видно теперь той прелести, которой дивились древніе писатели; видна въ немъ физіономія Нубійца, но значительно обезображенная.

* *
*

Сказанныя постройки относятся большею частію къ древнѣйшему времени Египта, исторія котораго, не смотря на трудолюбивыя изслѣдованія, все еще погружена въ глубокій мракъ. До времени Моисея (1500 г.) по источникамъ и извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ, трудно провести границу между сагою и тѣмъ, что дѣйствительно было. Этотъ мракъ исторіи есть также слѣдствіе отпаденія язычниковъ отъ истиннаго Бога; съ прекращеніемъ извѣстій о нихъ въ священномъ писаніи, падаетъ на ихъ судьбы почти непрони-

цаемый покровъ, который постепенно начинаетъ спадать по мѣрѣ того, какъ исторія ихъ приближается къ тому времени, когда является на землю Тотъ, кто былъ искупителемъ и спасителемъ языковъ.

И у египтянъ общій ходъ исторіи отъ начала до конца былъ тотъ же, что и у другихъ народовъ. Они принадлежатъ, особенно жрецы, не къ африканскимъ неграмъ, но къ кавказской расѣ, и вѣроятно вышли изъ Индіи.

Древнѣйшее, принятое ими, названіе царя — Менесъ напоминаетъ Индійскаго Ману; царскій титулъ фараонъ, то есть намѣстникъ бога солнца, происходитъ отъ фра, что значитъ солнце, и напоминаетъ такъ-же, какъ и имена ихъ божествъ Озириса (солнце) и Изиды (луна) индійское ученіе о богахъ. Даже въ особенно выдающихся характеристическихъ чертахъ: умѣренности, удаленіи отъ чувственныхъ впечатлѣній, недостаткѣ воинственности, малой цѣнимости земнаго существованія, и воображенію, доводящему обыкновенную мѣру вещей до чрезвычайныхъ, исполинскихъ размѣровъ, египтяне являются родственными индійцамъ. Сюда же принадлежитъ жреческое устройство государства и господствовавшее у нихъ раздѣленіе сословій, кастовое устройство. Сезострисъ II, современникъ Моисея, именно въ этомъ смыслѣ былъ устроителемъ государства. По двѣнадцати знакамъ зодіака, которые почитались въ качествѣ звѣздныхъ боговъ, онъ раздѣлилъ землю на 12 храмовыхъ областей, и каждую область на 3 штатгалтерства, называемыя номенами, которые также посвящены были особеннымъ богамъ. Потомъ устроилъ онъ касты. Первая и важнѣйшая каста, которой членомъ былъ и царь, состояла изъ жрецовъ, хранителей святыни: въ ихъ рукахъ находились и всѣ общественныя должности, поэтому они были настоящими владыками народа. Знатнѣйшіе изъ нихъ составляли царскій совѣтъ, который замѣщалъ жрецами всѣ судейскія должности, равно какъ и административныя. Египетъ былъ совершенно

жреческимъ государствомъ, потому что и самая каста воиновъ была въ зависимости отъ жрецовъ; никакаго военнаго дѣла нельзя было предпринять, не спросивъ ихъ совѣта и согласія. Поэтому царь былъ главнымъ предводителемъ войска, а принцы изъ его дома, его генералами. Каста воиновъ образовала постоянное войско, которое во время мира состояло изъ 180,000 и распредѣлено было гарнизонами по всей странѣ; во время войны оно могло быть увеличено до 400,000. Двѣ остальныя касты состояли изъ рабочаго народонаселенія, которое платило государству подати съ своихъ промысловъ. Къ нимъ принадлежали земледѣльцы, ремесленники, купцы и пастухи. Сверхъ того были рабы, иноземцы по происхожденію; ихъ покупали и на общественныя постройки посылали главнымъ образомъ чужеземныя, покоренныя племена. Такъ Іосифъ былъ продань братьями въ Египетъ и служилъ въ домѣ Потифара Пентефрія; такъ народъ израильскій былъ обремененъ трудною обработкою кирпича.

Сезострисъ пріобрѣлъ славу и въ качествѣ завоевателя. Ему приписываютъ покореніе Эѳіопіи послѣ 9-ти лѣтней войны, многихъ аравійскихъ племенъ и части Ливіи, пограничной Египту на западѣ. Говорятъ, что онъ предпринималъ походъ во Ѳракію и Скиѳію, и основалъ Колхиду на восточномъ берегу Чернаго моря. Флотъ его состоялъ изъ 400 кораблей; онъ плавалъ по Аравійскому заливу и достигъ Индіи.

Позднѣйшіе цари Египта находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ израильскими царями; таковы были цари Египта, современники Соломона, Ровоама и Іеровоама и Осіи. Во время Осіи въ Египтѣ царствовалъ Эѳіопскій домъ (Сабако, Сетонъ), который около 700 года былъ изгнанъ. Страна оставалась нѣкоторое время безъ царя, пока 673 г. 12 египетскихъ князей взялись вмѣстѣ править государствомъ. Изъ нихъ Псамметихъ изъ Саиса, съ помощью греческихъ

наемниковъ, одолѣлъ своихъ соправителей, и сдѣлался одинъ царемъ. Его частыя сношенія съ Греками, равно какъ и то, что онъ содержалъ постоянное войско изъ греческихъ солдатъ, которыхъ принималъ на жалованье, что онъ старался распространить въ Египтѣ греческое образованіе, возбудили противъ него такое неудовольствіе, что вспыхнуло возмущеніе. Въ слѣдствіе онаго 240,000 египтянъ удалились въ Нубію, гдѣ царь Мерое далъ имъ участокъ земли, на которомъ они и поселились. Скоро по окончаніи войны съ филистимлянами Псамметихъ умеръ. Сынъ его Нехао старался возвысить морскую силу Египта, и началъ устройство канала для соединенія Краснаго моря съ Средиземнымъ, но не окончилъ его. Былъ несчастливъ и въ войнѣ съ Вавилономъ. Навуходоносоръ разбилъ его при Каркемышѣ (Цирцезіи) на Евфратѣ въ 606 г. до Р. Х., слѣдствіемъ чего была потеря всѣхъ завоеваній, которыя сдѣлалъ Нехао въ походѣ на Вавилонъ.

По смерти Нехао Египетъ былъ нѣсколько времени вавилонскою провинціею при Навуходоносорѣ, но при Амазисѣ (въ 650 г. до Р. Х.), союзникѣ Креза, достигъ опять независимости, силы и благоденствія. Еще больше Псамметиха благопріятствовалъ грекамъ Амазисъ; онъ позволилъ имъ селиться въ Египтѣ и отправлять свободно свое богослуженіе. Къ числу его союзниковъ принадлежалъ Самосскій тиранъ Поликратъ, котораго удивительное счастье заставило царя Амазиса прервать дружескія связи съ нимъ. Но уже приходило къ концу блестящее состояніе Египта. Еще при жизни Амазиса, Персидскій царь Камбизъ задумалъ идти на Египетъ и началъ приготовленія. Спустя пять мѣсяцевъ по смерти Амазиса послѣдовала битва при Пелузіумѣ, на восточной границѣ Египта (525 г. до Р. Х.), которую проигралъ царь Псамменитъ, сынъ Амазиса. Онъ отступилъ съ остаткомъ войска къ Мемфису, но и здѣсь не могъ долго держаться. Камбизъ овладѣлъ городомъ и

8

взялъ царя въ плѣнъ. Около Персидскаго города Сузы Псамменитъ получилъ отъ побѣдителя помѣстье; 6000 египтянъ жили вмѣстѣ съ нимъ. Такъ Египетъ сдѣлался Персидскою провинціею, а позднѣе вошолъ въ составъ монархіи Александра Великаго (332 г. до Р. Х.).

ФИНИКІЯНЕ.

На восточномъ берегу Средиземнаго моря жило въ древности племя, хотя не такъ многочисленное, но способное къ обширнымъ предпріятіямъ. Не больше 25 миль въ длину и 4—5 миль въ ширину имѣла страна, въ которую переселились финикіяне вѣроятно отъ Персидскаго залива. Она была богата бухтами и заливами, высокія горы идутъ склонами къ морю, и вдаются въ море мысами. Вершины горъ были покрыты лѣсами, которые давали строевой матеріалъ для флотовъ и домовъ финикіянъ. Море, съ яростію бьющееся о скалистые берега, вѣроятно оторвало отъ твердой земли нѣсколько мысовъ, которые находятся недалеко у берега и не менѣе замѣчательны, чѣмъ самая страна материка, потому что покрыты были большими городами и разными учрежденіями. Уже самый сѣверный, пограничный городъ Финикіи, Арадъ находился на островѣ, а противъ него на твердой землѣ лежалъ такъ называемый Антарадъ. Въ четырехъ миляхъ къ югу виднѣлся Триполисъ, уцѣлѣвшій до нашего времени, въ такомъ же разстояніи Библъ съ храмомъ Адониса; къ югу отъ него Беритъ. Потомъ за та-

кимъ же по величинѣ промежуткомъ слѣдовалъ Сидонъ, и наконецъ еще чрезъ три мили, на южной границѣ страны, равно и на островѣ, находился Тиръ, царь финикійскихъ городовъ. Множество небольшихъ мѣстечекъ, которыя были школами трудолюбія и далеко извѣстны были своими фабриками и мануфактурами, какъ Сарепта, Ботрисъ и многія другія, наполняло промежутки отъ города къ городу. Эти города образовывали какъ бы одинъ городъ, который занималъ берега и острова, и съ заливами и флотами, тутъ стоящими, представлялъ зрѣлище, которому подобное трудно найти на землѣ, и которое могло пробудить въ прибывшемъ чужестранцѣ высокое мнѣніе о богатствѣ, силѣ и предпріимчивомъ духѣ жителей.

Всѣ эти города были колоніями другъ друга, и какъ всѣ колоніи міра, обязаны своимъ существованіемъ выходцамъ, которые выселялись или изъ торговыхъ видовъ, или въ слѣдствіе городскихъ безпокойствъ. Старѣйшій изъ нихъ, «перворожденный сынъ Ханаана» по свидѣтельству Моисея, былъ Сидонъ, въ которомъ родились торговля и мореплаваніе финикіянъ. Сидонъ былъ основателемъ Тира, который былъ сначала только складочнымъ мѣстомъ сидонскихъ товаровъ. Но Тиръ скоро переросъ свою метрополію и затмилъ ее своею торговлею. Въ блестящее время Финикіи Сидонъ былъ вторымъ городомъ по величинѣ, но все еще богатымъ городомъ, и до тѣхъ поръ, пока морская торговля Финикіянъ существовала, Сидонъ съ своей превосходной гаванью былъ, можно сказать, неистощимымъ въ богатствахъ городомъ. Арадъ или Арватъ выросъ также изъ Сидона и былъ основанъ по поводу гражданскихъ безпокойствъ, въ слѣдствіе которыхъ недовольная партія изъ Сидона вышла и поселилась на мѣстѣ Арада. Триполисъ была общая колонія изъ Тира, Сидона и Арада, отчего получилъ и свое имя.

Старшій, основанный изъ Сидона, Тиръ расположенъ на материкѣ; онъ считался величайшимъ, богатымъ и цвѣ-

тущимъ торговымъ городомъ до времени Навуходоносора, который взялъ его послѣ 13 лѣтней осады. (598—585.) Въ это время большая часть жителей бѣжала на сосѣдній островъ, который имѣлъ уже зданія и торговыя учрежденія. Такимъ образомъ произошолъ городъ Тиръ на островѣ, который при благопріятномъ положеніи скоро сравнялся съ старымъ Тиромъ, а во время вавилонскаго и персидскаго владычества постоянно увеличивался, тогда какъ старый Тиръ падалъ. Александръ В. послѣ долговременной осады взялъ новый Тиръ, и лишилъ городъ прежняго блеска не столько завоеваніемъ, сколько основаніемъ Александріи, новаго центра всемірной торговли. Въ Тирѣ былъ храмъ главнаго божества Тирянъ, защитника города, что обозначаетъ и самое имя божества—Мелькартъ (т. е. городской царь), котораго Греки называли Тирскимъ Геркулесомъ. Поклоненіе этому богу проникло въ отдаленнѣйшія страны, куда только доходили Тиряне и гдѣ они поселялись; даже независимыя отъ Тира колоніи отправляли въ Тиръ торжественныя посольства въ честь этого національнаго божества. Городъ имѣлъ высокія стѣны изъ плитняка и двойную гавань, одну на сѣверной сторонѣ по направленію къ Сидону, другую на южной въ направленіи къ Египту; послѣднюю можно было запирать большими цѣпями.

Въ гаваняхъ этихъ городовъ господствовала разнообразная сильная дѣятельность. Здѣсь на верфяхъ строились корабли, на которыхъ Финикіяне плавали у береговъ Средиземнаго моря и за Геркулесовы столбы. Тамъ стояли большіе складочные магазины, въ которые складывали они товары, привозимые изъ дальнихъ странъ, равно какъ и свои уже обработанные товары. Дѣятельная толпа была здѣсь въ постоянномъ движеніи. Одни нагружали суда дорогими матеріями Сидонскими, которыя получали на знаменитыхъ тирскихъ красильняхъ тотъ прекрасный цвѣтъ, который такъ дорого цѣнился въ древности подъ названіемъ пурпу-

роваго. Добывали эту краску частію изъ раковинъ, частію изъ красильныхъ растеній. Раковина, которую ловили въ Атлантическомъ океанѣ, давала черный, другая, получаемая у финикійскихъ береговъ, красный пурпуръ; кромѣ того извѣстенъ былъ пурпуръ фіолетовый, голубой, желтый бѣлый и смѣшанный.

Другіе выгружали сокровища кораблей, вернувшихся изъ чужихъ странъ, или поправляли поврежденія судовъ, натягивали канаты и паруса (снастили, сбивали доски, испытывали силу веселъ, распиливали дерево. Внутри города искусные ремесленники выдѣлывали разныя драгоцѣнности и украшенія изъ золота, серебра, янтаря и слоновой кости. Кузнецы расплавляли на очагѣ мѣдь, доставляемую изъ прикавказскихъ странъ, и приготовляли изъ нея разную домашнюю посуду. Финикіяне умѣли прясть шерсть, доставляемую сирійскими и аравійскими овцами, и приготовлять матеріи на сложныхъ станкахъ. Масло и вино, пшеница и изюмъ, производимыя особенно въ Сиріи и Палестинѣ, полба и другіе роды хлѣба, получаемые изъ Египта, бальзамъ и эбеновое дерево (черное дерево) оиміамъ и мирра, важнѣйшія пряности древнихъ, драгоцѣнная корица и благовонныя смолы, — все это вывозилось изъ Финикіи во всѣ страны и гавани, съ которыми этотъ дѣятельный народъ былъ въ сношеніяхъ.

Матеріалъ, необходимый для выдѣлки стекла, нитрумъ, находили въ маленькой береговой рѣчкѣ, вытекающей у подошвы горы Кармеля. Въ Сидонѣ и Сарептѣ были важнѣйшія стеклянныя фабрики, изъ нихъ то выходили тѣ украшенія, которыя виднѣлись на стѣнахъ и кровляхъ комнатъ. Въ древности не знали употребленія стеклянныхъ сосудовъ и стеклянныхъ оконъ.

Финикіяне не имѣли одного общаго царя, но каждый городъ имѣлъ свое особенное правленіе, своихъ наслѣдственныхъ князей; подобно Ганзейскимъ городамъ среднихъ вѣ-

ковъ, Финикійскіе города вступали въ союзъ, который былъ довольно силенъ, чтобы защищать ихъ отъ внѣшнихъ враговъ. Подлѣ князя стояли свѣтскій и духовный чиновникъ, которые заботились вмѣстѣ съ княземъ объ управленіи. Завоевывать оружіемъ было не въ ихъ духѣ; они взялись пріобрѣтать силу и значеніе въ чужихъ земляхъ путемъ торговли. Такъ они старались не о томъ только, чтобы вывозить изъ чужихъ земель произведенія этихъ странъ, но также и о томъ, чтобы заводить колоніи на мѣстахъ, особенно удобныхъ для судоходства и торговли; эти колоніи получали гражданскія льготы и чрезъ сношеніе съ финикійскими городами быстро распространяли цивилизацію.

Плаванія этого народа съ востока на западъ равнялись пути солнечному отъ его восхода до страны заката. Ближе всего были греческіе острова Кипръ, Критъ, Родосъ, Тазосъ и другіе, куда за 1500 лѣтъ до Р. Х. уже плавали финикійскія суда; здѣсь финикіяне заводили складочные магазины и основывали колоніи. На Тазосѣ нашли они горы, богатыя золотомъ; они основали здѣсь рудники, которыхъ ходы и ямы видѣлъ Геродотъ. Послѣ того, какъ греки вытѣснили ихъ отсюда, финикіяне не стали истощать своихъ силъ въ кровавыхъ войнахъ, для возвращенія потерянныхъ земель,—это было не купеческое дѣло, болѣе дѣло честолюбія. Они отправились дальше на западъ чрезъ знакомое имъ Средиземное море. Тутъ лежали цвѣтущіе острова: Сицилія, Сардинія и Корсика; Солое и Панормосъ въ Сициліи, были финикійскими колоніями. Противъ этихъ островов разстилался берегъ сѣверной Африки, манящій переселенцевъ. Здѣсь основаны были Утика, первый разсадникъ финикійскаго образованія, Карѳагенъ, сильный, богатый, знаменитый городъ. Послѣдній основанъ былъ Дидоною, сестрою Тирскаго царя Пигмаліона, который умертвилъ брата Дидоны, а ее принудилъ къ бѣгству, 800 г. до Р. Х.

Но еще дальше на западъ стремились отважные мореплаватели. Испанія, богатая благородными и полезными металлами, привлекала ихъ взоры. Сношенія, завязавшіяся съ этою страною, дѣлались все тѣснѣе и прочнѣе. Кто только выходилъ съ кораблей на эту землю, здѣсь и селился. Въ южной Андалузіи, при устьѣ Гвадіаны, Анаса древнихъ, по берегамъ Гвадалквивара, Бетиса древнихъ, появилось много финикійскихъ городовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны Тартессусъ и Гадесъ (Кадиксъ). Въ Испаніи или Тарсисѣ, какъ называлась часть Испаніи, которою владѣли финикіяне, нашли они такъ много серебряной руды, что ее можно было прямо брать на поверхности земли. Туземцы, не знавшіе ей цѣны, приготовляли изъ нея домашніе сосуды и ремесленныя орудія. У нихъ-то финикіяне и вымѣнивали серебро. Когда же они стали въ Испаніи твердою ногою, начали добывать и скрытыя въ землѣ сокровища. Они основали рудники и дѣятельно разработывали ихъ чрезъ рабовъ; добыча золота, серебра, свинцу, олова и желѣза богато вознаграждала ихъ трудъ. Благословенная почва производила не только хлѣбныя растенія, но и благородные плоды. Дѣятельная рука финикіянъ развела здѣсь виноградную лозу, и приготовляла изъ плодовъ ея превосходное вино; она облагородила масличное дерево и собирала воскъ, приносимый трудолюбивою пчелою. Кромѣ того финикіяне развели оранжевое дерево (апельсины) и улучшили овцеводство, отъ котораго получалась самая мягкая шерсть.

Но и такое удаленіе отъ отечества не удовлетворяло безостановочно все дальше и дальше стремящемуся торговому духу этого умнаго, расчетливаго, трудолюбиваго народа. Они пускались на своихъ судахъ за Гибралтарскій проливъ въ Атлантическій океанъ. Здѣсь пріобрѣли они островъ Мадеру и Канарскіе, и усвоили себѣ произведенія этихъ острововъ. Потомъ они направились на сѣверъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно то, что они вдоль береговъ Галліи прошли въ Нѣмецкое

море, а оттуда въ Балтійское, и на берегахъ послѣдняго отыскивали или вымѣнивали драгоцѣнный янтарь.

Взоры ихъ, ищущіе сокровищъ, обращались и на югъ. Ихъ суда плавали по Аравійскому и Персидскому заливу. Финикіяне посѣщали Офиръ, значитъ не только берега восточной Африки, но также сѣверную часть Малабарскаго берега въ Остъ Индіи. Золото, серебро, благородные камни и и другія драгоцѣнности шли въ Европу изъ Индіи чрезъ финикіянъ. Они предпринимали путешествія не только для распространенія торговли, но нѣсколько путешествій совершено было ими съ цѣлію открытій. Въ одномъ изъ такихъ путешествій къ Геллеспонту, для изслѣдованія Европы, въ глубокой древности нашли они островъ Тазосъ, противъ Ѳракійскихъ береговъ, которымъ и владѣли до тѣхъ поръ, пока не вытѣснили ихъ греки. Замѣчательнѣе второе ихъ плаваніе съ цѣлію открытій — это плаваніе вокругъ Африки. Царь Нехао, давшій имъ право селиться въ Египтѣ въ Мемфисѣ, высылалъ финикійскіе корабли съ экипажемъ и далъ имъ порученіе возвратиться чрезъ столпы геркулеса въ Средиземное море. Финикіяне отправились изъ Краснаго моря вошли въ Южное море, и пробывъ въ плаваніи два года, на третій, чрезъ геркулесовы столпы возвратились въ Египетъ. На пути они нѣсколько разъ осѣнью выходили на берегъ, засѣвали землю и собирали жатву. Потомъ отправлялись далѣе. Они принесли извѣстіе, что когда они обогнули Африку, солнце восходило у нихъ съ правой стороны, доказательство, что они прошли чрезъ экваторъ.

Вскорѣ за этою экспедиціею начались опустошительные походы вавилонскихъ завоевателей, именно продолжительная осада Тира Навуходоносоромъ, слѣдствіемъ которой была потеря независимости финикіянами. До этого времени они были исключительными владыками моря, они распространяли открытія, по предпріимчивости ихъ можно сравнить съ средневѣковыми венеціанцами и генуезцами. Многочисленные

флоты ихъ покрывали Индійскій, какъ и Атлантическій океанъ, и тирскіе вымпела развѣвались въ одно и тоже время у британскихъ береговъ, и у береговъ Цейлона.

Вмѣстѣ съ морскою торговлею Финикіяне производили и обширную сухопутную торговлю; большую часть сырыхъ матеріаловъ, которые обработывали ихъ ремесленники и художники, они получали изъ дальнихъ странъ. Для этого они прошли Аравію во всѣхъ направленіяхъ до восточнаго и южнаго берега. Іеменъ, южная область Аравіи, былъ богатъ собственными произведеніями, и кромѣ того былъ складочнымъ мѣстомъ индійскихъ и эѳіопскихъ товаровъ: тутъ находились золото, драгоцѣнные камни, ѳиміамъ; Индія доставляла сюда корицу, Еѳіопія слоновую кость и черное дерево. Кочующіе по Аравіи народы были посредниками финикійской торговли; они составляли караваны и отдавали въ наемъ или продавали купцамъ своихъ верблюдовъ съ проводниками и стражею. Такими посредниками были главнымъ образомъ мадіаниты и эдомиты, которые разъѣзжали по сѣверной Аравіи. И съ Египтомъ торговля была сухопутная; финикіяне получали оттуда хлопчатобумажныя и вышитыя издѣлія, а вывозили туда вино въ глиняныхъ сосудахъ. Палестина была для нихъ страною хлѣба; пшеница, здѣсь получаемая, считалась лучшею, виноградная лоза давала вино и изюмъ; палестинское масло славилось тогда, какъ и теперь, бальзамъ получался въ окрестностяхъ Геннисаретскаго озера. Изъ Сиріи они получали также вино, которое посылали въ Африку и Европу; сирійскіе номады продавали имъ весьма цѣнную шерсть своихъ овецъ. Изъ Тира караваны тянулись къ Вавилону, вѣроятно чрезъ Бальбекъ и Пальмиру. Торговля невольниками у финикіянъ имѣла большіе размѣры, съ Кавказа получали они мальчиковъ и дѣвочекъ, равно и желѣзо, которое находилось тамъ въ изобиліи. Наконецъ они посѣщали Арменію, родину прекраснѣйшихъ коней, какіе только извѣстны были въ древности; низейскіе парадныя

лошади отличавшіяся цвѣтомъ и глянцовитостію волоса, равно какъ стройностію, считались единственно достойными возить колесницу персидскихъ царей, — ихъ покупали уже изъ Финикіи.

МИДЯНЕ.

Въ то время, какъ вышепоказанные два народа, ассиріяне и вавилоняне наполнили равнины Евфрата и Тигра своими колоссальными постройками, къ сѣверу отъ нихъ жили два другихъ народа мидяне и персы. Принадлежа къ арійскому племени, и будучи вѣтвію зендскаго народа, мидяне и персы основали свои жилища на югозападъ отъ Каспійскаго моря, и притомъ такъ, что мидяне жили сѣвернѣе, чѣмъ персы. Эти народы, родственные другъ другу по происхожденію, религіи, образу жизни, нравамъ и обычаямъ, жили долгое время въ мирѣ, пока персы не получили перевѣса и подчинили мидянъ.

Въ холодной, суровой горной мѣстности сѣверной Мидіи, изъ шести мидійскихъ племенъ поселились тѣ, которыхъ образъ жизни соотвѣтствовалъ климату; это были люди необузданнаго нрава, любящіе жить охотою и грабежомъ. На богатыхъ лугахъ южной Мидіи (великая Мидія) жили мирныя племена, занимающіяся скотоводствомъ; онѣ воздѣлывали поля и принимали участіе въ торговлѣ, которая шла по встрѣчающимся здѣсь караваннымъ дорогамъ, которыя соединяли Европу съ Азіею. Въ то время, какъ на сѣверѣ возникъ смѣлый, предпріимчивый народъ, привыкшій къ

лишеніямъ, здѣсь на югѣ прилежный земледѣлецъ воздѣлывалъ плодоносную равнину, малымъ довольный пастухъ стерегъ стада овецъ и верблюдовъ, а расчетливый купецъ собиралъ произведенія страны, чтобы отправить ихъ въ чужія страны.

Что же осталось до настоящаго дня памятникомъ этого народа, который когда-то, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, былъ рѣшителемъ судьбы западноазіятскихъ народностей? Въ пустынной, орошаемой Оронтомъ равнинѣ, подымаются теперь изъ песковъ необитаемой степи платформа и колонна. Недалеко отъ нихъ нашли двѣ каменныхъ доски съ клинообразными письменами. Это единственные остатки славной въ древности резиденціи Мидійскихъ царей, Экбатаны, которая по величинѣ и блеску составляла достойное дополненіе Вавилона и Нинeвіи. Исторія сохранила немногія черты изъ юношескаго періода жизни этого народа; только тогда, когда онъ вступилъ уже въ мужескій возрастъ, дѣла его сильнѣе отпечатлѣлись на страницахъ исторіи. Но тогда онъ уже слился съ братскимъ племенемъ персовъ въ одинъ народъ.

Образъ жизни и языкъ уже съ раннихъ поръ раздѣлили живущихъ на сѣверѣ мидянъ отъ народа живущаго на югѣ; тѣ говорили на Зендскомъ нарѣчіи, эти на языкѣ Пельви. Общее жреческое устройство по ученію Цердуста или Зороастра объединяло обѣ части. Но они не могли удержать независимости въ сосѣдствѣ съ могущественными народами. Они пали предъ непреоборимою силою древне-ассиріянъ, которые давали имъ штатгальтеровъ и держали ихъ подъ своею властію. Но когда дворъ ассирійскихъ царей погрязъ въ роскоши, и рука, носившая вѣнецъ, ослабѣла, штатгальтеру Мидіи, Арбаку удалось, послѣ трекратнаго пораженія отъ ассиріянъ, въ соединеніи съ Вавилономъ освободить Мидію отъ власти ассиріянъ. Теперь племя мидянъ достигло господства въ передней Азіи; Бактрія и другія сосѣднія

земли были покорены, и Мидія около 888 г. до Р. Х., сдѣлалась могущественнымъ государствомъ.

Между преемниками Арбака замѣчателенъ царь и судья Дейокъ, положившій основаніе главному городу Экбатанѣ, сдѣлавшій царскую власть неограниченною, и доставившій своему сыну Фраорту средства поддержать политическое значеніе Мидіи. Но высокомѣрный планъ Фраорта послѣ покоренія персовъ завоевать также и Ассирію не удался. Въ одномъ нападеніи на Ниневію царь потерялъ жизнь. Сыну его и наслѣднику Кіаксару выпало на долю совершить планъ, задуманный отцомъ. Онъ соединился съ вавилонскимъ царемъ Набопалассаромъ, и повелъ свои войска и войска своего союзника противъ Ниневіи. Два года тянулась осада, но городъ не сдавался не смотря на всѣ усилія противниковъ. Это сдѣлало ассирійскаго царя Сарданапала II (Сарданапалъ значитъ дивный) слишкомъ самонадѣяннымъ и неосторожнымъ. Ни о чемъ не думая, онъ пировалъ въ своемъ дворцѣ подъ защитою непроницаемыхъ стѣнъ города. Даже войску онъ предложилъ несвоевременный отдыхъ и угощалъ оное обильно въ своихъ праздничныхъ покояхъ. Онъ надѣялся на древнее предсказаніе, что Ниневія тогда только падетъ, когда Тигръ сдѣлается врагомъ города и думалъ, что еще не скоро придетъ исполненіе такого предсказанія. Но оно исполнилось, когда никто не расчитывалъ на то. Непредвидѣнно наступили сильные дожди, непрерывавшіеся долгое время. Тигръ вышелъ изъ береговъ, сильныя волны разрушили часть стѣнъ; что за 115 лѣтъ было предсказано пророкомъ Наумомъ: «ворота на водахъ будутъ отворены, дворецъ затонетъ, Ниневія — болото, наполненное водою», исполнилось. Непріятель воспользовался этимъ страшнымъ положеніемъ города, и Ниневія пала. «Теперь разграбьте серебро и золото, потому что здѣсь нѣтъ числа сокровищамъ и множеству всякихъ драгоцѣнностей». Такъ говорило предсказаніе того же про-

рока; теперь оно исполнилось. Сарданапалъ увидѣлъ, что все потеряно; онъ велѣлъ сложить костеръ, на которомъ и сгорѣлъ съ женами и сокровищами. Это произошло въ 625 году до Р. Х. Ассирія пала и была раздѣлена между вавилонянами и мидянами. Вавилонское царство достигло теперь преобладанія въ западной Азіи.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

(600 л. до Р. Х).

Среди животныхъ въ полѣ лежитъ человѣкъ, распростертый на влажномъ дернѣ. Онъ удаленъ отъ людей, потому что всѣ его движенія — движенія животнаго. Лице его безобразно, искажено, свѣтъ ума удалился отъ него, тьма объяла его душу, въ возбуждающемъ ужасъ безуміи принимаетъ онъ самъ себя за дикое животное. Онъ ѣстъ траву какъ волъ, его тѣло окроплено росою неба, онъ нагъ — волоса его до того выросли, что сдѣлались такъ же велики, какъ перья орла, ногти его сдѣлались когтями птицы. Когда-то онъ носилъ царскій вѣнецъ на своей головѣ и держалъ скипетръ въ рукахъ. Но высокомѣріе ослѣпило его, онъ хотѣлъ быть Богомъ. Онъ стоялъ на вершинѣ своего царскаго замка и кричалъ: «Я построилъ великій Бабель и сдѣлалъ его моимъ дворцомъ, онъ указываетъ на мое могущество и величіе». Но страшенъ былъ судъ Божій! На-

вуходоносоръ, основатель всемірнаго вавилонскаго царства, сдѣлался дикимъ животнымъ.

Сначала онъ былъ крѣпкимъ юношею, гордостью отца своего, Набопаласcара, который завоевалъ Ассирію и стеръ съ лица земли Ниневію. Неблагопріятно смотрѣлъ египетскій царь Нехао на такое распространеніе вавилонскаго царства. Онъ собралъ сильное войско и явился у низовьевъ Евфрата. Онъ шолъ чрезъ Палестину. Здѣсь не во время выступилъ противъ него іудейскій царь Іосія. Нехао разбилъ его въ долинѣ Мегиддо на югозападѣ отъ горы Кармеля (611 г. до Р. Х.). Потомъ безостановочно въ продолженіи пяти лѣтъ онъ завоевалъ земли до Евфрата. Здѣсь при крѣпости Кархемишѣ (Цирцезіи) ожидало его вавилонское войско подъ предводительствомъ юнаго царскаго сына Навуходоносора. Дѣло дошло до битвы и египтяне были совершенно разбиты (606 г. до Р. Х.).

Скоро умеръ Набопаласcаръ, и Навуходоносоръ вступилъ на престолъ. Первый его походъ былъ на іудейское царство, которое онъ покорилъ. Съ многочисленнымъ войскомъ пошолъ онъ чрезъ Сирію на Палестину и явился предъ воротами Іерусалима. Царь Іоакимъ сдалъ городъ безъ сопротивленія, Навуходоносоръ оставилъ его правителемъ, но взялъ съ собою въ Вавилонъ часть драгоцѣнныхъ сосудовъ изъ храма и многихъ знатныхъ израильскихъ юношей, какъ заложниковъ. Такъ начались семьдесятъ лѣтъ вавилонскаго плѣна, который предсказанъ былъ пророкомъ Іеремією.

По прошествіи трехъ лѣтъ, Іоакимъ началъ жалѣть о томъ, что подчинился иноземному владычеству и отказался платить дань, на него возложенную. Навуходоносоръ опустошилъ его землю, царь погибъ во время войны; сынъ его Іехонія, наслѣдовавшій отцу, (599 г. до Р. Х.) долженъ былъ послѣ трехъ-мѣсячнаго царствованія отправиться въ ссылку въ Вавилонъ со всѣмъ своимъ семействомъ, всѣми знатнѣйшими лицами, всѣми способными къ войнѣ и

частью ремесленниковъ. Навуходоносоръ поставилъ царемъ младшаго сына Іосіи, Матанію, котораго онъ назвалъ Седекіею. Девять лѣтъ онъ мирно царствовалъ, наконецъ вопреки предостереженіямъ пророка Іереміи, вступилъ въ союзъ съ египетскимъ царемъ Гофрою, и сдѣлалъ попытку свергнуть вавилонское иго. Навуходоносоръ неожиданно явился подъ Іерусалимомъ и обложилъ городъ: два года продолжалась осада, наконецъ городъ сдался, опустошонный страшнымъ голодомъ (588 г. до Р. Х.). Седекія взятъ въ плѣнъ, ослѣпленъ и въ цѣпяхъ отправленъ въ Вавилонъ. Іерусалимъ былъ опустошонъ, разграбленъ, Соломоновъ храмъ разрушенъ, священные сосуды побѣдитель взялъ съ собою, и послѣдніе израильтяне отведены въ вавилонское плѣненіе. Правленіе Палестины передано вавилонскому штатгальтеру Гедаліи.

Между тѣмъ Навуходоносоръ покорилъ Финикію; только Тиръ держался удачно 10 лѣтъ. Еще прошло три года осады, прежде чѣмъ онъ былъ взятъ (585 г. до Р. Х). Навуходоносоръ двинулся на Египетъ, завоевалъ его и сосѣднія земли, и пробрался по сѣверному берегу Африки до столповъ Геркулесовыхъ. Онъ покорилъ также и земли, лежащія на востокъ отъ Вавилона, и собралъ въ Вавилонъ огромныя богатства. Этотъ городъ сдѣлался центромъ его владычества, по обширности и блеску величайшимъ городомъ въ мірѣ.

Между израильскими юношами, которыхъ Навуходоносоръ взялъ заложниками въ Вавилонъ, послѣ первой осады Іерусалима, находился Даніилъ, по вавилонски называемый Бельтзацаромъ, и его друзья Седрахъ, Мисахъ и Авденаго, раздѣлявшіе съ Даніиломъ скорбь плѣна. Царь приказалъ воспитывать ихъ при своемъ дворѣ, они сдѣлались слугами, и царь обращался къ нимъ за совѣтомъ во всѣхъ дѣлахъ; во всемъ, о чемъ онъ спрашивалъ ихъ, совѣты Даніила и его

друзей были гораздо умнѣе, чѣмъ совѣты звѣздочетовъ и мудрецовъ всего государства.

Однажды видѣлъ царь страшный сонъ. Онъ проснулся и тотчасъ позабылъ его. Тогда призвалъ онъ маговъ, и требовалъ отъ нихъ, чтобы сказали, что онъ видѣлъ во снѣ. Но они отвѣчали, что царь требуетъ отъ нихъ отвѣта, который имъ не по силамъ, и что никто не можетъ сказать царю его сна, кромѣ боговъ, которые не живутъ между людьми. Тогда разгнѣвался Навуходоносоръ и приказалъ лишить жизни всѣхъ мудрецовъ Вавилона, равно и Даніила съ его друзьями. Когда Даніилъ услышалъ о такомъ кровавомъ судѣ, онъ просилъ срока на обдумываніе сна, что ему было разрѣшено. Онъ молилъ Бога открыть ему сонъ царя. Молитва его была услышана и вотъ онъ является къ царю съ полной вѣрою въ знаніе сна. Царь принялъ его благосклонно, и израильскій юноша открылъ ему сонъ и его значеніе. Онъ говорилъ, что небесный царь можетъ открывать сокровенныя вещи; Онъ открылъ царю, что должно случиться въ будущія времена: «ты, царь, видѣлъ большую и высокую статую, которую страшно было окинуть взоромъ; голова ея была изъ золота, грудь и руки изъ серебра, туловище изъ мѣди, бедра изъ желѣза, а ноги изъ смѣси глины и желѣза. Камень, брошенный неизвѣстно чьими руками, разбилъ статую, и желѣзо, глина, мѣдь, серебро и золото обратились въ прахъ; вѣтеръ разсѣялъ ихъ такъ, что ничего не осталось. Камень же сдѣлался большою горой, наполнившей цѣлый міръ». Въ этомъ снѣ Даніилъ указалъ на четыре всемірныхъ монархіи, ассирійско-вавилонскую, мидо-персидскую, греко-македонскую и римскую, и къ сему присовокупилъ: «Небесный Богъ создастъ царство, которое никогда не будетъ разрушено, и это царство не перейдетъ ни къ какому другому народу. Оно разобьетъ и сокрушитъ всѣ царства міра, само же будетъ вѣчно существовать».

И видѣлъ царь еще сонъ, который смутилъ его душу.

Опять онъ призвалъ маговъ и разсказалъ имъ, что видѣлъ во снѣ, но никто не могъ объяснить ему сонъ. Тогда онъ призвалъ Даніила, котораго назначилъ начальникомъ надъ магами и намѣстникомъ вавилонской области. Призванный явился. Бельтзацаръ, сказалъ ему царь, ты высшій изъ звѣздочетовъ, отъ тебя ничто не сокрыто; растолкуй, что я видѣлъ. И разсказалъ Навуходоносоръ: «Я видѣлъ на полѣ высокое, мощное дерево. вышина его достигала неба, а вѣтви его ширились до предѣловъ земли. Эти вѣтви были прекрасны и на нихъ росли вкусные плоды, подъ тѣнью его находили пріютъ полевыя животныя, птицы сидѣли на его вѣтвяхъ и всѣ животныя питались отъ него. Тогда спустился съ неба ангелъ, святой стражъ, и приказалъ обрубить вѣтви дерева, остался одинъ пень съ корнемъ. И этотъ пень долженъ былъ вмѣсто человѣческаго принять сердце животнаго, и лежать въ травѣ, закованный въ цѣпи, чтобы познали люди, что есть высшая власть надъ царствами людей, которая даетъ царства, кому захочетъ, которая возвышаетъ униженныхъ»! Такъ говорилъ царь. Даніилъ былъ глукоко возмущенъ, его вѣщему духу ясно было страшное значеніе сна. «Дерево, о царь, это ты! Твоя сила велика и простирается до неба, и твое могущество до концовъ земли. Но ты будешь отвергнутъ, будешь жить между полевыми звѣрями и ѣсть траву. Но твое царство будетъ возвращено тебѣ, если ты познаешь власть Господа».

Такъ и сбылось. Навуходоносоръ сдѣлался животнымъ. Но онъ получилъ опять разумную силу и пришолъ къ сознанію своихъ грѣховъ. Онъ воздалъ честь и хвалу Тому, кто вѣчно живетъ, и котораго царство никогда не пройдетъ. За это онъ получилъ опять царство, и всю власть и величіе, и прославилъ онъ небеснаго царя, котораго дѣла всѣ — истина, и который смиряетъ гордыхъ, и приказалъ онъ подданнымъ молиться Ему небесному Богу. Онъ умеръ въ

561 г. Чрезъ 25 лѣтъ вавилонское царство покорено было Киромъ (536 г. до Р. Х.).

ПЕРСЫ.

Къ востоку отъ персидскаго залива находится равнина Мердаштъ, орошаемая рѣкою Араксомъ, который теперь называется Бенд-Эмиръ. Здѣсь, недалеко отъ деревни Кенори, находятся развалины Персеполя, столицы персидскихъ царей того времени.

Величаво возставали предъ нами, такъ разсказываетъ одинъ путешественникъ, эти памятники минувшаго блеска и величія, пока мы не дошли до лѣстницы, ведущей на платформу, на которой стоитъ Персеполь. Лѣстница состоитъ изъ двойнаго ряда ступеней изъ чернаго мрамора, и такъ широка, что по ней могутъ ѣхать 8 или 10 всадниковъ въ рядъ. Платформа есть длинный четырехъугольникъ 1200 фут. отъ сѣвера къ югу, и 1690 футовъ отъ востока къ западу. Моя лошадь проворно шла по ступенямъ. Когда я поднялся вверхъ, предо мною находился огромный порталъ изъ большихъ глыбъ гранита и мрамора; предъ нимъ стояли двѣ статуи воловъ, далѣе два сфинкса одинъ противъ другаго, и между ними два высокихъ столба. Я переходилъ отъ одной группы руинъ къ другой; всюду исполинскія, но довольно симметрическія фигуры, титаническія скалы гранита и мрамора нагромождены одна на другую, очевидно съ гордою мыслію вызвать на борьбу всеуничтожающее время.

Сильное впечатлѣніе, производимое видомъ этихъ развалинъ, еще болѣе увеличивается таинственностію, которая носится надъ колыбелью Персеполя, теперешнею пустотою мѣста, торжественною тишиною, мыслью о племенахъ людей, о цѣломъ рядѣ царствъ, которыя прошли надъ нимъ и перешли въ забвеніе.

Другая лѣстница съ барельефами на стѣнахъ ведетъ на вторую платформу, на которой когда-то находились главныя зданія города. Здѣсь отъ 72 столбовъ, которыми первоначально окруженъ былъ великолѣпный храмъ, осталось до сихъ поръ 13. Пьедесталовъ же видно гораздо больше и линіи колоннадъ еще довольно ясно обозначаются. На столбахъ много украшеній, колонны увѣнчаны капителями разныхъ стилей. Одна капитель, сдвинувшая съ мѣста вѣроятно землетрясеніемъ, грозила ежеминутно упасть; она представляла голову, грудь и согнутые ноги вола, которыя соединялись съ отвѣтственнымъ бюстомъ подобнаго же животнаго.

На поверхности платформы, покрытой толстою корою земли, находятся отверзтія, которыя ведутъ къ подземнымъ ходамъ. Мы взяли факелы, и мой проводникъ повелъ меня въ темные коридоры, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того низки, что нужно было гнуться, даже ползти. Въ одномъ направленіи коридоръ шолъ на 85 шаговъ, потомъ въ другомъ на 70. Эти коридоры высѣчены въ скалѣ и покрыты огромными гранитными блоками, что заставило меня думать, что они высѣчены прежде построекъ на платформѣ. Они пересѣкаются подъ прямыми углами и развѣтвляются въ различныхъ направленіяхъ. Похоже, что этими подземными каналами проведена была вода; теперь лѣтомъ они служатъ убѣжищемъ дикобразамъ, которыхъ шипами усѣяна почва. Я спѣшилъ замѣнить темныя подземелья чистымъ свѣтомъ неба, и вмѣсто отвратительнаго воздуха въ ниж-

ныхъ ходахъ, вдохнуть въ себя свѣжій воздухъ равнины Мердашта.

Потомъ я посѣтилъ три царскихъ гроба въ Кохи-Рамедъ. Лежащій прямо противъ колонады есть лучшій изъ всѣхъ. Въ верхней части фронт-барельефа надъ саркофагомъ, который поддерживается двумя рядами человѣческихъ фигуръ, по тридцати въ каждомъ ряду, стоитъ верховный жрецъ съ лукомъ въ лѣвой рукѣ, правая просто поднята. Предъ нимъ стоитъ Атешь-радехъ или алтарь богу огня, а надъ нимъ крылатая фигура, форворъ или духъ-хранитель здѣсь погребеннаго царя. Вверху на правой сторонѣ солнечный шаръ, блестящій и чистѣйшій символъ творенія; онъ безъ лучей и въ нижней части онаго рогъ луны. Другое изображеніе луны я нашолъ на боковой стѣнѣ влѣво отъ саркофага, на которомъ находится нѣсколько фигуръ съ длинными копьями. Верхній карнизъ, отдѣляющій саркофагъ отъ нижней части стѣны, покрытой скульптурными изображеніями, украшенъ 18-ю фигурами львовъ, которыхъ хвосты завернуты вверхъ. Въ линію ихъ стоитъ по 9, и въ срединѣ они обращены другъ къ другу. Нижній карнизъ подпертъ четырьмя барельефными столбами, по два на каждой сторонѣ дверей. Поперечныя балки хорошо украшены рѣзьбою, дверные косяки украшены отлично вырѣзанными розами. Капители столбовъ состоятъ изъ двойныхъ фигуръ быковъ, описанныхъ выше; они расположены такъ, что соединенными головами поддерживаютъ верхніе барельефы съ саркофагомъ.

Недалеко отъ Персеполя находилась вторая резиденція Персидскихъ царей, здѣсь же находились ихъ надгробные монументы. На одномъ изъ нихъ Александръ В. прочиталъ слѣдующую надпись: «Человѣкъ! я Киръ, который доставилъ Персамъ высшее могущество и владѣлъ Азіею; посему не лишай меня этого гроба»! Доска скрыла прахъ перваго изъ всемірныхъ завоевателей древности.

* *
*

Уже сумерочныя тѣни падали на горы, отдѣляющія южную равнину Мидіи отъ низменности у Каспійскаго моря. Вершины горъ еще блистали золотыми лучами спускающагося за горизонтъ солнца; въ ущельяхъ и долинахъ было темно. Въ это время высокій, среднихъ лѣтъ мущина поднимался на гору, прошедши горное ущелье. Онъ имѣлъ военную одежду, которая плотно прилегала къ его тѣлу, большія сандаліи подъ ногами, на головѣ шлемъ; широкій, короткій мечь висѣлъ за поясомъ. Надъ всѣмъ этимъ накинута была широкая одежда, которая скрывала что-то находившееся у него подъ лѣвою рукою.

Послѣ часоваго труднаго пути въ горахъ, онъ вышелъ на высокую равнину. Когда онъ вышелъ изъ темнаго ущелья на поляну, еще освѣщенную матовымъ свѣтомъ, какъ будто ослѣпленный внезапною перемѣною мрака и свѣта, онъ прикрылъ глаза рукою и озирался кругомъ. Вдали пастухъ стерегъ своихъ козъ. Послѣ нѣкотораго раздумья мужчина подходитъ къ пастуху, который, опираясь на свой посохъ, стоялъ прислонясь къ выдавшейся скалѣ.

Когда пастухъ замѣтилъ идущаго къ нему запоздалаго путешественника, самъ пошолъ къ нему навстрѣчу. Привѣтствія, которыми они обмѣнялись, доказывали, что они не безъизвѣстны были другъ другу. Они поговорили о чемъ-то тихимъ голосомъ, но очень выразительно и живо. Потомъ воинъ откинулъ назадъ верхнее платье, внезапный порывъ вѣтра, пронесшійся чрезъ горы по равнинѣ, почти срывалъ съ плечей его верхнюю одежду. Онъ передалъ пастуху узелъ, объяснилъ ему съ грозною миною, что ему слѣдовало сдѣлать, и присовокупилъ: «того хочетъ царь Астіагъ». Потомъ онъ повернулъ назадъ и скорыми шагами пошолъ по той дорогѣ, по которой пришолъ.

Нѣсколько часовъ послѣ сказаннаго происшествія, мы находимъ пастуха въ его бѣдной хижинѣ. Незадолго предъ тѣмъ у него родился сынъ, который умеръ скоро послѣ рожденія. Жена пастуха очень печалилась о потерѣ, какъ пришедшій мужъ разсказываетъ ей о случившемся. «Любезная жена, говоритъ онъ ей, то что я сегодня пережилъ, не дай Богъ испытать еще когда нибудь. Гарпагъ, царскій военачальникъ, приказалъ мнѣ взять этого ребенка и бросить его въ горахъ въ самомъ дикомъ ущельи, чтобы тамъ онъ умеръ. Того хочетъ царь. Я узналъ, что это сынъ Манданы, царской дочери; царь далъ такой страшный приказъ, потому что его испугалъ сонъ, будто бы внукъ низвергнетъ его съ престола и будетъ владычествовать надъ всею Азіею».

Потомъ пастухъ подалъ женѣ ребенка, завернутаго въ дорогія покровы. Какъ описать радость матери, когда она могла прижать къ своей груди вмѣсто дитяти, которое смерть похитила у нея, другое дитя! Съ ласками приняла она ребенка изъ рукъ мужа, и уговорила его отдать ей дитя, которое она взялась воспитывать. Такъ приказаніе царя осталось неисполненнымъ.

Киръ росъ въ горахъ между пастухами, не помышляя о своемъ происхожденіи отъ самаго знатнаго рода у Персовъ, отъ рода Ахеменидовъ, къ которому принадлежалъ отецъ его, зять Астіага. Но скоро обнаружился властительный умъ дитяти, который отличалъ его отъ прочихъ товарищей дѣтскихъ игръ. Играя, мальчики выбрали его однажды въ цари, и онъ долженъ былъ пользоваться правами, приличными сану. Когда одинъ мальчикъ не хотѣлъ его слушаться, Киръ приказалъ его высѣчь. Высѣченный побѣжалъ къ своему отцу знатному мидянину Артембару съ жалобою на Кира. Артембаръ, узнавъ о нанесенномъ сыну безчестьи, обратился къ Астіагу съ жалобою на игорнаго царя. Царь велѣлъ привести къ себѣ дерзкаго мальчика, и тутъ по

сдѣланнымъ изслѣдованіямъ оказалось, что это внукъ царя, сынъ Манданы.

Астіагъ страшно отплатилъ Гарпагу за неисполненіе его приказанія: онъ велѣлъ тайно умертвить его сына, приготовить изъ него кушанье, и подать отцу, который ничего не зналъ. А мальчика Кира, отъ котораго онъ теперь ничего не опасался, по внушенію маговъ, онъ послалъ въ Персію къ родителямъ, которые тщательно воспитывали его, соотвѣтственно его сану.

* * *

Протекли годы, и изъ мальчика Кира вышелъ юноша, который своимъ высокимъ образованіемъ и своимъ военнымъ мужествомъ пріобрѣлъ честь своему имени. Корешъ, въ Библіи Коресъ, по-латыни Цирусъ, напоминаетъ персидское слово Коръ—солнце, и означаетъ намѣстника бога солнца. Знатные персы высоко цѣнили юношу, который далеко превосходилъ всѣхъ ихъ разнородными знаніями, благородствомъ и храбростью. Тогда показалось Гарпагу, что нашелся благопріятный случай отмстить царю Астіагу. Онъ послалъ тайно пословъ къ Киру, предлагалъ ему овладѣть трономъ своего дѣда и обѣщалъ ему свое содѣйствіе.

Киръ созвалъ знатныхъ персовъ, которымъ сказалъ, что дѣдъ назначаетъ его начальникомъ войска, и приказалъ имъ на слѣдующій день явиться къ себѣ съ серпами. Они пришли и должны по приказанію военачальника очистить поле отъ тернія и кустарника. Неохотно исправили они трудную работу. На другой день они опять приглашены были военачальникомъ, который приказалъ приготовить роскошный обѣдъ, въ которомъ они приняли участіе. День этотъ проведенъ былъ очень весело. Тогда Киръ предложилъ имъ вопросъ, что лучше имъ нравится, вчерашняя работа или пиръ другаго дня. И когда они единодушно объявили себя

въ пользу втораго дня, обѣщалъ имъ много такихъ дней, если они окажутъ ему помощь въ борьбѣ съ Астіагомъ, у котораго Киру хотѣлось отнять престолъ и возвратить Персамъ потерянную свободу. Это предложеніе было принято, и тотчасъ Персы собрали войско.

Когда Астіагъ получилъ вѣсть о такомъ событіи, приготовился также къ войнѣ, но необдуманно поручилъ войско Гарпагу, который умѣлъ искусно скрывать отъ царя свои чувства. Мидійское войско вступило въ Персію, и шло не встрѣчая сопротивленія до самой персидской резиденціи Пасаргады. Здѣсь встрѣтило мидянъ персидское войско. Началось сраженіе, успѣхъ битвы колебался; тогда Гарпагъ порѣшилъ дѣло тѣмъ, что перешолъ къ Киру. Мидяне бѣжали, Киръ гнался за бѣгущими, взялъ Экбатану, и Астіагъ попался въ плѣнъ, въ которомъ оставался до самой смерти. Киръ вступилъ на Мидійскій престолъ; 560 годъ до Р. Х. былъ первымъ годомъ его царствованія, началомъ полнаго славы поприща, на которомъ Киръ явился всемірнымъ завоевателемъ.

КРЕЗЪ, ЦАРЬ ЛИДІИ.

Въ послѣдней половинѣ шестаго столѣтія до Р. Х. малая Азія, за исключеніемъ областей: Ликіи и Киликіи, находилась подъ властью одного царя, Креза. Сардесъ въ Лидійской области, отъ которой и самое царство получило названіе, былъ главнымъ городомъ и резиденціею. Здѣсь Крезъ накопилъ безмѣрныя богатства, которыя хранились

въ особомъ казнохранилищѣ. Онъ считался не только богатѣйшимъ, но также и могущественнѣйшимъ государемъ своего времени. Что не удавалось его предшественникамъ, именно завоеваніе значительнаго города іонійскаго Милета, ему удалось; за Милетомъ покорились ему почти всѣ іонійскія и эолійскія колоніи Малой Азіи. Въ Сардесѣ царь жилъ въ замкѣ, стоящемъ на высокой скалѣ; замокъ этотъ считался неприступнымъ, потому что имѣлъ только одинъ тайный входъ на самой крутой сторонѣ скалы. Здѣсь царь пользовался своими богатствами для того, чтобы вести роскошную, расточительную жизнь; онъ былъ твердо увѣренъ въ неизмѣнности своего счастія.

Аліатесъ, отецъ Креза, выдалъ свою дочь Аріену за Мидійскаго царя Астіага, и тѣмъ положилъ конецъ пятилѣтней войнѣ между Мидіею и Лидійскимъ царствомъ. Теперь, когда Крезъ узналъ о низверженіи своего шурина юнымъ Киромъ, собралъ войско, которое состояло изъ народовъ разныхъ областей Малой Азіи, и отдѣльными частями котораго предводительствовали намѣстники этихъ областей. Съ этими войсками Крезъ перешолъ чрезъ Галисъ, пограничную рѣку своего государства, въ Мидію. При городѣ Птеріи, онъ встрѣтилъ персидское войско. Послѣдовала битва, которая впрочемъ была нерѣшительна, и такъ какъ Киръ не рѣшился возобновить битву, Крезъ счелъ его побѣжденнымъ и возвратился въ Сардесъ; приближалась зима и Крезъ распустилъ большую часть войска. Киръ воспользовался этою неосторожностію. Онъ послѣдовалъ за Крезомъ, одолѣлъ слабые гарнизоны, поставленные Лидійскимъ царемъ въ горныхъ проходахъ на границѣ и неожиданно явился подъ Сардесомъ. Здѣсь Крезъ выставилъ противъ него свои лучшія войска, знаменитыхъ своимъ мужествомъ и ловкостью лидійскихъ всадниковъ. Но Киръ послѣдовалъ совѣту Гарпага, замѣнилъ въ переднихъ рядахъ своей конницы лошадей верблюдами и повелъ ихъ въ битву. Лидій-

скія лошади пугались длиннošейныхъ степныхъ животныхъ и пятились назадъ; потомъ обратились въ бѣгство, такъ что невозможно было всадникамъ и сдержать ихъ. Сардесъ бытъ осажденъ и все приготовлено къ штурму города.

* *
*

Съ мрачными мыслями Крезъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ, стоящемъ въ замкѣ, который онъ считалъ послѣднимъ и неодолимымъ убѣжищемъ. Только замокъ оставался въ его власти. Копыта непріятельскихъ коней топтали плодородныя области его царства, цвѣтущіе города были большею частію опустошены и разграблены; юный персидскій царь побѣдоносно вступалъ во владѣніе землями и людьми. Теперь его войска штурмовали лидійскую резиденцію. Тамъ при подошвѣ скалы, на которой стоялъ замокъ, кипѣла послѣдняя рѣшительная битва. Крезъ смотрѣлъ внизъ на сѣчу, онъ видѣлъ, что его войска уступаютъ, что надъ городомъ поднялись облака дыма: побѣдители бросали горящіе факелы на жилища мирныхъ гражданъ, на домы и дворцы. Но замокъ еще стоялъ, и какъ было взять его? Изреченіе оракула, подающее надежду, невыходило изъ головы царя: «въ этой войнѣ падетъ сильное царство»!

Подлѣ царя сидѣлъ глухонѣмой сынъ его. Это было единственное существо, которое могло чувствовать страшную перемѣну отцовскаго счастія, но несчастному сыну не доставало языка, чтобы выразить свое чувство. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, похожій на сумасшедшаго, онъ не могъ утѣшить отца; тупо смотрѣлъ онъ на все происходившее вокругъ него. Но и въ немъ виденъ былъ сокровенный страхъ на счетъ исхода битвы, кипѣвшей у его ногъ.

Наступилъ вечеръ, послѣдніе лучи солнца обагряли шпитцы высокаго замка. Внизу сумерочныя тѣни распространяли свой ночной покровъ надъ опустошеннымъ городомъ. Персы

владѣли городомъ, побѣдные крики непріятелей оглашали воздухъ и доносились до царскаго слуха. Закатилось и солнце его славы, блескъ его могущества погасъ. Долго ли придется ему продержаться въ своемъ замкѣ? Въ состояніи ли онъ будетъ бороться съ голодомъ, когда выйдутъ съѣстные припасы? Къ чему теперь ему груды серебра и золота! — Но онъ еще не упалъ духомъ, надежда еще не совсѣмъ оставила его. Кто знаетъ, можетъ быть счастіе снова улыбнется ему. Вѣдь ему извѣстны чувства его подданныхъ, которые ненавидѣли всякаго рода рабство передъ иноплеменниками. Можетъ быть они окажутъ мужество и въ последней отчаянной битвѣ свергнутъ владычество Персовъ.

Но что это за стукъ? Слышны удары въ ворота царскаго замка. Не вѣрные ли слуги царя пробираются по имъ только извѣстному ходу? Удары становятся все сильнѣе и сильнѣе. Развѣ нѣтъ никого, кто бы отперъ имъ ворота? Опять загремѣли удары въ желѣзныя двери. Затряслись стѣны крѣпости, но ворота не подаются. Все сильнѣе, все оглушительнѣе раздаются удары. Ужъ не враги ли ломятся въ крѣпость? Возможно ли? Какъ они нашли всходъ на скалу?

Недолго Крезъ оставался въ сомнѣніи. Желѣзные запоры отбиты, двери сорваны съ петель, раздается звонъ оружія въ воротахъ, и одинъ Персъ съ обнаженнымъ мечемъ врывается въ комнату царя и хочетъ убить его.

Но онъ остановился на мгновеніе, какъ бы обдумывая, долженъ ли онъ рѣшиться на такое страшное дѣло. Мечъ его дымится кровью убитыхъ непріятелей, шлемъ и панцырь въ пыли и обагрены кровью тѣхъ, которыхъ онъ умертвилъ. Исполненными ярости, кровожадными глазами смотритъ онъ на властителя. Страхъ напалъ на царя. Отъ ужаса, оцѣпенѣлый онъ склонился на свое мраморное сѣдалище, золотая корона упала съ головы его, разбитая лежитъ она на землѣ.

Вдругъ сынъ бросается предъ воина. Страхъ за отца

развязываетъ ему языкъ, онъ говоритъ: «человѣкъ, не убивай Креза» и падаетъ подлѣ отца. Пораженный этимъ случаемъ, Персъ влагаетъ въ ножны свой мечь, поднимаетъ безчувственнаго сына и кладетъ его на грудь отца. Потомъ оборачивается назадъ и сдерживаетъ напоръ своихъ товарищей. Съ опасностію для собственной жизни онъ защищаетъ царственнаго плѣнника.

* *

После взятія Сардеса Лидійское царство сдѣлалось персидскою провинціей. Киръ оставилъ намѣстниковъ для управленія, и намѣстники покорили мало по малу всѣ греческія колоніи Малой Азіи. Но Киръ не измѣнилъ ничего въ управленіи завоеванными землями, чтобы онѣ возможно менѣе чувствовали тягость иноземнаго владычества. Кромѣ того онъ потворствовалъ изнѣженности и роскоши народонаселенія, которое такимъ образомъ вовсе забыло объ утратѣ независимости. И Крезъ, совершенно упавшій духомъ, нашолъ у Кира дружескій пріютъ.

Сначала гордый побѣдитель приготовлялъ побѣжденному царю горькую долю. Когда Креза взяли въ плѣнъ, его представили Киру. Царь приказалъ заковать въ его цѣпи, устроить костеръ, и вмѣстѣ съ 14-ю Лидійскими юношами сжечь на кострѣ. Самъ Киръ хотѣлъ быть очевидцемъ страшнаго зрѣлища.

Костеръ былъ поставленъ, предназначенныя къ смерти жертвы были возведены, зажжонъ костеръ: пламя начало съ трескомъ перебираться снизу вверхъ отъ одного дерева къ другому. Киръ сурово смотрѣлъ на разгаравшееся пламя, на безсильнаго мужа, который незадолго предъ тѣмъ величался сильнымъ и счастливымъ властителемъ. А Крезъ? Онъ вспомнилъ о прежнихъ днахъ, когда заѣзжій мудрецъ аѳинскій, говорилъ ему: никто раньше смерти не можетъ

назвать себя счастливымъ! Неизгладимымъ осталось это изреченіе въ памяти Креза, теперь оно легло всею тяжестію на его душу. Когда пламя поднималось все выше и выше, когда оно простирало свой огненный языкъ къ самому Крезу, когда съ каждою минутою все ближе и ближе былъ конецъ нѣкогда столь блестящей жизни, конецъ подобный смерти злодѣя, громко воскликнулъ три раза Крезъ: «О Солонъ, Солонъ, Солонъ!»

Киръ приказалъ тушить пламя и представить Креза къ себѣ. Онъ спрашивалъ Креза, что значили его восклицанія, и узналъ, какъ Солонъ во время посѣщенія Сардеса, гдѣ Крезъ показывалъ ему всѣ свои сокровища и спрашивалъ, кого Солонъ признаетъ счастливѣйшимъ на землѣ, назвалъ счастливѣйшимъ не его, а другихъ,—и когда Крезъ выразилъ мудрецу свое неудовольствіе, послѣдній отвѣчалъ, что нужно прежде дождаться конца жизни, потомъ уже сказать, дѣйствительно ли онъ прожилъ счастливо! Эти слова заставили Кира задуматься, онъ могъ поразмыслить о своемъ концѣ,—кто знаетъ, что его ожидаетъ. Милостиво и дружески обратился онъ къ плѣнному царю, и не только подарилъ ему жизнь, но включилъ его въ число своихъ приближонныхъ, и пользовался его совѣтами, какъ совѣтами вѣрнѣйшаго друга.

НЕЕМІЯ.

Въ 536 г. до Р. Х. палъ во прахъ гордый Вавилонъ, вавилонское царство разрушилось, и на мѣсто его возвы-

силось персидское. Побѣдитель Киръ носилъ корону Персіи, Мидіи, Малой Азіи, Финикіи и Палестины.

Тогда подумалъ могущественный властитель божьяго народа, находящагося въ рабствѣ, о судьбѣ этого народа, и на немъ (Кирѣ) исполнилось то, что за 200 лѣтъ передъ тѣмъ предсказано было пророкомъ Ісаіею: «Я подвигнулъ его (Кореса) на правду и уровняю всѣ пути его; онъ долженъ построить мой городъ и разрѣшить узы моимъ плѣннымъ, онъ сдѣлаетъ это не за деньги, но даромъ, такъ говоритъ Господь Саваоѳъ.» Онъ предоставилъ израильтянамъ, своимъ царскимъ указомъ, возвратиться въ свою землю, отдалъ имъ похищенные нѣкогда и хранившіеся въ Вавилонѣ драгоцѣнные сосуды храма, числомъ 5400, и далъ потребную помощь народу для возвращенія въ свою землю.

Что за праздникъ былъ для Израиля, когда наступилъ день его освобожденія! Сколько воспоминаній родилось о томъ времени, когда Моисей извелъ его изъ работы египетской! Какъ отдавалось въ душѣ его слово Господа: «Я говорю Коресу: онъ мой пастухъ и долженъ исполнить всю мою волю, чтобы въ Іерусалимѣ провозглашено было: да будетъ построенъ, а на мѣстѣ храма: да будедъ созданъ! Я тотъ, который говоритъ Іерусалиму: да будетъ онъ населенъ! и городамъ Іуды: да будутъ построены! Я возстановлю ихъ изъ развалинъ. Я есмь первый и послѣдній, и кромѣ Меня нѣтъ Бога. Я приготовилъ тебя, Израиль, къ тому, чтобы ты былъ Мой рабъ, Израиль не забылъ Меня. Я истреблю твое нечестіе какъ облако, и твои неправды какъ туманъ. Обратись ко Мнѣ, ибо Я освободилъ тебя. Да возрадуется небо, потому что Господь исполнилъ это! Возглаголь земля, отзовитесь горы весельемъ, откликнись лѣсъ со всѣми своими деревьями, потому что Господь освободилъ Іакова, и есть дивенъ въ Израилѣ!»

42,360 мужей изъ племенъ Іуды, Веніамина и Левія возвращались въ отечество. Ихъ сопровождали 7337 рабовъ и рабынь и 200 пѣвцовъ и пѣвицъ. Обозъ состоялъ изъ 736 лошадей, 245 воловъ, 135 верблюдовъ, и 6720 ословъ. Князь изъ племени Давидова, бывшій до сихъ поръ персидскимъ намѣстникомъ, Зоровавель, заправлялъ караваномъ, во главѣ священниковъ шолъ Іисусъ. великій первосвященникъ. Утромъ и вечеромъ на мѣстахъ отдыха приносились жертвы Господу; наконецъ они переступили границу земли своихъ отцовъ съ хвалебными гимнами и благодарственными пѣснями. Здѣсь немедленно они приступили къ постройкѣ новаго храма, многіе изъ старыхъ священниковъ и левитовъ, видѣвшихъ прежній храмъ, громко плакали, другіе ликовали отъ радости, что Богъ показалъ такое милосердіе.

Но радость скоро была омрачена. Самаритяне, остававшіеся въ странѣ, явились въ Іерусалимъ и предложили свою помощь при постройкѣ новаго храма. Зоровавель и Іисусъ отказались отъ этой помощи. «Мы хотимъ строить одни храмъ Господу, Богу Израилеву, сказали они, какъ намъ заповѣдано Коресомъ, персидскимъ царемъ.» Тогда обиженные Самаритяне хотѣли помѣшать постройкѣ. Они клеветали при персидскомъ дворѣ и находили тамъ вѣру своимъ словамъ. Присланъ былъ указъ остановить постройку, и только по прошествіи 15 лѣтъ можно было снова продолжать дѣло. Дарій Гистаспъ, вступившій на персидскій тронъ въ 521 г. до Р. Х. дозволялъ продолжать строеніе, а на покрытіе издержекъ велѣлъ употребить царскіе доходы съ Іудейской области, чтобы въ этомъ храмѣ приносились жертвы небесному Богу и молились за здоровье царя и его дома. Подъ вліяніемъ воодушевлявшихъ народъ пророчествъ Аггея и Захаріи окончено было построеніе храма, который былъ освященъ въ 516 году въ праздникъ Пасхи. Но не смотря на то, что въ этомъ храмѣ не было

недостатка въ священныхъ сосудахъ, святая святыхъ стояло пусто, потому что не могли отыскать кивотъ завѣта.

* * *

Чрезъ пятьдесятъ восемь лѣтъ (458 г. до Р. Х.) возвратились въ обѣтованную землю и остальные Іудеи, остававшіеся еще въ Вавилонѣ. Персидскій царь Артаксерксъ, по прозванію Долгорукій, далъ имъ на то позволеніе. Кромѣ того онъ приказалъ своему казначею выдать имъ изъ царской казны до 350 пуд. серебра и достаточное количество жизненныхъ припасовъ изъ царскихъ магазиновъ, простилъ имъ всѣ подати, и поручилъ отвести народъ Эздрѣ, одному ученому изъ племени Аарона.

Такъ потянулся другой караванъ изъ Евфратской равнины въ обѣтованную землю. Послѣ многодневныхъ переходовъ совершили и они свое возвращеніе, утромъ и вечеромъ приносили жертвы по предписаніямъ закона. Достигнувъ Іерусалима, на четвертый день они отнесли серебро и золото и дорогіе сосуды въ храмъ, и приготовили большое жертвоприношеніе въ благодарность Господу, который избавилъ ихъ отъ рукъ враговъ и помогъ имъ совершить возвратный путь. 12 молодыхъ быковъ, 96 барановъ, 77 ягнятъ и 12 козловъ было принесено въ жертву. Но между Израильтянами появились большіе безпорядки, въ слѣдствіе того, что многіе поженились на языческихъ женщинахъ. Эздра созвалъ народъ и требовалъ, чтобы женатые на язычницахъ расторгли бракъ. Вся община отозвалась на это предложеніе громкимъ кликомъ: «да будетъ такъ, какъ ты говоришь».

* * *

Израильтянинъ Неемія былъ кравчимъ царя Артаксеркса. Однажды онъ сидѣлъ въ своемъ покоѣ, какъ вошолъ слуга и сказалъ, что пришло много народа, который хочетъ говорить съ нимъ. Онъ приказалъ впустить пришедшихъ; это были мужи іудейскіе. Неемія ласково принялъ ихъ и расспрашивалъ ихъ съ живымъ участіемъ о судьбѣ Іудеевъ, и какъ дѣла идутъ въ Іерусалимѣ. Онъ услышалъ печальныя вѣсти: несчастіе и срамъ въ Израилѣ, потому что стѣны Іерусалима разрушены и ворота города сожжены.

Неемія сѣлъ и заплакалъ. Два дня онъ все горевалъ о судьбѣ своего народа, постился, молился день и ночь ко Господу.

Случилось, что въ это время царь потребовалъ его къ себѣ для исправленія обязанностей при столѣ. Неемія вошолъ въ богатоубранный залъ и сталъ за сѣдалищемъ своего властителя. Когда царь попросилъ вина, Неемія взялъ сосудъ съ виномъ и подалъ оный царю. Глаза Артаксеркса остановились на блѣдномъ, истомленномъ отъ горя, лицѣ Нееміи; онъ благосклонно спросилъ: «Что ты глядишь такъ уныло? Ты кажется не боленъ, но скорбишь о чемъ-то.» Какъ быть мнѣ веселымъ, отвѣчалъ Неемія, когда городъ, гдѣ находятся гробы моихъ отцовъ, въ запустѣніи, а ворота его сожжены.»

Серьезная дума отпечатлѣлась на лицѣ царя, и послѣ непродолжительнаго молчанія онъ спросилъ: «Чего же ты хочешь?»

Неемія вознесся мыслію къ Богу и отвѣчалъ: «если только будетъ угодно тебѣ, — отпусти меня въ Іудею, въ городъ гробовъ моихъ предковъ, чтобы я построилъ его.»

Опять царь спросилъ его: «Какъ долго будетъ твое путешествіе, и когда ты опять возвратишься?»

Когда Неемія разсчиталъ, какого срока потребуетъ отъ него путешествіе и далъ царю отвѣтъ, царь дозволилъ ему рубить лѣсъ въ израильской странѣ, и далъ ему всадниковъ, которые должны были сопутствовать ему въ Іерусалимъ.

* *
*

То была ночь, глубокая тихая ночь. Луна не блистала на небѣ, однѣ серебристыя звѣзды ласково взирали на землю. То была ночь Палестины, таинственно озаряемая тѣмъ невидимымъ свѣтомъ, который однакожь дозволяетъ распознавать лежащіе невдали предметы по ихъ внѣшнимъ очертаніямъ.

Одинокій всадникъ выѣзжалъ изъ іерусалимской долины, которая находилась у сѣверныхъ воротъ, противъ долины іосафатовой. Свѣжій ночной вѣтеръ дулъ ему въ лицо и раздѣлялъ одежду, которая падала съ плечъ всадника. Глаза его какъ будто высматривали что-то сквозь окружающія его тѣни. Онъ взялъ поводъ своего коня и побуждалъ его бѣжать умѣренною рысью. Конь споткнулся на камень лежавшій на пути, и могъ бы упасть, еслибы рука всадника не сдержала его. Всадникъ направилъ коня въ сторону отъ стѣны, которая окружала городъ, но была въ развалинахъ, и продолжалъ свой путь дальше.

Какое печальное зрѣлище представлялъ когда-то славный городъ Давида! Правда, на святомъ мѣстѣ стоялъ храмъ, но кругомъ храма все было въ развалинахъ, кучи мусора окружали храмъ. Среди развалинъ изрѣдка виднѣлся порядочно построенный домъ. Стѣны были разрушены, а ворота сожжены. Всюду видны были слѣды страшнаго опустошенія города Навуходоносоромъ.

Всадникъ проѣхалъ мимо ключевыхъ воротъ (porta aquae), гдѣ находился ручей Силоамъ, котораго воды вытекаютъ

съ Сіонской горы и впадаютъ въ рѣчку Кедронъ. Здѣсь кучи мусора были такъ велики и такъ часты, что конь едва могъ пробираться по нимъ. Неемія сошолъ съ лошади, взялъ поводъ и пошолъ вдоль ручья Кедрона. Но куда ни обращался его глазъ, всюду развалины стѣнъ и вывѣтривающійся камень.

Это ли городъ его отцовъ, городъ мира? Это ли городъ, который Господь обѣщалъ защитить отъ враговъ, какъ птицы защищаютъ дѣтей своими крыльями. Огонь пожиралъ городъ, не осталось камня на камнѣ. Страшный бичъ войны пронесся надъ городомъ. Красота его пала въ прахъ, и величіе его сокрылось подъ пепломъ.

Этотъ видъ города тронулъ Неемію, терзалъ его сердце. Онъ задумался надъ судомъ божіимъ, который здѣсь явился предъ его глазами въ своихъ страшныхъ слѣдствіяхъ.

И повернулъ онъ своего коня, вернулся обратно въ привратную долину. Никто не зналъ объ его ночномъ путешествіи.

* *
*

Яркій солнечный блескъ освѣщалъ развалины Іерусалима. Удары молотовъ трудолюбивыхъ строителей далеко отдаются въ воздухѣ, раздается звонъ топоровъ, свистятъ лопатки каменьщиковъ; тяжело пышетъ волъ, таща возъ строеваго лѣсу, скрипятъ колеса, стонетъ ось; вожакъ суетливо заноситъ свой бичъ, чтобы побудить животныхъ къ усердной работѣ.

По мѣрѣ того какъ стѣна подымалась и ширилась, вокругъ города кипѣлъ рой прилежныхъ ремесленниковъ. Тутъ обтесывали каменныя плиты, тамъ подымали ихъ на стѣну. Тутъ поднималась на значительную вышину надворотная башня, тамъ выковывали желѣзныя ворота; дымился очагъ, высоко поднималось пламя, размягчавшее желѣзо, отклика-

лась наковальня подъ сильными ударами молота мощныхъ кузнецовъ. Завывала острая пила, которою сильныя руки распиливали могучее дерево. Здѣсь рабочіе вырывали своими лопатами глубокій ровъ, въ который слѣдовало положить основные камни, тамъ скрипѣлъ воротъ, которымъ поднимали вверхъ тяжолыя балки. Ряды рабочихъ заняты были сноскою щебня съ того мѣста, гдѣ предназначалось вести новую постройку; длиннымъ цугомъ одинъ за другимъ отбрасывали они дальше и дальше полувывѣтрившіеся квадры. Другая толпа складывала на тачки обтесанный камень, и доставляла тяжолую массу туда, гдѣ въ ней была надобность.

Но невеселая была та работа. Серьезныя думы лежали на лицахъ израильтянъ, которыхъ чело было покрыто потомъ. Окрестные язычники, предлагавшіе свою помощь при постройкѣ, но получившіе отказъ, думали о мщеніи: «Пусть строятъ, пока не подберутся лисицы, которыя раздерутъ ихъ каменныя стѣны.» Они выжидали случая для нападенія на рабочихъ. Поэтому каждый долженъ былъ имѣть мечъ за поясомъ, одною рукою работая, другою держался за оружіе. За стѣною поставленъ былъ отрядъ людей, вооружонныхъ мечами, дротиками и луками; при Нееміи, который руководилъ постройками и наблюдалъ за ними, находился трубачъ, который въ случаѣ нужды давалъ сигналъ, по которому вооружонные люди должны были являться на защиту рабочихъ.

Такимъ образомъ враги не смѣли нападать на вооружонныхъ людей, угрозы ихъ не имѣли слѣдствій; стѣны были окончены въ 52 дня. Рабочіе были распущены, девять десятыхъ частей народа разошлось по другимъ городамъ, одна десятая часть осталась въ Іерусалимѣ. Неемія, послѣ 12 лѣтней дѣятельности, возвратился назадъ къ персидскому двору; впрочемъ чрезъ нѣсколько лѣтъ снова прибылъ въ Іерусалимъ въ качествѣ намѣстника города, и много забо-

тился о томъ, чтобы уничтожить злые нравы народа и злоупотребленія вошедшія въ управленіе города, равно и о томъ, чтобы устроить образъ жизни по предписаніямъ закона Божія, даннаго на Синаѣ. Въ этомъ ему помогалъ современникъ его, послѣдній пророкъ ветхаго завѣта, Малахія, который предсказалъ пришествіе Мессіи во вреемна втораго храма, равно какъ появленіе Его предтечи. Еще Аггей предвозвѣстилъ: «слава этого втораго храма должна затмить славу перваго, потому что въ немъ исполнится чаяніе всѣхъ язычниковъ»; уже Захарія восклицалъ къ дщери Сіона: «Возрадуйся и возвеселись, дочь Іерусалима! смотри, твой Царь идетъ къ тебѣ, праведный и спасающій, кроткій, сидящій на ослѣ и на жребяти ослицы!»; теперь Малахія пророчествовалъ: «скоро въ свой храмъ придетъ Господь, котораго вы ищете, и ангелъ завѣта, котораго вы ждете; для васъ, боящіеся Моего имени, должно взойти солнце правды и спасеніе подъ его крылами»!

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРІИ.

СТРАНА И ЗЕМЛЯ.

Между тремя полуостровами, которые на югѣ Европы выдаются въ Средиземное море, Испаніею, и Италіею и Греціей, послѣдняя такъ широко прилегаетъ къ материку, что едва можно и назвать ее полуостровомъ. Она больше похожа на равносторонній трехъугольникъ, котораго основаніе тянется на 150 нѣмецкихъ миль отъ Адріатическаго моря до устьевъ Дуная. Ни одинъ изъ трехъ полуострововъ не имѣетъ столь мало полуостровнаго основанія, но за то ни одинъ полуостровъ не имѣетъ такого разнообразнаго развѣтвленія, какъ греческій. По мѣрѣ того, какъ общій материкъ Греціи изъ широкой гористой страны мало по малу разчленяется врѣзывающимися въ него морскими бухтами на малые полуострова и косы, увеличивается и его историческое значеніе.

Пустынныя гористыя страны Гема образуютъ могучую преграду Греціи въ отношеніи къ сосѣднимъ странамъ, лежащимъ на сѣверѣ. Этимъ указанъ грекамъ путь на югъ къ морю, куда глядятъ всѣ ея равнины. Къ югу отъ Гема лежатъ широкія террасы Иллиріи и Македоніи.

Подъ 40 градусомъ горы, въ срединѣ, полуострова полу-

чаютъ другой видъ. Лакмонъ, у подошвы котораго вытекаетъ четыре большихъ греческихъ рѣки на четыре разныя стороны, составляетъ узелъ всѣхъ греческихъ горъ, которыя отсюда уже не сплошными массами, не кряжами лабиринтнаго строенія покрываютъ землю, но опоясываютъ культурныя равнины легко обозрѣваемыми цѣпями. Такова Өессалійская равнина, опоясанная высокими горными овалами, доступная только съ сѣверной стороны чрезъ Темпейскую долину, у которой стоитъ Олимпъ, пограничный стражъ греческой земли. Өессалія прорѣзана рѣкою, которой длинное, извилистое теченіе очень благодѣтельно для страны; это обширная, плодоносная, особенно хлѣбомъ богатая равнина, отчизна градостроительныхъ племенъ. Она открыта на югѣ къ морю, которое образуетъ здѣсь глубокую бухту, колыбель греческаго мореплаванія. Восточная горная цѣпь тянется въ видѣ полуострова кругомъ бухты и составляетъ такимъ образомъ естественную морскую плотину. Иное строеніе западной части, она не имѣетъ ни полуостровнаго берега, ни Пенейской равнины. Окруженная и прорѣзанная непроходимыми горами, она получила имя и значеніе отъ близлежащихъ острововъ: Эпиръ значитъ материкъ. Между Өессаліей и Эпиромъ тянется Пиндъ, высокій хребетъ страны, который подобно Аппенинамъ раздѣляетъ склоны, идущіе на востокъ и западъ.

Подъ 39° (градусомъ) начинается болѣе богатое расчлененіе, которое можно опять вывести изъ горнаго узла, называемаго Тимфрестомъ. Отъ него на востокъ идутъ Отрисъ и Эта, два отрога къ сѣверу, которые, соединяясь въ одномъ углу на сѣверѣ, даютъ начало Сперхію. На западѣ идутъ Иллиро-Эпирскія горы въ направленіи съ сѣвера на югъ, и длинная Ахелойская долина доставляетъ всей странѣ отъ Лакмона до Коринөскаго залива возможность непрерываемыхъ международныхъ сношеній.

Полуостровъ средней Греціи раздѣляется на двѣ части,

различныя по своимъ свойствамъ. На западѣ находятся двѣ области Этолія и Акарнанія, соединяющіяся съ сѣверными землями рѣкою Ахелоемъ. Это пустынная высокая страна, служившая во всѣ времена жилищемъ хищническихъ племенъ. Все прибрежье, составившееся изъ наноснаго ила прибрежныхъ рѣкъ, представляетъ нездоровую страну, лишонную гаваней. Только въ срединѣ земли есть плодородныя, богатыя водою низменности съ хлѣбными полями и пастбищами. Непроходимый Кораксъ и горы Озольской Локриды, которыя скалистыми берегами опоясываютъ Криссейскую бухту, отдѣляютъ западную половину средней Греціи отъ восточной, полуварварскую отъ чисто эллинской. На сѣверѣ къ Малійскому заливу круто спускаются отрасли горы Эты. Противъ Коракса тянется широкая горная масса Парнаса, къ которому въ юговосточномъ направленіи примыкаетъ Геликонъ, а къ нему Киѳеронъ. Кругомъ Парнаса находится область Фокиды, Геликонъ наполняетъ своими отрогами котловину Беотіи, Киѳеронъ съ Парнесомъ составляетъ основаніе трехъугольника Аттики. Обѣ они составляютъ поперечную цѣпь отъ моря къ морю, и пространство земли между Оропомъ и глубокою бухтою Эгостенейскою (ширина таже что отъ Кирры до Ѳермопилъ), можно разсматривать какъ перешеекъ, отъ котораго къ юговостоку тянется третій и совершенный полуостровъ средней Греціи.

До сихъ поръ страна является по преимуществу материковою, и не безъ труда можно отыскать перешейки или Истмы, которые соединяютъ другъ съ другомъ полуостровныя части земли. Теперь идетъ другое очертаніе, горы оставляютъ страну, чтобы продолжаться въ восточномъ направленіи въ видѣ горныхъ островов. Сицилійское и Эгейское море съ обѣихъ сторонъ врѣзываются въ средину земель, которыя лежатъ другъ противъ друга съ удобными гаванями; между двумя морями остается только узкій проходъ.

Средняя Греція въ сравненіи съ островомъ Пелопса представляется материкомъ и отдѣляется отъ Пелопонеса горною цѣпью. Западный конецъ этой цѣпи есть Гера Акрайя, которая съ выдающимся Сикіонскимъ берегомъ, образуетъ бухту Лохононъ. Отсюда гора все возвышаясь достигаетъ, ближе къ западному берегу чѣмъ къ восточному, своей наибольшей высоты 4217 фут. потомъ спускается къ морю Саламинскому. И Саламинъ съ окружающими его утесами есть продолженіе упомянутой горы и образуетъ съ мунихійскими прибрежными горами части одной большой, разорванной волнами цѣпи горъ. Этотъ горный кряжъ, пересѣкающій преддверіе Истма на протяженіи 200 стадій (около 5 миль), называется Геранея или журавлиная гора. Во время девкаліонова потопа, (такъ разсказываютъ древнія саги мегарянъ), эта гора стояла скалистымъ островомъ между материкомъ и островомъ Пелопонеса; весьма вѣроятно, что оба залива соединялись между собою къ сѣверу и къ югу отъ Геранеи; по спаденіи воды образовались съ одной стороны Мегарская низменность, съ другой площадь Истма—. Геранея отдѣляетъ сѣверную Грецію подобно поперечной стѣнѣ, не оставляя у своей подошвы низменной прибрежной полосы. Три дороги ведутъ въ Пелопонесъ, одна чрезъ западные склоны, другая посрединѣ горы, третья вдоль восточной подошвы горы.

Первый путь есть нынѣшняя гористая тропинка Перахора. Онъ ведетъ изъ возвышенности Мегарской, по западному берегу на ту сторону Коринѳскаго моря, которая лежитъ за Геранеею. Это была важная военная дорога, но по причинѣ большихъ обходовъ для торговыхъ сношеній неудобна. Вторая дорога идетъ по ущельямъ, которыя прорѣзываютъ средній хребетъ Геранеи; — она требовала 9 часовъ ходьбы и нынче рѣдко идетъ кто по этому пути. Третій путь кратчайшій между Мегарою и Коринѳомъ, и потому отъ начала исторіи до настоящаго времени обыкновенно служилъ тор-

говою дорогою, которая соединяла Пелопонесъ съ сѣверною Греціей. Онъ идетъ съ Мегарской приморской равнины, направо отъ Низеи, по восточному спуску горы, которая при подошвѣ покрыта хвойнымъ лѣсомъ и оканчивается у моря низкими песчаными холмами. Перешедши одну рѣчку, нужно подыматься на гору, и послѣ часоваго пути отъ Мегары вступишь на узкую террасу прибрежья. На право поднимаются стѣною утѣсистыя горы, на лѣво крутой спускъ къ морю. Подпочва дороги часто разрѣшается въ валуны и осыпаясь, обрывается внизъ. Въ одномъ мѣстѣ выступаютъ известковыя стѣны и заставляютъ путешественника спускаться на узкій морской берегъ, и потомъ опять по обваламъ съ трудомъ взлѣзать на путевую террасу. Эта въ древности и въ новое время зловѣщая скалистая дорога (скиронскіе утесы) дика и прекрасна по виду на Эгинитскій заливъ, но въ то же время трудна и во время бури небезопасна. Ничего не было легче, какъ запереть эту дорогу и выставить для Пелопонеса даже на сѣверѣ отъ Истма непроницаемую оборонительную линію. Поэтому, какъ только узнали въ Пелопонесѣ, что Леонидъ палъ, и что приморскіе ворота средней Греціи открыты, тотчасъ предприняты были мѣры посредствомъ засыпей сдѣлать непроходимыми ближайшіе Өермопилы, т. е. Скиронскій проходъ.

Изъ Скиронскаго прохода вступаютъ въ небольшія равнины, которыхъ три находятся у Южной подошвы Геранеи противъ Сараническаго залива. Тамъ, гдѣ острогъ горы на югѣ переходитъ въ плоскогорье, восточное море дѣлаетъ глубокую бухту и обозначаетъ начало собственнаго Истма. Это скалистый хребетъ, который отъ морей постепенно поднимается подобно плосковатому своду зданія; впрочемъ онъ круче у Эгинитскаго, чѣмъ у другаго берега. Отъ этого древніе считали, что Коринөское море выше лежитъ чѣмъ Эгинитское, и если бы море прорвалось чрезъ перешеекъ, Этна и другіе острова могли бы быть затоплены. Высочай-

шій пунктъ перешейка 246 фут., хребетъ такъ широкъ, что на немъ трудно найти пунктъ, съ котораго можно было бы видѣть оба моря. Почва состоитъ изъ дикихъ скалъ, пустынныхъ и бѣдныхъ водою, только въ лощинахъ есть полосы земли, на которыхъ поднимаются группы сосны, остатки старинныхъ лѣсовъ. На югъ отъ перешейка въ тѣсномъ смыслѣ слова, Истмъ опять расширяется по направленію къ двумъ морямъ и потомъ переходитъ въ Пелопонезскую горную страну. И здѣсь находится три прохода, ведущихъ во внутренность полуострова: широкая и ровная дорога по Ахейскому берегу, узкая по Кенхрейскому, и срединныя главныя ворота, ущелье, надъ которымъ Акрокоринтъ господствуетъ въ той же мѣрѣ, какъ выдающаяся направо круглая башня надъ доступомъ къ старой крѣпости. Между обоими параллельными поперечными горами, т. е. пелопонезскою Онейонъ и Геранеею съ Скирономъ, утесистыми воротами сѣверной Греціи, разстилается Истмъ, узкая полоса земли, беззащитная и нейтральная страна, совершенно предназначенная къ тому, чтобы соединять различныя племена Греція для общественныхъ собраній, равно какъ для религіозныхъ праздниковъ.

Онейскія горы составляютъ превосходную оборонительную линію. Во время өиванскихъ войнъ много повредило спартанцамъ то, что они оставили Онейскіе проходы безъ гарнизона. У Онейона расположился Клеоменъ, чтобы не пускать македонянъ въ Пелопонесъ. Успѣхъ, съ которымъ онъ держался въ этомъ мѣстѣ, весь ходъ истмійскихъ битвъ доказываютъ важность этого поста въ военномъ отношеніи. Никакое непріятельское войско не могло внутри полуострова вести успѣшно войну, пока не были заняты Онейскіе проходы его гарнизонами.

Тогда какъ горы средней Греціи непрерывными цѣпями тянутся и примыкаютъ къ главному сѣверному хребту, Пелопонесъ не имѣетъ никакой связи съ ними. На югъ отъ

Истмэ идетъ новая земля, имѣющая свой собственный горный узелъ, свою плоскую возвышенность, къ которой примыкаютъ со всѣхъ сторонъ прибрежныя земли. Аркадская срединная страна содержитъ корень и стволъ всѣхъ пелопонезскихъ горъ; она для Пелопонеса то же, что Швейцарія для Европы. Окружающія Аркадію горы, распространяющіяся къ морю частію широкими ступенями, частію въ видѣ новыхъ цѣпей, образуютъ твердое зданіе всей страны.

Самыя высокія, мощныя горы находятся на сѣверѣ Аркадіи. Она образуетъ горную страну, изъ которой выступаетъ къ востоку гора, называвшаяся у древнихъ Киллене. Она лежитъ противъ Парнаса на одной линіи; изъ Аркадскихъ окраинныхъ горъ она лежитъ ближе всѣхъ къ берегу. Коринѳское море течетъ у ея сѣверной подошвы. Окаймленный соснами, стоитъ Киллене, подобно высокой сторожевой башнѣ, на широкомъ, почти кругломъ основаніи, которое омываютъ рѣки, между которыми замѣчательнѣйшая Стимфалосъ; эти рѣки отдѣляютъ Киллене отъ другихъ горъ дугообразными узкими долинами. Только къ сѣверу изъ Аркадскихъ горъ тянется рогъ, который въ Мауронъ Оросѣ достигаетъ 5415 фут. плоскостнаго возвышенія съ остроконечною вершиною и крутымъ склономъ, выдающимся въ Коринѳское море на $1\frac{1}{4}$ мили. Этотъ шпитцъ есть сѣверный выступъ всей горной окраины. На востокѣ нѣтъ ни одного столь широкаго плоскогорья, равно какъ нѣтъ столь высокихъ, заслуживающихъ упоминовенія шпитцовъ. На югѣ тянется извилистый горный хребетъ, служащій водораздѣломъ между рѣками Алфеемъ и Эвротомъ. Только на юго-западъ отъ Аркадіи возвышаются окраинныя горы значительной высоты; рѣзко разчлененная цѣпь выступаетъ къ Элійскому морю. Западная окраина по срединѣ прорѣзана рѣкою, которая дѣлитъ ее на двѣ части. Водораздѣлы окраинныхъ горъ за незначительными исключеніями служатъ пограничными линіями, на которыхъ прибрежныя страны и прибреж-

ныя государства примыкаютъ къ центральной странѣ. На западѣ образованіе земли наипростѣйшее. Элида есть плоская береговая страна, примыкающая къ подошвѣ Аркадскихъ горъ; это страна по которой течетъ много рѣкъ съ Аркадскихъ горъ. Сѣверная Элида имѣетъ свою плоскую возвышенность и свою рѣку Пеней. Въ срединѣ между внѣшнимъ и внутреннимъ Коринѳскими морями выступаетъ изъ Эримантской горы Панахеконъ и образуетъ основный хребетъ Ахейской ступенеобразной страны, которой берегъ есть только крутой обрывъ Аркадской окраинной возвышенности. На востокъ и югъ горы срединныя развѣтвляются не въ равно богатыхъ формахъ. Изъ горъ у истоковъ Инаха тянется на востокъ отъ Аркадіи Аргосскій полуостровъ далеко въ восточное море; Парнонъ на юго-востокѣ Аркадской возвышенности есть исходный пунктъ горной цѣпи, которая развѣтвляется до Малейскаго мыса.

Но самое значительное развѣтвленіе идетъ отъ Аркадской южной окраины; здѣсь нѣтъ никакого спуска, но новое сплошное возвышеніе; здѣсь начинается также особенная горная цѣпь, которая подобно Пинду идетъ съ сѣвера на югъ, поднимаясь въ своихъ вершинахъ выше Аркадскихъ основныхъ горъ, даже выше Киллене на 100 фут. и образуетъ южный мысъ Пелопонеса. Тайгетъ (7416′) есть высочайшая, длиннѣйшая и важнѣйшая горная цѣпь на полуостровѣ, окаймляемая двумя рѣками Эвротомъ и Памизомъ. Нѣтъ ни одной столь мощной цѣпи, тянущейся съ сѣвера на югъ; изъ юго-западной Аркадіи идетъ къ западному берегу Эгалей, который восточнымъ отрогомъ Итоме вдается въ Тайгетъ, а на югѣ образуетъ хребетъ юго-западнаго полуострова.

Такъ выростаютъ изъ основнаго ствола внутренней возвышенности четыре отлично образованныхъ полуострова, которые принадлежатъ къ областямъ Арголиды, Лаконики и Мессеніи и каждой изъ нихъ даютъ глубокіе и богатые га-

ванями заливы. Поэтому древніе сравнивали Пелопонесъ по его зазубренному берегу съ листомъ платана или виноградной лозы. Западный берегъ Пелопонеса однообразенъ, плоскій, безъ гаваней, покрытъ лагунами и нездоровъ; береговыя области не отдѣлены одна отъ другой отрогами горъ; прибрежныя рѣки отдѣляютъ сосѣдственныя страны извилистыми пограничными линіями. Напротивъ на востокъ срединныя горы развѣтвляются далеко къ морю, онѣ отдѣляютъ области природными границами, образуютъ глубокія бухты и богатые гаванями обрывистые берега, они выступаютъ полуостровами, которые окружены островами. Востокъ есть лицевая сторона полуострова, которая обращена къ Азіи и призвана принять древнюю культуру востока и пересадить ее далѣе.

Древніе смотрѣли на Истмъ, какъ на островъ и такъ называли его. Онъ замыкалъ Пелопонесъ по отношенію къ Средней Греціи, какъ съ другой стороны служилъ посредникомъ для сношеній съ нею. Это не осталось безъ вліянія на характеръ Пелопонесцевъ. Они любили выдѣлять себя изъ остальнаго міра, и во всѣ времена показывали естественное отвращеніе къ предпріятіямъ, которыя выходили за Истмъ. Но тѣмъ больше они развили у себя свои особенныя государства, которыя гористою природою страны рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга. Пелопонесъ есть по преимуществу горная страна, горы образуютъ не только окраины равнинъ, но и самыя долины идутъ подобно ущельямъ и вдавленнымъ котловинамъ между массами горъ, или въ родѣ наноса у подошвы горъ. Отношеніе возвышенностей къ равнинамъ почти какъ девять къ десяти. Горы, не смотря на большое удаленіе ихъ отъ сѣверной альпійской страны, имѣютъ характеръ плоскихъ возвышеній, въ двухъ пунктахъ поднимаются они въ шпитцы, которые достигаютъ высоты Лакмона и Парнаса и три четверти года покрыты снѣгомъ. Долины и равнины отдѣлены другъ отъ друга вы-

сокими хребтами, и такимъ образомъ какъ бы призваны къ образованію особыхъ городскихъ областей. Такъ какъ горные стволы, отдѣляющіе теченіе рѣкъ, раздѣляютъ и различныя области, то естественное положеніе страны повсюду имѣетъ тѣснѣйшую связь съ политическою географіею. Природныя свойства отдѣльныхъ областей представляютъ большое разнообразіе. Аркадія по множеству озерныхъ долинъ напоминаетъ котловину Беотіи и имѣетъ подобно Беотіи тяжелый воздухъ и холодные туманы. Пелопонезское западное побережье соотвѣтствуетъ плоскимъ берегамъ Акарнаніи; Аргосскій полуостровъ по положенію и свойствамъ имѣетъ большое сходство съ противолежащею Аттикою. Лаконія и Мессенія напоминаютъ Ѳессалійскія рѣчныя области.

Пелопонесъ представлялся грекамъ по справедливости совершеннѣйшею частью Греціи; онъ какъ бы призванъ былъ и особенно удобенъ для образованія государствъ и первенства политическаго. Такъ какъ греки, политическій народъ, часто сравнивали свою страну съ положеніемъ города, средоточія каждаго греческаго государства, то и называли они Пелопонесъ акрополисомъ греческой земли; потому что, подобно хорошо расположенному городу, полуостровъ имѣетъ одинъ, легко защищаемый доступъ, поэтому казался имъ какъ бы самою природою отмѣченнымъ мѣстомъ для жизни господствующихъ племенъ, безопаснѣйшимъ мѣстомъ свободы эллинскаго народонаселенія, въ противоположность областямъ, лежащимъ внѣ Пелопонеса. Отсюда привыкли обозрѣвать Грецію, какъ обозрѣваютъ городъ и его окрестность съ вершины Акрополиса, посему всегда называли Пелопонесъ срединною, настоящею Греціей.

ГРЕКИ И ИХЪ КОЛОНІИ.

Въ странѣ, такъ богато надѣленной природою, какова была Греція, въ странѣ, которая столько же была удобна и для сношеній съ иноземцами, какъ и для образованія въ ней самостоятельныхъ государствъ, жили первоначально другъ возлѣ друга, двѣ вѣтви народовъ, которыя принадлежали къ великой индоевропейской семьѣ. Это были пеласги и эллины, изъ которыхъ первые гораздо ранѣе выступили на поприще исторіи, чѣмъ эллины, но оба народа имѣли много родственнаго между собою.

Древніе пеласги вмѣстѣ съ ѳракійскими и иллирійскими племенами, которыя занимали другія части юговосточной Европы, были многочисленнымъ и далеко распространеннымъ народомъ. Они заселили съ древнѣйшихъ временъ и значительную часть Италіи; кажется ихъ особенно привлекали плодородныя равнины, лежавшія у моря. Чтобы на нихъ основать свои поселенія, они оставили свои горныя жилища, послѣ долгихъ странствованій достигли ровныхъ прибрежныхъ земель и занимались здѣсь преимущественно хлѣбопашествомъ. Ихъ религія состояла въ простомъ обожаніи природы, богамъ горъ и полей они приносили безкровныя жертвы. Для защиты они строили замки, которые окружены были огромными стѣнами, выведенными изъ неотесаннаго камня, эти стѣны извѣстны и теперь подъ названіемъ циклопическихъ. Они занимались также ремеслами и искусствами, были даже свѣдущи въ наукахъ, и считались въ сравненіи съ варварскими народами горныхъ странъ «высшимъ и почетнѣйшимъ племенемъ» имѣющимъ мягкіе нравы и ведущимъ благоустроенную жизнь. Въ послѣдствіи, когда

нравы и образъ жизни измѣнились съ приходомъ эллиновъ, начали смотрѣть на пеласговъ несправедливо, какъ на народъ грубый. Пеласги впрочемъ не были единственными древними обитателями Греціи; мы знаемъ хоть не больше какъ одни имена и другихъ народовъ. Такъ легеры жили въ Элладѣ и Пелопонесѣ, куреты сначала въ Этоліи, потомъ въ Акарнаніи, кауконы въ западномъ Пелопонесѣ, карійцы, которые впослѣдствіи составили особый народъ (въ малой Азіи) и т. д. Всѣ эти народы вѣроятно были родственны другъ другу и пеласгамъ; сношенія, въ которыя они вступали съ пеласгами, самымъ многочисленнымъ народомъ, имѣло слѣдствіемъ, что они усвоили себѣ нравы и образъ жизни послѣднихъ.

И въ Греціи историческая жизнь открывается переселеніями. Пока народы спокойно остаются въ своихъ мѣстахъ жительства, мало о нихъ извѣстно, но какъ скоро они поднимаются искать себѣ новыхъ жилищъ, начинаютъ ходить нѣкоторыя извѣстія о нихъ и сохраняются для потомства. Такимъ образомъ узнаемъ мы, что одно изъ благороднѣйшихъ племенъ, эллины, изъ Крита и Каріи мало по малу заняли западный берегъ Малой Азіи до Геллеспонта, потомъ южную Ѳракію, восточную Македонію и Эпиръ. Эти то эллины и образовали поколѣнія, которыя можно считать предками народовъ, въ послѣдствіи названныхъ греками; они по чрезвычайной даровитости пріобрѣли такой перевѣсъ надъ родственными съ ними племенами, что служили не только образцами для нихъ, но даже господствовали надъ ними.

Кромѣ этихъ первоначальныхъ жителей Греціи, пеласговъ и эллиновъ, уже съ древнихъ временъ поселились въ странѣ, манящей къ постоянному, прочному заселенію, переселенцы изъ чужихъ странъ. Прежде всѣхъ около 1500 года до Р. Х. прибылъ Кекропсъ изъ Саиса въ Египтѣ и поселился въ Аттикѣ, гдѣ онъ, какъ зять и наслѣдникъ

царя Аттики Актея, построилъ крѣпость въ Аѳинахъ, Кекропію, и былъ родоначальникомъ цѣлаго ряда аттическихъ царей. Почти въ тоже время прибылъ Кадмъ изъ Финикіи. Онъ былъ сынъ сидонскаго царя и принесъ съ собою финикійскія письмена и служеніе Діонисію; заложивъ крѣпость Кадмею, онъ положилъ основаніе города Ѳивъ въ Беотіи, который построенъ былъ уже четвертымъ его преемникомъ, сладкопѣвцемъ Амфіономъ. Сага говоритъ, что подъ струнные звуки его камни сами собою сложились въ стѣну. Чрезъ 8 лѣтъ приплылъ Данай съ своими пятьюдесятью дочерями изъ верхняго Египта въ Арголиду и былъ основателемъ богослуженія Аѳины и Афродиты. Онъ основалъ въ Аргосѣ новую династію, и былъ родоначальникомъ славнаго своими подвигами Персея и его потомства, царствовавшаго въ Аргосѣ, Таринсѣ и Микенахъ, къ которому принадлежалъ и Геркулесъ. Наконецъ въ 14 стол. предъ Р. Х. прибылъ Пелопсъ изъ Фригіи съ фригійскими и лидійскими переселенцами. Онъ былъ сынъ царя. Занятіемъ Элиды и распространеніемъ своей власти на Аргосъ и Лаконію онъ далъ полуострову свое имя Пелопонеса. Потомки его, пелопиды Атрей и Тіестъ, Агамемнонъ и Эгистъ и ихъ большею частію несчастная судьба были прославлены позднѣйшими поэтами. Рѣдкія несчастія выпали на долю этой фамиліи, изъ которой вышло нѣсколько славныхъ личностей.

Всѣ эти переселившіяся племена оказали большое вліяніе на тѣхъ, кто уже жилъ въ странѣ. Какъ болѣе дѣятельные, наученные многому въ далекихъ странствованіяхъ, эти выходцы вступили въ сношенія съ близлежащими островами и берегами, и тѣмъ положили основаніе столь дѣятельной впослѣдствіи греческой торговлѣ. Слитіе этихъ племенъ съ пеласгическимъ населеніемъ сообщило послѣднему нѣкоторый оттѣнокъ восточнаго образа мыслей и образа жизни, которыя замѣтны были на его міросозерцаніи и основанномъ на немъ богослуженіи. Впрочемъ это вліяніе не могло ни

измѣнить основной національности греческаго народа, его сильной и самостоятельной натуры, ни повредить ей. Греческій народъ былъ только пробужденъ этимъ вліяніемъ къ всестороннему развитію, и усвоивалъ себѣ отъ иностранцевъ только то, что соотвѣтствовало его собственной природѣ. Оттого произошло, что греческій языкъ остался свободнымъ отъ всякой примѣси чужаго, что конечно способствовало совершенно самостоятельной выработкѣ греческаго характера, при чемъ этотъ народъ или умѣлъ остаться недоступнымъ вліянію народовъ, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе, или принималъ это вліяніе и преобразовывалъ посвоему тѣ понятія, которыя казались ему не лишними.

* *
*

Племя эллиновъ, самое даровитое между всѣми греческими племенами, заслуживаетъ потому нашего особеннаго вниманія. Первоначальное мѣсто его жительства сказанія относятъ въ Өессалію, гдѣ «Аргосъ питающій коней» считается колыбелью героевъ. Этотъ народъ, очень склонный къ свободной, подвижной жизни воина и охотника, образовалъ возлѣ пеласговъ и другихъ подобныхъ имъ племенъ дѣятельное рыцарское племя героевъ и князей, на которое съ удивленіемъ смотрѣли пеласги, какъ мирные земледѣльцы. Постепенный перевѣсъ эллиновъ надъ пеласгами былъ не насильственнымъ господствомъ чужаго народа, но естественнымъ возвышеніемъ сильныхъ и благородныхъ надъ слабыми и менѣе благородными среди одного и того же народа. Родоначальникомъ эллиновъ преданіе называетъ эллина, сына өессалійскаго царя лелегеровъ Девкаліона, и Пирры, четы сохранившейся отъ всемірнаго потопа, которая по сказанію остановилась на Парнассѣ, когда вода начала убывать, и тутъ заселила землю. Два сына Эллина,

Эолъ и Доръ, и два внука его Ахей и Іонъ были родоначальниками четырехъ главныхъ греческихъ племенъ эолянъ, дорянъ, ахеянъ и іонянъ, которые только послѣ продолжительныхъ переселеній успѣли прочно осѣсться на мѣстахъ постояннаго жительства.

Впрочемъ и послѣ этого все еще продолжалось возбужденное однажды стремленіе къ переселеніямъ. Отдѣльныя племена обращали глаза на чужія земли, частію лежащія близъ самой Греціи, частію на отдаленныя страны, куда они и переправлялись, для того чтобы тамъ основывать колоніи. Такимъ образомъ эоляне потянулись на островъ Лесбосъ и къ близлежащему берегу Малой Азіи, который и получилъ названіе Эолиды. Іоняне поселились на части цикладовъ и на срединной части западнаго берега Малой Азіи, въ южной Лидіи и сѣверной Каріи, на Самосѣ, Хіосѣ и Делосѣ. Доряне отправились на югозападъ Малой Азіи и заняли Родосъ, Косъ и Критъ. Такимъ же образомъ на ѳракійскомъ берегу явилось много греческихъ колоній.

И дальше еще распространили греки свои поселенія. Плодоносная Сицилія, нижняя Италія, южный берегъ Галліи и Испаніи были заселены эллинскими выходцами, и вездѣ, гдѣ только они появлялись, туземные жители подчинялись имъ. Такимъ образомъ Греція была государствомъ, которое долгое время служило средоточіемъ сношеній востока съ западомъ, и разливало на обѣ стороны, на востокъ и западъ, лучи своего блестящаго образованія.

Греція есть рука, которою Европа держитъ Азію и Африку. И какъ рука между всѣми членами тѣла есть наиболѣе способный къ разнаго рода дѣятельности — она правитъ плугомъ и мечемъ, весломъ и уздою, рѣзцомъ и кистью, молотомъ и перомъ,—такъ и греческій народъ по своимъ духовнымъ способностямъ и механической ловкости былъ народомъ болѣе всѣхъ другихъ народовъ одареннымъ природою. Смѣлый и храбрый въ полѣ, прилежный въ земле-

дѣлія, ловкій и умный въ ремесленной дѣятельности, предпріимчивый и дѣятельный въ торговлѣ морской и сухопутной, склонный къ глубокому серьезному мышленію о вещахъ невидимыхъ и ихъ причинахъ, мастеръ выражать превосходно свои мысли въ прозѣ и поэзіи, недосягаемый образецъ въ изящныхъ искусствахъ, архитектурѣ, скульптурѣ и живописи,—онъ сдѣлался удивленіемъ для современниковъ и до сихъ поръ остается для потомства недосягаемымъ образцомъ чисто человѣческой дѣятельности. Впрочемъ и на греческой жизни лежитъ пятно нравственнаго упадка, нераздѣльное отъ суевѣрія и невѣрія язычества. Поэтому когда чаяніе язычниковъ исполнилось, когда христіанство, съ пришествіемъ на землю Сына божія, начало развивать свою непреоборимую силу, греческая жизнь пошла къ упадку, чтобы уступить мѣсто христіанской жизни, долженствовавшей замѣнить все древнее.

ПОХОДЪ СЕМИ ПРОТИВЪ ѲИВЪ.

Сыновья ѳивскаго царя Эдипа, Этеоклъ и Полиникъ, согласились править Ѳивами поочереди погодно. Но Этеоклъ по прошествіи своего года отказался уступить правленіе своему брату. Поэтому Полиникъ оставилъ Ѳивы и обратился съ просьбою о помощи къ Адрасту, царю Аргоса. Послѣдній въ сопровожденіи другихъ пяти царей и Полиника явился подъ Ѳивами и началъ осаждать городъ. Трагедія Эсхилла «Семеро противъ Ѳивъ» вводитъ насъ на сцену этого событія.

Изъ шатровъ поднялось и двинулось войско,
Стремится впередъ безконечный рядъ всадниковъ;
Пыль, клубяся до неба, идетъ къ намъ
Нѣмымъ, но нелживымъ вѣстникомъ бури.

Топотъ коней, несущійся съ поля,
Слухъ поражая, прочь гонитъ всякій покой;
Какъ горный потокъ шумитъ вражескій станъ.

Въ блестящихъ доспѣхахъ, съ битвенымъ кликомъ
Къ стѣнамъ идетъ врагъ съ грозною мыслью
Взять городъ.

Возстань, вседержитель Зевесъ,
Бѣду отврати отъ нашего града!

Кадмову замку угрожаетъ погибель отъ скопищъ
Аргосскихъ, отъ ихъ смертоносныхъ мечей!
Звонъ поводовъ подъ устцами коней
Пророчитъ народу страшную смерть.

Воззри, громовержецъ, какъ семь ихъ вождей,
Сверкая доспѣхами, жребій бросаютъ о томъ,
Кому на какія ворота идти седмивратнаго града.

Возстаньте вы, вседержащіе боги,
И вы возстаньте, богини,
Крѣпкій оплотъ нашего города!
Не предавайте чужому народу
Тучею копій окруженнаго города!

(Входитъ вѣстникъ и говоритъ):

О томъ извѣщаю васъ, что происходитъ въ станѣ враговъ,
И кому какія по жребью достались ворота.
Свирѣпѣетъ безстрашный Тидей предъ воротами Проша,
Но волны Исмена не даютъ ему хода, — гадатель
Не видѣлъ ему счастливаго знаменья въ жертвѣ.

А онъ, раздраженный, пылающій жаждою битвы,
Подобно дракону, палимому зноемъ полдневнымъ,
Бушуетъ, бранитъ и поноситъ мудраго сына Оикла (*),
Прочь гонитъ онъ робкія мысли о смерти и битвѣ.
Въ досадѣ трясетъ онъ трехцвѣтнымъ штандартомъ
Гривою шлема, и отъ щита его раздается
Страхъ наводящій звонъ мѣди.
Символъ надменный красуется въ полѣ щита: —
Сводъ неба, звѣздами усѣянный, чудной чеканки,
Всѣхъ звѣздъ прекраснѣйшій мѣсяцъ, глазъ ночи,
Ярко сіяетъ въ срединѣ.
Надменный отличнымъ оружія блескомъ
Бушуетъ Тидей у потока, пылая битвеннымъ жаромъ,
Подобно коню боевому, который ржетъ и пѣнитъ свои удила,
Какъ только заслышитъ призывъ трубы боевой.

За нимъ Капанею, другому герою, славному больше,
Чѣмъ первый, достались по жребью ворота Электры;
Упорно вѣритъ онъ въ мысль о своей сверхчеловѣческой силѣ.
Грозу онъ несетъ къ нашимъ стѣнамъ: отврати его, богъ,
Такъ какъ по волѣ боговъ, иль противъ ихъ воли, —
Но хочетъ онъ городъ разрушить; и молніи гнѣвнаго Зевса,
Разящія землю съ Олимпа, не укротятъ его бѣга.
Пламя отъ молній, громовые перуны
Онъ ставитъ не больше, какъ жаръ отъ полдневнаго солнца.
Нагой огненоситель стоитъ въ щитѣ у него, а въ рукѣ
Огненосца горитъ яркимъ пламенемъ факелъ;
Въ золотѣ надпись гласитъ: «Городъ долженъ быть взятъ мною»!

Дальше я долженъ сказать, кому достались на долю
Третьи ворота. Изъ недвижимаго желѣзнаго шлема
Судьба жребій дала Этеоклу, чтобы ударилъ онъ
Съ войскомъ своимъ на ворота Нейса.
Большими кругами онъ скачетъ въ парной упряжкѣ,
Которая съ неистовымъ скрипомъ стремится къ воротамъ.
Громко ржутъ кони, покрытые пѣной, которую
Клочьями мечутъ они изъ кипящихъ ноздрей.

(*) Гадателя Амфіарая.

Щитъ его украшаютъ мастерскія фигуры:
Въ верхней части щита на башню врага взбирается
Мужъ въ бранныхъ доспѣхахъ; въ золотой надписи знакахъ
Можно прочесть гордую мысль:
Богъ браней не въ силахъ его съ башни низвергнуть.

Четвертый воиновъ вождь, съ воплемъ грому подобнымъ,
Къ воротамъ Паллады Онки (*) стремится:
Это смѣлый Гиппомедонъ исполинскаго роста.
Я видѣлъ, какъ взмахивалъ онъ большимъ солнечнымъ кругомъ, —
Щитомъ своимъ круглымъ; мнѣ сдѣлалось страшно, признаться готовъ.
Далеко не простой художникъ былъ тотъ ваятель,
Который щиту его далъ столь дивный образъ: это
Тифонъ (**), изрыгающій изъ пасти широкой
Черное жало, огню столь подобное по своей жгучести;
Выгнутый щитъ на кругломъ своемъ ободкѣ
Покрытъ весь изгибами вьющихся змѣй.
Онъ поднимаетъ битвенный вопль, и опьяненный Аресомъ
Бросается въ битву; взоръ его смертоносный
Подобенъ взгляду Тіадъ.

А тотъ, что бушуетъ у сѣверныхъ—пятыхъ воротъ
Ближайшихъ ко гробу Амфіона, отъ Зевса рожденнаго,—
Клятву даетъ онъ передъ мощнымъ копьемъ,
Которому вѣритъ онъ больше, чѣмъ богу, больше очей своихъ любитъ,
Съ прахомъ смѣшать Кадмову крѣпость, Зевесу на зло;
Сынъ матери, любящей горы, едва достигшій возраста мужа,
Свѣтлый лицомъ такъ онъ взываетъ.
Ланиты его оттѣняетъ нѣжный пушокъ,
Первой юности пышно вьющійся волосъ.
Го не дѣвушки нѣжность, каковой смыслъ онъ въ имени носитъ, (***)

(*) Онка, прозвище Өиванской Паллады, отъ котораго получили названіе одни изъ воротъ города.

(**) Тифонъ, исполинское чудовище изъ эпохи борьбы титановъ, извергающее огонь.

(***) Партенонъ значитъ «лицо дѣвушки» сынъ аркадской охотницы Аталанты. Убѣжавъ изъ отечества, онъ нашолъ благосклонный пріемъ въ Аргосѣ.

Нѣтъ, бодрое мужество, дикіе взгляды онъ носитъ съ собою.
Съ гордой осанкою двинется онъ на ворота.
Къ щиту, изъ мѣди чеканеной грудной оборонѣ,
Искусно гвоздями прибитъ образъ сфинкса, кровью живу-
щаго;
Мѣдный блеститъ онъ на выпукломъ сводѣ щита.
Онъ держитъ въ когтяхъ своихъ мужа изъ Кадмова рода,
За тѣмъ, чтобъ его прежде всего стрѣла поражала.
Не наемника храбрость вынесъ онъ въ поле,
Не на стыдъ онъ рѣшился идти въ дальній походъ.
Нѣтъ, Партенонъ какъ герой изъ Аркадіи вынесъ
Чувство любви къ Аргосу, какъ бы къ отчизнѣ второй.
Грозою онъ близится къ городу; отврати его, богъ!

Шестымъ предводителемъ я назову высокаго мудростью
И мужествомъ мужа, вѣщаго Амфіарая.
Тамъ сталъ онъ у Гомолойскихъ воротъ.
Бранитъ и позоритъ онъ громко Тидея высокаго
Человѣкоубійцею его называетъ, разорителемъ его города,
Жалкимъ виновникомъ гибели мужей аргивскихъ,
Богини мщенья слугою и смерти рабомъ,
Причиной всѣхъ бѣдъ, Адрастомъ содѣланныхъ.
Затѣмъ возводитъ онъ очи къ несчастія сыну,
Къ брату твоему, государь, (*) Полинику;
Выставилъ полный несчастья смыслъ его имени,
И рѣчь такую излилъ онъ изъ устъ:

«Да, такое дѣло будетъ многоугодно богамъ,
Удивленья достойно и высокой хвалы отъ потомковъ,—
Градъ предковъ разрушить, истребить очагъ отчизны боговъ,
Бушуя съ толпами чуждаго войска!
Кто счелъ бы въ правѣ себя поднять руку на жизнь своей
матери?
И отчизна твоя, твоей яростью порабощенная,
Можетъ ли въ битвѣ стать за тебя?
Я жь удобрю эту почву собственной кровью,
Я, вѣщій, покроюсь землею враждебной.
Въ битву стремлюсь, въ надеждѣ на славную смерть!»
Такъ мудрый вѣщалъ, вращая свой щитъ,

(*) Здѣсь рѣчь обращена къ Этеоклу, которому вѣстникъ принесъ извѣстіе о семи героахъ.

На свѣтлой мѣди котораго никакого знака не было видно.
Не лучшимъ казаться, нѣтъ онъ хочетъ имъ быть;
Взращаетъ онъ плодъ изъ глубокихъ бороздъ своей груди,
Изъ которой льется струя мудрыхъ совѣтовъ.

Теперь назову я послѣдняго, что стоитъ у послѣднихъ воротъ,
То собственный братъ твой; слушай, жребій какой
Съ громкимъ проклятьемъ онъ обѣщаетъ Кадмову граду!
Онъ хочетъ въ замокъ пробраться, и когда въ немъ
Будетъ объявленъ царемъ и побѣдную пѣснь воспоетъ,
Въ единоборствѣ тогда на смерть тебя поражая, онъ хочетъ
Отъ руки твоей смерть получить; иль если ты останешься живъ,
Ты, изгнавшій его такъ позорно, наказать тебя тѣмъ же позоромъ.
Такъ громко грозитъ Полиникъ, и въ молитвахъ зоветъ
Туземныхъ боговъ, боговъ своихъ предковъ,
Чтобы мольбамъ его милостиво вняли они.
Щитъ мѣдный онъ держитъ, весь новый и выгнутый чудно;
Двойной гербъ блеститъ на полѣ щита.
Мужа въ златоблестящемъ доспѣхѣ
Кротко ведетъ жена, добродѣтелью славная:
Она называется Дике, (*) что выражаетъ и надпись:
«Хочу я ввести этого мужа, владѣть онъ
Городомъ долженъ и древнею славой отцовскаго дома!»
Придумали это на сходкѣ чужіе вожди.

* * *

Послѣ того какъ битва передъ городомъ была кончена, вѣстникъ опять возвращается:

Городъ спасенъ, но кровь братьевъ
Излилась на землю въ ихъ обоюдномъ братоубійствѣ;
Пали два мужа, убившихъ другъ друга собственноручно,
Нѣтъ болѣ въ этомъ сомнѣнья: обручены они праху.
Не будетъ имъ больше земли, кромѣ той, что ихъ гробъ покрываетъ.

(*) Дике, богиня справедливости, дочь Зевеса и Ѳемиды.

* *
*

О Моира, (*) ты, расточительница напастей и скорби!
Едипа священная тѣнь!
Тайна проклятья, истинно велика твоя сила!

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА.

Уже съ древнѣйшихъ временъ существовали сношенія между греками, жившими на восточныхъ берегахъ Греціи и жителями западныхъ береговъ Малой Азіи. Здѣсь въ области Мизіи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Геллеспонтъ вдается въ Эгейское море, при подошвѣ горы Иды, находился городъ Троя, или Иліонъ, какъ называли его греки, съ крѣпостью Пергамомъ. Окружающая Трою область управляема была царями, которые имѣли мѣстопребываніе въ крѣпости Пергамѣ. Троянцы, кажется, имѣли много родственнаго съ греками по религіи, нравамъ и языку, но превосходили грековъ по богатству и образованности. Исторія не знаетъ событій, которыя произвели войну между троянцами и греками, въ которой послѣдніе переплыли море и осадили Трою. Есть преданіе, что царь Трои Пріамъ послалъ своего сына, котораго звали Парисомъ, также Александромъ, къ Менелаю, царю Спарты, ведшему свой родъ отъ Пелопса.

(*) Моира, богиня судьбы.

Дружелюбно принятый, Парисъ злоупотребилъ правами гостепріимства и похитилъ жену Менелая, знаменитую по красотѣ Елену. Тогда Менелай обратился къ своему брату, Агамемнону, владѣтелю Микенъ, равно и къ другимъ князьямъ греческимъ, съ предложеніемъ идти на Трою, освободить Елену и отмстить троянцамъ за нечестивое дѣло царскаго сына. Князья явились, собрали войско въ Авлидѣ, приморскомъ городѣ Беотіи, и послѣ нѣкотораго промедленія вслѣдствіе безвѣтрія, отправились наконецъ на 1006 корабляхъ къ малоазійскому берегу. Девять лѣтъ безуспѣшно осаждали Трою, и только на десятый годъ взяли ее. Гомеръ описалъ въ своей Иліадѣ событія десятаго года, происходившія въ лагерѣ грековъ и въ осажденномъ городѣ. Здѣсь мы приводимъ отрывки, которые переносятъ насъ въ среду стоящихъ другъ противъ друга греческихъ и троянскихъ воскъ.

(Приготовленіе къ битвѣ).

Предводитель народовъ Агамемнонъ громко говорилъ:

«Нынѣ спѣшите обѣдать, а послѣ начнемъ нападенье.
«Каждый потщися и дротъ изострить свой, и щитъ уготовить;
«Каждый кормомъ обильнымъ коней напитай подъяремныхъ,
«Вкругъ осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
«Будемъ цѣлый мы день состязаться въ ужасномъ убійствѣ;
«Отдыха ратнымъ рядамъ ни на мигъ никакого не будетъ,
«Развѣ ужь ночь наступившая воиновъ ярость разниметъ.
«Потомъ зальется ремень на груди не единаго воя,
«Щитъ всеобъемный держащій; рука на копьѣ изнеможетъ;
«Потомъ покроется конь подъ своей колесницей блестящей;
«Если жь кого я увижу, хотящаго внѣ ратоборства
«Возлѣ судовъ крутоносыхъ остаться; нигдѣ уже послѣ
«Въ станѣ Ахейскомъ ему не укрыться отъ псовъ и пернатыхъ!

Рекъ, и Ахейцы вскричали ужасно: подобно какъ волны
Воютъ при брегѣ высокомъ, прибитыя Нотомъ порывнымъ
Къ встрѣчной скалѣ, отъ которой волна никогда не отходитъ,
Каждымъ вздымаяся вѣтромъ, отсель и оттоль находящимъ.
Вставъ, устремился народъ, межъ судами разсѣялся быстро,
Вкругъ задымилися кущи, спѣшили обѣдать Ахейцы.

Жертвовалъ каждый изъ нихъ своему отъ боговъ вѣчносущихъ,
Смерти избавить моля и спасти отъ ударовъ Арея.
Онъ же тельца пятилѣтняго, пастырь мужей Агамемнонъ,
Тучнаго въ жертву заклалъ всемогущему Зевсу Крониду.
Созвалъ старѣйшинъ отличныхъ, почтеннѣйшихъ въ рати Ахейской:
Перваго Нестора старца и Критскаго Идоменея;
Послѣ Аяксовъ двоихъ и Тидеева славнаго сына,
И за нимъ Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу.
Но Атридъ Менелай добровольно пришелъ и незванный,
Зная любезнаго брата, и какъ онъ въ душѣ озабоченъ.

Стали они вкругъ тельца и ячмень освященный подъяли;
Въ сонмѣ ихъ, громко моляся, воззвалъ Агамемнонъ державный:

«Славный, великій Зевсъ, чернооблачный житель эѳира!
«Дай, чтобы солнце не скрылось и мракъ не спустился на землю
«Прежде, чѣмъ въ прахъ я не свергну Пріамовыхъ пышныхъ чертоговъ,
«Черныхъ отъ дыма, и вратъ не сожгу ихъ огнемъ неугаснымъ;
«Прежде, чѣмъ Гектора латъ на груди у него не расторгну,
«Мѣдью пробивъ, и кругомъ его многіе други Трояне
«Ницъ не полягутъ во прахѣ, зубами грызущіе землю!»

Такъ онъ взывалъ; но къ молитвѣ его не склонился Кроніонъ;
Жертвы пріялъ, но трудъ безпредѣльный Атриду готовилъ.
Кончивъ молитву, ячменемъ и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тукъ обнажили,

Бедра немедля отсѣкли, обрѣзаннымъ тукомъ покрыли
Вдвое кругомъ, и на нихъ распростерли части сырыя.
  Все сожигали они на сухихъ, безлиственныхъ вѣтвяхъ;
Но утробы пронзивъ, надъ пылавшимъ огнемъ обращали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробы отъ жертвы,
Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно, и такъ уготовя, снимаютъ.
  Кончивъ заботу сію, немедленно пиръ учредили;
Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ.
Вскорѣ жь, когда питіемъ и брашномъ насытили сердце,
Началъ межъ оными слово Несторъ конникъ Геренскій:

«Царь знаменитый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
«Болѣе здѣсь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
«Дѣломъ великимъ не будемъ, которое богъ намъ ввѣряетъ.
«Царь, повели, да глашатаи мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ
«Кликомъ, ни мало не медля, народъ къ кораблямъ собираютъ.
«Мы жь, совокупные всѣ, по широкому стану Ахеянъ
«Сами пройдемъ, да скорѣе возбудимъ жестокую битву.

  Рекъ; не отринулъ совѣта владыка мужей Агамемнонъ;
Въ тотъ же онъ мигъ повелѣлъ провозвѣстникамъ звонкоголосымъ
Кликомъ сзывать на сраженіе мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ.
Вѣстники подняли кличъ, и они собирались поспѣшно.
  Быстро цари, вкругъ Атрида стоявшіе, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы, и въ средѣ ихъ явилась Паллада,
Въ длани вращая эгидъ, драгоцѣнный, нетлѣнный, безсмертный:
Сто на эгидѣ бахромъ развѣвалися, чистое злато,
Дивно плетенныя всѣ, и цѣна имъ—стотельчіе каждой.
  Съ онымъ, бурно носяся, богиня народъ обтекала,
Въ бой возбуждая мужей, и у каждаго твердость и силу
Въ сердцѣ воздвигла, безъ устали вновь воевать и сражаться.
Всѣмъ во мгновенье война имъ кровавая сладостнѣй стала,
Чѣмъ на судахъ возвращенье въ любезную землю родную.

  Словно огонь истребительный, вспыхнувъ на горныхъ вершинахъ,
Лѣсъ безпредѣльный палитъ, и далеко заревомъ свѣтитъ:

Такъ при движеніи воинствъ, отъ пышной ихъ мѣди чудесной
Блескъ лучезарный кругомъ восходилъ по эѳиру до неба.
Ихъ племена, какъ птицъ перелетныхъ несчетныя стаи,
Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйныхъ,
Въ злачномъ Азійскомъ лугу, при Каистрѣ широко текущемъ,
Вьются туда и сюда, и плесканіемъ крылъ веселятся;
Съ крикомъ садятся противу сидящихъ, и лугъ оглашаютъ:
Такъ Аргивянъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Съ шумомъ неслись на долину Скамандра; земля подъ толпами
Страшно кругомъ застонала отъ топота коней и воевъ.
Стали Ахеянъ сыны на лугу Скамандра цвѣтущемъ,
Тмы, какъ листы на древахъ, какъ цвѣты на долинахъ весною.
Словно какъ мухъ несчетныхъ рои собираясь густые
Въ сельской пастушеской кущѣ, по ней безпрестанно кружатся
Въ вешніе дни, какъ млеко изобильно струится въ сосуды:
Такъ несчетны противу Троянъ браноносцы Данаи
Въ полѣ стояли, и боемъ дыша, истребить ихъ горѣли.

Ихъ же, какъ пастыри козъ, межъ бродящихъ стадъ необъятныхъ,
Скоро своихъ отлучаютъ отъ чуждыхъ, смѣшавшихся въ паствѣ:
Такъ предводители ихъ, впереди, позади учреждая,
Строили въ бой; и межъ нихъ возвышался герой Агамемнонъ,
Зевсу метателю грома главой и очами подобный.
Станомъ Арею великому, персями Энносигею.

Словно какъ быкъ среди стада стоитъ, передъ всѣми отличный,
Гордый телецъ: возвышается онъ межъ телицъ превосходный:
Въ день сей такимъ сотворилъ Агамемнона Зевсъ Олимпіецъ,
Такъ отличилъ между многихъ, возвысилъ средь сонма героевъ.

(Битва).

Словно ко брегу гремучему быстрыя волны морскія
Идутъ, гряда за грядою, клубимыя Зефиромъ вѣтромъ;
Прежде средь моря они воздымаются; послѣ нахлынувъ,
Съ громомъ объ берегъ дробятся ужаснымъ, и выше утесовъ
Волны понурыя скачутъ, брызжутъ соленую пѣну:
Такъ непрестанно, толпа за толпою, Данаевъ фаланги
Въ бой устремляются; каждой изъ нихъ отдаетъ повелѣнья
Вождь; а воины идутъ въ молчаніи; всякій спросилъ бы,
Столько народа идущаго въ персяхъ имѣетъ ли голосъ?
Вои молчатъ, почитая начальниковъ: пышно на всѣхъ ихъ
Пестрыя збруи сіяютъ, подъ коими шествуютъ стройно.
Но Трояне, какъ овцы, богатаго мужа въ овчарнѣ
Стоя тмочисленныя, и млекомъ наполняя дойницы,
Всѣ непрестанно блеютъ, отвѣчая блеянію агнцовъ:
Крикъ такой у Троянъ раздавался по рати великой;
Крикъ сей и звукъ ихъ рѣчей не у всѣхъ одинаковы были;
Но различный языкъ разноземныхъ народовъ союзныхъ.
Ихъ возбуждаетъ Арей, а Данаевъ Паллада Афина,
Ужасъ насильственный, Страхъ, и несытая бѣшенствомъ Распря
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая въ самомъ началѣ, она пресмыкается; послѣ
Въ небо уходитъ главой, а стопами касается дола.
Распря, на гибель взаимную, сѣяла ярость межъ ратей,
Рыща кругомъ по толпамъ, умирающихъ стонъ умножая.

Рати, одна на другую идущія, чуть соступились;
Разомъ сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воиновъ, мѣдью одѣянныхъ; выпукло-бляшные разомъ
Сшиблись щиты со щитами; громъ раздался ужасный.

Вмѣстѣ смѣшались побѣдные крики и смертные стоны
Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась.
Словно когда двѣ рѣки наводненныя, съ горъ низвергаясь,
Обѣ въ долину единую бурныя воды сливаютъ,
Обѣ изъ шумныхъ истоковъ бросаясь въ пучинную пропасть;

Шумъ ихъ далеко пастырь съ утеса нагорнаго слышитъ:
Такъ отъ сразившихся воинствъ и громъ разліялся и ужасъ.

Первый тогда Антилохъ поразилъ у Троянъ бранноносца
Храбраго, между переднихъ, Θализія вѣтвь, Эхопола.
Быстро его поражаетъ онъ въ бляху косматаго шлема,
И пронзаетъ чело: пробѣжало глубоко внутрь кости
Мѣдное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся онъ, какъ великая башня средь бурнаго боя.
Тѣло упадшаго за ноги царь захватилъ Элефеноръ,
Сынъ Халкодоновъ, воинственный вождь крѣпкодушныхъ Абантовъ,
И повлекъ изъ-подъ стрѣлъ, поспѣшая скорѣе съ Троянца
Латы совлечь; но не долго его продолжалась забота:
Влекшаго трупъ усмотрѣвъ крѣпкодушный воитель Агеноръ,
Въ бокъ, при наклонѣ его отъ ограды щита, обнаженный,
Сулицей мѣдной пронзилъ и могучаго крѣпость разрушилъ.
Тамъ онъ духъ испустилъ; и при немъ загорѣлося дѣло.
Яростный бой межъ Троянъ и Ахеянъ: какъ волки бросались
Вои одни на другихъ; человѣкъ съ человѣкомъ сцѣплялся.
Тутъ пораженъ Теламонидомъ сынъ Анфиміона юный,
Жизнью цвѣтущій, герой Симоисій, котораго матерь,
Нѣкогда съ Иды сошедшая вмѣстѣ съ своими родными
Видѣть стада, родила на зеленыхъ брегахъ Симоиса:
Родшійся тамъ, нареченъ Симоисіемъ; но, и родившимъ
Онъ не воздалъ за свое воспитаніе: кратокъ во цвѣтѣ
Былъ его вѣкъ, Теламонова сына копьемъ пресѣченный.

Онъ устремлялся впередъ, какъ его поразилъ Теламонидъ
Въ грудь близъ деснаго сосца; на другую страну черезъ рамо
Вышло копье: и на землю нечистую палъ онъ, какъ тополь,
Влажнаго луга питомецъ, при блатѣ великомъ возросшій,
Ровенъ и чистъ, на единой вершинѣ раскинувшій вѣтви,:
Тополь, который избравъ колесничникъ, желѣзомъ блестящимъ
Сѣкъ, чтобъ въ колеса его для прекрасной согнуть колесницы:
Въ прахѣ лежитъ онъ и сохнетъ на брегѣ роднаго потока:
Юный таковъ Симоисій лежалъ, обнаженный доспѣховъ
Мощнымъ Аяксомъ: въ Аякса же вдругъ Пріамидъ пестролатный

Антифъ, намѣтя межъ толпища, пикою острой ударилъ;
Но промахнулся; она Одиссеева добраго друга,
Левка ударила въ пахъ, увлекавшаго мертвое тѣло:
Вырвалось тѣло изъ рукъ, и упалъ онъ близъ мертваго мертвый.
Гнѣвомъ герой Одиссей за его пораженнаго вспыхнулъ;
Выступилъ дальше переднихъ, колебля сверкающей мѣдью;
Къ тѣлу приближася сталъ, и кругомъ оглянувшися, мощно
Ринулъ блистающій дротъ; отступили враги отъ удара
Мужа могучаго: онъ же копье не напрасное ринулъ:
Демокоона умѣтилъ, побочнаго сына Пріама,
Въ домъ изъ Абида притекшаго, съ паствъ кобылицъ легконогихъ.
Пикой его Лаэртидъ, раздраженный за друга, умѣтилъ
Прямо въ високъ: на другую страну сквозь високъ просверкнула
Острая пика; и тьма Пріамидовы очи покрыла;
Съ шумомъ на долъ онъ упалъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Вспять подались и переднихъ ряды и божественный Гекторъ;
Громко вскричали Ахеянъ сыны, и похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились впередъ; Аполлонъ раздражился,
Смотря съ Пергамскихъ высотъ, и воскликнулъ, Троянъ возбуждая:

«Конники Трои, впередъ! не давайте вы браннаго поля
«Гордымъ Ахейцамъ; ихъ груди не камень, тѣла не желѣзо,
«Чтобы мѣди удары, пронзающей тѣло, ничтожить.
«Днесь и Пелидъ не воинствуетъ, сынъ лѣпокудрой Θетиды:
«Онъ предъ судами гнѣвъ, сокрушительный сердцу, питаетъ.

Такъ имъ изъ града гремѣлъ онъ ужасный; но воевъ Ахейскихъ
Зевсова славная дочь, Тритогенія духъ возбуждала,
Быстро носясь по толпамъ, гдѣ медлительныхъ видѣла воевъ.
Тутъ Амаринкова сына, Діора судьба оковала:
Камнемъ онъ былъ пораженъ рукометнымъ, жестоко зубристымъ

Въ правую голень: его поразилъ предводитель Өракіянъ,
Пиросъ герой, Имбразидъ, къ Иліону изъ Эны притекшій.
Обѣ на голени жилы и кость раздробилъ совершенно
Камень безстыдный; и навзничь, шатаяся, въ прахъ Амаринкидъ
Грянулся, руки дрожащія къ милымъ друзьямъ простирая,
Духъ предающій; а тотъ прилетѣлъ, поразившій Өракіецъ,
Пиросъ могучій, и пику вонзилъ средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся, и мракъ осѣнилъ ему очи.

Пироса бурнаго пикой ударилъ Өоасъ Этоліецъ
Въ перси, выше сосца, и вонзилася въ легкое пика.
Быстро примчался Өоасъ Этоліецъ; могучую пику
Вырвалъ изъ персей Өракійца, и мечь обнаживъ изощренный,
Въ чрево его по срединѣ ударилъ и душу исторгнулъ;
Збруи жъ похитить не могъ: обступала дружина, Өракійцы
Воины съ чубомъ на маковкѣ, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни былъ огроменъ, и крѣпокъ, и мужествомъ славенъ,
Прогнанъ Өоасъ; и назадъ отступилъ, поколебанный силой.
Такъ по кровавому праху, одинъ близь другаго простерлись,
Копьями грозныхъ Өракіянъ и мѣдно-оружныхъ Эпеянъ
Два воеводы, и окрестъ ихъ многіе пали другіе.

Дѣлу сему не хулу произнесъ бы свидѣтель присущій,
Еслибъ, еще невредимый, нераненный острою мѣдью,
Онъ среди боя вращался, и еслибъ Аѳины Паллады
Дланію былъ предводимъ и отъ ярости стрѣлъ охраняемъ.
Много и храбрыхъ Троянъ и могучихъ Данаевъ въ день оный
Ницъ, по кровавому праху, простерлося другъ подлѣ друга.

Наступилъ десятый годъ войны, а городъ все еще не былъ взятъ. Только смерть Патрокла побудила Ахилла принять дѣятельное участіе въ битвахъ.

Словно какъ вепря могучаго пламенный левъ побѣждаетъ,
Если на горной вершинѣ сражаются, гордые оба.
Возлѣ ручья маловоднаго, жадные оба напиться;
Вепря, уже задыхавшагось, силою левъ побѣждаетъ:

Такъ Менетида героя, уже погубившаго многихъ,
Гекторъ великій копьемъ низложилъ и душу исторгнулъ,

Тогда гнѣву Ахилла не было границъ. Наконецъ онъ поражаетъ Гектора, обогнавши его три раза вокругъ городской стѣны.

....Какъ звѣзда межъ звѣздами въ сумракѣ ночи сіяетъ,
Гесперъ, который на небѣ прекраснѣе всѣхъ и свѣтлѣе:
Такъ у Пелида сверкало копье изощренное, коимъ
Въ правой рукѣ потрясалъ онъ, Гектора жизнь умышляя,
Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
Но у героя все тѣло доспѣхъ покрывалъ мѣдноковный,
Пышный, который похитилъ онъ, мощь одолѣвши Патрокла.
Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ, гортани
Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душѣ неизбѣжна:
Тамъ налетѣвши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида.

Потомъ потащилъ онъ за собою трупъ убитаго героя:

Самъ на обѣихъ ногахъ прокололъ ему жилы сухія,
Сзади отъ пятъ и до глезнъ, и продѣвши ремни, къ колесницѣ
Тѣло его привязалъ, а главу волочиться оставилъ;
Сталъ въ колесницу, и пышный доспѣхъ возвращенный поднявши,
Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушные кони.
Прахъ отъ влекомаго вьется столпомъ; по землѣ растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Пріамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а нынѣ врагамъ Олимпіецъ
Далъ опозорить ее на родимой землѣ Иліонской!

Наконецъ Ахиллъ отдаетъ старцу Пріаму трупъ убитаго сына, котораго служанки омыли, намастили масломъ, покрыли драгоцѣнною тканью; а самъ Ахиллъ положилъ его на приготовленное ложе. На погребеніе Гектора дано Троянцамъ девятидневное перемиріе.

Затѣмъ Одиссею и Діомиду удалось незамѣтно пробраться

въ Трою и похитить статую богини, защитницы города (Палладіумъ). Тогда наступилъ часъ паденія города. По предложенію хитраго Одиссея приготовленъ былъ деревянный конь, въ которомъ скрылась часть вооруженныхъ воиновъ. Троянцы прельстились предложеніемъ Грека Синона ввести коня, въ качествѣ новаго Палладіума, въ городъ. Ночью вооруженные Греки вышли изъ брюха лошади, зажгли городъ, отворили ворота другимъ Грекамъ, спѣшившимъ съ кораблей къ городу, и Троя была завоевана. Только немногіе изъ Троянцевъ спаслись бѣгствомъ въ Италію, подъ предводительствомъ Энея.

СПАРТА И МЕССЕНІЯ.

Уже много лѣтъ тянулась война между спартанцами и мессенцами, и все не удавалось первымъ покорить Мессенію. Правда, спартанцы во время одного ночнаго нападенія успѣли врасплохъ захватить мессенскую пограничную крѣпость Амфею, но сраженіе при Стеникларосѣ осталось нерѣшительнымъ для обѣихъ сторонъ. Тогда мессенцы прибѣгнули къ послѣднему средству обороны противъ враговъ: они оставили почти всѣ города и деревни своей страны и удалились въ лѣсистыя горы Итоме, которыя находились въ срединѣ ихъ страны. Здѣсь съ давнихъ поръ стоялъ маленькій городъ, близъ котораго находился всѣми чтимый храмъ Зевеса; они обнесли городъ крѣпкими стѣнами и ждали нападенія отъ спартанцевъ.

Спартанцы невдругъ рѣшились напасть на городъ, и мессенцы пользуясь временемъ, обратились съ вопросомъ къ Дельфійскому оракулу. Они послали одного знатнаго мужа, который славился даромъ предсказаній, въ Дельфы, съ тѣмъ чтобы онъ спросилъ Пиѳію, какимъ образомъ можно имъ спасти свой городъ. Онъ исполнилъ возложенное на него порученіе, но на возвратномъ пути спартанцы напали на него. Тяжело раненый, съ большимъ трудомъ успѣлъ онъ убѣжать. Онъ сообщилъ изреченіе оракула царю Евфею и скоро затѣмъ умеръ.

* *
*

Спустя нѣсколько дней рано утромъ царскіе глашатаи кликнули народу, чтобы онъ собирался. Когда приглашонные явились, предсталъ Евфей и долженъ былъ объявить изреченіе оракула, отъ котораго зависѣла будущая судьба страны. Съ важнымъ видомъ выступилъ царь предъ своимъ народомъ, въ его лицѣ замѣтна была борьба чувствъ; трудно было ему высказать страшный приговоръ оракула: принесите въ жертву, проговорилъ онъ, богамъ преисподней, въ мрачной ночи живущимъ, жребіемъ избранную дѣвицу изъ рода Эпита.

Глухой ропотъ прошолъ по собранію, когда оно выслушало такое жаждущее крови требованіе.

«Если же это невозможно, прибавилъ оракулъ, то принесите въ жертву дѣвицу изъ такого рода, который происходитъ изъ того же дома, и которую добровольно согласятся родители отдать въ жертву. Если это сдѣлаете, будете побѣдителями въ войнѣ и получите верхъ надъ врагомъ».

Пусть будетъ такъ, какъ угодно оракулу! воскликнула толпа. Тогда царь приказалъ принести урну и смѣшать жребіи. Всѣ дѣвицы, родственныя съ домомъ Эпита, при-

нуждены были подчиниться жребію. Встряхнули урну, и ужасный жребій палъ на дочь Ликискоса.

Дѣвушка была силою исторгнута изъ рукъ отца, который хотѣлъ защищать ее и представлена царю, который долженъ былъ опредѣлить, когда и какъ слѣдуетъ принести жертву. Вдругъ пробивается сквозь толпу одинъ жрецъ, Эпеболосъ, и проситъ, чтобы его выслушали.

«Эта дѣвушка, говоритъ онъ, не Ликискоса дочь, она не изъ рода Эпита. Умершая супруга Ликискоса, которая была бездѣтна, приняла дѣвочку, какъ хорошенькое дитя, изъ рукъ чужаго человѣка и скрыла ея происхожденіе, выдавая ее за свою дочь.

«Можешь ли ты подтвердить это свидѣтельствами?» спросилъ король.

«Могу,» отвѣчалъ жрецъ.

«Ступай же и представь!» приказалъ Евфей.

Эпеболосъ удалился исполнить приказаніе правителя; народъ собирался въ кружки и разсуждалъ о такомъ важномъ случаѣ.

Спустя нѣсколько времени жрецъ возвратился съ доказательствами справедливости его рѣчей. Не смотря на то, народъ съ неистовствомъ требовалъ принесенія въ жертву дѣвицы. Но гдѣ она? Она исчезла и никто не зналъ, куда дѣвалась. Впослѣдствіи уже узнали, что Ликискосъ увелъ ее тайно и бѣжалъ съ нею въ лагерь къ спартанцамъ.

Что теперь дѣлать? Безпокойство и страхъ предъ гнѣвомъ боговъ овладѣли мессенцами. Изреченіе оракула должно быть исполнено, всѣ того желали. «Если невозможно принести въ жертву избранную жребіемъ дѣвицу, такъ принесите принадлежащую тому, кто добровольно согласится на это». Кто имѣетъ столько мужества, у кого есть столько самопожертвованія, чтобы пожертвовать собственною дочерью для блага отечества?

Аристодемъ изъ рода Эпиптеровъ беретъ за руку свою дочь и ведетъ ее къ царю:

«Возьми ее, говоритъ онъ, она моя дочь.»

Тутъ проталкивается сквозь толпу одинъ юноша, и восклицаетъ:

«Она моя невѣста; отецъ больше не имѣетъ надъ нею правъ.»

Съ этими словами вырываетъ онъ дѣвушку и обнажаетъ мечъ, чтобы защищать ее противъ всякаго нападенія.

Отецъ стоялъ нѣкоторое время въ нерѣшительности, что дѣлать, онъ сдерживаетъ порывъ гнѣва. Потомъ, внезапно вынимаетъ мечъ, хватаетъ дочь и вонзаетъ оружіе въ грудь дочери. Умирающая падаетъ къ его ногамъ, — страшная жертва принесена!

* * *

На много лѣтъ война замолкла. Послѣ смерти царя Евфея, Аристодемъ избранъ былъ въ цари. При подошвѣ горы Итоме онъ выигралъ у спартанцевъ сраженіе, что однако не заставило ихъ прекратить непріятельскія дѣйствія. Уже 19 лѣтъ прошло съ начала войны, и царь рѣшился обратиться къ дельфійскому оракулу. Отвѣтъ Пиѳіи былъ слѣдующій: Боги судили даровать побѣду тому изъ народовъ, ведущихъ войну, который прежде поставитъ у алтаря Зевса въ Итомѣ 100 треножниковъ. Съ радостными кликами выслушали мессенцы такой отвѣтъ; кто кромѣ ихъ могъ это исполнить, ибо храмъ Зевеса итомскаго находился у нихъ въ городѣ. Скоро взялись они усердно приготовлять треножники. Такъ какъ у нихъ недоставало мѣди, которую они издержали на приготовленіе оружія, начали они приготовлять деревянные треножники, но не торопились работой, зная напередъ, что никто раньше ихъ не придетъ съ треножниками. Но они ошиблись.

Изреченіе оракула дошло до спартанцевъ, и въ то время, когда они еще совѣщались, какъ бы ухитриться этимъ дѣломъ, поставить сто треножниковъ на указанное мѣсто, — одному изъ нихъ удалось исполнить это важное дѣло безъ вѣдома своихъ соотчичей.

Рано утромъ, когда толпа мессенскихъ крестьянъ отправлялась въ Итоме, чтобы продать тамъ свои овощи и плоды, къ нимъ присоединился никѣмъ неузнанный спартанецъ Эбалюсъ въ одеждѣ охотника. Вмѣсто дичи, которую, какъ полагали крестьяне, онъ несъ въ своемъ охотничьемъ мѣшкѣ, у него въ немъ находилось 100 треножниковъ, которые онъ сдѣлалъ изъ простой глины. Такъ пришолъ онъ въ Итоме, и тамъ скрывался до наступленія ночи. Тогда пробрался онъ въ храмъ Зевеса, и никѣмъ незамѣченный поставилъ свои треножники у алтаря. Сдѣлавши это, онъ удалился, вышелъ счастливо изъ города и возвратился въ лагерь спартанскій, гдѣ и разсказалъ о томъ, что онъ сдѣлалъ. Онъ удостоился отъ своихъ согражданъ торжественнаго пріема; всѣ прославляли его мужество и умъ.

Утромъ на слѣдующій день пришли въ храмъ жрецы и увидѣли, что случилось. Полные смущенія поспѣшили они къ царю, и принесли ему не добро обѣщающую вѣсть. Царь старался успокоить ихъ, а когда народъ узналъ о случившемся и въ страхѣ предъ несчастнымъ предзнаменованіемъ стремился къ храму Зевеса, чтобы убѣдиться въ достовѣрности страшнаго извѣстія, удалось царю успокоить и народъ. Онъ уговорилъ жителей Итоме поставить у алтаря Зевеса и свои деревянные треножники.

Скоро однако и онъ потерялъ всякую надежду, потому что то, о чемъ никто уже не думалъ, чего никто не ожидалъ, прежнее изреченіе жрицы дельѳійской начало сбываться. Она сказала, что «непріятели тогда окружатъ стѣны Итоме, когда судьба избавитъ двухъ отъ ихъ темной оболочки; тогда священный свѣтъ дня увидитъ паденіе Мессеніи,

когда возвратится къ прежней судьбѣ то, что измѣнило свое существо».

* * *

Задумчивый царь сидѣлъ въ своемъ покоѣ. Тяжкія предчувствія наполняли его душу. Правда, онъ нѣсколько успокоилъ свой народъ, но не успокоилъ своей души; ему казалось, что нужно ожидать такого горя, какого еще не было. Тогда вошолъ въ его покой вѣстникъ, который принесъ страшную вѣсть. Слѣпорожденный вѣщатель Офіонеусъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, но неожиданно получилъ прозрѣніе своихъ очей. Темное изреченіе оракула начало приходить въ исполненіе: «судьба избавила двухъ отъ ихъ мрачной оболочки».

Въ ужасѣ Аристодемъ вскочилъ съ своего мраморнаго кресла: первая половина грознаго предсказанія исполнилась, теперь нужно ждать исполненія второй половины. За однимъ безпокойнымъ извѣстіемъ слѣдовало другое: у мѣдной статуи Артемиды въ Итоме отвалился щитъ; назначенные царемъ въ жертву бараны сами себя умертвили, сначала обивъ рога свои объ алтарь; всѣ собаки города собрались въ городѣ на одномъ мѣстѣ, подняли страшный вой и потомъ убѣжали въ лагерь спартанцевъ. Этого уже не могъ вынести прежде столь смѣлый царь. Мучимый скорбію, ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, наконецъ истощенный упалъ, имъ овладѣлъ глубокій сонъ. Слуги снесли его на постель, но и здѣсь скорбная душа его не имѣла покоя. Сонныя видѣнія умножали его душевную болѣзнь.

Ему снилось, что онъ стоитъ опоясанный на битву, въ полномъ блестящемъ вооруженіи, предъ столомъ, на которомъ лежатъ внутренности жертвенныхъ животныхъ, по которымъ вѣщій глазъ жреца долженъ прозрѣть въ будущее. Тогда приблизилась къ царю блѣдная женская фигура,

закутанная въ мрачныя одежды, съ широко раскрытою раною на груди. Царь узналъ въ ней свою дочь, умерщвленную имъ. Она подошла къ столу и бросила съ него внутренности жертвенныхъ животныхъ. Она приблизилась къ отцу, ея мутные глаза нѣжно остановились и покоились на лицѣ отца; онъ хотѣлъ бѣжать, но не могъ и стоялъ, какъ прикованный. Дочь сняла съ него вооруженіе, и онъ дозволилъ ей совершить это безъ сопротивленія. Потомъ она возложила на голову отца золотой вѣнецъ и надѣла на него бѣлую одежду, и потомъ исчезла.

Аристодемъ проснулся. Сонъ глубоко напечатлѣлся въ его душѣ, — чтобы онъ могъ значить? Появленіе умершей, ея нѣжный взоръ, какъ бы манящій отца къ себѣ, золотой вѣнецъ, бѣлая одежда — такъ обыкновенно украшали тѣло умершихъ знатныхъ мессенцевъ—мрачныя предчувствія возстали въ душѣ царя; онъ не сомнѣвался больше въ томъ, что сонъ указываетъ на близкую его смерть.

Онъ всталъ и позвалъ слугъ. Тогда одинъ изъ нихъ доложилъ, что жрецъ ожидаетъ царя и желаетъ передать ему нѣкое извѣстіе. Онъ вошолъ и разсказалъ дрожащимъ голосомъ, что вѣщатель Офіонеусъ опять потерялъ зрѣніе и опять сдѣлался слѣпъ, какъ и прежде.

Царь едва стоялъ на мѣстѣ, колѣни его подгибались, голова кружилась. Онъ опустился въ свое мраморное сѣдалище, его предчувствія исполнились, потому что теперь вторая половина таинственнаго изреченія Пиѳіи исполнилась: «возвратилось къ своей прежней судьбѣ то, что перемѣнило свое существо.» Пришолъ часъ, когда по волѣ боговъ должна была пасть Мессенія.

Этого было для царя слишкомъ много. Долженъ ли онъ видѣть паденіе своего города? Могъ ли онъ пережить часъ, когда народъ его будетъ обращенъ въ рабство спартанцевъ? Онъ отпустилъ жреца и остался одинъ.

Онъ встаетъ и быстрыми шагами ходитъ по комнатѣ, по-

томъ останавливается. Отечество ему дороже всего; цѣлью всей жизни его было отстоять его свободу отъ чужеземнаго ига. Для этой цѣли онъ не щадилъ жизни, неустрашимо бросался въ пылъ битвы, для нея онъ пожертвовалъ дочерью, когда того потребовалъ оракулъ. И все это тщетно, гнѣвъ боговъ не щадитъ, страшно царитъ надо всѣмъ неизбѣжный рокъ. Паденіе Мессеніи рѣшено. Уже царю слышатся дикіе торжественные крики побѣдоносныхъ враговъ, слышатся ему восклицанія идущихъ въ городъ, тѣснящихся въ крѣпость. Все потеряно, нѣтъ больше спасенія. Въ отчаяніи хватаетъ онъ мечъ изъ за пояса, и вонзаетъ его себѣ въ грудь; съ хрипомъ падаетъ онъ на землю, смертная блѣдность разливается по лицу. Прибѣжавшіе слуги нашли его бездушнымъ.

* *
*

Скоро послѣ этого, при новоизбранномъ царѣ, Дамисѣ, Итоме взятъ былъ спартанцами. Одна часть мессенцевъ бѣжала въ горы, большая часть обращена побѣдителями въ рабство. Новыя войны, вспыхнувшія послѣ кратковременнаго мира, кончились полнѣйшимъ порабощеніемъ мессенцевъ спартанцами, которые и раздѣлили между собою завоеванную землю.

МАРАѲОНЪ.

Между разными городами Греціи Аѳины уже съ раннихъ поръ начали стремиться къ первенству, чего отчасти и достигли. Управляемые сначала царями изъ рода Тезея, они скоро уничтожили эту власть, противъ которой были частыя возстанія; на мѣсто ея выступили знатные, но не надолго; скоро народъ принялъ на себя бремя правленія. Около половины шестаго вѣка до Р. Х. народъ аѳинскій имѣлъ въ своихъ рукахъ все управленіе, и когда около 500 г. греческія колоніи въ Малой Азіи, покоренныя Персами, возмутились противъ чужаго ига, Аѳиняне оказали имъ свою помощь.

Тогда Персидскій царь Дарій рѣшился покорить Аѳины. Онъ снарядилъ флотъ и значительное сухопутное войско; начальство надъ тѣмъ и другимъ онъ ввѣрилъ своему зятю Мардонію. Но флотъ разбитъ былъ бурею у горы Аѳонской; погибло триста кораблей и 20,000 дессанта. Мардоній съ сухопутнымъ войскомъ завоевалъ Македонію, но въ войнѣ съ ѳракійцами былъ раненъ, и возвратился домой съ жалкими остатками войска и флота.

Раздраженный такою неудачею, Дарій снарядилъ новый флотъ, и послалъ въ 492 г. до Р. Х. оный съ сухопутнымъ войскомъ подъ начальствомъ мидянина Датиса и царскаго племянника Артаферна въ Грецію. Шестьсотъ кораблей высадили войска на островъ Эвбею, гдѣ послѣ шестидневной осады взятъ былъ ими городъ Эретрія; городъ былъ сожженъ, народонаселеніе въ оковахъ отправлено было въ Ассирію. Послѣ такой побѣды персидскіе полководцы дви-

нулись противъ Аѳинъ. Они высадили 100,000 пѣхоты и 1000 всадниковъ на равнинѣ мараѳонской, въ области Аттики.

Когда это извѣстіе достигло Аѳинъ, жители города были въ страшномъ смятеніи. Послали пословъ въ Спарту съ просьбою скорой помощи. Спартанцы однако по религіознымъ причинамъ не могли выступить въ походъ раньше полполунія, до котораго оставалось нѣсколько дней. Между тѣмъ опасность была предъ глазами; всякое замедленіе давало непріятелю возможность, если только не будетъ прегражденъ ему путь при Мараѳонѣ, овладѣть всею Греціею, и прежде всего Аттикою. Греки могли выставить въ скорости противъ Персовъ только 10,000 аѳинянъ и 1,000 платейцевъ.

* * *

Мараѳонъ—это небольшое мѣстечко на равнинѣ, лежащей на сѣверовостокѣ Аттики, въ шести часахъ разстоянія отъ Аѳинъ, напротивъ далекопротянувшагося острова Эвбеи. На сѣверозападѣ и юговостокѣ равнина замыкается лѣсистыми горными возвышеніями; на востокѣ волны пролива, отдѣляющаго берега Аттики отъ Эвбеи, разбиваются о скалистые берега. Море здѣсь глубоко, берега такъ мало пологи, что корабли удобно могутъ приставать и становиться на якорь. Противъ стороны, омываемой моремъ, на югозападѣ, находится единственный свободный выходъ, ведущій далѣе въ Грецію.

Ясное утро разливало свѣтъ по этому довольно широкому горному проходу, когда небольшой отрядъ грековъ занялъ этотъ проходъ, помѣстившись здѣсь лицомъ къ морю, спиною къ выходу. Еще солнце не взошло, а десять военачальниковъ уже готовили войска къ битвѣ. Каждый военачальникъ начальствовалъ надъ всѣмъ войскомъ одинъ день,

потомъ передавалъ команду другому: на этотъ разъ всѣ они уступили команду опытнѣйшему и храбрѣйшему между ними Мильтіаду, а этотъ все таки выжидалъ дня, когда и безъ уступки на его долю выпадало начальствованіе надъ войскомъ.

Боевая линія грековъ примыкала правымъ и лѣвымъ крыломъ къ горамъ. При значительномъ пространствѣ равнины, войска должны были растянуться по ней, и центръ поэтому не могъ быть довольно силенъ, тогда какъ фланги были подъ прикрытіемъ лѣсныхъ высотъ. Противъ Грековъ и персы разбили свой лагерь, который также тянулся чрезъ всю равнину. Хорошо вооружонные воины стояли густыми рядами; за ними суда, на которыхъ оставленъ былъ значительный резервъ.

Когда первые лучи утренняго солнца освѣтили вершины горъ, греки совершили торжественное жертвоприношеніе. Кровь убитыхъ жертвенныхъ животныхъ обагрила песокъ равнины, и съ алтарей, приготовленныхъ изъ грубаго камня, пламя, пожиравшее посвященные богамъ куски мяса, высоко поднималось. Рѣшившись дружно побѣдить или умереть, отрядъ приготовился къ геройской битвѣ за отечество. Бѣжать съ поля, показать тылъ непріятелю никто не думалъ, срамъ ожидалъ того, кто поколебался бы въ такой рѣшимости.

По принесеніи жертвы военачальники обошли ряды, Мильтіадъ роздалъ приказанія и далъ знакъ къ нападенію. Сомкнувшись въ плотные ряды, бросились греки на персовъ; сначала они шли тихо, потомъ скорѣе, наконецъ полнымъ бѣгомъ. Персы стояли и выдержали натискъ, они даже прорвали слабый центръ афинянъ, но сильно были стѣснены флангами своихъ противниковъ. Такъ попали они въ средину грековъ, которые теперь со всѣхъ сторонъ такъ сильно ударили на нихъ, что персы, спасшіеся отъ смерти, бѣжали къ берегу на корабли. Греки преслѣдовали бѣгущихъ до

самаго берега, взяли семь кораблей и одержали полную побѣду, такъ что ни одного перса не осталось на греческой землѣ, исключая 6400 человѣкъ, которыхъ трупы вмѣстѣ съ 192-мя трупами греков покрыли мѣсто битвы. Разбитымъ непріятелемъ овладѣлъ такой страхъ, что флотъ, на который онъ перебрался послѣ кровопролитнаго боя, не посмѣлъ больше сдѣлать высадку еще въ какомъ нибудь мѣстѣ Греціи, но поспѣшно удалился въ Азію. Эллада была спасена, мараѳонская побѣда была первымъ памятникомъ греческой храбрости въ борьбѣ съ персами.

* *
*

На другой день мѣсто битвы представляло другой видъ. Послѣ короткаго отдыха побѣдители начали совершать погребеніе павшимъ друзьямъ и врагамъ. Трупы положили на большіе костры; нѣкоторые проливали слезы по убитымъ героямъ. Здѣсь отецъ тащилъ на костеръ своего сына; мучитъ его горе, но успокоиваетъ мысль о геройской смерти, которою онъ умеръ; тамъ между многими, павшими отъ меча, находитъ братъ брата, другъ друга. Щиты, положенные на копья, служили носилками, оружіе, которымъ падшіе побѣдоносно защищали отечество, было оставлено при нихъ; оно было сожжено съ трупами.

Это была трогательная, печальная сцена; за дѣло принялись съ серьезнымъ видомъ, восклицанія, наполнявшія воздухъ послѣ побѣды и отзывавшіяся въ горахъ, замолкли; безмолвно и важно отдавали живые мертвымъ послѣднюю честь.

Вдругъ послышалась вдали военная музыка! Что это значитъ? развѣ ужъ не попытались ли они высадить еще свои войска и это имъ удалось? Не идутъ ли они теперь съ другой стороны, что бы поправить ошибку? Греки стоятъ въ смущеніи нѣкоторое время. Они оставляютъ носилки, стро-

ятся вокругъ своихъ предводителей, въ другой разъ готовые разстаться съ жизнью. Отправлены гонцы узнать о причинѣ. Не долго пришлось ждать; гонцы возвращаются съ извѣстіемъ: «идутъ спартанцы, союзники ихъ.»

«Но что жь такъ поздно? Прошло полнолуніе и они явились, чтобы, если потребуется, положить на вѣсы силу своей храбрости. Ихъ приняли какъ братьевъ, какъ вѣрныхъ союзниковъ и друзей, и спартанцы засвидѣтельствовали на мѣстѣ битвы свою признательность аѳинянамъ и платейцамъ. Послѣ погребенія убитыхъ, оба войска возвратились въ отечество.

КСЕРКСЪ И ЛЕОНИДЪ.

Послѣ смерти Дарія (486 г. до Р. X.) сынъ его и наслѣдникъ Ксерксъ рѣшился покорить Грецію. Собравши опытныхъ въ воинскомъ дѣлѣ мужей изо всѣхъ подвластныхъ ему народовъ въ городѣ Сардахъ, онъ послалъ архитекторовъ и рабочихъ строить на Геллеспонтѣ мостъ, по которому онъ могъ бы перевести свое войско.

На берегахъ Галлеспонта работали тысячи, они приготовляли мостъ. Они валили деревья, распиливали ихъ на балки, толстые канаты изъ пеньки и египетскаго библоса служили для того, чтобы связывать балки; раздавался стукъ топоровъ, далеко слышались удары молота, визжала пила. Надсмотрщики понукали рабочихъ къ бодрой дѣятельности. Съ невообразимыми затрудненіями приходилось имѣть дѣло:

ширина и быстрое теченіе пролива ставили чрезвычайныя препятствія строенію моста; но препятствія были побѣждены и мостъ оконченъ. Отъ Абидоса до пустыннаго берега Херсонеса протянулясь искусственная дорога, по которой персидское войско должно было переправиться чрезъ проливъ.

Отправлены послы для того, чтобы доложить царю, что мостъ готовъ. Узнавъ о томъ, Ксерксъ поднялся съ войскомъ. Но не достигло войско береговъ Геллеспонта, какъ буря разрушила мостъ, дѣло, стоившее большихъ трудовъ. За это высокомѣрный царь велѣлъ наказать Геллеспонтъ плетьми и бросить въ него цѣпи, а надзирателямъ за постройкою моста отрубить головы.

На разстояніи десятковъ верстъ двигалось войско Ксеркса отъ Сардъ по сѣверозападному берегу малой Азіи. Милліонъ семьсотъ тысячъ человѣкъ созвано было подъ оружіе на войну противъ грековъ.

И кто перечтетъ народы, кто назоветъ имена народовъ, которые выслали отряды гордому властителю! Какая смѣсь націй, распространившихся подобно саранчѣ по берегу Малой Азіи, уничтожившихъ на пути все, что имъ попадалось.

Персы и мидяне, два народа одного корня, составляли отборное войско и служили лейбъ-гвардіею царя. Тіара украшала ихъ голову, чешуйчатый камзолъ съ рукавами, похожій на панцырь, покрывалъ грудь и спину; вмѣсто щита они имѣли плетенку; лукъ, дротикъ и кинжалъ служили имъ оружіемъ. Подобнымъ же образомъ вооружены были киссіи и гирканцы, только на головѣ они имѣли шапку. Съ мѣдными шлемами, со щитомъ, копьемъ и мечомъ, съ тяжолыми палками на плечахъ, оковаными въ желѣзо, двигались ассиріяне, полотняный камзолъ покрывалъ верхнюю часть тѣла; скиѳскіе народы въ остроконечныхъ тюрбанахъ, съ легкимъ вооруженіемъ, индійцы, закутанные въ бумажные ткани, бактры съ короткими копьями, парѳяне, согдіанцы тянулись за ассиріянами.

Далѣе съ важностію выступали одѣтые въ мѣховыя платья, вооруженные лукомъ и персидскою саблею, прибрежные жители Каспійскаго моря; въ подобной же одеждѣ съ кинжаломъ за поясомъ тянулись за ними пактіи. Пестрая одежда обвивала плеча сарангов, которыхъ ноги обуты были въ сапоги, достигавшіе колѣнъ; вооруженіе ихъ состояло изъ мидійскаго лука и копій.

Это что за странныя фигуры? Цвѣтъ кожи черный, но расписанный бѣлою и красною краскою, на плечахъ у нихъ кожа льва или пантеры. Лукъ ихъ сдѣланъ изъ пальмоваго дерева, онъ въ четыре локтя длиною; короткія стрѣлы имѣютъ наконечники изъ заостреннаго камня, копья изъ рога антилопы; ко всему этому они имѣютъ дубины. А это кто такіе за ними идущіе, похожіе на первыхъ по виду и цвѣту кожи? кожа съ лошадиной головы украшаетъ ихъ голову, высоко стоятъ лошадиныя уши на ихъ темени, назади развѣвается грива, вмѣсто щита у нихъ журавлиная кожа. Это жители Эѳіопіи, которые однимъ видомъ своимъ въ состояніи навести страхъ на непріятеля. За ними слѣдуютъ туземцы ливійскихъ степей въ кожаной одеждѣ, вооружонные дротиками, которыхъ концы закалены въ огнѣ.

Далѣе идутъ малоазійскіе народы, пафлагоняне въ полусапогахъ, съ легкими щитами и копьями, на головѣ плетеный шлемъ; лидійцы, одѣтые и вооружонные подобно грекамъ; мизійцы, съ короткимъ закаленнымъ на концѣ дротикомъ и многіе другіе.

Оригинальнѣе одѣты ѳракійцы, у нихъ на головѣ лисья шкура, на тѣлѣ кожа, вывороченная мѣхомъ наружу, на ногахъ сапоги изъ кожи олевьей; оружіе ихъ состоитъ изъ щита, метательнаго копья и кинжала. Еще болѣе привлекаютъ вниманіе халибы; мѣдный шлемъ ихъ украшенъ бычачьими рогами и ушами, сдѣланными изъ мѣди; между ними выдается султанъ изъ перьевъ; вокругъ голеней красныя обшивки; въ лѣвой рукѣ щитъ изъ бычачьей кожи, въ пра-

вой копье. Голова покрыта шапочкою у народа, слѣдующаго за халибами, одежда ихъ держится на плечахъ одною пряжкою, оружіе ихъ копье и лукъ: это мизяне. Не скоро перечтешь народы, составлявшіе громадное войско персидскаго царя; мосхи и тибаряне, макроны и мосинюки, мары и колхи, саспейры и другіе скиөы находились въ войскѣ.

Кромѣ названныхъ народовъ, составлявшихъ пѣхоту, сильная конница сопровождала сухопутное войско. Сагартіи выставили восемь тысячъ всадниковъ, которые, будучи пастухами, не имѣли ни меча, ни копья, но одинъ кинжалъ, и сплетенный изъ ремней, снабжонный петлею лассо (арканъ), который они бросали на непріятеля. Бактры, лидійцы, киссіи, мидяне и другіе народы доставили многочисленную кавалерію. Но отъ всѣхъ отличались арабы, смуглые сыны пустыни. Они ѣхали не на лошадяхъ, а на верблюдахъ, которые были быстрѣе лошади. Рядомъ съ ними шла персидская конница въ блестящемъ вооруженіи; лошади здѣсь были такія же отборныя, какъ и всадники. Къ этой кавалеріи присоединилась еще часть индійскихъ боевыхъ колесницъ, запряжонныхъ частію лошадьми, частію дикими ослами.

Какая смѣсь людей и животныхъ! Число лошадей простиралось до 80 тысячъ, кромѣ верблюдовъ, лошадей и ословъ, которые везли багажъ, и другаго вьючнаго скота. Половина пѣхоты отряжена была на прикрытіе огромнаго обоза, который везъ припасы, въ которыхъ нуждалось столь многочисленное войско, предпринявшее походъ, довольно дальній. Она составляла передовое войско. Въ центрѣ находился самъ царь съ своею лейбъ-гвардіею и своими спутниками. Сначала шла тысяча всадниковъ изъ лучшихъ и отборныхъ персовъ, которые несли копья, опустивъ концы оныхъ низко къ землѣ. За ними вели десять коней хорошей масти и богато убранныхъ,—это были священныя животныя, служившія богамъ; они выросли въ Низейской области въ Мидіи. За ними слѣдовала колесница боговъ, которую везли восемь

бѣлыхъ коней; у повода каждаго коня приставленъ былъ слуга, потому что никто не долженъ былъ касаться колесницы и коней. За этою колесницею слѣдовала колесница Ксеркса, запряжонная Низейскими конями. Въ ясную погоду царь ѣхалъ въ открытой колесницѣ, въ дождливую въ закрытой. Тысяча персидскихъ всадниковъ изъ благороднѣйшихъ фамилій, окружонная десятью тысячами другихъ персидскихъ всадниковъ, слѣдовала за колесницею; изъ нихъ девять тысячъ имѣли копья, нижній конецъ которыхъ украшала серебряная граната, копья остальной тысячи украшены были золотыми гранатами. За ними слѣдовало еще десять тысячъ всадниковъ безъ особенныхъ знаковъ отличія. Потомъ на значительномъ разстояніи шла другая половина всего войска, наконецъ арабская кавалерія на своихъ верблюдахъ, которыхъ пугались лошади, какъ только увидятъ ихъ.

Когда эта пестрая масса медленно подвигалась изъ Сардъ къ Абидосу, царскіе вѣстники посланы были впередъ съ повелѣніемъ построить другой мостъ. Кажется, что на этотъ разъ дѣло повели обстоятельнѣе, потому что новый мостъ былъ чѣмъ-то въ родѣ понтоннаго моста.

Трехъярусные корабли и пятидесятивесельныя суда были соединены вмѣстѣ; на сѣверной сторонѣ стояло подрядъ 360 судовъ, и 340 на южной сторонѣ. Первые стояли противъ теченія, вторые по теченію. Они стояли на тяжолыхъ якоряхъ, на корабляхъ были натянуты канаты, и на нихъ положены доски, соединенныя веревками одна съ другою. Надъ ними лежалъ слой бревенъ или балокъ, которыя имѣли надъ собою еще слой земли. Наконецъ устроили перила по бокамъ мостовъ, которые укрѣплены были на берегахъ и колебались надъ водою, поддерживаемые двумя рядами судовъ.

Переднія войска достигли Геллеспонта; царь оставилъ средину войска и отправился къ Абидосу. Здѣсь онъ далъ приказаніе начать на слѣдующій день переправу.

Едва загорѣлся востокъ, начались приготовленія къ жертвоприношенію, которое должно было предшествовать переправѣ. Путь усыпанъ былъ миртами, высокіе сосуды для куреній поставлены у мостовъ, возжонный еиміамъ бѣлыми облаками поднялся къ небу.

Трубные звуки возвѣщаютъ прибытіе царя. Вотъ онъ ѣдетъ въ золотомъ облаченіи, окруженный знатью своего царства, князьями, покорными его волѣ, своими тѣлохранителями, отборными войсками.

Тогда вышло солнце изъ золотыхъ воротъ утренней зари и разлило блистательный свѣтъ по землѣ. Загорѣлись горы, замерцали лѣсныя вершины, засверкали алмазами катящіяся одна за другою морскія волны. Среди жрецовъ, стоящихъ на берегу въ широкихъ со многими складками таларахъ (мантіяхъ), выступаетъ царь, верховный жрецъ въ государствѣ, котораго боги надѣлили всѣми дарами. Какъ блеститъ на солнцѣ его золотой шлемъ, какъ гордо взираетъ его глазъ на колеблющіеся мосты, на это диво искусства: никто до него не посмѣлъ и думать, никто не посмѣлъ и послѣ него серьезно думать о соединеніи мостомъ береговъ Европы и Азіи. Дѣло единственное въ своемъ родѣ, и только одинъ владѣтель милліоновъ могъ исполнить его.

Царь беретъ золотую чашу, наполненную виномъ, и совершаетъ возліяніе богамъ. Потомъ онъ произноситъ молитву солнцу, обратившись лицомъ къ восходу. Онъ молится о томъ, чтобы блестящее свѣтило указало ему дорогу къ самымъ отдаленнымъ границамъ Европы, чтобы оно было спутникомъ ему и его войску и отвратило всякое несчастіе. Помолившись, бросаетъ онъ въ Геллеспонтъ золотую чашу, потомъ золотой ковшъ и мечъ.

Потомъ даетъ знакъ для переправы. Безпрерывно семь дней и семь ночей тянется масса людей, животныхъ и колесницъ чрезъ проливъ на берегъ Европы.

* * *

Въ тѣсной долинѣ, которая недалеко отъ берега Малiейскаго залива ведетъ изъ Өессалiи въ Грецiю, стояли на вахтѣ или на стражѣ нѣсколько отрядовъ наскоро собравшихся грековъ, подъ начальствомъ Леонида царя. Онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы войско Ксеркса не наводнило страну неожиданно. Но персидскiй царь, не сомнѣвавшiйся въ побѣдѣ, смотрѣлъ съ презрѣнiемъ на эти отряды, и построилъ на равнинѣ предъ ущельемъ свои лучшiя войска. И кто бы посмѣлъ преградить ему дорогу чрезъ ущелье Өермопилы!

Ущелье между высокими горами, покрытыми дубовымъ лѣсомъ, такъ узко, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одинъ вагонъ съ трудомъ можетъ проѣхать по немъ. А незнающiй страны, не видя плохо замѣтной тропинки, не найдетъ дороги отъ береговъ Сперхiя чрезъ горы въ Локриду.

Триста спартанцевъ составляли надежное войско Леонида, это были отцы семействъ, для которыхъ отечество было всего дороже. Къ нимъ добровольно пристали семьсотъ өеспiйцевъ, а отрядъ өиванцевъ удержалъ Леонидъ при себѣ противъ ихъ воли, потому что они склонялись на сторону персовъ. Остальныхъ союзниковъ, приставшихъ къ нему, но не имѣвшихъ особенной ревности къ войнѣ съ съ персами, Леонидъ отпустилъ домой. Тысячу фокидцевъ онъ поставилъ на горѣ защищать прохожую тропинку. Такъ онъ ждалъ непрiятеля.

Тогда выѣхалъ одинъ персидскiй всадникъ по равнинѣ почти къ самому ущелью, чтобы освѣдомиться о числѣ грековъ. Но послѣднiе не обращали на него вниманiя, и близость его не нарушала ихъ обычныхъ занятiй. Возвратившись къ Ксерксу, онъ только могъ ему сказать: «Греки упра-

жняютъ свои силы въ играхъ и украшаютъ головы вѣнками будто на праздникъ.»

Нѣсколько дней прошло безъ битвы. Ксерксъ расчитывалъ на то, что греки обратятся въ бѣгство. Но не смотря на то, что онъ строилъ войска къ бою на ихъ глазахъ, не смотря на безчисленныя толпы, которыхъ копья затемняли солнце, греки не отступали, — они стояли на мѣстѣ. Наконецъ на пятый день персы сдѣлали нападеніе.

Самое узкое мѣсто ущелья греки загородили стѣною. Напрасно усиливались персы завладѣть ею, трупы надъ трупами ложились передъ нею. Ксерксъ съ возвышенія смотрѣлъ на пораженіе своихъ войскъ, всѣ усилія оставались тщетными. Тогда приказалъ онъ двинуться своимъ храбрѣйшимъ воинамъ; онъ послалъ десять тысячъ, такъ называемыхъ безсмертныхъ. Но и они ничего не могли сдѣлать; нѣсколько разъ вскакивалъ разгнѣванный царь съ своего сѣдалища, смотря на безуспѣшный бой, который кипѣлъ предъ глазами его; но лучшіе воины его цѣлыми массами гибли на мѣстѣ. Два дня продолжалось сраженіе, на третій сцена измѣнилась.

Ночью собрались многочисленныя толпы персовъ на берегу Сперхія, и по указанію одного грека, — Эфіальтъ презрѣнное имя его, пробрались по незамѣтной прежде для нихъ тропинкѣ на горныя высоты. Ночныя тѣни скрывали предательское дѣло, о возможности котораго греки едва смѣли подумать.

Когда наступило утро, фокидцы, державшіе стражу на горѣ, замѣтили враговъ. Сначала они услышали шелестъ листьевъ въ дубовомъ лѣсу. Поспѣшно они собрались и вооружились. Скоро убѣдились они, что это персы. Но вмѣсто того, чтобы съ твердою рѣшимостью противустать врагу, они бѣжали выше на горы, такъ они были поражены неожиданнымъ появленіемъ непріятелей. Послѣдніе продол-

жали далѣе путь, и сошли внизъ на противоположной сторонѣ горы.

Слухъ объ ихъ приближеніи дошолъ до грековъ ранѣе, чѣмъ заперто было грекамъ отступленіе; Леонидъ понималъ, что дѣло его окончательно потеряно, но рѣшился не оставлять своего мѣста. Тотчасъ далъ онъ своимъ повелѣніе завтракать; обѣдъ, говорилъ онъ, намъ будетъ въ царствѣ тѣней. Передъ тѣмъ оракулъ объявилъ, что или Спарта должна быть разрушена, или долженъ умереть одинъ изъ изъ ея царей. Приближался часъ, когда долженствовало исполниться изреченіе Пиѳіи.

Когда солнце вышло изъ за горъ, съ одной стороны спустились съ горъ въ равнину проведенные Эфіальтомъ персы, и стали въ боевой порядокъ въ тылу у грековъ; съ другой стороны также двинулись персы, чтобы напасть на грековъ съ фронта. Леонидъ пошолъ навстрѣчу послѣднимъ, оставивъ ущелье, чтобы въ открытомъ полѣ сразиться съ непріятелемъ.

Завязался жаркій бой, нѣсколько разъ колебались персы отъ нападеній грековъ; предводители персовъ должны были побуждать бѣгущихъ снова биться и идти впередъ. Въ ихъ густыхъ толпахъ свирѣпствовалъ мечъ грековъ, которые хотѣли купить себѣ смерть отчаянною обороною.

Но чѣмъ дальше они удалялись отъ ущелья, тѣмъ сильнѣе персы надвигали въ тылу у нихъ. Такъ они мало по малу были окружены множествомъ враговъ и пали. Еще до наступленія вечера, ихъ геройскіе трупы покрыли поле сраженія, рядомъ съ тысячами убитыхъ непріятелей. Только ѳиванцы въ пылу битвы оставили своихъ союзниковъ, и молили Ксеркса о милости и пощадѣ. Царь наградилъ ихъ по заслугамъ, онъ оставилъ имъ жизнь, но обратилъ въ рабовъ. Съ Аристодемомъ, который одинъ изъ спартанцевъ бѣжалъ съ поля сраженія, никто въ Спартѣ не хотѣлъ кланяться при встрѣчѣ, никто не хотѣлъ дать ему огня.

Поставленный при входѣ въ ущелье мраморный левъ говорилъ позднѣйшимъ поколѣніямъ о славной смерти Леонида, и надгробныя надписи сохранили потомству память о тѣхъ, которые пали здѣсь въ борьбѣ за отечество.

* *
*

По кровавому полю битвы ѣдетъ персидскій царь, въ сопровожденіи блестящей свиты знатнѣйшихъ персовъ. Такъ много пало его воиновъ въ битвѣ съ столь малымъ числомъ грековъ, жизнью столькихъ тысячъ и притомъ измѣною куплена побѣда. Молча ѣдетъ царь съ своею многочисленною свитою среди труповъ своихъ воиновъ, которыхъ приготовляются погребать. Съ глубокой думой на лицѣ, смотритъ онъ вокругъ, не радость побѣды мелькаетъ въ его взорахъ, скорѣе затаенное пламя неудовлетворенной мести.

Такъ достигаетъ онъ мѣста, гдѣ сыны Эллады пали въ бою. Здѣсь сражались первые ряды спартанцевъ, здѣсь ломались надъ ихъ щитами персидскіе дротики, здѣсь разилъ лакедемонскій мечъ. Царь останавливаетъ коня; между доспѣхами убитыхъ, доспѣхи одного привлекаютъ особенное его вниманіе. Онъ приказываетъ поднять убитаго,— и вотъ: Окаменѣлыя черты лица въ борьбѣ съ смертью даютъ лицу страшный видъ. Въ правой рукѣ сильно сжатъ короткій мечъ, лѣвая сомкнута въ кулакъ, безчисленными ранами покрыто все тѣло.

Это спартанскій царь, это геройскій прахъ того, кто предпочелъ смерть рабству чужеземцевъ. Проявилъ ли бы въ подобномъ случаѣ Ксерксъ столько геройскаго мужества? Волнуется его сердце, онъ не можетъ обнять мысли, какъ одинъ онъ рѣшился противустать многимъ тысячамъ. Этотъ одинъ служилъ виною того, что погибло такъ много лучшихъ воиновъ Персіи.

Глаза его разгорѣлись, губы дрожатъ, рука, держащая поводъ коня, трясется. Онъ зоветъ палачей и приказываетъ отрубить голову у трупа Леонида. Еще бросаетъ онъ непріязненный взглядъ на трупъ Леонида, на его искаженное лицо, потомъ поворачиваетъ коня и скачетъ оттуда.

ѲЕМИСТОКЛЪ.

Послѣ пораженія персовъ при Мараѳонѣ, аѳиняне были проникнуты гордымъ сознаніемъ своей побѣды надъ могущественными персами. Какъ посмѣютъ они возобновить войну? Одинъ между ними былъ другаго мнѣнія. Случившееся при Мараѳонѣ не выходило у него изъ головы ни днемъ, ни ночью. Настроенный такимъ образомъ Ѳемистоклъ избѣгалъ друзей, не принималъ участія въ развлеченіяхъ, погруженный въ самого себя думалъ онъ о будущемъ. Въ томъ, что до сихъ поръ происходило, онъ видѣлъ не конецъ, скорѣе лишь начало огромной борьбы.

Когда онъ былъ еще юношею, многіе замѣчали ему, что онъ ничего не понимаетъ въ изящныхъ искусствахъ. Ѳемистоклъ отвѣчалъ имъ: «правда, я не умѣю играть на лирѣ и ударять въ струны лютни, но за то умѣю сдѣлать маленькій и безъизвѣстный городъ великимъ и славнымъ». И сказанное доказалъ на дѣлѣ, когда сдѣлался мужемъ. Исполненный горячею любовью къ отечеству съ юности, равно какъ большимъ честолюбіемъ, отлично даровитый, стремящійся къ тому, чтобы быть первымъ изъ первыхъ, высшимъ

изъ предводителей, онъ пріобрѣталъ постепенно въ народѣ болѣе и болѣе значенія. Но до сихъ поръ ему еще не удавалось пріобрѣсти рѣшительнаго вліянія на дѣла въ народномъ собраніи въ Аѳинахъ; еще не удалось ему править дѣлами государства, чего онъ страстно желалъ.

Въ это время геройская смерть Леонида въ Ѳермопилахъ навела страхъ на аѳинянъ, и вывела ихъ изъ ложнаго положенія. Аѳиняне стали хлопотать о противодѣйствіи персамъ. Войска персовъ приближались къ воротамъ ихъ города, и аѳиняне были не въ состояніи выставить противъ нихъ достаточнаго сухопутнаго войска. Сраженіе морское при Артемизіумѣ осталось нерѣшительнымъ; флотъ грековъ, сильно пострадавшій, долженъ былъ отойти къ Саламину. Аѳинянами овладѣлъ страхъ передъ приближающимся непріятелемъ. Одинъ только зналъ, какъ помочь дѣлу, это Ѳемистоклъ. Онъ совѣтовалъ оставить городъ и на корабляхъ одержать побѣду надъ врагомъ.

Уже и прежде нашествія персовъ, онъ высказывалъ свое убѣжденіе въ томъ, что сила аѳинянъ заключается въ ихъ флотѣ, что богатые доходы съ лавріійскихъ рудниковъ слѣдуетъ употребить на постройку и вооруженіе военныхъ судовъ. Но теперь въ минуту опасности онъ стоялъ съ своимъ мнѣніемъ почти одинъ, сильно колебались аѳиняне послѣдовать его совѣту. Но тутъ вышелъ такой случай.

Въ Аѳинахъ, въ храмѣ акрополя, содержали большую змѣю въ честь богини Аѳины. Каждый мѣсяцъ приготовляли ей въ пищу медовое печенье. Вдругъ жрица, которой поручено было храненіе змѣи, объявляетъ, что печенье осталось нетронутымъ и змѣя исчезла. Это растолковали такимъ образомъ, что богиня, покровительница города, оставила свой городъ и обратилась къ морю; за нею должны послѣдовать и жители. Юный Кимонъ, сынъ Мильтіада, взялъ щитъ Аѳины, и въ сопровожденіи женщинъ, старцевъ, дѣтей и рабовъ отправился къ кораблямъ, которые и перевезли жите-

лей на острова Саламинъ и Эгину, равно и въ гостепріимный городъ Пелопонеса Трецены. Всѣ же мужи аѳинскіе, опытные въ войнѣ остались на корабляхъ, твердо рѣшившись сопротивляться непріятельской силѣ. Разсказываютъ, что при этомъ случаѣ даже домашнія животныя подняли жалостные стоны и бѣжали съ воемъ за удалявшимися изъ города хозяевами. Собака Ксантиппа, Периклова отца, прыгнула въ воду и поплыла за кораблемъ, на которомъ находился ея господинъ. Она достигла Саламина, но такъ истомилась, что тотчасъ упала мертвою. Въ послѣдствіи указывали на мѣсто ея смерти. Такъ-то случилось, что у Саламинскаго пролива сталъ на якорѣ флотъ изъ 378 кораблей, которые принадлежали двадцати двумъ союзнымъ греческимъ государствамъ. Спартанскій царь Эврибіадъ имѣлъ главное начальство надъ флотомъ.

Еще до битвы составился военный совѣтъ, и такъ какъ пришла вѣсть о взятіи Аѳинъ персами, рѣшено было отплыть къ коринѳскому перешейку, и тамъ ожидать нападенія непріятельскаго флота.

* * *

Въ тотъ же день вечеромъ, легкое судно отчалило отъ одного изъ большихъ аѳинскихъ кораблей и проскользнуло по проливу къ борту корабля Эврибіада. Съ этого судна сошелъ Ѳемистоклъ и явился къ главнокомандующему флота. Онъ не одобрялъ рѣшенія оставить Саламинъ. Потомъ возвратившись на свой корабль, онъ говорилъ съ своимъ другомъ, по имени Мнезифиломъ, который настойчиво просилъ его убѣдить Эврибіада, что лучше оставить флотъ въ саламинскомъ проливѣ, чѣмъ удаляться къ Коринѳу. Ѳемистоклъ хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы подѣйствовать на Эврибіада. Онъ убѣдилъ его созвать еще разъ предводителей греческаго флота на совѣтъ, что и сбылось.

Когда собрались начальствующіе во флотѣ, Ѳемистоклъ краснорѣчиво убѣждалъ ихъ въ необходимости оставаться у Саламина и тутъ ожидать нападенія непріятелей, или даже напасть на непріятелей, когда они приблизятся. Только такимъ образомъ можно разсчитывать на побѣду.

Адеймантосъ, предводитель кориноянъ, замѣтилъ Ѳемистоклу: «въ военное время розги достаются тѣмъ, кто не въ свое время подымается съ своимъ мнѣніемъ».

Ѳемистоклъ отвѣчалъ: «не заслужатъ вѣнка и тѣ, которые остаются молчащими». Еще разъ постарался онъ представить всѣ выгоды своего плана войны. Въ заключеніе онъ сказалъ Эврибіаду:

«Если ты останешься здѣсь и тѣмъ засвидѣтельствуешь, что ты храбрый человѣкъ, такъ—хорошо; если же ты оставишь это мѣсто, ты погубишь Грецію. Наша главная сила— корабли, которыхъ у однихъ насъ аѳинянъ двѣсти. Если же ты не примешь нашего совѣта, то мы возьмемъ нашихъ сожителей на корабли и отправимся съ ними въ Италію въ Сирисъ, принадлежащій намъ съ давнихъ поръ и тамъ поселимся. А вы, оставшись одни, послѣ вспомяните о моихъ словахъ». Тогда Эврибіадъ и другіе вожди склонились на сторону Ѳемистокла и рѣшились остаться при Саламинѣ.

* *
*

Между тѣмъ и Ксерксъ составилъ также военный совѣтъ. Флотъ его стоялъ на якорѣ у Фалерона, и здѣсь царь, къ побѣдоносному войску котораго присоединились многіе народы, вступилъ на корабль и созвалъ вокругъ себя предводителей. На высокомъ, роскошно убранномъ тронѣ возсѣдалъ великій царь; у ногъ его князья и военачальники, готовые исполнять его волю. Должность герольда исполнялъ Мардоній. По одному мановенію царя, отбиралъ онъ отвѣты отъ князей. Всѣ согласны были съ тѣмъ мнѣніемъ, что царь

можетъ дать сраженіе. Только царица Каріи, Артемизія, которая предводительствовала пятью кораблями, была противнаго мнѣнія.

«Побереги свои корабли, царь, говорила она, и не рѣшайся скоро на битву. Эти эллины на столько превосходятъ твоихъ людей, на сколько мужи превосходятъ женъ. Кромѣ того, греки не будутъ въ состояніи долго держаться на мѣстѣ, потому что у нихъ мало съѣстныхъ припасовъ, — и если ты обратишься съ войскомъ на Пелопонесъ, то они скоро разсѣятся съ своими кораблями. Къ тому подумай: отличные люди часто имѣютъ плохихъ слугъ, а худые люди превосходныхъ. Но ты самый лучшій между смертными!»

Ксерксъ похвалилъ умный совѣтъ храброй женщины, но уступилъ настойчивости остальныхъ князей и предводителей войска, и рѣшился сдѣлать нападеніе на флотъ грековъ при Саламинѣ.

* *
*

Какъ только даны были надлежащія приказанія, корабли персовъ снялись съ якоря и поплыли къ Саламину. Здѣсь они стали большимъ полукругомъ предъ входомъ въ проливъ. Солнце зашло уже за полдень, когда греки увидѣли приближающіяся непріятельскія суда. Они шли съ распущенными парусами и построились къ бою. Это была безконечная цѣпь судовъ различной величины, всѣхъ было двѣ тысячи. Примыкая плотно другъ къ другу, носы однихъ судовъ почти упирали въ корму другихъ; корабли непріятеля представляли пловучую стѣну: такъ построились они, наполненные множествомъ воиновъ. Каждый корабль грозилъ гибелью тому, кто бы осмѣлился къ нему приблизиться; казалось невозможнымъ разсчитывать на побѣду въ борьбѣ съ такимъ огромнымъ флотомъ. Эсхилъ, самъ сражавшійся при Сала-

минѣ, превосходно описалъ въ своей трагедіи «Персы» исходъ разгорѣвшагося здѣсь сраженія.

Всей Азіи юная сила
Ушла на чужбину.
Отъ стѣнъ Экбатаны
Изъ Сузы, изъ замка Киссіи древней
Затопили Элладу всадниковъ тучи.
Множество войска и на судахъ,
И пѣшкомъ устремилось въ Элладу
Густою толпой боевою.

Ужь царское войско, города разрушающее,
Проникло въ землю, сосѣднюю съ Азіей,
Счастливо минуя проливъ;
На плотахъ, скрѣпленныхъ канатами,
Оно путь себѣ проложило по зунду
Геллы Атаманты, на выю пучинѣ
Ярмо наложивъ, устроивъ себѣ
Путь многогвоздный.

Ярый царь Азіи многоплеменной
Гонитъ на страну необъятное стадо
По сушѣ и морю,
На вождей полагаясь и сильныхъ и смѣлыхъ,
Гонитъ ихъ богоравный сынъ неба.

Съ яростнымъ взглядомъ дракона
Смертью дышащаго, мчась
На боевой колесницѣ Ассиріи,
Ведетъ онъ Арея многовесельнаго
Тысящеручнаго къ твердынямъ
Мужей искусно копьеносящихъ.

И кто будетъ въ силахъ, кто сможетъ
Стоять противъ потока мужей?
Кто сдержитъ препоною крѣпкою
Необоримыя волны морскія?
Необоримо персидское войско,
Сильный, крѣпкій народъ!

* * *
*

(Вѣстникъ, убѣжавшій съ битвы, доноситъ):

Горе вамъ, города азіятской земли,
Горе тебѣ, страна обширная Персіи,
Куда будто въ гавань стекались богатства!
Все счастье разбито ударомъ однимъ роковымъ;
Увялъ, погибъ весь цвѣтъ Персіи!

Трупами жалко-погибшихъ полны
Берега Саламина и окрестныя страны.
Не пособили и стрѣлы и лукъ,
Погибло все войско, подавлено
Натискомъ бурнымъ вражьихъ судовъ.

Судя по числу, можно бы думать,
Что персы одержатъ побѣду;
У эллиновъ было всего только триста судовъ,
Да десять отборныхъ; но знаю, — у Ксеркса
Было ихъ тысяча, кромѣ двухсотъ и семи
На ходу болѣе легкихъ. Такова была сила!

Будто демонъ какой-то поражалъ наше войско,
Неравную долю судилъ онъ намъ и врагамъ!

Какой-то мужъ изъ войска аѳинянъ
Приходитъ къ царю, а твоему сыну (*)
И говоритъ: «какъ только наступитъ мракъ ночи,
Эллины думаютъ скрыться отъ персовъ;
Тайкомъ побѣгутъ кто на судахъ, а кто и сухимъ путемъ,
Чтобъ только спасти свою жизнь».
А царь, услышавъ объ этомъ, не понимая коварства,—
Видно Эллина боги любили,—тотчасъ повелѣлъ
Корабленачальникамъ: лишь только солнце
Жечь перестанетъ лучами

(*) Вѣстникъ обращается къ Атоссѣ, матери Ксеркса.

И тьма обниметъ область эѳира,
Поставитъ суда въ три ряда, чтобы
Сторожить морскія пути и выходъ залива;
Остальные всѣ корабли велѣлъ онъ разставить
Кругомъ Аяксова острова; смертною казнью
Всѣмъ онъ грозилъ, если эллины, случай удобный нашедши,
Злой судьбы избѣжать, спасаясь тайкомъ.
Такъ повелѣлъ онъ, силамъ своимъ довѣряя не въ мѣру:
Не вѣдалъ онъ, что готовили боги.
Три послушные мужа чинно ужинъ стали готовить;
Принаровивъ къ крюку весло, каждый матросъ
Ремнемъ прикрѣпилъ его къ борту.
И вотъ, когда солнце уже закатилось
И ночь наступила, спѣшатъ на корабль взойти
Каждый; гребцы и воинъ другъ другу вѣсть подаютъ,
Въ порядкѣ плывутъ, какъ указано.
Вожди кораблей проплавали всю ночь,
Къ битвѣ готовя силу морскую Прошла ночь,
Но никто не замѣтилъ, чтобъ эллины
Пытались тайкомъ удариться въ бѣгство.
Когда жъ ясный день, бѣлоконный,
Всю страну освѣтилъ, вдругъ, будто гимнъ
Величавый, раздался кликъ мощный вдали.
То эллины были. Громогласно имъ вторя,
Отозвалось съ береговъ скалистыхъ Аякса
Дальнее эхо. Страхъ на персовъ напалъ,
Надежда ихъ обманула: не думали бѣгству предаться враги,
Высокій гимнъ они пѣли, смѣло на бой выступая.
Звукъ трубный воспламенялъ ихъ сердца
Къ великому мужеству: веслами дружно ударивъ
По волнамъ шумнымъ моря, они понеслись
И скоро всѣ показались предъ нами.
Въ стройномъ порядкѣ неслося впередъ правое
Флота крыло, а за нимъ весь ихъ флотъ.
Тогда мы услышали шумные клики: «О эллиновъ дѣти!
Въ битву стремитесь, спасайте отчизну,
Женъ и дѣтей, спасайте отчизны боговъ
И предковъ гробницы! Все рѣшитъ битва.»
На встрѣчу имъ ропотъ пронесся отъ насъ—
Персидскіе крики. Медлить некогда было.

Вмигъ ударился корабль о корабль носомъ,
Мѣдью покрытымъ, эллинскій то былъ корабль, который
Посшибъ верхушки всѣ мачтъ у финикійскаго;
Сцѣпились также другіе. Въ началѣ борьбы
Войско персовъ храбро оборонялось;
Когда же въ заливѣ стѣснилось много судовъ,
Другъ другу помощь подать было совсѣмъ невозможно;
Суда, окованныя мѣдью, сшибались съ другими.—
Страшно трещали бока кораблей, весла ломались.
Межъ тѣмъ суда эллиновъ со всѣхъ сторонъ насъ окружили,
На корабли наши удары посыпались градомъ;
Вверхъ дномъ опрокидывались наши суда;
Ужъ моря нельзя было видѣть; все оно было покрыто
Обломками отъ кораблей и мертвыхъ тѣлами:
Берега и скалы покрылись убитыми.
Въ смятеньи тогда нашъ каждый корабль,
Сколько ихъ оставалось, искалъ спасенія въ бѣгствѣ.
А они нашихъ били словно тунцевъ иль рыбу другую
Отъ веселъ обломками, досками отъ кораблей.
Плачъ съ стономъ гудѣли на морѣ до тѣхъ поръ,
Пока насъ не скрылъ отъ враговъ ночи мракъ.
Когдабъ на разсказъ о всѣхъ нашихъ бѣдахъ
Я потратилъ дней десять,—всѣхъ не исчелъ бы несчастій.
Знай, еще никогда въ одинъ день не погибало
Столько народу....
Всѣ персы, цвѣтущіе силою юности,
Бодрые духомъ, знаменитые родомъ,
Всегда наивѣрнѣйшіе слуги царя,
Погибли позорнѣйшимъ образомъ;
Смерть ихъ безславнѣйшей смертью была.
У Саламина есть островъ какой-то, (*)
И малъ онъ и непріютенъ для кораблей;
Нерѣдко богъ Панъ хороводовъ любитель,
Его посѣщаетъ. Туда-то послалъ царь
Воиновъ многихъ,—знать не могъ онъ предвидѣть
Ихъ жалкой судьбы,—послалъ онъ затѣмъ,
Чтобы истреблять бѣгущихъ, разбитыхъ враговъ,

(*) Островъ Пситалейя, посвященный Пану, который еще прежде помогалъ грекамъ въ борьбѣ противъ персовъ.

Своимъ же блудящимъ на морѣ дать помощь.
Когда же эллинамъ богъ присудилъ
Славу побѣды морской,—въ тотъ самый день,
Когда побѣдили, они вышли на берегъ съ судовъ,
Покрытые мѣдной бронею, оцѣпили весь островъ;
Спасенія не было намъ. Много несчастныхъ погибло
Отъ камней и стрѣлъ, пускаемыхъ издали.
Потомъ устремившись всѣ разомъ,
Разятъ враги эллины всѣхъ и увѣчатъ
И до послѣдняго ихъ истребляютъ.
Увидѣвъ бездну несчастій, твой сынъ застоналъ:
Сидѣлъ онъ на мѣстѣ высокомъ близъ пучины морской,
Откуда могъ видѣть все войско.
Разодравши одежды и громко вопя,
Велѣлъ онъ поспѣшно начать отступленье
Сухопутному войску, самъ же предъ нами бѣжалъ.
Вожди тѣхъ кораблей, что уцѣлѣли отъ гибели,
Съ мѣста сраженья въ безпорядкѣ бѣжали,
Попутнымъ пользуясь вѣтромъ. А наши войска,
Отъ битвъ уцѣлѣвшіе, погибли въ Беотіи
Жертвами жажды ужасной; мы же изнеможенные,
Только дыша, достигаемъ фокидской земли,
Оттуда въ Доридѣ залива Мелійскаго,
Гдѣ поля орошаетъ Сперхей благодатный.
Съ большимъ недостаткомъ въ припасахъ
Проходимъ Ахайю, поля Ѳессаліи. Здѣсь еще
Много нашихъ погибло отъ жажды и голода.
И то и другое зло насъ тутъ постигло.
Идемъ чрезъ землю Магнезіи, (на рубежѣ Македоніи
Находимъ болотный больбскій тростникъ),
И Аксіевъ бродъ и гору Пангейскую
Въ землѣ эдонійцевъ. Въ ту ночь не во время
Послалъ богъ стужу безмѣрную. Святой весь потокъ
Стримона покрылся корой ледяною; каждый изъ нашихъ
Въ мольбахъ боговъ призывалъ, каждый
Землѣ и небу молился, даже тотъ, кто никогда
Не вѣдалъ молитвы. Когдажь перестало
Къ богамъ взывать войско, толпой оно двинулось
По ледяному пути. Въ живыхъ остались лишь тѣ,
Которые успѣли пройти, пока не разсыпалъ богъ Солнца

Лучей своихъ жаркихъ. Когдажъ запылалъ солнца дискъ,
И разогрѣлъ кору ледяную, Стримонъ покрывавшую,
Провалилась дорога на самой срединѣ; всѣ гибли
Одни за другими,—и счастливъ былъ тотъ,
Кто послѣдній свой вздохъ поскорѣй испускалъ.
Тѣже, которые остались въ живыхъ, бѣгствомъ спасаясь,
Ѳракію проходятъ съ неизмѣрнымъ трудомъ,
И возвращаются лишь немногіе на свою родину.
Застонетъ персидское царство, слыша о гибели
Цвѣта земли....

Стонетъ вся теперь Азія,
Опустѣла она.
Горе намъ! Ксерксъ ихъ повелъ,
Ксерксъ ихъ сгубилъ, горе намъ!
Да, безумно навлекъ Ксерксъ бѣду
На морскія суда!

* * *

Послѣ этой несчастной для персовъ морской битвы, Ксерксъ хотѣлъ построить плотину чрезъ проливъ къ острову Саламину, и по плотинѣ перевести свое войско противъ грековъ, уничтоживъ морской путь между берегами. Тогда Ѳемистоклъ предложилъ отправить корабли къ Геллеспонту и разрушить мостъ, построенный персами, и такимъ образомъ оставить Азію въ плѣну Европы. Аристидъ не одобрилъ такого плана; онъ говорилъ: «если мы запремъ Ксеркса въ Греціи, мы доведемъ его тѣмъ до крайности. Онъ перестанетъ сидѣть подъ золотымъ зонтомъ и смотрѣть спокойно на битвы, но станетъ самъ являться всюду, гдѣ угрожаетъ опасность, и пожалуй поправитъ то, что испорчено. Лучше намъ построить ему другой мостъ, чтобы онъ поскорѣе убрался изъ Греціи». Такъ какъ послѣднее мнѣніе признано было за лучшее, Ѳемистоклъ тайно отправилъ одного изъ близкихъ къ нему людей къ Ксерксу, который долженъ былъ объявить ему, что греки собираются плыть къ Геллеспонту

и разрушить мостъ; поэтому царь долженъ поспѣшить, если хочетъ спасти свою жизнь и свое войско. Ксерксъ повѣрилъ посланному и поспѣшно началъ отступленіе.

* *
*

Аѳиняне отплатили Ѳемистоклу за избавленіе отъ рабства персидскаго, за возвышеніе Аѳинъ надъ Спартою, отплатили тѣмъ, что изгнали его изъ отечества. Такъ ненавидятъ люди тѣхъ, кто стоитъ выше ихъ по талантамъ.

Тайно пробирался изъ одного мѣста въ другое когда-то высоко уважаемый человѣкъ, теперь же преслѣдуемый аѳинянами и спартанцами. Такъ онъ прибылъ къ царю молосскому Адмету. Но здѣсь онъ не расчитывалъ на хорошій пріемъ, потому что однажды, когда онъ управлялъ дѣлами въ Аѳинахъ, онъ отказалъ царю въ одной просьбѣ и тѣмъ навлекъ на себя его гнѣвъ. Только крайняя необходимость заставила его здѣсь искать себѣ пріюта.

Разъ царь сидѣлъ въ своихъ покояхъ и дружески бесѣдовалъ съ своими друзьями; слуга доложилъ ему, что пришолъ чужеземецъ и проситъ у него покровительства, и что онъ по обычаю молоссовъ сидитъ у очага около дворца. Любопытствуя узнать, кто бы это могъ быть, Адметъ вышелъ и увидѣлъ Ѳемистокла, который сидѣлъ у очага, держа на рукахъ сына царя.

Не долго Ѳемистоклъ здѣсь пользовался безопасностью. Онъ удалился отсюда въ Эге, одинъ изъ Эолійскихъ городковъ, къ своему другу Никогену Здѣсь провелъ онъ много дней спокойно, потому что никто не зналъ мѣста его убѣжища. Потомъ онъ бѣжалъ въ закрытой повозкѣ, какую обыкновенно употребляли женщины во время путешествій, ко двору персидскаго царя.

* * *

Персидскому полководцу Артабану, убійцѣ Ксеркса, доложили о прибытіи чужеземца. Онъ приказалъ представить его къ себѣ.

Чужеземецъ вошолъ. «Кто ты»? спросилъ персъ.

«Я грекъ», отвѣчалъ спрошенный.

«Ты грекъ, то есть человѣкъ изъ племени, враждебнаго царю? Какъ ты осмѣлился показаться между нами»?

«Я желалъ бы говорить съ самимъ царемъ, которому я долженъ сообщить дѣло большой важности», говорилъ Ѳемистоклъ.

«Чужеземецъ, возразилъ Артабанъ, смотря на Ѳемистокла испытующимъ взглядомъ, нравы людей и обычаи различны, однимъ-то кажется хорошимъ, другимъ другое, но лучше всего почитать и исполнять туземные обычаи. Говорятъ, что у васъ, грековъ, выше всего цѣнятъ свободу и равенство, у насъ напротивъ считается благороднѣйшимъ дѣломъ оказывать честь царю и преклоняться предъ нимъ, какъ предъ образомъ всесодержащаго Бога».

«Я это знаю, и я также почитаю царя»!

«Артабанъ продолжалъ: «если ты желаешь видѣть царя, то долженъ, по нашему обычаю, преклониться предъ нимъ, но прежде послать вѣстниковъ извѣстить о своемъ прибытіи».

«Я иду для того, продолжалъ Ѳемистоклъ, чтобы умножить славу царя, поэтому я буду исполнять ваши законы; чрезъ меня многіе будутъ повергнуты къ стопамъ царя».

«Что жь ты за человѣкъ между греками, спросилъ удивленный Артабанъ. Еще я не слыхалъ такихъ рѣчей ни отъ кого»?

«Объ этомъ прежде всего долженъ узнать царь лично отъ меня», отвѣчалъ Ѳемистоклъ. «Введи меня къ нему».

* *
*

Въ парадномъ покоѣ своего дворца, окруженный высшими своими сановниками и слугами, сидѣлъ на золотомъ тронѣ Артаксерксъ I, по прозванію Долгорукій; онъ былъ преемникомъ Ксеркса.

Когда онъ отдалъ повелѣніе представить чужеземца, вошолъ Ѳемистоклъ и палъ къ ступенямъ трона, касаясь пола челомъ; потомъ онъ всталъ и почтительно ожидалъ царскаго вопроса. Этотъ далъ знакъ толмачу и приказалъ спросить чужеземца о его имени.

«Я аѳинянинъ Ѳемистоклъ»! былъ отвѣтъ.

Артаксерксъ измѣнился въ лицѣ, губы его дрожали; глухой ропотъ прошолъ въ рядахъ вельможъ, окружающихъ тронъ.

«И ты осмѣливаешься предстать предъ меня, не страшась моего гнѣва?» говорилъ царь.

«Мое отечество отвергло меня, я изгнанникъ. Правда, я много зла надѣлалъ персамъ, но больше добра, потому что я спасъ войско Ксерса отъ преслѣдованія, когда спасенное отечество позволило мнѣ оказать царю услугу. Теперь враги мои въ Аѳинахъ явились свидѣтелями благодѣянія, оказаннаго мною персамъ; воспользуйся, царь, моимъ несчастнымъ положеніемъ не для того, чтобы утолить твой гнѣвъ, но для того, чтобы явить величіе и благородство души твоей. Ты спасешь человѣка, который ищетъ твоего покровительства, который сдѣлался врагомъ грековъ».

Взоръ царя остановился на фигурѣ смѣлаго грека. Потомъ, не сказавъ ему ни слова, царь обратился къ своимъ вельможамъ, и считалъ счастіемъ для себя, что къ нему пришолъ такой знаменитый мужъ. Боги, говорилъ онъ, показали къ нему высочайшее благоволеніе, заставивъ враговъ царя изгнать лучшаго изъ своей среды. Тотчасъ онъ прика-

залъ принести жертву богамъ и устроить блестящій пиръ. И до того царь считалъ счастіемъ для себя случившееся въ тотъ день, что даже ночью во снѣ нѣсколько разъ восклицалъ: у меня аѳинянинъ Ѳемистоклъ!

* * *

На слѣдующій день утромъ Артаксерксъ велѣлъ собраться всѣмъ приближеннымъ и знатнымъ мужамъ. Когда они собрались въ царскомъ залѣ, и нетерпѣливо хотѣли знать, зачѣмъ такъ рано и въ такомъ числѣ они призваны, вышелъ царь, въ сопровожденіи своихъ слугъ, сказалъ имъ привѣтствіе и занялъ мѣсто между ними. Казалось, онъ былъ въ хорошемъ расположеніи души, лице его сіяло милостью и благоволеніемъ.

По данному знаку приведенъ былъ Ѳемистоклъ. Съ удивленіемъ смотрѣли на него собравшіеся; но на лицѣ Ѳемистокла замѣтны были безпокойство и замѣшательство; онъ словно боялся, чтобы не вышло чего нибудь недобраго. Смущеніе его еще болѣе увеличилось, когда онъ услышалъ со стороны собравшихся вельможъ довольно понятныя заявленія неудовольствія и нерасположенія къ нему; онъ слышалъ, какъ его имя произносили съ бранными примолвками.

Царь велѣлъ ему подойти ближе. Ѳемистоклъ исполнилъ повелѣніе и выступилъ на средину зала, въ которомъ засѣдалъ Артаксерксъ. Когда онъ проходилъ мимо одного изъ военачальниковъ Рорана, этотъ прошипѣлъ: «лукавая эллинская змѣя! Добрый геній царя завлекъ тебя сюда!» Задрожалъ на мгновеніе Ѳемистоклъ при такой брани, но скоро оправился, твердыми шагами прошолъ по залу и по персидскому обычаю преклонился предъ царемъ.

Царь милостиво велѣлъ ему встать, привѣтствовалъ его и сказалъ:

«Я дарю тебѣ 200 талантовъ. Такую же награду назначаю

тому, кто представилъ тебя ко мнѣ. Ты самъ лично явишься ко мнѣ и получишь слѣдующую тебѣ сумму. Я обѣщаю тебѣ защиту противъ всѣхъ твоихъ враговъ, буду беречь тебя и требую отъ тебя, чтобы ты со всею откровенностію изложилъ мнѣ о дѣлахъ грековъ».

«Царь, воскликнулъ Ѳемистоклъ, велика твоя милость, какъ мнѣ отблагодарить тебя? Но чтобы исполнить то, чего ты требуешь отъ меня, потребно время для обстоятельнаго соображенія. Людскую рѣчь можно уподобить пестро вышитому ковру; развернутый онъ ясно и внятно выказываетъ свои краски и фигуры, но свернутый скрываетъ ихъ и безобразитъ!»

Царь съ усмѣшкой отвѣчалъ: «Твое сравненіе мнѣ нравится, назначь самъ себѣ срокъ, и по истеченіи онаго исполни мое желаніе».

Ѳемистоклъ просилъ сроку цѣлый годъ, чтобы въ это время ознакомиться съ персидскимъ языкомъ; тогда лично, безъ толмача, онъ объяснится съ царемъ.

Просьба его принята и съ тѣхъ поръ онъ пользовался расположеніемъ Артаксеркса.

* *
*

По мѣрѣ того, какъ увеличивалось вліяніе Ѳемистокла на царя, умножалось число завистниковъ и враговъ его. Ему даны были въ управленіе три города: Магнезія, Лампсакъ и Міусъ; доходы съ нихъ шли на содержаніе его дома. Онъ жилъ обыкновенно въ Магнезіи, въ плодородной Лидіи, у рѣки Меандра, и съ одного этого города получалъ ежегодно пятьдесятъ талантовъ или болѣе 60,000 рубл.

Однажды онъ былъ въ дорогѣ, и когда около полудня остановился съ своими спутниками для отдыха, нашолъ на него сонъ. Во снѣ явилась ему матерь боговъ и сказала:

«Θемистоклъ, берегись головы льва, чтобы не попасть въ его власть».

Когда онъ проснулся, сонъ ясно отражался въ его душѣ, но что бы онъ значилъ! Онъ спросилъ названіе города, въ которомъ придется ему остановиться на ночлегъ. Ему сказали, что городъ называется «Львиная голова». Тогда онъ проѣхалъ мимо города и велѣлъ недалеко отъ него разбить шатры на ночь. Одно изъ вьючныхъ животныхъ, нагруженное шатромъ для прислуги, на дорогѣ при переправѣ чрезъ одну рѣку упало и покрышка шатра измокла въ водѣ. Слуги развѣсили полотно между деревьями для просушки.

Между тѣмъ намѣстникъ Фригіи Эпиресъ, одинъ изъ ожесточенныхъ враговъ Θемистокла, нашолъ людей, которые взялись напасть на Θемистокла и убить его, когда онъ будетъ на ночлегѣ въ «Львиной головѣ». Подкупленные убійцы узнали, что Θемистоклъ перемѣнилъ намѣреніе и проѣхалъ мимо города. Они отправились вслѣдъ за нимъ.

Ночь была освѣщена луною, но все таки невозможно было ясно различать и распознавать предметы и людей. Злодѣи подглядѣли ночной лагерь путешественниковъ и незамѣтно подкрались къ нему. Но они приняли развѣшенное для просушки полотно за шатеръ Θемистокла, и когда хотѣли сдернуть покрышку, стража напала на нихъ и они попались въ руки Θемистокла. Такъ онъ избавился отъ опасности, и въ благодарность богинѣ построилъ храмъ въ Магнезіи.

Скоро пришла опасность съ другой стороны. Египтяне старались свергнуть съ себя персидское иго при помощи грековъ; въ правленіе Кимона греки достигли господства на морѣ. И то и другое беспокоило персидскаго царя; занятый до сихъ поръ дѣлами въ верхней Азіи, онъ наконецъ обратилъ свои взоры на Грецію.

Онъ послалъ къ Θемистоклу гонцовъ и требовалъ его совѣта, какъ лучше вести войну съ греками, при чемъ велѣлъ напомнить о данныхъ имъ обѣщаніяхъ на случай

этой войны. Такимъ образомъ Θемистоклъ поставленъ былъ въ затруднительное положеніе. Онъ былъ много обязанъ царю, который даровалъ ему убѣжище, наградилъ его своимъ жалованьемъ и держалъ его въ большой чести. Но съ другой стороны, какъ онъ могъ поддерживать непріятельскія дѣйствія противъ своего отечества, мало того руководить этими дѣйствіями! Въ такомъ случаѣ онъ былъ бы измѣнникомъ своему отечеству; а если онъ откажетъ въ помощи царю, онъ будетъ измѣнникомъ царю. Его умъ, выручавшій его не разъ изъ самыхъ большихъ затрудненій, на этотъ разъ оказался безсильнымъ. Не оставалось ему другаго средства выдти изъ труднаго положенія, какъ пожертвовавъ самимъ собою.

Онъ пригласилъ къ себѣ своихъ друзей, сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи, простился съ ними и выпилъ кубокъ, наполненный ядомъ. Когда узналъ объ этомъ Артаксерксъ, уваженіе его къ Θемистоклу еще болѣе увеличилось, и онъ постоянно оставался милостивымъ къ родственникамъ и друзьямъ Θемистокла. Жители Магнезіи поставили ему великолѣпный памятникъ на городской площади, и долгое время послѣ его смерти принимали съ большими почестями его потомковъ, которые посѣщали городъ.

ПЛАТЕЯ.

(479 г. до Р. Х.).

Послѣ сраженія при Саламинѣ Ксерксъ поспѣшилъ въ Персію, а полководецъ его Мардоній остался въ Греціи съ войскомъ изъ 300,000 человѣкъ. Часть грековъ изъ зависти къ аѳинянамъ перешла на сторону Мардонія, но большая часть Греціи не склонялась подъ чуждую власть.

Въ слѣдующемъ году Мардоній расположился лагеремъ въ Беотіи, при рѣкѣ Азопѣ, противъ него стояло греческое союзное войско подъ предводительствомъ Павзанія. Въ переднихъ рядахъ войска, прямо противъ персовъ, стояли мегаряне, занимавшіе авангардную службу.

Рано утромъ приблизился къ мегарянамъ сильный отрядъ конницы персидской. Земля потряслась подъ топотомъ коней, густой столбъ пыли окружалъ этотъ отрядъ, и не позволялъ мегарянамъ разузнать объ его числѣ. Впереди на низейскомъ боевомъ конѣ скакалъ Мазистій, знатный персъ, вмѣстѣ съ Мардоніемъ самый довѣренный другъ царя. Золотые удила и дорогой чапракъ украшали превосходнаго коня, золотой чешуйчатый панцырь, а на немъ пурпуровое платье — всадника; на головѣ у него блестѣлъ шлемъ, въ рукѣ былъ широкій мечъ съ золотою рукояткою.

Персидскіе всадники стремительно бросились на мегарянъ. Эти выдержали первый натискъ, и когда они послали къ прочимъ грекамъ за помощью, явились 300 аѳинянъ, которыми предводительствовалъ Олимпіодоръ.

Снова возгорѣлась битва. Въ другой разъ Мазистій сталъ во главѣ своей кавалеріи. Опустивъ повода, устремились персы вслѣдъ своему вождю на непріятелей. Стрѣла, пущенная отъ эллиновъ, попала въ пахъ лошади Мазистія: она поднялась на дыбы, и конь со всадникомъ упали на землю. Чрезъ него, не замѣчая паденія своего вождя, стремились персы.

Но отраженные въ другой разъ, они принуждены были отступить, и тогда только, когда уже выбрались изъ подъ выстрѣловъ, хватились они своего предводителя. Аѳиняне уже нашли его. По богатымъ доспѣхамъ и чрезвычайному убранству коня узнали они знатнаго перса. Одинъ воинъ ударилъ его въ глазъ мечомъ; но самъ былъ убитъ послѣ храброй обороны.

Лишь только греки задумали отнести его тѣло какъ побѣдный трофей въ свой лагерь, персидская конница наскочила въ третій разъ. Но ряды ея дотого опустѣли, что всадники появлялись только небольшими отрядами. Тѣмъ не менѣе произошла жаркая схватка, и хотя персы сражались съ большимъ презрѣніемъ къ смерти, все таки имъ не удалось отбить у грековъ трупъ своего вождя. Съ большою потерею возвратились они въ лагерь, не поправивъ дѣла.

* *
*

Темная ночь покрыла поле, только по мѣстамъ вспыхивали сторожевые огни, которые также мало помалу угасали. Тогда къ передовымъ постамъ аѳинскаго лагеря приблизился всадникъ, издали уже дававшій знать о доброй цѣли, съ которою онъ ѣхалъ. То былъ Александръ, сынъ Аминта, царя македонскаго, грекъ по происхожденію, по принужденію слѣдовавшій за войскомъ персовъ. Онъ пожелалъ говорить съ высшими вождями аѳинянъ, и когда они собрались, такъ говорилъ имъ:

«Мужи аѳиняне! Близка къ моему сердцу Эллада. такъ какъ самъ я грекъ; никогда не желалъ бы я пережить рабства вашей земли. Поэтому объявляю вамъ, что Мардоній до сихъ поръ напрасно надѣялся на умилостивительныя жертвы богамъ, теперь же рѣшился дать сраженіе, не расчитывая на жертвоприношенія. Будьте готовы принять его. Если онъ опять отложитъ нападеніе, все таки вы берегитесь, — немного дней персамъ остается жить. Если вы счастливо отстоите свою свободу, вспомните тогда про меня, который принесъ вамъ эту вѣсть!»

Онъ поворотилъ коня и ускакалъ. Далеко отдается по равнинѣ топотъ копытъ, тьма скрыла Аминта отъ взоровъ слѣдившихъ за нимъ грековъ.

* * *

Мерцаетъ утро, восходитъ солнце и освѣщаетъ равнину по берегамъ богатаго лугами Азопа. «Здѣсь, по древнему изреченію Бакиса, сойдутся эллинскій народъ и тьмы иноязычныхъ народовъ; тутъ падутъ въ одинъ день, раньше, чѣмъ даже Лахезисъ окончитъ свое дѣло, многіе изъ мидійскаго рода въ судьбою назначенный день».

Сильные отряды конницы появились на равнинѣ. Вооруженные лукомъ и стрѣлами, съ легкими дротиками, они нанесли грекамъ не мало вреда, потому что выстрѣлы ихъ были вѣрны и попадали изъ большой дали. Они засыпали источникъ Гаргафію, который снабжалъ водою греческій лагерь, и мѣшали непріятелю доставать воду изъ Азопа.

Такъ какъ чувствовался недостатокъ въ продовольствіи, то часть грековъ воспользовалась ночью для отступленія, и направилась къ Платеѣ, радуясь, что ушла изъ подъ выстрѣловъ персидскихъ всадниковъ.

Опять разсвѣтало, и предъ линіею персовъ разъѣзжалъ Мардоній на своемъ боевомъ конѣ. Его взгляды обратились

къ Азопу, гдѣ стояли греки. Едва вѣрилъ онъ своимъ глазамъ — они исчезли. Тогда онъ созвалъ своихъ вождей и сказалъ:

«До сихъ поръ греки не знали бѣгства. Смотрите, гдѣ они теперь? Намъ нужно преслѣдовать ихъ».

Тотчасъ данъ знакъ къ выступленію, и подобно облакамъ, гонимымъ вѣтромъ, двинулось многочисленное войско персовъ и перешло Азопъ. Однако едва только часть ихъ переправилась на другой берегъ рѣки, какъ наткнулась на лакедемонянъ, которые не тылъ показали врагу, но стали грудью противъ него. Около нихъ стояли тегейцы, еще дальше аѳиняне, всѣ готовые къ битвѣ.

Еще персы не успѣли опомниться, какъ уже были со всѣхъ сторонъ окружены. Войска ихъ пришли въ замѣшательство, многочисленность мѣшала свободному движенію, смятеніе мѣшало всякому правильному построенію войскъ. Бѣлый боевой конь Мардонія леталъ отъ однихъ рядовъ къ другимъ; гремѣлъ голосъ вождя, воодушевляющій храбрыхъ, поддерживающій упавшихъ духомъ. Чрезъ нѣсколько времени персы сбились всѣ въ одну толпу, но такъ какъ они не имѣли никакихъ доспѣховъ подобно грекамъ, то въ ручной схваткѣ, они потерпѣли большой уронъ. Тутъ камень изъ пращи ударилъ въ Мардонія; лишонный чувствъ, упалъ онъ на землю, конь безъ всадника скакалъ чрезъ персидскія войска, извѣщая ихъ о смерти вождя.

Тогда персы обратились въ бѣгство. Страхъ овладѣлъ ими, имъ казалось, что все потеряно. Только тогда опомнились они, когда достигли Ѳивъ, гдѣ они считали себя за деревянными стѣнами города въ безопасности отъ преслѣдованія враговъ. Греки могли теперь внести на страницы исторіи еще новую славную побѣду, прибавить ее къ побѣдамъ при Мараѳонѣ, Ѳермопилахъ и Саламинѣ; въ сраженіи при Платеѣ 110 тысячъ грековъ обратили въ бѣгство почти втрое сильнѣйшаго непріятеля. Несмѣтная добыча,

изъ которой одна часть пожертвована была на храмы богамъ, досталась въ добычу побѣдителямъ; теперь Грецiя была освобождена отъ ига персовъ.

ПЕРИКЛЪ.

Въ тотъ день, въ который сухопутное войско союзныхъ грековъ побѣдило персовъ при Платеѣ, греческiй флотъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ персидскимъ флотомъ при Микалѣ. Здѣсь спартанскими кораблями командовалъ Леотихидъ, а аѳинскими Ксантиппъ. При послѣдовавшемъ за тѣмъ счастливомъ веденiи государственныхъ дѣлъ Кимономъ, Аѳины прiобрѣли первое мѣсто между всѣми греческими государствами, въ чемъ они нашли поддержку во всѣхъ союзныхъ островахъ и въ малоазiйскихъ государствахъ. Спарта и прочiя государства греческаго материка отказались отъ всякаго участiя въ морскихъ предпрiятiяхъ, и аѳинскiй флагъ господствовалъ на греческихъ моряхъ. Союзная казна, составившаяся изъ суммъ, доставляемыхъ островитянами и малоазiйскими городами, и увеличенная постоянными приращенiями, (ежегодно поступало въ эту казну 460 талантовъ или до 700,000 рублей) хранилась въ храмѣ Аполлона на островѣ Делосѣ, а распоряженiе суммами предоставлено было аѳинянамъ.

Въ это время въ Аѳинахъ выступилъ на сцену человѣкъ, такъ далеко превосходившiй современниковъ своими личными достоинствами, такъ высоко стоявшiй надъ государственными людьми минувшихъ временъ и даже послѣдующихъ вѣковъ,

15

что ему принадлежитъ первое мѣсто между всѣми греками. Это былъ сынъ Ксантиппа, побѣдителя при Микалѣ,—Периклъ.

Похожій на Пизистрата по своей наружности и красотѣ, Периклъ съ отличными дарованіями соединялъ обширное и основательное греческое образованіе. Но при всемъ благородствѣ характера онъ имѣлъ ненасытимое честолюбіе. Къ тому присоединилось богатство, надъ пріобрѣтеніемъ котораго ему не нужно было трудиться, такъ какъ оно досталось ему отъ отца. Благодаря образованію и богатству, ему не трудно было пріобрѣсти благосклонность народа.

Сначала онъ нашолъ довольно сильнаго соперника въ Кимонѣ. Кимонъ, одержавшій надъ персами славную побѣду при Эвримедонтѣ въ 469 г., былъ высоко уважаемъ народомъ и умѣлъ долгое время поддерживать народную благосклонность къ себѣ. Для этого онъ пользовался своими огромными богатствами. Близъ Аѳинъ находились его сады, богатые плодами всякаго рода. Онъ желалъ, чтобы всѣ пользовались плодами, велѣлъ уничтожить заборы и предоставилъ каждому безпрепятственный доступъ. Эти сады ежедневно наполнялись гуляющими, равно и охотниками до плодовъ.

Одѣтый просто, Кимонъ ежедневно посѣщалъ площадь, по образу жизни это былъ одинъ изъ самыхъ воздержныхъ и скромныхъ гражданъ. Но за нимъ слѣдовали слуги, которые несли одежды и деньги, и раздавали ихъ бѣднѣйшимъ гражданамъ. Столъ его ежедневно накрывался не для него одного, онъ кормилъ въ своемъ домѣ значительное число несостоятельныхъ гражданъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ хвалилъ простую, скромную жизнь спартанцевъ и порицалъ слишкомъ роскошную жизнь богатыхъ аѳинянъ.

Но расположеніе толпы ненадежно. Когда спартанцы, во время войны съ мессенцами, просили помощи у аѳинянъ, Кимонъ, не смотря на большое число нежелающихъ помогать спартанцамъ, успѣлъ все таки повести дѣло такъ, что

войско было отправлено на помощь. Но въ это время спартанцы уже получили помощь отъ другихъ союзниковъ; въ неудовольствіи на аѳинянъ спартанцы отослали войска ихъ обратно. За такое-то оскорбленіе, нанесенное Аѳинамъ, долженъ былъ поплатиться Кимонъ: онъ былъ изгнанъ изъ города на 10 лѣтъ.

Этотъ народный приговоръ высоко почтенному мужу состоялся не безъ участія Перикла, который теперь взялъ въ свои руки кормило правленія и повелъ Аѳины къ высокой цѣли. Правда, въ послѣдствіи Кимонъ былъ возвращенъ при содѣйствіи того же Перикла, еще разъ разбилъ персидскій флотъ при островѣ Кипрѣ, но Периклъ остался правителемъ въ Аѳинахъ.

Прежде всего онъ лишилъ высшее судилище аѳинянъ Ареопагъ присвоенныхъ ему правъ и низвелъ его на степень обыкновеннаго суда. Своимъ краснорѣчіемъ, за которое онъ получилъ прозваніе Олимпійскаго, такъ какъ онъ подобно Зевсу бросалъ громы и молніи въ своихъ рѣчахъ, умѣлъ онъ проводить свои планы въ народномъ собраніи, которые, казалось, клонились только ко благу общества. Немногіе пытались противодѣйствовать ему, но были побѣждены сильнымъ человѣкомъ. «Когда я его низпровергаю, сказалъ однажды старый Ѳукидидъ, онъ утверждаетъ, что не падалъ, и убѣждаетъ въ томъ зрителей.»

Послѣ того какъ «око закона,» ареопагъ лишился прежняго значенія, Периклъ одинъ остался руководителемъ народа. Удовлетворяя своему честолюбію, онъ умѣлъ въ тоже время пробудить любовь къ славѣ въ своихъ согражданахъ, и никогда не выдѣлялъ себя, не выдавался изъ народа. Казалось, что никогда народъ не распоряжался своими дѣлами въ такой мѣрѣ, какъ при Периклѣ, на самомъ дѣлѣ одинъ Периклъ распоряжался всѣмъ.

Присяжные судьи, выбиравшіеся ежегодно по жребію и несшіе свою должность безвозмездно, получили при Периклѣ

жалованье; деньги, собираемыя съ зрителей за посѣщеніе театра, онъ дѣлилъ между гражданами. Большому числу аѳинянъ, которые не находили себѣ дѣятельности въ городѣ и находились въ бѣдственномъ положеніи, Периклъ далъ средства основывать колоніи въ другихъ земляхъ, гдѣ они безъ особеннаго труда находили средства къ достаточной жизни. Другимъ онъ далъ мѣста на флотѣ; онъ постоянно содержалъ 60 военныхъ кораблей, которые должны были ежегодно собирать на островахъ и въ колоніяхъ союзныя подати. Кромѣ того отъ времени до времени онъ устроивалъ общественные праздники съ большою роскошью и торжественностью, чтобы съ одной стороны крѣпче привязать къ себѣ народъ, съ другой, чтобы пріучить народъ къ своимъ нововведеніямъ.

Такимъ образомъ онъ возвысилъ значеніе и силу Аѳинъ, какъ въ отношеніи къ иноземнымъ народамъ, такъ и въ отношеніи къ союзнымъ государствамъ, въ тоже время заботился и о благосостояніи частныхъ лицъ и пустилъ въ обращеніе богатыя средства государства. Особенно умѣлъ онъ умножать благосостояніе частныхъ лицъ тѣмъ, что употреблялъ часть союзническихъ денегъ, которыя хранились на островѣ Делосѣ и предназначались собственно на войну съ персами, на покрытіе издержекъ, которыхъ требовала постройка великолѣпныхъ зданій. Ему удалось ежегодный сборъ съ союзниковъ въ 450 талантовъ возвысить до 600 талантовъ, и происшедшій въ слѣдствіе сего излишекъ онъ употребилъ на украшеніе Аѳинъ, на поощреніе искусствъ, на усовершенствованіе ремеслъ. Правда въ слѣдствіе этого раздавались жалобы на Перикла, но онъ умѣлъ успокоить жалобы. Союзники, говорилъ онъ, платятъ деньги для защиты отъ враговъ, аѳиняне же своимъ значеніемъ, своею силою не дозволяютъ врагамъ появляться въ Греціи. Такимъ образомъ цѣль собиранія денегъ съ союзниковъ достигается: и аѳиняне имѣютъ право избытокъ употреблять

на утвержденіе своей славы и на поощреніе дѣятельности своихъ гражданъ. Безъ этихъ денегъ тысячи аѳинянъ лишились бы средствъ, необходимыхъ для жизни. Впрочемъ такія доказательства не успокоивали народа, и народъ роптал на слишкомъ большія издержки. Тогда Периклъ объявилъ: если народъ жалѣетъ денегъ, онъ покончитъ работы на собственный счетъ, но въ такомъ случаѣ на зданіяхъ поставитъ свое имя. Это подѣйствовало, народъ уступилъ, и далъ ему разрѣшеніе на неограниченное распоряженіе союзною кассою.

Такимъ образомъ Периклъ получилъ средства къ поощренію ремеслъ и искусствъ между своими согражданами; превосходныя зданія въ Аѳинахъ сооружены Перикломъ.

Въ аѳинскомъ замкѣ, Акрополѣ, онъ построилъ Партенонъ, храмъ посвященный Аѳинѣ, покровительницѣ города. Калликратидъ и Иктинъ завѣдывали постройкою, которая окончена была въ 10 лѣтъ. Храмъ имѣлъ видъ продолговатаго четырехъугольника, построенъ былъ изъ пентелійскаго мрамора и окружонъ дорійскими колоннами. Въ немъ стояла статуя богини, произведеніе величайшаго искусства; она была сдѣлана изъ золота и слоновой кости знаменитымъ ваятелемъ и скульпторомъ Фидіемъ. У ногъ богини лежалъ щитъ, на головѣ ея былъ шлемъ, въ рукѣ копье, лицо выражало чувство величія и достоинства. Кромѣ того фронтонъ храма былъ украшенъ превосходными скульптурными изображеніями, сценами изъ исторіи боговъ и аѳинскихъ празднествъ.

У подошвы Акрополя построены были Пропилеи, въ срединѣ которыхъ находились высокія ворота, состоящія изъ нѣсколькихъ рядовъ колонъ, въ нихъ было пять проходовъ; съ правой стороны воротъ былъ храмъ, съ лѣвой другое зданіе, назначенное для общественныхъ собраній. Широкая мраморная лѣстница вела изъ города вверхъ къ колоннадѣ воротъ, и чрезъ ворота къ Акрополю. Постройка Пропилей,

которою руководилъ Мнезиклъ, стоила 2012 талантовъ, или около 3 милліоновъ рублей.

Кромѣ того при подошвѣ Акрополя находился Одеонъ, зданіе назначенное для музыкальныхъ празднествъ. По внѣшнему виду оно имѣло сходство съ шатромъ персидскаго царя, доставшимся въ добычу грекамъ. Круглая кровля поддерживалась многими столбами изъ мачтъ и рей, взятыхъ съ кораблей, отнятыхъ у персовъ въ морскихъ битвахъ, поэтому памятникъ иткусства былъ въ тоже время памятникомъ побѣдоносныхъ войнъ грековъ.

На самой вершинѣ замка возвышалась другая статуя богини Аѳины. Здѣсь она изображена въ воинственномъ видѣ, съ поднятымъ щитомъ и со взмахнутымъ копьемъ. Эта статуя въ 50 футовъ вышины вылита изъ бронзы и видна была на 16-ти часовомъ разстояніи отъ города; для моряковъ она служила маякомъ. Это было также произведеніе Фидія, который впрочемъ не успѣлъ окончить ее, потому что смерть похитила его; ученики Фидія окончили статую.

Военная служба до сихъ поръ была дѣломъ чести, каждый гражданинъ долженъ былъ безмездно служить отечеству. Периклъ провелъ въ народномъ собраніи рѣшеніе, по которому государство платило жалованье воинамъ и обязывалось заботиться объ ихъ безбѣдномъ существованіи; жалованье было такъ значительно, что его достаточно было на содержаніе цѣлаго семейства, при дешевизнѣ жизненныхъ потребностей. Кромѣ того Периклъ началъ принимать на службу наемниковъ и тѣмъ положилъ начало постоянному войску.

* *
*

Аѳины сдѣлались не только прекраснѣйшимъ, но и богатѣйшимъ городомъ во время управленія Перикла. Граждане имѣли возможность, при маломъ трудѣ, котораго требовало матеріальное обезпеченіе, заниматься науками и искус-

ствами, и такимъ образомъ пріобрѣтать многостороннее образованіе, которое поэтому сдѣлалось достояніемъ всего народа. Вслѣдствіе этого возникло въ немъ сознаніе собственнаго достоинства, возвысилось и стремленіе къ славѣ. Богатство породило роскошную жизнь и жажду удовольствій; но здѣсь-то съ высочайшимъ земнымъ величіемъ шолъ рука объ руку и все сильнѣе проявлялся упадокъ нравственности. Цвѣты, которыми украсилось язычество, носили въ себѣ зачатки увяданія, высшій блескъ жизни не могъ скрыть и тѣней, время высшаго развитія земнаго могущества и величія было началомъ упадка этой жизни. Уже во время Перикла обнаружились слѣды испорченности нравовъ. Краснорѣчіе перешло въ болтливость, своекорыстіе и суетность усилились, неправосудіе и жестокосердіе заступали мѣсто справедливости и любви къ ближнему. Чрезмѣрное высокомѣріе и безграничное честолюбіе развились въ массахъ. Только одинъ человѣкъ, питавшій всѣ эти страсти, могъ сдерживать, даже руководить ими. Когда онъ сошолъ со сцены, Аѳины быстро устремились къ паденію.

* *
*

Для достиженія своихъ цѣлей Периклъ нуждался въ мирѣ, потому что во время войны лучшія силы народа расточаются и ослабляются. Но внушаемая и поддерживаемая имъ гордость аѳинянъ пробудила вражду въ союзникахъ, съ которыми аѳиняне высокомѣрно обращались. Нѣкоторое время сила оказывала свое дѣйствіе и возвращала непокорныхъ къ послушанію. 60 кораблей, ежегодно бороздившихъ греческія моря и собиравшихъ союзныя подати, умѣли дать почувствовать союзникамъ преобладаніе Аѳинъ.

Спарта менѣе всего готова была подчиняться этому гнету. Спартанское войско поддержало отпаденіе Мегары отъ аѳинянъ, къ мегарянамъ присоединились коринѳяне. Это войско

вторгнулось въ Аттику и произвело страшное опустошеніе; тогда Периклу удалось подкупить вождя Клеандрида и Аѳины были спасены. Ежегодно значительныя суммы тайными путями шли въ Спарту, чѣмъ умѣрялось недовольство спартанцевъ.

Милетъ и Самосъ враждовали другъ съ другомъ, Периклъ принялъ сторону милетянъ. Аѳинскій флотъ стѣснилъ самосцевъ. Послѣдніе обратились за помощью къ персамъ, но аѳинскіе корабли заставили самосцевъ смириться. Самосцы попробовали было еще противиться Аѳинамъ, но потерпѣли страшное наказаніе, островъ былъ опустошонъ, военные корабли ихъ были захвачены или уничтожены, ихъ крѣпости срыты, наконецъ они должны были заплатить военныя издержки, дать заложниковъ; аѳиняне очень сурово обращались съ усмиренными жителями острова.

По возвращеніи въ Аѳины Периклъ говорилъ погребальную рѣчь павшимъ согражданамъ. Слова его такъ сильно дѣйствовали на слушателей, что когда онъ оставилъ каѳедру, народъ украсилъ его вѣнками и лентами, будто побѣдителя на олимпійскихъ играхъ. Только сестра Кимона, Эльпиника, имѣла смѣлость высказаться противъ такой награды: «Едва ли достойно похвалъ, воскликнула она, едва ли достойно вѣнковъ, что ты привелъ къ смерти столь многихъ храбрыхъ согражданъ, и не въ войнѣ съ персами, а съ нашими союзниками.

Въ 445 г. Периклъ заключилъ со Спартою тридцатилѣтнее перемиріе, и послѣ того какъ связалъ этимъ миромъ руки сильнѣйшему врагу аѳинянъ, онъ старался преобладаніе Аѳинъ обратить въ полное единодержавіе. Онъ принудилъ союзниковъ къ тому, что они въ своихъ процессахъ обращались въ аѳинскіе суды, гдѣ и рѣшались ихъ дѣла. Этимъ онъ нанесъ послѣдній ударъ ихъ самостоятельности.

* *
*

Миръ со Спартою продолжался четырнадцать лѣтъ, въ 431 году вспыхнула давно уже подготовленная пелопонезская война.

Эпидамнъ, колонія острова Корциры на иллирійскомъ берегу, во время несогласій, возникшихъ между своими гражданами, обратился за помощью къ корцирянамъ. Эти отказались отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла; тогда Коринѳъ рѣшился подать помощь угнетенной сторонѣ. Аѳиняне приняли сторону корцирянъ, а Спарта соединилась съ коринѳянами.

Въ надеждѣ на преобладающую морскую силу Аѳинъ, Периклъ послалъ флотъ изъ ста кораблей, чтобы обложить берега Пелопонеса, спартанцы же съ 16.000-нымъ сухопутнымъ войскомъ вторгнулись въ Аттику. Рѣшительныхъ успѣховъ не было ни на той, ни на другой сторонѣ, но въ слѣдующемъ 430 году постигло Аѳины страшное несчастіе.

Зима была необыкновенно мокрая, за нею слѣдовала пріятная весна, а потомъ знойное лѣто. И тутъ-то появилась страшная чума, которая уже опустошила Македонію и Ѳессалію. Улицы въ Аѳинахъ представляли страшный видъ. Жители окрестные бѣжали отъ спартанцевъ, которые опустошали Аттику, въ Аѳины; городъ переполнился народомъ, многіе должны были устроить себѣ жилища на площадяхъ и въ тѣсныхъ закоулкахъ. Чума свирѣпствовала.

Она начиналась воспаленіемъ глазъ и языка. Лихорадочный жаръ и страшная жажда слѣдовали за воспаленіемъ, кашель и язвы на тѣлѣ довершали болѣзнь. Страшныя мученія продолжались отъ семи до осьми дней, пока смерть не полагала конца страданіямъ.

Число заболѣвающихъ возрасло до того, что уже не было времени для погребенія мертвыхъ. На всѣхъ улицахъ ле-

жали трупы, больные спѣшили къ ключамъ и колодцамъ, чтобы успокоить томительную жажду. Многіе въ отчаяніи бросались въ воду, другіе въ изнеможеніи падали мертвыми, не добравшись до воды. Все больше и больше накоплялось труповъ, вопли умирающихъ наполняли воздухъ. Немногіе изъ выздоровѣвшихъ теряли зрѣніе или память, другіе лишались рукъ и ногъ. Многіе изъ здоровыхъ, пораженные ужасомъ, предались необузданному разврату. Всѣ связи порядка и повиновенія были разорваны, всякое злодѣяніе оставалось безнаказаннымъ. Не было страха предъ богами, не было стыда предъ людьми.

И всю вину такого несчастія возводили теперь на Перикла. Онъ обратилъ всѣ средства обороны на сооруженіе флота, онъ заставилъ жителей окрестностей аѳинскихъ бѣжать въ Аѳины, онъ сдѣлалъ Аттику беззащитною предъ опустошающимъ ,ее врагомъ. Напрасно онъ пытался водворить порядокъ между согражданами. Лучшихъ друзей его похитила страшная болѣзнь. Самъ онъ со сто пятьюдесятью кораблями отплылъ къ берегамъ Пелопонеса. Но и на этихъ корабляхъ свирѣпствовала язва, и онъ принужденъ былъ безъ успѣха возвратиться назадъ.

Тогда лишили его главнаго начальствованія въ городѣ, и присудили къ уплатѣ денежной пени въ 15 талантовъ. Спокойно перенесъ онъ несчастіе. Но чума дошла и до его семейства; сначала умерли два старшихъ сына его; онъ умѣлъ побѣдить горе. Но когда умеръ и младшій сынъ, и онъ по греческому обычаю возложилъ на голову сына похоронный вѣнокъ, слезы покатились изъ глазъ его, и покой огласился громкими воплями.

Тронутые его горемъ аѳиняне возвратили отнятыя у него должности. Но силы его истощились. И самъ онъ палъ жертвою болѣзни. Немногіе оставшіеся вѣрными ему друзья окружили постель, на которой лежалъ умирающій. Думая, что онъ не слышитъ ихъ разговора, они хвалили Перикла

за его превосходныя дарованія и великія дѣла. Тогда съ большимъ усиліемъ приподнялъ онъ голову и сказалъ: «вы славите мои счастливыя дѣла, но забываете лучшее, именно, что никто изъ согражданъ моихъ не носилъ изъ за меня траурнаго платья.»

Теперь, когда не было больше Перикла, аѳиняне поняли все величіе человѣка, котораго они потеряли. Не было человѣка, который бы могъ замѣнить его и съумѣлъ бы поддержать пріобрѣтенное аѳинянами первенство въ Греціи. Съ нимъ сошли въ могилу значеніе, сила и блескъ города.—

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ ИЗЪ ИСТОРІИ МАКЕДОНІИ.

ВОЕННЫЙ ПАРАДЪ У ПЕЛЛЫ.

На широкой равнинѣ, недалеко отъ царской резиденціи Пеллы въ Македоніи, стояли многочисленныя войска въ строевомъ порядкѣ. Блестящее вооруженіе горѣло въ лучахъ весенняго солнца, отдѣльныя части поставлены были въ боевомъ порядкѣ. Филиппъ, великій царь Македоніи, возвратившій спокойствіе раздираемой междоусобіями странѣ и прогнавшій враговъ отъ границъ своего царства, былъ еще двадцатиоднолѣтнимъ юношею. Его-то ожидали войска для маневръ.

Скоро раздавшіеся трубные звуки возвѣстили прибытіе государя. Окружонный большимъ числомъ всадниковъ, скачетъ онъ на бѣломъ боевомъ конѣ; мужествомъ онъ превосходитъ всѣхъ всадниковъ, ловкость и благородная осанка его не допускаютъ соперничества. Онъ ѣдетъ предъ фронтомъ своихъ войскъ, привѣтствуя ихъ взлядомъ, полнымъ достоинства и благосклонности. Потомъ поворачиваетъ коня и скачетъ въ сторону, гдѣ и останавливается со свитою; отсюда онъ будетъ наблюдать за движеніями отдѣльныхъ частей войска и руководить ими. Когда сдѣланы были нужныя распоряженія, начался величавый военный парадъ, ко-

торый тѣмъ болѣе радовалъ царя, что онъ самъ былъ творцомъ македонской военной силы, вѣрнѣйшей защитницы его престола; въ его рукахъ она образовала средство для выполненія широкихъ завоевательныхъ плановъ.

Густой столбъ пыли, поднявшійся вдали отъ царя, давалъ понять, что войска получили приказанія. Вотъ ѣдетъ гвардія царя, состоящая изъ 1200 человѣкъ; она носитъ почетное названіе «агема гетеровъ,» то есть полкъ друзей царя. Здѣсь отборное македонское дворянство. Въ сіяющихъ мѣдныхъ панцыряхъ, съ широкимъ мечемъ въ правой рукѣ, проходятъ предъ царемъ борзою рысью на крѣпкихъ коняхъ отдѣльныя илеи или эскадроны. Въ сраженіи они должны подкрѣплять съ фланговъ тяжело вооруженную пѣхоту.

Когда облака пыли улеглись на землю и взоръ могъ далеко окинуть равнину, двинулась фаланга, твореніе Филиппа, непреоборимая твердыня въ страшной сѣчѣ. Это были все чисто македонскіе мужи, высокіе ростомъ, вооружонные щитами, которые были такъ велики, что закрывали почти все тѣло. Въ слѣдствіе тяжолаго вооруженія, которое они носили, фаланга медленно двигалась, но тѣмъ вѣрнѣе былъ шагъ этихъ отборныхъ воиновъ. Гдѣ они останавливались, тамъ стояли твердо. Широкій мечъ ихъ равно былъ удобенъ для того чтобы рубить и колоть; но главное оружіе ихъ было сарисса, копье длиною въ 21 футъ. Когда они поровнялись съ царемъ, отдѣльные отряды, шедшіе колоннами, составили скоро сильный четырехъугольникъ, который во время боя обыкновенно ставили въ центрѣ. Густою массою построились они по 16 человѣкъ другъ за другомъ, передніе ряды подъ защитою заднихъ. Копья пятаго ряда выходили за первый рядъ, такъ что съ огромными, въ человѣческую величину, щитами, фаланга походила со всѣхъ сторонъ на крѣпость, надъ которою виднѣлось остріе копій.

На лицѣ царя выражалось высокое удовольствіе, когда онъ увидѣлъ войска въ сомкнутомъ строѣ. Онъ бросился къ

войскамъ, и когда приблизился, по одному мановенію образовался въ рядахъ узкій проходъ, сквозь который Филиппъ со своею свитою въѣхалъ въ средину фаланги. Тогда опять закрылся проходъ, и какъ хорошо чувствовалъ себя царь, окружонный щитами и копьями своихъ вѣрныхъ македонянъ, и кто бы осмѣлился напасть здѣсь на него.

Но если фаланга твердо стояла на мѣстѣ, ею занятомъ, то она была, не смотря на тяжесть вооруженія, и довольно подвижна, когда приходилось перемѣнять мѣсто. По громкой командѣ своихъ предводителей части отдѣлились одна отъ другой, стали отрядами и продолжали свой маршъ. Потомъ они опять остановились, и въ короткое время составили снова четырехъугольникъ, образовавшій лѣсъ копій, который выдержитъ всякій непріятельскій натискъ, не сдвинувшись съ мѣста.

Съ явнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ Филиппъ на построенія своей фаланги; потомъ онъ возвратился на прежнее свое мѣсто, и приказалъ маневрировать остальнымъ войскамъ.

Пошли пезетеры, то есть пѣшіе друзья, пѣхотная гвардія царя. Они также имѣли длинныя сариссы и высокіе щиты, но ихъ вооруженіе было вообще легче, чѣмъ у воиновъ фаланги, поэтому они въ боевомъ порядкѣ занимали фланги. Скорымъ шагомъ пронеслась масса предъ Филиппомъ въ отличномъ порядкѣ.

За нею слѣдовалъ многочисленный, вооружонный серебряными щитами корпусъ, носившій поэтому названіе аргираспидовъ. Щитъ былъ небольшой, копье, которое они имѣли, короткое и легкое. Этотъ отрядъ состоялъ изъ менѣе знатныхъ македонскихъ дворянъ. Когда они стали противъ Филиппа, царь приказалъ имъ остановиться. Потомъ онъ велѣлъ имъ произвести нѣсколько маневръ. Легко раздѣлялась сплошная линія на отдѣльныя группы, только нѣкоторымъ приходилось бѣжать быстрыми шагами. Разомъ они

останавливались и взмахивали копьями, какъ будто при нападеніи на непріятеля. Потомъ дѣлали нѣсколько шаговъ назадъ и опять становились въ сплошную линію. Потомъ вся линія расширялась полукругомъ, какъ будто дѣлая обходъ непріятелю. Еще разъ повторился взмахъ копій; они ударяли на непріятеля съ фланговъ. Опять отступили они назадъ; линія раздѣлилась на части, которыя колоннами другъ за другомъ шли на фронтъ непріятеля и далѣе въ промежутки фронта.

Приблизясь къ нему на разстояніе брошеннаго копья, вдругъ отдѣлились передніе ряды, весь отрядъ принялъ клинообразный строй, устремилъ копья впередъ и въ обѣ стороны, и устремился впередъ бѣгомъ. Это — отрядъ прорывалъ непріятельскую линію, и потомъ одна часть отряда быстро напала съ тыла на непріятельскую линію, между тѣмъ какъ другая бросилась на него съ фронта.

Къ этимъ македонскимъ войскамъ присоединены были войска покоренныхъ народовъ; ѳессалійскіе всадники на крѣпкихъ коняхъ, тяжеловооруженные съ тяжолымъ бердышомъ (топоръ); ѳракійская пѣхота, вооруженная луками и далеко летящими стрѣлами; всадники изъ того же народа, вооруженные легкими копьями, образующіе во время сраженія легкую конницу. Много было и другихъ войскъ, составленныхъ изъ разныхъ народовъ.

Между тѣмъ солнце поднялось высоко, лучи его сильно припекали равнину. Царь, видимо довольный превосходною дисциплиною войска, далъ знакъ къ окончанію смотра. Самъ онъ съ свитою сталъ во главѣ войска и повелъ оное обратно въ свою резиденцію.

ПЛАНЫ ЦАРЯ ФИЛИППА.

Смеркается; солнце уже свершило по небу свой путь и близится къ закату. Послѣдніе лучи его еще позлащаютъ зубцы царскаго дворца въ Пеллѣ.

Царь Филиппъ безпокойно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ удалилъ своихъ слугъ, онъ остался одинъ съ своими замыслами.

Глубокіе планы занимаютъ его умъ; ему кажутся эти планы хотя и нелегко, но исполнимыми; онъ сознаетъ въ себѣ и непреклонную волю и довольно благоразумія и расчетливости.

Ему мало Македоніи и уже завоеванныхъ земель Ѳракіи и Илиріи. Его глаза обращены на югъ, тамъ далеко его будущее. Греція должна ему принадлежать, Греція съ ея богатыми средствами, съ ея надъ всѣмъ господствующимъ образованіемъ. Правда, еще онъ не видитъ, какимъ путемъ можно пріобрѣсти владычество надъ Греціею, не навлекая тѣмъ на себя неудовольствія грековъ. Впрочемъ средства найдутся. А когда такое дѣло устроится, когда его власть распространится отъ Дуная до южныхъ оконечностей Пелопонеса: будетъ ли тогда удовлетворено его честолюбіе? Онъ останавливается въ задумчивости, потомъ вдругъ начинаетъ еще быстрѣе отмѣривать комнату своими шагами. Владѣніе Греціею есть только средство для достиженія цѣли, цѣль его желаній Азія; только тогда онъ успокоится, только тогда положитъ оружіе, когда вступитъ на золотой тронъ Ксеркса.

Опять умѣряетъ онъ свои шаги, лицо его горитъ, быстрѣе

движется кровь въ его жилахъ, улыбка тріумфа отпечатлѣлась на его губахъ. Онъ подходитъ къ окну, взоръ его летитъ вдаль. Солнце зашло, и ночныя тѣни протянулись на юговосточномъ небѣ. Тамъ вдали смѣлыя надежды юнаго властелина. Онъ пристально глядитъ въ мерцающее небо; первыя звѣзды блеснули на темномъ горизонтѣ, это его звѣзды, счастливые вѣстники его побѣдъ. Правда, море отдѣляетъ его отъ Азіи; въ Македоніи нѣтъ ни одного приморскаго пункта, ни одной гавани. Тѣмъ нужнѣе будетъ имѣть полуостровъ Халкидику и богатыя заливами прибрежья Греціи. Какъ ни хороша македонская конница, но царю необходимы корабли и опытные моряки. Въ Греціи ихъ много. Не согласится ли Греція добровольно предоставить ихъ царю? Согласится ли дѣйствовать съ нимъ заодно народъ, еще до сихъ поръ непокоренный никѣмъ, даже могучими властителями Персіи? согласится ли даже тогда, когда будетъ покоренъ? Едва ли.

Но у царя кромѣ оружія найдутся другія средства для цѣли. Можно золотомъ пріобрѣсти друзей. Въ деньгахъ царю нѣтъ недостатка. Онъ уже покорилъ южную Ѳракію, взялъ Амфиполь, городъ, лежащій у Стримонскаго залива; завоевалъ ключъ къ богатымъ рудникамъ въ горахъ Пангейскихъ— Крениду, укрѣпилъ ее и населилъ македонянами; прилежныя руки уже извлекаютъ изъ богатыхъ шахтъ на свѣтъ ежегодный доходъ въ тысячу талантовъ.

Желѣзо и золото, къ тому настойчивость, мудрая расчетливость — съ этими средствами Филиппъ надѣется привести въ исполненіе свои планы, онъ не обольщается на счетъ удачи своихъ плановъ.

ФИЛИППЪ И ФОКИДЦЫ.

Область, величиною въ 38 квадр. миль, въ Средней Греціи, называемая Фокидою, есть гористая страна и со всѣхъ сторонъ окруженная горами. Немного здѣсь маленькихъ равнинъ, а между двадцатью городами, самый замѣчательный Дельфы. Два прохода ведутъ въ эту страну, одинъ на Ѳессалійской границѣ, другой на Беотійской. У этихъ проходовъ стояли два города, Элатея и Парапотаміи, которые, подобно другимъ городамъ области, были хорошо укрѣплены.

Дельфы, замѣчательнѣйшій изъ Фокидскихъ городовъ, лежалъ между скалами по спуску горы до рѣки Плейста. Въ верхней части города, на широкомъ скалистомъ plateau въ 1200 фут. надъ уровнемъ моря, въ ущельи, которое образовалось двумя скалами вышиною въ 800 фут., стоялъ знаменитый храмъ Аполлона Пиѳійскаго. Между крутыми утесами пробивался источникъ Кастальскій, а дальше къ западу чрезъ святилище протекала отъ источника рѣчка, Кассотисъ. Замѣчательное эхо, громко повторявшее даже тихо произнесенное слово, возвышало подавляющую чувство прелесть этой страны, отличающейся величавыми красотами природы. Ступени, высѣченныя въ скалѣ, вели отъ храма Аполлона на вершины утесовъ, покрытыя лѣсомъ, гдѣ находилось озеро и гротъ Корикіонъ, куда праздновавшіе пиѳійскія игры имѣли обыкновеніе путешествовать.

Неисчислимы были драгоцѣнные дары, украшавшіе внутренность храма, и принесенные тѣми, которые вопрошали неложный оракулъ; другія драгоцѣнности сложены были въ кладовыхъ, находившихся вокругъ храма. Храненіе клейнодій

издавна вввѣрено было жителямъ Фокиды, хотя много разъ Дельфы оспаривали исключительно въ свою пользу это почетное право. Но такъ какъ святилище считалось общимъ достояніемъ всѣхъ грековъ, то и на сокровища онаго смотрѣли какъ на общественную собственность, которой никто не могъ безнаказанно присвоить себѣ.

Когда фокидцы были приговорены къ уплатѣ денежной пени за незаконное присвоеніе одного участка, принадлежавшаго дельфійскому храму, и быстро потомъ, подъ предводительствомъ Филомела, захватили городъ и овладѣли священымъ храмомъ: какимъ святотатствомъ показалось это грекамъ! Ѳиванцы, въ соединеніи съ ѳессалійцами, выступили противъ фокидцевъ съ оружіемъ въ рукахъ,. аѳиняне же и спартанцы поддерживали фокидцевъ изъ ненависти къ ѳиванцамъ. Фокидцы, которыхъ войско сначала состояло только изъ 3000 наемниковъ, овладѣли сокровищами храма, гдѣ было до 10,000 талантовъ, и на эти деньги увеличили войско до 10,000 человѣкъ. Такимъ образомъ совершено было страшнѣйшее преступленіе, грабительство храма, о чемъ прежде грекъ и помыслить боялся. Нѣкоторое время святотатцы оставались безнаказанными, пока Филомелъ не былъ разбитъ при Неонѣ; во время бѣгства онъ бросился съ горы въ пропасть.

Но какъ всякое преступленіе, разъ совершонное безъ стыда, ведетъ неудержимо къ новымъ, такъ было и на этотъ разъ. Послѣ того какъ фокидцы уже разъ попользовались храмовыми сокровищами, имъ уже не страшно было расточать самымъ безсовѣстнымъ образомъ эти сокровища.

Тамъ ѳессалійская танцовщица носила на головѣ золотой вѣнокъ, когда то посвященный Аполлону,—ей подарилъ вѣнокъ Филомелъ; тутъ чванныя дамы наряжались въ драгоцѣнныя запястья, носили цѣпочки, которыя также принесены были въ даръ богамъ. Четыре золотыхъ разчески, принесенныя въ даръ храму изъ города Сибариса, находи-

лись въ рукахъ легкомысленныхъ юношей, — имъ подарилъ оныя Ономархъ, преемникъ Филомела; два ковша изъ такого же благороднаго металла были отданы одной флейтщицѣ. Кромѣ того, фокидцы изъ драгоцѣнныхъ сосудовъ чеканили деньги; значительныя суммы изъ этихъ денегъ отправлены были въ Спарту и Аѳины, откуда фокидцы ждали себѣ помощи. Спартанцы, равно какъ и аѳиняне, не считали для себя безчестіемъ пользоваться этими святотатственными подарками. И въ Ѳессаліи фокидцы пріобрѣли себѣ на эти деньги союзника въ Ликофронѣ изъ Феръ.

До сихъ поръ Филиппъ спокойно слѣдилъ за бореніемъ партій въ Греціи, но онъ приготовлялъ войско, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ принять участіе въ священной войнѣ. Теперь ѳессалійцы звали Филиппа противъ ненавистнаго имъ Ликофрона и союзныхъ съ нимъ фокидцевъ. Царь тотчасъ явился съ своимъ храбрымъ войскомъ, и Ѳессалія была очищена отъ враговъ.

Однако фокидцы подъ предводительствомъ Ономарха снова выступили противъ Филиппа, и македоняне были разбиты. Это несчастье не испугало Филиппа; опять собралъ онъ еще болѣе сильное войско, и подкрѣпленный ѳессалійскою конницею, въ двухъ сраженіяхъ разбилъ фокидцевъ; болѣе 6,000 фокидцевъ съ вождемъ ихъ Ономархомъ было убито, 3,000 взято въ плѣнъ; Филиппъ приказалъ бросить въ море запечатлѣнныхъ проклятіемъ грабителей храма. Потомъ Филиппъ попытался чрезъ Ѳермопилы пробраться въ Фокиду, но здѣсь стояли аѳиняне, предъ которыми Филиппъ счелъ благоразумнѣйшимъ на этотъ разъ отступить.

Такъ предоставился ему случай принять участіе въ греческихъ дѣлахъ, большаго пока онъ ничего не желалъ. Но однажды запустивши руку въ дѣла Греціи, онъ уже не хотѣлъ остановиться. Медленно, но тѣмъ вѣрнѣе, преслѣдовалъ онъ свои планы.

ХЕРОНЕЙСКАЯ БИТВА.

(338 г. до Р. Х.)

Спустя нѣсколько лѣтъ, царь Филиппъ завоевалъ, разрушилъ и опустошилъ городъ Олинтъ на Халкидскомъ полуостровѣ; этотъ городъ прежде хвастался дружбою Филиппа; послѣ этого были взяты и стерты съ лица земли еще 32 города на халкидскомъ и ѳракійскомъ берегу.

Вмѣсто того, чтобы мужественно стоять противъ врага ихъ свободы, аѳиняне начали страшиться его; не смотря на явно враждебныя дѣйствія его относительно Греціи, золото царя пріобрѣло ему не мало друзей. Одураченный народъ громко требовалъ мира съ Филиппомъ. Даже Демосѳенъ, единственный сильный противникъ Филиппа, своимъ рѣдкимъ краснорѣчіемъ разоблачавшій тайные планы Филиппа, считалъ на этотъ разъ за лучшее примириться съ Филиппомъ Миръ состоялся, и Филиппъ такимъ образомъ сдѣлалъ еще большой шагъ къ цѣли.

Старинный союзъ для общей защиты дельфійскаго святилища былъ союзъ амфиктіоновъ, въ которомъ каждый членъ союза имѣлъ два голоса. Фокида своими святотатственными дѣйствіями потеряла свои два голоса, кому жъ они должны были теперь достаться?

Въ то время, какъ царь Филиппъ велъ переговоры о мирѣ съ аѳинянами, онъ также продолжалъ свои вооруженія и ѳракійскій полуостровъ былъ почти весь въ его рукахъ. Тогда измѣна открыла ему Ѳермопилы, и въ короткое

время Фокида была покорена царемъ. Жестоко была наказана страна за грабительства въ храмѣ, а побѣдителю передано засѣданіе и голосъ въ союзѣ амфиктіоновъ.

Царь прямо шолъ къ своей цѣли. Всевозможнымъ образомъ онъ старался отдѣлить аѳинянъ отъ ихъ союзниковъ, ослабить ихъ морскую силу, въ особенности пріобрѣсти владѣнія ихъ на ѳракійскомъ полуостровѣ. Въ то время, какъ онъ безуспѣшно осаждалъ города Перинѳъ и Византію, аѳиняне напали на его гарнизонъ въ Евбеѣ. Тогда приблизился рѣшительный моментъ.

Наконецъ, благодаря неутомимой дѣятельности Демосѳена, ѳивянцы и аѳиняне заключили союзъ и дѣятельно принялись за вооруженіе противъ Македоніи. При городѣ Херонеѣ въ Беотіи встрѣтились войска: отъ 40 до 50,000 грековъ, и 30,000 македонянъ съ 2,000 всадниковъ; у грековъ были молодыя войска, еще не бывалыя въ битвахъ, македоняне же, предводимые самимъ царемъ, были мужи опытные въ бою.

Наступилъ день послѣдней, рѣшительной битвы. Аѳиняне, образовавшіе лѣвое крыло союзнаго греческаго войска, ударили на непріятеля неустрашимо и мужественно, и сломили правое крыло царскаго войска. Другой ходъ битвы былъ на правомъ крылѣ союзныхъ грековъ. Здѣсь одерживали верхъ македоняне, предводимые сыномъ Филиппа, девятнадцатилѣтнимъ Александромъ. Но битва этимъ еще не была рѣшена, потому что македонскій центръ—фаланга стояла непоколебимо. Запальчиво преслѣдовали аѳиняне разбитое ими правое крыло македонскаго войска. Тогда быстро повернулъ царь на аѳинянъ лѣсъ копій своей фаланги, и нанесъ имъ совершенное пораженіе. Двѣ тысячи аѳинянъ, кромѣ большаго числа ѳиванцевъ, было взято въ плѣнъ. Число павшихъ въ бою было еще больше. Съ закатомъ солнца, которое освѣтило херонейское поле, померкла и свобода Греціи. Филиппъ

македонскій сдѣлался государемъ Греціи и повелителемъ эллинскаго народа.

Наступилъ вечеръ, и послѣ жаркой дневной работы въ лагерѣ македонянъ громко раздавался кликъ побѣды. Царь сидѣлъ за роскошнымъ столомъ съ своими генералами. Въ немъ явилось желаніе посѣтить еще дымящееся кровью поле битвы.

Сопровождаемый штабомъ, онъ отправился. Тутъ покрываютъ поле трупы ѳиванцевъ; изъ 300 юношей, которые составляли священную дружину, ни одинъ не отступилъ; всѣ до одного пали. Въ безмолвномъ удивленіи къ храбрости павшихъ, Филиппъ осматривалъ кровавое мѣсто битвы.

Потомъ повернулъ въ другую сторону, гдѣ стояли аѳиняне. И они не безъ славы сражались, тысячи ихъ успокоились отъ дѣлъ своихъ, покрытые ранами. Но Филиппъ, столько разъ обманывавшій ихъ, вдругъ разразился громкимъ смѣхомъ. Тогда одинъ плѣнный ораторъ аѳинскій Демадесъ сказалъ: «зачѣмъ ты разыгрываешь роль Ѳерсита, когда судьба опредѣлила тебѣ роль Агамемнона»?

Глаза царя разгорѣлись отъ гнѣва, онъ схватился рукою за мечъ, но скоро одумался. Праздничный вѣнокъ, которымъ украсили его македоняне, онъ сорвалъ съ головы, и смотря милостиво на смѣлаго аѳинянина, даровалъ ему свободу и жизнь.

СМЕРТЬ ФИЛИППА.

Спустя годъ, царь Филиппъ избранъ былъ всѣмъ греческимъ народомъ въ Коринѳѣ въ вожди противъ персовъ. Царь не сомнѣвался въ успѣхѣ дѣла; подкрѣпляемый всѣми греческими государствами, онъ надѣялся завоевать Персію. Судьба однако рѣшила ему иное.

Слѣдующій годъ назначенъ былъ для открытія похода, а до тѣхъ поръ Филиппъ рѣшился возвратиться въ свою резиденцію, Пеллу. Здѣсь онъ сосваталъ дочь свою Клеопатру за эпирскаго царя Александра, и рѣшился отпраздновать свадьбу съ царскимъ великолѣпіемъ въ древнемакедонскомъ городѣ Эге. На праздникъ онъ пригласилъ не только вельможъ и дворянство своего царства, но предложилъ и греческимъ государствамъ прислать посольства, приказалъ также собрать туда множество ораторовъ, поэтовъ, художниковъ, актеровъ и музыкантовъ. Онъ сильно заботился о томъ, чтобы заслужить благосклонность грековъ и своими ласками отблагодарить ихъ за то, что они избрали его предводителемъ въ войнѣ съ персами.

Въ тоже время онъ думалъ о предстоящемъ походѣ въ Персію. Хотя онъ вполнѣ разсчитывалъ на счастливый исходъ дѣла, все таки хотѣлъ получить предсказаніе оракула и отправилъ въ Дельфы спросить жрицу Пиѳію. «Волъ украшенъ вѣнкомъ, близокъ его конецъ, жрецъ уже стоитъ въ ожиданіи жертвы!» таково было изреченіе бога. Кого другаго можно было разумѣть подъ жертвою, какъ не персидскаго царя? и самъ Филиппъ называлъ его увѣнчаннымъ для жертвы. Филиппъ стоялъ на высшей степени счастія,

уже онъ видѣлъ Персію у своихъ ногъ, а самого себя сидящимъ на тронѣ, съ золотымъ скипетромъ въ рукахъ, властелиномъ міра.

Приближалось время, назначенное для брачныхъ торжествъ, и царь Филиппъ отправился въ Эге. Здѣсь нашолъ онъ все приготовленнымъ по своему желанію наиблестящимъ образомъ. Многочисленные полномочные отъ греческихъ государствъ, даже и отъ Аѳинъ, поднесли ему золотыя короны, знаменательные почетные подарки. Первый день праздника прошолъ безъ особенно замѣчательныхъ событій, всюду господствовали радость и веселье; самъ Филиппъ былъ очень доволенъ оказанными ему почестями. На другой день назначено было торжественное шествіе царя со свитою въ театръ, гдѣ должны были произойти игры и состязанія въ бою. Уже ночью, передъ торжествомъ дня, часть народа протѣснилась къ театру, а рано утромъ другая часть собралась предъ дворцомъ, чтобы взглянуть на блестящее шествіе. Явился царь, бѣлая праздничная одежда спадала съ его плечъ. Громкіе нескончаемые клики огласили воздухъ. Онъ вышелъ, окруженный лейбгвардіею, и далъ знакъ къ открытію процессіи. Двѣнадцать статуй боговъ открывали ее, за ними шли высшіе сановники царя. За ними шолъ герольдъ, который несъ изображеніе Филиппа, тринадцатаго бога.

Передъ входомъ въ театръ процессія остановилась, и въ то время, какъ мужи, открывавшіе шествіе, вступали въ театръ, царь остался передъ воротами. Еще разъ огласили воздухъ громкіе вопли народа. Какъ пріятно все это было для сердца царя! Онъ выступилъ впередъ, чтобы показаться ликующему народу и открыто заявить, что онъ огражденъ общимъ сочувствіемъ къ нему народа, а потому и не нуждается въ охранительной стражѣ (лейбгвардіи). Онъ удалился отъ гвардіи, которая до сихъ поръ окружала его и остался со-

вершенно одинъ среди толпы, которая радостно привѣтствовала его; величіе и милость свѣтились въ его лицѣ.

Вдругъ одинъ молодой дворянинъ, Павзаній, бросается на него и вонзаетъ ему въ грудь свой короткій мечъ. Смертельно раненый царь падаетъ на землю и тутъ же умираетъ.

Изреченіе оракула исполнилось на самомъ царѣ: «волъ украшенъ вѣнками, близокъ конецъ его, ждетъ жертвоприноситель!»

Онъ палъ жертвою частной мести. Убійца бѣжалъ, у воротъ города ожидали его лошади, на которыхъ онъ надѣялся уйти отъ преслѣдованія. Но часть лейбгвардіи поспѣшила за нимъ. Онъ могъ бы убѣжать отъ преслѣдователей, если бы не упалъ, зацѣпившись своимъ башмакомъ за виноградный кустъ. Его взяли и убили.

Двадцать пять лѣтъ царствовалъ Филиппъ и умеръ 47 лѣтъ. Какъ ни малы были его средства при вступленіи на престолъ, онъ достигъ обширной власти надъ Греціей, благодаря своей храбрости и храбрости войска, имъ устроеннаго, равно какъ благодаря своей умной и расчетливой политикѣ. Но онъ не достигъ цѣли своихъ плановъ; сыну его, Александру, суждено было довершить начатое отцомъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ГРЕЦІИ.

Ученикъ Аристотеля, Александръ, могъ признаться въ томъ, что своему учителю обязанъ онъ тѣмъ, что сдѣлался такимъ достойнымъ человѣкомъ. Потому что не одною внѣшностію, но и полнымъ образованіемъ своего ума и харак-

тера онъ далеко превосходилъ своихъ современниковъ. Его скорая походка, живость и блескъ его очей, откинутые назадъ волосы, сила голоса обнаруживали въ немъ героя. Когда онъ успокоивался отъ дѣлъ, его ласковая улыбка, нѣжная краска, игравшая на его щекахъ, его влажноблестящіе глаза и нѣсколько налѣво склоненная голова очаровывали окружающихъ. Благородный нравъ, отвращеніе ко всякой безнравственной дѣятельности, высокое пониманіе наукъ и искусствъ и основательное эллинское образованіе были отличительными его чертами. Взявшись за управленіе государствомъ 20-ти лѣтъ, онъ вѣрно понялъ все значеніе власти надъ Греціею. Еще аѳиняне ликовали о смерти царя Филиппа, еще не замолкли празлничные клики по случаю радостнаго для нихъ событія,—убійца царя былъ объявленъ достойнымъ вѣнковъ,—а Александръ уже прошолъ трудно проходимыми дорогами чрезъ Оссу въ Ѳессалію. Тотчасъ созвалъ онъ дельфійскихъ амфиктіоновъ въ Ѳермопилахъ, и заставилъ ихъ признать за нимъ принадлежавшее его отцу право голоса въ союзѣ амфиктіоновъ. Потомъ онъ двинулся на Ѳивы, которые покорились ему безъ сопротивленія; милостиво принялъ онъ пословъ отъ испуганныхъ аѳинянъ и отправился въ Коринѳъ, чтобы здѣсь принять главное начальствованіе надъ всѣми греческими государствами, которыя должны были прислать сюда своихъ уполномоченныхъ. Они явились за исключеніемъ спартанцевъ и изъявили ему покорность. Не заботясь объ отсутствіи спартанцевъ, Александръ устроилъ формальный союзный договоръ между Греціею и Македоніею, и какъ главный предводитель войскъ, присвоилъ себѣ право приглашать всѣ греческія государства къ участію въ его походахъ.

Потомъ онъ отправился въ Македонію и привелъ къ повиновенію ѳракійскія и иллирійскія племена, желавшія отложиться отъ Македоніи.

* * *

Еще разъ Грецiя пробудилась отъ своего оцѣпенѣнiя, когда юный македонскiй царь воевалъ въ дальней Өракiи.

Въ народномъ собранiи въ Аөинахъ явился вѣстникъ, принесшiй извѣстiе, что Александръ погибъ въ битвѣ съ талантинцами. Красноречiе Демосөена пробудило снова старую ненависть къ македонянамъ и нашло откликъ въ народѣ. Тоже извѣстiе проникло въ Өивы. Здѣсь отозвались на извѣстiе съ тѣмъ же воодушевленiемъ, и въ то время, какъ аөиняне еще раздумывали, что дѣлать, өиванцы начали дѣйствовать. Они умертвили двухъ начальниковъ македонскаго гарнизона и осадили третьяго въ замкѣ Кадмеѣ; въ тоже время они обратились за помощью къ греческимъ государсвамъ. Со всѣхъ сторонъ спѣшили вспомогательныя войска. Но быстрѣе өиванскихъ союзниковъ явился подъ Өивами самъ Александръ съ войскомъ.

Уже өиванцы упивались мечтами побѣды, уже казалась имъ возстановленною древняя свобода греческихъ племенъ, какъ разнесся страшный слухъ о томъ, что Александръ идетъ. Боялись и повѣрить слуху,—а въ то время, когда разсуждали о достовѣрности извѣстiя, Александръ уже стоялъ подъ Өивами съ 20.000 пѣхоты и 300 конницы. Онъ предложилъ городу помилованiе, если добровольно сдастся.

Сначала въ городѣ склонялись къ уступчивости, но вожди народные, которые ни въ какомъ случаѣ не могли расчитывать на пощаду отъ Александра, распалили ненависть въ народѣ къ македонянамъ. Такъ прошло нѣсколько дней. Часть македонянъ сдѣлала попытку овладѣть стѣнами, но была отбита өиванцами. Это рѣшило судьбу города; потому что теперь все войско Александра двинулось на городъ и овладѣло имъ послѣ отчаяннаго боя.

Побѣдитель приказалъ произвести приговоръ надъ Өивами

тѣмъ племенамъ, которыя были ожесточенными врагами Ѳивъ вслѣдствіе прежнихъ междоусобій. Приговоръ былъ тотъ, что Ѳивы должно сравнять съ землею, а жителей продать въ рабство, за исключеніемъ жрецовъ, жрицъ и друзей македонскаго царя. Такъ и было сдѣлано. Александръ велѣлъ разрушить домы, кромѣ дома поэта Пиндара, замка и храмовъ, которые были пощажены. Тридцать тысячъ ѳиванцевъ проданы въ рабство, македонская стража въ Кадмеѣ стерегла храмы и гробы живыхъ.

Паденіе Ѳивъ поразило ужасомъ Аѳины. Они спѣшили умилостивить царя посольствомъ, и царь простилъ имъ.

Тогда собрался Александръ къ походу въ Персію въ полной надеждѣ на успѣхъ онаго; дельфійскаго оракула изреченіе, къ которому принудили Пиѳію силою, такъ какъ она сначала не хотѣла отвѣчать, было такое: «сынъ мой, ты непреоборимъ.» «Хорошо» отвѣчалъ Александръ, я принимаю это пророчество, больше мнѣ ничего не нужно.» Дѣйствительно, съ сильнымъ войскомъ, съ союзными Греками, онъ мало интересовался изреченіемъ оракула.

БОРЬБА СЪ ДАРІЕМЪ КОДОМАНОМЪ.

При видѣ широкихъ плановъ и блистательныхъ побѣдъ царя Филиппа, дитя Александръ уже въ своихъ дѣтскихъ играхъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что отецъ не оставитъ ему никакого дѣла. Кинжалъ Павзанія положилъ конецъ такому сожалѣнію, завоеванія царя Филиппа ограничились

Европою; сынъ его Александръ повелъ свое побѣдоносное войско чрезъ море въ Азію.

Чрезъ Геллеспонтъ, туда, гдѣ лежалъ древній Иліонъ, плыветъ эскадра изъ 60 трехпалочныхъ судовъ. На самомъ большомъ изъ нихъ находится Александръ. Когда корабли приблизились къ малоазійскому берегу, самъ царь берется за руль и ведетъ судно къ берегу. Потомъ спѣшитъ къ носовой части; вооруженный и одѣтый блестящимъ образомъ, онъ беретъ копье и бросаетъ оное на землю, въ знакъ того, что онъ принимаетъ такимъ образомъ власть надъ Азіею. Потомъ онъ выскакиваетъ на берегъ, за нимъ радостно слѣдуютъ его вооруженные спутники.

Отсюда направляется шествіе мужей къ развалинамъ Иліона. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда славный городъ Пріама, юный царь задумался надъ безсмертными пѣснями Гомера. Онъ приноситъ жертву въ храмѣ Паллады, слагаетъ здѣсь свое оружіе, и надѣваетъ другое, сохранившееся здѣсь отъ временъ троянской войны. Устроиваются торжественныя жертвы павшимъ здѣсь героямъ, возлагаются вѣнки на гробы Ахилла и его друга Патрокла, и даются блестящія игры въ честь павшихъ героевъ. Александръ такъ воодушевленъ былъ воспоминаніями о славныхъ временахъ, что приказалъ возобновить Иліонъ.

Персіею тогда управлялъ Дарій Кодоманъ, правнукъ Дарія II. Получивъ извѣстіе о намѣреніяхъ Александра, онъ собралъ сильное войско числомъ въ 300,000 человѣкъ, между которыми впрочемъ было 60,000 наемниковъ, на которыхъ нельзя было много расчитывать. Надъ отдѣльными частями войска начальствовали персидскіе сатрапы; главнокомандующаго, которому бы подчинялось все войско, не было.

Это сильное войско расположилось при рѣкѣ Граникѣ, у крутаго, утесистаго берега, обращенное лицомъ къ македонянамъ, стоящимъ по другую сторону рѣки. День склонялся къ вечеру, когда послѣдніе достигли лѣваго берега

Граника. Стремительно течетъ довольно глубокая рѣка между двумя войсками, и Парменіонъ, полководецъ Александра, совѣтуетъ ему отложить переправу до слѣдующаго дня. Но юный, стремящійся къ подвигамъ царь, смѣло возражаетъ ему: «Устыдится великій Геллеспонтъ, если я испугаюсь этой рѣчки!» и даетъ знакъ къ переправѣ.

Сначала идетъ конница, и при ней Александръ. На крутомъ берегу завязался упорный, жаркій бой. Въ самой срединѣ сражающихся развѣвается бѣлый султанъ царя, котораго Персы скоро узнали. Они все ближе тѣснятся къ нему. Герой пролагаетъ путь себѣ копьемъ, но копье ломается, и въ правой рукѣ остается одинъ обломокъ. Тутъ ударилъ въ него дротикъ персидскаго военачальника Митридата; кровь течетъ изъ раны на доспѣхи. Царь быстро беретъ копье одного изъ своихъ спутниковъ, и вѣрнымъ ударомъ повергаетъ Митридата на землю.

Пышетъ его боевой конь, становится на дыбы, покачнулся въ сѣдлѣ раненый царственный всадникъ. Этимъ мгновеніемъ воспользовался братъ убитаго Митридата, Резацесъ и сатрапъ Спитридатесъ. Оба наскочили на царя. Первый сильнымъ ударомъ меча разсѣкъ шлемъ Александра и разрѣзалъ ему головную кожу. Въ тотъ же мигъ копье царя устремилось въ грудь смѣльчака, и онъ упалъ навзничъ съ коня. Тогда Спитридатесъ незамѣтно приблизился къ Александру сзади, въ рукѣ его блеститъ мечъ, онъ заноситъ руку, чтобы ударить въ непокрытую голову Александра. Но не успѣла еще рука совершить удара, который стоилъ бы жизни царю, какъ мечъ македонянина Клита отдѣляетъ нападающему руку отъ тѣла, и Александръ спасенъ.

Долго еще свирѣпствуетъ битва, наконецъ Персы были смяты; послѣ того какъ убиты были многіе сатрапы, македонская фаланга устремилась на наемныя войска. Македоняне взяли двѣ тысячи плѣнныхъ, весь персидскій лагерь достался побѣдителямъ. Триста персидскихъ полныхъ воору-

женій, кромѣ другихъ драгоцѣнныхъ даровъ, Александръ послалъ въ Аѳины; эти дары должны были храниться въ храмѣ богини Аѳины Паллады, съ надписью: «Александръ, сынъ Филиппа, и эллины, кромѣ спартанцевъ, отъ персидскихъ варваровъ!» Это было въ 334 году.

* *
*

Западныя области Малой Азіи были покорены одна за другою оружіемъ Александра. Тогда онъ рѣшился идти къ рѣкѣ Галису, чрезъ Фригію, среднюю область Малой Азіи, и переправиться чрезъ рѣку. Въ Гордіумѣ, самомъ сѣверномъ городѣ Фригіи, провелъ онъ зиму, и собиралъ войска для дальнѣйшаго похода на весну.

Здѣсь на высокомъ нагорномъ укрѣпленіи стояло святилище, построенное по преданію древнефригійскимъ царемъ Мидасомъ; въ немъ была повозка, къ которой ярмо прикрѣплено было ремнями, и такъ хорошо завязано, что до сихъ поръ никто не могъ развязать узла. Съ этимъ ярмомъ соединялось древнее предсказаніе оракула, что обладаніе Азіею достанется тому, кто распутаетъ этотъ узелъ.

Александръ, сопровождаемый своею знатью, достигъ крѣпости, и приказалъ вести себя къ священной повозкѣ. Съ важнымъ видомъ подошелъ онъ къ повозкѣ и смотрѣлъ на узлы, въ которыхъ не видно было ни начала, ни конца ремней. Въ раздумьи о многознаменательномъ предсказаніи стояли вокругъ него его спутники: удастся ли ему открыть загадку и развязать узелъ! А чтожь тогда будетъ, если не удастся?

Но напрасно ища концовъ узла, онъ умѣлъ помочь горю. Онъ вынулъ мечъ и разрубилъ узелъ. Такъ, а не иначе, желаетъ Александръ сдѣлаться властителемъ Азіи!

* * *

Перешедши чрезъ рѣку Галисъ, войско македонское направилось къ юговостоку, въ Киликію. Гарнизоны киликійскихъ горныхъ проходовъ разбѣгались при появленіи македонянъ, и Александръ вступилъ въ главный городъ Тарсъ.

Былъ знойный день, жаръ достигалъ до удушья: изнуренный царь пожелалъ освѣжиться холоднымъ купаньемъ. Чистыя воды Кидна, небольшой горной рѣчки, протекали чрезъ городъ. Какъ заманчиво было подкрѣпить купаньемъ истомленное тѣло!

Александръ снимаетъ одежду и бросается въ свѣжія волны. Но внезапная перемѣна температуры подѣйствовала такъ сильно, что царя уже безъ чувствъ вытащили на берегъ и отнесли въ его шатеръ. Онъ заболѣлъ горячкою, пульсъ сильно бился, лицо горѣло, онъ былъ уже почти при смерти. Кто бы посмѣлъ въ такой моментъ предложить лѣкарство, за дѣйствіе котораго не могъ поручиться! Мрачныя чувства овладѣваютъ войскомъ; оно боится за своего предводителя, безъ котораго можетъ погибнуть въ чужой землѣ. Горе тому, кто предложитъ царю средство, слѣдствіемъ котораго не будетъ его выздоравленіе!

Филиппъ, съ дѣтства врачъ и другъ Александра, рѣшился предложить средство. Зная натуру Александра съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ взялся приготовить лѣкарство. Старикъ ручается головою въ томъ, что спасетъ жизнь юношѣ; онъ видитъ уже, что безъ лѣкарства болѣзнь доведетъ его до смерти; вѣрный другъ отца царева ручается своею жизнью, честью и своими знаніями въ томъ, что возвратитъ здоровье больному.

Тщательно испытавши и разсмотрѣвъ положеніе больнаго, онъ вышелъ отъ него, чтобы приготовить роковой напитокъ.

Тогда является вѣстникъ отъ военачальника Парменіона. Поспѣшно онъ требуетъ, чтобы его допустили къ царю. Его вводятъ, и онъ передаетъ царю письмо отъ своего господина, онъ проситъ, чтобы письмо было тотчасъ прочитано. Что бы такое случилось?

Филиппъ, пишетъ вѣрный Парменіонъ, Филиппъ врачъ подкупленъ персидскимъ царемъ Даріемъ, отравить Александра.

Страшное извѣстіе! И въ этотъ мигъ обвиняемый въ такомъ злодѣяніи составляетъ смертоносный напитокъ. Какъ во-время пришло извѣстіе отъ Парменіона! Еще можно избѣжать отравы.

Напитокъ готовъ, Филиппъ несетъ его въ золотой чашѣ къ царю. Онъ подходитъ къ постели. Съ трудомъ поднимается Александръ, поддерживаемый друзьями. Его нѣжный взоръ, полный ласки и благосклонности, обращается на врача, который подаетъ ему чашу. Правою рукою царь беретъ чашу, лѣвою передаетъ Филиппу письмо. И въ то время, какъ послѣдній читалъ страшное письмо, не измѣняясь въ лицѣ, Александръ выпилъ до послѣдней капли напитокъ Филиппа. Потомъ съ благодарностію протянулъ руку врачу и опять легъ въ постель.

Часы идутъ за часами, больной лежитъ недвижимо. Глубокій сонъ объялъ его—ужели это страшный сонъ смерти? Терпѣливо выжидаетъ Филиппъ исхода болѣзни у одра больнаго, съ нетерпѣніемъ ждетъ рѣшительнаго извѣстія войско за шатромъ. Уже начинается ропотъ, уже ходятъ страшные слухи о томъ, что больной умеръ, что Филиппъ отравилъ его; собираются группы и совѣтуются, что тутъ дѣлать; звенятъ щиты, сверкаютъ мечи,—наконецъ Александръ проснулся. Тихая, привѣтливая улыбка играла на его лицѣ, когда глаза его повстрѣчались съ глазами врача. Онъ чувствуетъ въ себѣ новыя силы, совершился переломъ болѣзни; царь замѣчаетъ въ себѣ начало выздоровленія, напитокъ

спасъ ему жизнь. Невинность Филиппа доказана блестящимъ образомъ, и громкими кликами прославляютъ воины вѣрность опытнаго врача.

* *
*

Кровавая рѣшительная битва при Иссѣ въ Киликіи въ 333 году до Р. Х. совершенно уничтожила и разсѣяла войско Дарія. Самъ царь бѣжалъ, оставивъ на полѣ боевую колесницу, щитъ, мантію и лукъ. Только быстротѣ коня, на которомъ онъ ускакалъ, онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Вечеромъ, послѣ страшно убійственнаго сраженія, македонскій побѣдитель ужиналъ въ палаткѣ персидскаго царя.

Ковши ходили кругомъ, гостями были полководцы, одержавшіе съ своимъ царемъ побѣду. Событія дня битвы были предметомъ разговоровъ.

Тогда послышались громкіе плачевные вопли, горькія рыданія плачущихъ женщинъ. Царь зоветъ слугъ, стоящихъ внѣ палатки и спрашиваетъ, что это значитъ.

Мать Дарія, его жена и дѣти, оставшіяся безпомощными въ доставшемся побѣдителю лагерѣ, оплакиваютъ смерть Дарія, и въ то же время боятся предстоявшаго имъ несчастія быть въ рабствѣ и униженіи.

Задумался Александръ на мгновеніе, опустивъ голову на руку, потомъ позвалъ слугу. Онъ приказалъ ему сказать плѣннымъ: Дарій не умеръ, онъ живъ, ему удалось счастливо убѣжать съ поля сраженія.

На другой день, въ то время, когда воины его были заняты погребеніемъ павшихъ въ битвѣ, Александръ, въ сопровожденіи своего друга Гефестіона, посѣтилъ раненыхъ. Онъ не пропустилъ ни одной палатки, въ каждой былъ, узнавалъ о ранахъ и умѣлъ найти для каждаго изъ храбрыхъ воиновъ слова утѣшенія.

Когда онъ дошолъ до палатки, въ которой находились женщины персидскія, благороднѣйшія между плѣнными, самая драгоцѣнная добыча, зашолъ царь къ нимъ. Молча смотрѣлъ онъ на печальное семейство, на дѣтей, прижавшихся къ матери, которая не могла осушить слезы глазъ своихъ, на матерь Дарія, благородную старуху, у которой печаль закоченѣла въ лицѣ. Когда она услышала шумъ входящихъ мужей, поднялась, и не зная царя, о важномъ видѣ котораго она только слыхала, она приняла Гефестіона за царя. По персидскому обычаю она пала предъ нимъ на колѣна, челомъ касаясь земли. Но Гефестіонъ отступилъ назадъ, отказываясь отъ такой чести. И когда старуха узнала свою ошибку и обратилась къ Александру, онъ взялъ ее за руку, поднялъ ее и милостиво сказалъ: «Ты не ошиблась, и онъ похожъ на Александра».

Потомъ онъ приказалъ обращаться съ плѣнными какъ прилично ихъ высокому происхожденію.

* * *

Въ то время, какъ Александръ воевалъ въ Финикіи и Египтѣ, Дарій собралъ новое сильное войско. Но и это войско было разбито при Гавгамелѣ въ 331 г. до Р. Х. Во второй разъ Дарій принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Быстро Александръ занялъ персидскія резиденціи: Вавилонъ, Сузу, Персеполь, Экбатану.

Дарій съ нѣсколькими сатрапами и небольшимъ числомъ храбрыхъ всадниковъ и греческихъ наемниковъ удалился въ Мидію. Узнавъ о взятіи Персеполя, онъ рѣшился искать спасенія за Каспійскими воротами.

Между тѣмъ Александръ достигъ Экбатаны. Здѣсь онъ узналъ, куда направился Дарій, и рѣшился догнать его.

Полководца своего Парменіона онъ оставилъ намѣстникомъ

Мидіи, а самъ съ частью войска преслѣдовалъ царственнаго бѣглеца.

Одиннадцать дней шолъ онъ почти безъ отдыха съ своими воинами. Только по ночамъ давалъ онъ имъ нѣсколько часовъ для покоя. Онъ достигъ Раге, но здѣсь не нашолъ Дарія. Онъ быстро бѣжалъ отъ Александра и былъ отъ него въ 20 миляхъ. Но ему пришлось бояться своихъ спутниковъ больше, чѣмъ Александра.

Ночь. Дарій сидитъ въ своей палаткѣ, глубоко удрученный своею несчастною судьбою. Онъ безпомощенъ и не видитъ выхода изъ своего печальнаго положенія; еще нѣсколько дней и онъ будетъ плѣнникомъ Александра.

Тогда онъ приказываетъ собрать вождей на военный совѣтъ. Они являются: благороднѣйшій между ними старикъ Артабазъ, готовый умереть вмѣстѣ съ царемъ, Бессъ, родственникъ Дарія, сатрапъ Бактріи и другихъ пять сатраповъ. Послѣ долгихъ совѣщаній, предводитель лейбгвардіи объявилъ, что нужно бѣжать въ Туранъ.

«Но какъ привлечь на свою сторону жителей Турана?» спрашиваетъ царь. Одинъ изъ совѣтниковъ отвѣчалъ: «уступи твою тіару Бессу на время, пока будетъ побѣжденъ Александръ».

«Дерзкій повѣса!» воскликнулъ Дарій, и выхватилъ мечъ изъ-за пояса, чтобы поразить измѣнника.

Но Артабазъ удержалъ его, онъ потушилъ гнѣвъ царя, и выпросилъ прощеніе дерзкому совѣтнику.

На слѣдующее утро тронулся поѣздъ бѣглецовъ. Это было печальное путешествіе. Окружонный измѣнниками, которые оказывали царю притворную вѣрность, несчастный царь подвигался все дальше. Тогда пробрался къ нему одинъ изъ вождей сопутствовавшихъ ему грековъ, и такъ какъ персы не понимали греческаго языка, онъ сказалъ ему по-гречески, чтобы онъ довѣрилъ храненіе своей особы грекамъ.

Бессъ хоть и не понималъ по-гречески, но замѣтилъ по

минамъ и выраженію лица говорящаго, что за совѣтъ давалъ онъ царю. Скоро составилъ измѣнникъ планъ, чтобы во что ни стало захватить царя въ свои руки.

Снова наступилъ вечеръ, поѣздъ остановился, разбиты шатры, и послѣ ужина отправились всѣ на покой. Одинъ Бессъ не спитъ съ своими бактрійцами, находящимися въ войскѣ. Онъ устроилъ такъ, что въ эту ночь всѣ посты заняты были его воинами; такъ приготовился онъ къ нападенію на царя.

Въ глубокую полночь онъ пробирается въ шатеръ царя. Силою увлекаетъ онъ Дарія изъ лагеря, сажаетъ его скованнаго на повозку, и, сопровождаемый своими бактрійцами, скачетъ съ высокимъ плѣнникомъ.

Между тѣмъ Александръ съ пятью стами отборныхъ всадниковъ спѣшитъ изъ Раге въ погоню за бѣгущимъ врагомъ. Неутомимо онъ преслѣдуетъ царя, наконецъ настигаетъ бѣглецовъ, но утромъ въ этотъ день Дарій измѣннически былъ уже увезенъ Бессомъ. Александръ спѣшитъ съ малымъ отрядомъ вслѣдъ за бѣгущими. Путь лежитъ чрезъ безводную пустыню, жарко печетъ солнце съ безоблачнаго неба, конь и всадникъ сильно изнурены. Часть спутниковъ не можетъ продолжать марша, утомленные остаются на мѣстѣ. Но Александръ съ 60 воиновъ не даетъ себѣ и ночью покоя. Онъ стремится впередъ съ такою скоростію, какую только могли выносить задыхающіяся лошади.

На слѣдующее утро съ восходомъ солнца, замѣтили они бѣгущихъ, послѣдніе тоже узнали преслѣдователей. Съ дикими воплями бросились греки на персовъ; послѣдніе, видя смерть предъ глазами, бѣжали дальше. Но обозъ уступаетъ въ скорости всадникамъ, повозки съ грузомъ и пѣшеходы замѣшкались, поѣздъ остановился. Въ безпорядочной суетнѣ не движется колесница, на которой сидитъ Дарій въ оковахъ. Уже македоняне близко. Тутъ скачетъ къ колесницѣ

Бессъ съ своими товарищами; они вонзаютъ копья въ грудь Дарія, а сами бѣгутъ дальше.

Посреди другихъ повозокъ стоитъ повозка, на которой лежитъ умирающій Дарій. Македонянинъ Полистратосъ, опередившій своихъ, первый приблизился къ Дарію. Еще царь былъ живъ, покрытый ранами онъ еще могъ говорить. Онъ попросилъ у македонянина воды, и когда напился, сказалъ ему: «великое мое несчастіе въ томъ, что получивъ такую помощь, я не могу ничѣмъ отплатить за добро; Александръ заплатитъ тебѣ, а его вознаградятъ боги за добро, оказанное моей матери, женѣ и дѣтямъ. Въ твоей рукѣ жму его руку». И подавъ Полистратосу свою правую руку, онъ скончался.

Едва отлетѣла его жизнь, Александръ былъ уже у повозки. Онъ смотрѣлъ на трупъ царя, который умеръ жертвою измѣны. Тронутый печальнымъ зрѣлищемъ, онъ снялъ съ плечь свою одежду и покрылъ его мертвое тѣло. Потомъ далъ повелѣніе отвести мертвеца въ Персеполь, къ матери Дарія, гдѣ и похоронили его съ царскими почестями

АЛЕКСАНДРЪ И КЛИТЪ.

Зимою 328 года до Р. Х. Александръ жилъ въ Бактрѣ или Заріаспѣ, главномъ городѣ Бактріи. Онъ покорилъ всѣ провинціи Персидскаго царства, лежащія между Аральскимъ озеромъ и Каспійскимъ моремъ съ сѣвера и Персидскимъ заливомъ и Индійскимъ моремъ съ юга. Чтобы обезпечить за собою владѣніе этими землями, онъ началъ занѣнять ма-

кедонскіе обычаи, господствовавшіе до сихъ поръ при дворѣ, персидскими обычаями, и требовалъ отъ своей македонской свиты, чтобы она примѣнялась къ новымъ чуждымъ для нея нравамъ. Онъ приблизилъ къ себѣ многихъ знатныхъ персовъ, одѣвался и жилъ по образу персовъ, чѣмъ и навлекъ на себя не малое негодованіе македонянъ.

До сихъ поръ Клитъ, спасшій ему жизнь при Граникѣ, былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей царя. Былъ у грековъ обычай, являться къ царю съ подарками, напр. съ плодами, которые отличались зрѣлостію и пріятнымъ вкусомъ. Однажды, когда принесли плоды, Александръ велѣлъ позвать Клита, чтобы попотчивать его плодами. Онъ былъ въ то время на жертвоприношеніи, и когда передано было ему повелѣніе царя, онъ оставилъ мѣсто жертвоприношенія и отправился въ царскій дворецъ. За нимъ послѣдовали и три овцы, назначенныя для жертвоприношенія; онѣ были уже окроплены виномъ.

Когда царь узналъ о такомъ странномъ случаѣ, велѣлъ спросить предсказателей, Аристандроса и Клеомантиса, что бы это значило. Они сказали, что это недоброе предзнаменованіе, въ слѣдствіе чего Александръ приказалъ принести за Клита очистительную жертву.

Въ тотъ же день былъ у царя праздничный обѣдъ, къ которому приглашонъ былъ и Клитъ. Онъ отправился въ залъ, не принесши очистительной жертвы. Здѣсь шолъ большой пиръ, полные кубки обходили гостей, веселье становилось болѣе и болѣе шумнымъ.

Тогда пѣвцы запѣли пѣсню, въ которой прославлялись подвиги царя, а подвиги его полководцевъ осмѣивались, или просто объ нихъ умалчивалось. Александръ съ удовольствіемъ слушалъ чрезмѣрныя похвалы льстецовъ. Клитъ думалъ о другомъ, — его возмущало, что такіе недостойные люди позволяли себѣ осмѣивать дѣла македонскихъ мужей. Щеки его разгорѣлись отъ раздраженія; когда кончилась пѣсня,

онъ вскочилъ и сказалъ: «Неприлично смѣяться надъ неудачами македонскихъ мужей въ присутствіи варваровъ и враговъ». Александръ на минуту задумался, его огорчили слова его друга, какъ бы омрачавшіе славу царя. Онъ отвѣчалъ Клиту: «Ты, Клитъ, хорошо защищаешь себя, если робость называешь неудачею».

«Робость, воскликнулъ разгоряченный Клитъ. Да, робость по твоему выходитъ, сынъ боговъ, что я отсѣкъ руку Спитридату, который уже занесъ саблю надъ твоею головою, ты называешь робостью, что я спасъ тебѣ жизнь. Македонскою кровью ты пріобрѣлъ эти земли!»

Дрожали отъ страха гости, слушая эти грозныя слова, самъ царь раздраженный сказалъ: «Не думаешь ли ты, несчастная голова, что тебѣ всегда позволено говорить такія нескромныя рѣчи?»

«Да, намъ уже теперь не позволяютъ говорить, когда мы слышимъ такія похвалы отъ этихъ льстецовъ за наши труды. О, счастливы умершіе македоняне, которые не дождались срама просить у персовъ доступа къ своему царю»!

Напрасно друзья убѣждали Клита замолчать. Въ раздраженіи онъ не могъ сдержать себя, не могъ удержать языка отъ порицаній царю.

Но Александръ совладѣлъ съ собою; обратившись къ сидящимъ возлѣ него, онъ сказалъ: «Не правда ли, что эллинамъ жить между македонянами все равно, что полубогамъ между звѣрями»?

Клитъ хорошенько не разслышалъ этихъ словъ, произнесенныхъ въ полголоса. По минамъ царя онъ заключилъ, что то была насмѣшка надъ нимъ, и забывъ всякое приличіе, потребовалъ отъ Александра, чтобы онъ громко повторилъ, что было сказано въ полголоса, такъ чтобы всѣ слышали. Потомъ онъ прибавилъ:

«Не приглашай больше свободныхъ мужей на свои обѣды, приглашай варваровъ и рабовъ, которые не стыдятся падать

ницъ предъ персидскимъ поясомъ и цѣловать края твоей одежды»!

Александръ взялъ яблоко и бросилъ его въ дерзкаго крикуна. Потомъ оглянулся на свой кинжалъ, и когда не нашолъ его, — пажъ Аристоносъ незамѣтно вынулъ кинжалъ изъ-за пояса,—вскочилъ и по-македонски звалъ одного щитоносца, стоящаго на стражѣ у дверей зала. Онъ приказываетъ ему трубить въ рогъ и созывать войска, стоящія въ городѣ. Стражъ медлилъ исполнить приказаніе раздраженнаго царя. Разсерженный царь ударилъ его кулакомъ по лицу.

Все общество поднялось со своихъ мѣстъ; одни изъ присутствовавшихъ окружили царя и старались успокоить его, другіе хлопотали о томъ, чтобы заставить молчать расходившагося Клита. Наконецъ удалось имъ удалить его изъ зала, и встревоженный Александръ началъ успокоиваться. Онъ сѣлъ опять за столъ, рѣшившись позабыть о случившемся.

Вдругъ предъ нимъ отворяется дверь зала, и Клитъ, разгоряченный виномъ и гнѣвомъ, вбѣгаетъ въ залъ, и начинаетъ декламировать изъ Андромахи Еврипида нѣкоторые колкіе стихи.

Царь не вытерпѣлъ. Онъ вырвалъ у стоящаго за стуломъ копьеносца копье и ударилъ имъ въ грудь дерзкаго. Смертельно раненый съ сильнымъ воплемъ Клитъ упалъ на полъ.

Совершилось страшное дѣло. Человѣкъ, спасшій царю жизнь въ жаркомъ бою, теперь лежалъ у ногъ царя, убитый имъ. Гнѣвъ царя исчезъ въ моментъ преступленія, и въ то время какъ его друзья стояли неподвижно надъ трупомъ, онъ вынулъ копье изъ раны и намѣревался заколоть самого себя. Близстоящіе схватили его и отнесли въ его спальную комнату.

Три дня царь не спалъ и не принималъ пищи. Онъ велѣлъ принести къ себѣ тѣло убитаго друга, съ рыданіями упалъ на трупъ и далъ горю излиться въ слезахъ. Напрасно

немногіе изъ друзей, которымъ дозволенъ былъ доступъ къ нему, старались уговорить его и поставить на ноги. Онъ проклиналъ свой поступокъ и желалъ умереть около Клита. Наконецъ онъ уступилъ настойчивымъ мольбамъ принять пищу и успокоиться; радостно принятый войскомъ, которое во всемъ обвинило Клита, онъ снова стоялъ во главѣ своихъ воиновъ.

ПОХОДЪ ВЪ ИНДІЮ.

Индъ былъ доселѣ границею персидскаго царства на юго-востокѣ. Стремленію Александра владѣть цѣлымъ свѣтомъ не было границъ. По ту сторону Инда находилась страна, которую онъ хотѣлъ покорить своему скипетру.

Послы индійскаго князя Таксила явились въ его походный дворецъ въ Бактрѣ и предложили Александру помощь своего государя въ походѣ на Индію. Таксилъ просилъ Александра помочь ему въ борьбѣ съ сосѣднимъ княземъ Поромъ. Такое посольство было такъ пріятно Александру, что онъ тотчасъ согласился на походъ въ Индію.

Въ Индію! раздались клики въ македонскомъ лагерѣ. Это было весною 327 г. до Р. Х. Царь отправился съ 120,000 воиновъ. На берегу Кофена, который, принявъ въ себя Кабулъ, впадаетъ въ Индъ, вышелъ на встрѣчу Александру Таксилъ. Тутъ подтвержденъ былъ заключенный уже союзъ, и тутъ начался новый непрерывный, хоть и кровавый, побѣдоносный походъ.

Весною слѣдующаго года войско переправилось чрезъ

Индъ, отпраздновавъ это великое событіе жертвоприношеніями и торжественными процессіями. Солдаты подвигались все дальше и дальше по густонаселенной, цвѣтущей землѣ Таксила къ главному городу Таксилесу. Тутъ съ блестящею свитою выѣхалъ Таксилъ къ Александру и призналъ себя вассаломъ его. Великодушно обошолся съ нимъ Александръ, утвердилъ его во владѣніи землями по Инду, одарилъ его дорогими подарками и отправился дальше.

На Гидаспѣ стоялъ Поръ съ войскомъ. Походъ сюда сопряжонъ былъ съ несказанными затрудненіями, потому что тропическіе дожди наводнили страну. Рѣка сильно поднялась, частію вышла изъ береговъ, а на другой сторонѣ стояло войско Пора, не допуская македонянъ къ переправѣ. И что это было за войско! Оно состояло изъ 50,000 пѣхоты, 3,000 конницы; кромѣ того было 1,000 боевыхъ колесницъ и 130 слоновъ, на которыхъ были башни. Союзникъ Пора, царь Эмбисарусъ, присоединилъ къ нему не менѣе сильное войско. Когда приблизились македоняне, Поръ построилъ свое войско къ битвѣ. Всадниковъ онъ помѣстилъ на флангахъ, слоновъ поставилъ впереди; между слонами, въ равныхъ промежуткахъ, и за слонами стояло остальное, тяжело вооружонное войско. Такимъ образомъ все войско имѣло видъ города, въ которомъ слоны представляли укрѣпленныя башни, а стоящія между ними войска — стѣны, которыми башни соединялись одна съ другою.

Какъ будетъ Александръ переправляться чрезъ разлившуюся рѣку, имѣя предъ собою такую страшную силу? А когда удастся переправа, удастся ли ему побѣдить врага?

Суда и плоты, на которыхъ македоняне переправлялись чрезъ Индъ, находились при войскѣ на повозкахъ. Здѣсь снова они понадобились. Ночью совершонъ былъ переходъ. Непріятельская стража была обманута и измучена фальшивыми попытками переправы въ другихъ мѣстахъ. Хитрость удалась, и войско Александра стояло на другомъ берегу,

готовое къ битвѣ. Самъ Александръ переправился чрезъ рѣку вплавь на своемъ Буцефалѣ.

Битва началась между всадниками той и другой стороны, македонская конница бросилась на конницу Пора и на его боевыя колесницы. Индійскіе всадники были перебиты. Теперь слоны выступили. Стрѣлы неслись съ башенъ, копья сыпались градомъ въ ряды македонянъ. Страшныя животныя, бичуемыя своими вожаками, хватали враговъ хоботомъ и разбивали ихъ о землю, топтали ихъ толстыми ногами, крошили щиты. Другимъ распарывали животъ ударами своихъ клыковъ. Но напоръ слоновъ не могъ осилить македонской фаланги. Израненные копьями, слоны попятились назадъ и ударились въ дикое бѣгство; они бѣжали по рядамъ индійскихъ солдатъ и топтали своихъ воиновъ.

Это произвело замѣшательство въ индійскомъ войскѣ. Едва Поръ замѣтилъ это, какъ явился самъ, сидя на огромнѣйшемъ слонѣ, онъ собралъ 40 еще нераненыхъ слоновъ и бросился съ ними на побѣдоносную македонскую конницу. Лошади пугались страшнаго вида слоновъ и пятились назадъ. Но подоспѣла фаланга; непоколебимо выдержала она натискъ и на этотъ разъ. Покрытые ранами слоны снова произвели безпорядокъ въ строю пѣхоты. Собравшаяся македонская конница преслѣдуетъ слоновъ; индійская пѣхота, которой ряды становились рѣже и рѣже, не устояла. Произошла страшная рѣзня: тогда македонскія военныя трубы дали сигналъ оканчанію битвы. Битва кончилась, 20,000 Индійцевъ, 3.000 коней и 100 слоновъ покрыли поле сраженія; самъ Поръ, раненый стрѣлою въ плечо, попался въ плѣнъ.

Александръ велѣлъ привести побѣжденнаго царя. Старикъ явился; онъ былъ чрезвычайно высокъ, походка его была исполнена достоинства, взглядъ величавъ. Появленіе его произвело на Александра сильное впечатлѣніе. Нѣсколько времени Александръ молча смотрѣлъ на него, потомъ спросилъ:

«Какъ мнѣ слѣдуетъ обращаться съ тобою?»

«Какъ съ царемъ» отвѣчалъ Поръ.

«А больше ты ничего не желаешь?

«Больше ничего, отвѣчалъ побѣжденный царь, потому что этими словами все сказано!»

Александръ далъ ему свободу и возвратилъ царство. Поръ сдѣлался вѣрнымъ союзникомъ Александра.

* * *

Съ большими затрудненіями Александръ велъ дальше свое войско. Все привлекательнѣе были вѣсти, приходившія изъ дальнихъ земель, которыя Александръ думалъ покорить; но мужество македонянъ пало. Лошади оббили копыта о каменистую почву, по которой шли, оружіе воиновъ большею частію притупилось и сдѣлалось негоднымъ къ употребленію; греческія одежды износились, начали приготовлять одежды изъ иноземныхъ тканей индійскаго покроя; неудобствъ въ походѣ было очень много. 60 дней шли непрерывные дожди, пустыня обратилась въ озеро, явился недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; даже грабежъ селеній, дозволенный солдатамъ, не могъ удовлетворить всѣмъ ихъ нуждамъ. Многіе заболѣвали отъ непривычнаго климата и умирали; избѣгнувшіе смерти ослабѣвали силами. А тутъ приходилось еще сражаться съ слонами, которые могли снова явиться предъ ними въ дальнѣйшемъ походѣ.

Царь сдѣлалъ еще попытку склонить солдатъ къ дальнѣйшему походу. Въ то время когда солдаты заняты были фуражировкою, царь призвалъ ихъ женъ и дѣтей, и обѣщалъ первымъ озаботиться доставкою имъ жизненныхъ припасовъ, а послѣднимъ нѣкоторую сумму денегъ въ прибавку къ жалованью ихъ отцовъ. Потомъ когда воины возвратились съ добычи, Александръ вышелъ къ нимъ и началъ говорить убѣдительную рѣчь о чудесахъ земель, которыя

были предъ ними. Но напрасно: мужество оставило даже самыхъ закаленныхъ въ бою. Царь долженъ былъ уступить и начать обратный путь. Со слезами и радостными кликами македоняне бросились къ его ногамъ; «никѣмъ непобѣжденный, говорили они, дозволилъ себѣ быть побѣжденнымъ отъ своихъ македонянъ.»

Мѣсто, съ котораго войско начало свое отступленіе, должно было остаться памятнымъ потомству. И вотъ на берегу Гифазиса Александръ повелѣлъ построить 12 алтарей вышиною въ 50 локтей. Затѣмъ онъ велѣлъ окружить рвомъ въ 50 футовъ ширины и 40 футовъ глубины площадку, которая была втрое больше лагернаго мѣста, вырытую землю возвести валомъ и устроить изъ нея высокую стѣну. Потомъ приказалъ сдѣлать по два лагерныхъ мѣста въ 5 локтей длиною для каждаго пѣхотинца, а для каждаго всадника сверхъ того по двое яслей, вдвое больше обыкновенныхъ; все остальное слѣдовало устроить также въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось. Такъ царь желалъ оставить послѣ себя лагерь героевъ, краснорѣчивый памятникъ мужей исполиновъ и ихъ чудесной физической силы.

Въ августѣ 326 г. до Р. Х. войско двинулось въ обратный путь, по направленію къ Гидаспу. Здѣсь ожидалъ его флотъ изъ 2000 судовъ. Самъ Александръ съ отборнымъ войскомъ сѣлъ на корабли, два большихъ войска шли по берегамъ рѣки къ Инду.

СМЕРТЬ ГЕФЕСТІОНА И АЛЕКСАНДРА.

Возвратный путь длился два года; въ пустыняхъ Гедрозіи пришлось войску бороться съ неописанными затрудненіями. Наконецъ достигли Экбатаны, главнаго города Мидіи. Блестящія игры и празднества скоро заставили воиновъ позабыть о трудностяхъ похода; но во время праздниковъ Александръ понесъ невознаградимую потерю.

Постоянный другъ и спутникъ Александра Гефестіонъ, къ которому Александръ несказанно былъ привязанъ, заболѣлъ въ слѣдствіе неумѣренности въ наслажденіяхъ; среди праздничныхъ игръ, которыя требовали его присутствія, Александръ не отходилъ мыслію отъ своего заболѣвшаго друга. Однажды утромъ принесли царю извѣстіе, что Гефестіонъ умираетъ. Александръ немедленно поспѣшилъ къ другу, но едва онъ подошолъ къ постели больнаго, Гефестіонъ тотчасъ умеръ.

Александромъ овладѣла несказанная горесть. Громко рыдалъ онъ надъ трупомъ. Онъ никого не допускалъ къ себѣ, и три дня не принималъ пищи. Потомъ, когда прошли дни слезъ и рыданій, долго сидѣлъ царь неподвижно и безгласно надъ трупомъ друга и смотрѣлъ на его лицо, не отводя очей. Казалось, онъ не переживетъ такой потери.

Когда время начало сглаживать силу горести, царь далъ повелѣніе отвести мертвые останки въ Вавилонъ, гдѣ приготовлялось погребальное торжество. Самъ онъ предпринялъ походъ противъ Коссеевъ, и покоривъ ихъ въ 40 дневный срокъ, съ предчувствіемъ близкой смерти поднялся въ Вавилонъ.

Царскій поѣздъ съ востока приближается къ Вавилону. Медленно подвигается онъ впередъ, потому что царь давалъ войску частый роздыхъ. Когда поѣздъ приблизился къ городу на разстояніе 300 стадій (около 6 географ. миль), халдеи, бывшіе при поѣздѣ, прочитали въ звѣздахъ что-то недоброе. Тотчасъ послали они одного изъ своей среды Белефантеса. Но онъ боится передать царю непріятную вѣсть и обращается къ Неарху, который и передаетъ Александру примѣты халдеевъ. Царь страшится и заботится исполнить предостереженіе халдеевъ, которые совѣтовали ему не входить въ городъ съ востока, но войти лицемъ, обращеннымъ къ востоку. Онъ отдаетъ повелѣніе переправиться чрезъ Евфратъ, и потомъ западными воротами вступить въ городъ. Но тутъ словно исчезли ловкость и сила воиновъ, умѣвшихъ когда-то очень искусно переправляться чрезъ Индъ. Низменные, болотистые берега рѣки, вышедшей изъ береговъ въ слѣдствіе половодья, уничтожали всѣ усилія переправиться выше города. Такъ царь былъ принужденъ отказаться отъ своего намѣренія, а когда софистъ, Анаксархосъ, успѣлъ разумными доводами убѣдить царя въ нелѣпости примѣтъ, онъ приказалъ войску входить въ городъ восточными вратами, съ лицемъ обращеннымъ къ западу.

Одинъ древній историкъ разсказываетъ, что здѣсь явились къ Александру послы отъ всѣхъ странъ свѣта, частію для того, чтобы пожелать ему счастія послѣ столькихъ побѣдъ, частію чтобы передать ему короны. Кромѣ властителей Азіи здѣсь были послы изъ Европы и Ливіи; изъ Ливіи явились послы отъ Карѳагена и всѣхъ народовъ, живущихъ по берегамъ Африки до столповъ Геркулесовыхъ; изъ Европы отъ грековъ, македонянъ, иллирійцевъ, жителей береговъ адріатическаго моря, ѳракійскихъ племенъ и ближайшихъ къ нимъ галловъ. Царь стоялъ на высотѣ славы, онъ былъ дѣйствительно властелиномъ міра. Извѣстный въ то время Востокъ былъ покоренъ ему, равно и народы юговосточной

Европы за исключеніемъ Рима. Казалось пришло время, когда Александръ по совершеніи столькихъ славныхъ подвиговъ могъ насладиться миромъ и покоемъ.

По прибытіи въ Вавилонъ, важнѣйшимъ дѣломъ для Александра было совершить торжественную тризну въ честь Гефестіона. Празднества, назначенныя по этому случаю, должны были превзойти великолѣпіемъ празднества всякаго рода. Сначала приказано было магамъ потушить въ храмахъ священные огни, что бывало только тогда, когда умиралъ царь. Потомъ призваны были архитекторы, которые должны были соорудить костеръ для трупа Гефестіона, въ формѣ великолѣпнаго зданія. Выравнено было пространное мѣсто, на немъ построено зданіе, раздѣленное на тридцать покоевъ, которые покрыты были пальмовымъ деревомъ. Вокругъ зданія шли разныя украшенія: такъ нижняя часть его украшена была 240 корабельными носами, на концахъ которыхъ были колоссальныя изображенія наклоненныхъ стрѣлковъ (съ лукомъ) и мужей въ полныхъ доспѣхахъ Между ними развѣвались пурпуровые флаги. На средней части зданія стояло множество большихъ подсвѣчниковъ, которыхъ ручки были украшены золотыми коронами. Подножіе посвѣчниковъ состояло изъ дракона, который выпускалъ жало навстрѣчу орлу съ распростертыми крыльями, который съ верхушки подсвѣчника устремлялся на дракона. На третьей части зданія были изображенія звѣриной охоты разныхъ родовъ; четвертый этажъ украшенъ былъ изображеніемъ изъ борьбы центавровъ,—нѣкоторыя фигуры состояли изъ золота; пятый ярусъ окруженъ былъ золотыми львами и волами. На вершинѣ этого огромнаго зданія было выставлено множество оружія, взятаго у покоренныхъ народовъ. На немъ стояли пустыя статуи сиренъ, внутри которыхъ находились пѣвцы, пѣвшіе скорбныя пѣсни въ честь покойника. Это дорого стоющее зданіе имѣло 130 локтей вышины и походило больше на побѣдный трофей, чѣмъ на костеръ.

Со всѣхъ сторонъ прибывали гости, чтобы почтить своимъ присутствіемъ торжественныя похороны. Послѣ того, когда трупъ Гефестіона былъ взнесенъ на вершину великолѣпнаго костра, зажгли костеръ снизу. Высоко поднималось пламя и пожирало изящное зданіе, котораго постройка стоила не менѣе 12,000 талантовъ, или около 20 милліоновъ рублей. Жертвоприношеніе, для котораго убито было 10,000 быковъ, потомъ праздничное угощеніе собравшихся на праздникъ заключило чрезвычайное, великолѣпное торжество.

* * *

Блестящій праздникъ не могъ уменьшить скорби Александра о потерѣ друга. Печальныя предчувствія наполняли его душу; онъ сдѣлался очень склоненъ приписывать самымъ неважнымъ случаямъ худое предзнаменованіе.

Однажды царь купался и натирался маслами. Одежда и корона, которую онъ обыкновенно носилъ, лежали на тронѣ, вдругъ проскользнулъ одинъ изъ туземцевъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ въ оковахъ, мимо стражей. Оковы онъ разбилъ, схватилъ царское платье, надѣлъ вѣнецъ и занялъ мѣсто на тронѣ. Слуги доложили царю о случившемся. Въ смущеніи, царь спѣшилъ къ нему и спросилъ, что ему нужно. Арестантъ далъ ему неудовлетворительный отвѣтъ, и хоть поплатился жизнію за дерзость, все таки Александръ не могъ не поддаться чувству страха.

Другой разъ, царь осматривалъ работы на каналѣ у нижняго Евфрата и плавалъ по Паллакопасскому озеру у границъ Аравіи, гдѣ по его повелѣнію заложенъ былъ городъ для защиты караваннаго пути изъ Вавилона въ Аравію. На возвратномъ пути суда, на которыхъ находился царь и его свита, плыли мимо гробовъ древневавилонскихъ царей, которые стояли въ болотистой евфратской низменности. Тутъ ботъ Александра сильною бурею отнесло отъ остальныхъ судовъ,

и когда послѣ большихъ трудовъ найденъ былъ выходъ изъ болотъ, гребцы направили ботъ по узкому каналу, густо обросшему деревьями. Однимъ изъ суковъ, нависшихъ надъ каналомъ, зацѣпило за голову царя, такъ что корона упала въ воду. Одинъ изъ гребцовъ бросился въ воду, ему удалось вытащить царское украшеніе; чтобы корона не мѣшала ему плыть, онъ надѣлъ ее на голову. Такъ онъ достигъ бота, который затѣмъ благополучно прибылъ къ Вавилонъ. И это обстоятельство принято было за неблагопріятное предзнаменованіе.

Дѣйствительно, приближался послѣдній часъ царя.

Онъ устроилъ роскошный прощальный обѣдъ своему другу Неарху, которому поручено было отправиться съ большимъ флотомъ въ Персидскій заливъ, чтобы развѣдать, гдѣ лучше всего можно завести колоніи на берегу Аравіи. Возвратившись съ обѣда, царь согласился, по просьбѣ другаго изъ приближонныхъ, өессалійца Медіоса, принять участіе въ пирушкѣ своихъ друзей. Здѣсь господствовало слишкомъ веселое настроеніе, вино то и дѣло обходило гостей, и Александръ выпилъ залпомъ большой кубокъ Геркулеса. Едва онъ опорожнилъ его, какъ вдругъ громко закричалъ отъ внезапной сильной боли. Друзья поспѣшили къ нему и отнесли его во дворецъ. Тамъ они передали его слугамъ, которые уложили его въ постель и заботливо ухаживали за нимъ. Открылась сильная горячка. Не смотря на то, царь на слѣдующій день рѣшился купаться, потомъ велѣлъ нести себя чрезъ Евфратъ въ сады, чтобы отсюда слѣдить за отправленіемъ флота. Но состояніе здоровья дѣлалось все хуже и хуже. Уже на слѣдующій день, послѣ принесенія утренней жертвы, почувствовалъ онъ приближеніе конца своей жизни. Онъ собралъ къ своей постелѣ офицеровъ своего войска, снялъ перстень съ пальца и передалъ его Пердиккѣ. На вопросъ послѣдняго: «кому завѣщаешь царство?» отвѣчалъ: «достойнѣйшему.» Потомъ впалъ въ горячечный бредъ, отъ котораго уже не могъ освободиться.

Войско окружило дворецъ и сильно желало видѣть своего умирающаго вождя. Когда получено было дозволеніе, прошли воины одинъ за другимъ около постели умирающаго; имъ показалось, что умирающій легкимъ движеніемъ головы прощался съ вѣрными спутниками своей жизни. Скоро затѣмъ онъ умеръ, вечеромъ 11 Іюня 323 года до Р. Х. на 33 году жизни. Царствованіе его продолжалось 12 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. Со смертію его, распалось основанное имъ всемірное Персидско-Македонское царство; одинъ онъ, основатель царства, и былъ въ состояніи управлять онымъ.

КАРТИНЫ ИЗЪ АѲИНСКОЙ ЖИЗНИ.

ЖИЛИЩЕ.

Въ предъобѣденное время, въ самой срединѣ лѣта, маленькое, но хорошо отдѣланное судно, съ пурпуровымъ флагомъ на мачтѣ, вошло въ Пирей, аѳинскую гавань, и стало на якорь. Юноша съ благороднымъ выраженіемъ лица выскочилъ изъ судна на землю, за нимъ слѣдовалъ пожилой рабъ, который несъ дорожный узелъ своего господина. Юноша, по имени Критонъ, послѣ долгаго отсутствія опять ступилъ на родную землю. Отца онъ похоронилъ въ дальней странѣ,—каково ему было жить безъ отца! Теперь возвратился онъ домой, чтобы снова вступить во владѣніе отцовымъ домомъ, который, по слухамъ впрочемъ, былъ проданъ.

Тутъ все ему было довольно извѣстно, онъ находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ роднаго, которое окружало его. Тутъ стояло большое зданіе, въ которомъ купцы всѣхъ странъ свѣта разложили образцы своихъ товаровъ предъ взорами проходящихъ; пестрая, любопытная толпа собралась предъ столами. Множество гостинницъ лежало на набережной для гостей иноземныхъ, всевозможные ремесленники устроили здѣсь свои мастерскія, тутъ же находились помѣщенія врачей, открытыя для каждаго, кто нуждался во врачебной помощи. Въ гавани происходило большое движеніе:

одни суда выгружались, другія забирали новый грузъ, тысячи работниковъ заняты были переноскою тяжестей.

Но Критонъ не долго оставался здѣсь, его влекло далѣе въ Аѳины, онъ имѣлъ при себѣ рекомендацію къ одному изъ друзей своего отца. Этотъ другъ отца жилъ у Итонійскихъ воротъ, недалеко отъ храма Зевса Олимпійскаго. Поэтому Критонъ отправился по фалерейской дорогѣ, которая шла нѣсколько вправо отъ длинныхъ стѣнъ, которые соединяли Пирей съ Аѳинами. Скоро заструились у ногъ его посвященныя музамъ воды Илисса. Онъ развязалъ сандаліи и пошолъ вдоль берега рѣки, свѣжія воды омывали его ноги. Чрезъ нѣсколько времени онъ стоялъ въ тѣни одного большаго платана. Здѣсь было любимое мѣсто его, когда онъ еще былъ мальчикомъ. На мгновеніе онъ остановился и смотрѣлъ вокругъ себя. Тутъ стояло все то же могучее дерево, котораго огромныя вѣтви и вершина далеко превосходили всѣ другія деревья. Кругомъ разрослись цвѣтущіе кусты и травы, которые распространяли благовоніе; прекрасный ручеекъ струился, обтекая вокругъ подножія дерева, верхушками шумѣлъ вѣтерокъ, и туча насѣкомыхъ кружилась надъ цвѣтами и листьями. Особенно же манилъ путника къ отдыху высокій роскошный лугъ.

Рабъ снялъ съ плечъ свой узелъ и помѣстился въ почтительномъ отдаленіи отъ своего господина. А онъ, склонивши голову, задумался объ играхъ, которыми забавлялся здѣсь когда-то съ своими сверстниками. Его юность живо пронеслась въ его воображеніи. Но куда дѣвались тѣ, которые съ нимъ веселились здѣсь? Между тѣми, кого онъ встрѣтилъ въ Пиреѣ, не нашелъ онъ ни одного знакомаго. Будетъ ли онъ счастливѣе на этотъ счетъ въ Аѳинахъ!

Онъ подавилъ въ своемъ сердцѣ непріятныя мысли о своемъ одиночествѣ и вскочилъ, чтобы продолжать путь свой. Когда онъ дошолъ до Итонійскихъ воротъ, спросилъ о домѣ отцова друга, котораго звали Лизикратомъ. Одна

старуха, сидѣвшая у воротъ въ маленькой лавочкѣ, гдѣ она продавала разныя мелочи, отвѣчала ему: «Тамъ за городскою стѣною находится этотъ домъ, окна видны отсюда сквозь ворота, а два гермесовыхъ столба, которые также видны отсюда, стоятъ по обѣимъ сторонамъ воротъ дома.

Критонъ пошолъ въ указанномъ направленіи и скоро стоялъ предъ входомъ жилища. Онъ взялся за мѣдное кольцо и осторожно постучалъ. Спустя нѣсколько времени явился привратникъ. Наконецъ внутренній засовъ въ дверяхъ былъ отодвинутъ, и Критонъ съ спутникомъ своимъ вошолъ въ сѣни. Онъ велѣлъ доложить о себѣ господину дома и былъ принятъ. Лизикратъ лежалъ на мягкой подушкѣ за обѣдомъ, у него въ гостяхъ былъ одинъ изъ его друзей. Не вставая, сказалъ онъ вошедшему привѣтствіе и подалъ ему руку, потомъ взялъ рекомендательное письмо, раскрылъ его и прочиталъ внимательно строку за строкою. Потомъ онъ сказалъ: «Что жь дѣлать; я думалъ видѣть самого твоего отца у меня въ домѣ, но боги судили иначе. Будь моимъ гостемъ столько времени, сколько будетъ угодно тебѣ. Рабы, сведите пришедшаго въ комнату для гостей и приготовьте ему ванну».

Критона привели въ небольшой домъ, лежащій возлѣ главнаго строенія; здѣсь рабы ухаживали за нимъ съ возможнымъ усердіемъ, равно и спутнику его указали удобный уголъ. Когда онъ переодѣлся и выкупался, отправился въ библіотеку своего хозяина. Тутъ было богатое собраніе сочиненій, которыя выставлены были въ комнатѣ, украшенной стѣнною живописью. Гомеръ находился во многихъ рукописяхъ, древнѣйшія давали знать о себѣ по темному цвѣту бумаги и по многимъ червоточинамъ, которыми онѣ были испещрены. Кромѣ Гомера здѣсь находились всѣ прочіе греческіе поэты въ четко написанныхъ манускриптахъ, не было недостатка и во второстепенныхъ трудахъ. Другой рядъ рукописей состоялъ изъ ораторовъ, философовъ и истори-

ковъ. И изъ этихъ писателей многіе были въ нѣсколькихъ экземплярахъ, тутъ были даже нѣкоторыя комедіи Анаксандрида: рѣдкая рукопись, которую Лизикратъ купилъ у продавца кореньевъ, которому стихотворецъ продалъ свое сочиненіе на обертку съ горя о томъ, что никто не хотѣлъ покупать его.

Въ другомъ прилежащемъ покоѣ, котораго стѣны также были украшены прекрасною стѣнною живописью, находилось собраніе произведеній искусства и предметовъ, исторически замѣчательныхъ. Первые состояли большею частью изъ скульптурныхъ фигуръ, весьма искусно сдѣланныхъ; такъ, четверная упряжь изъ слоновой кости чрезвычайно красивой рѣзьбы была такой незначительной величины, что муха могла покрыть ее своими крыльями; муравей натуральной величины, отлично скопированный съ натуры, зерно растенія сезамъ, на которомъ написаны были два стиха изъ Гомера едва замѣтно золотыми буквами. Особенное удивленіе Критона возбудила доска, на которой лежало множество изъ воска сдѣланныхъ плодовъ, и по срединѣ стояла статуя амура, равно вылитая изъ воска. Изъ историческихъ достопримѣчательностей Критонъ нашолъ палку, которою Антисѳенъ, циникъ, грозилъ Діогену, когда послѣдній насмѣшливо кричалъ ему, что его суетность выглядываетъ изъ прорѣхи его одежды; кромѣ того было много и другихъ вещей, и на каждой было обозначено, почему она попала въ собраніе древностей.

Вечеромъ того же дня, который Критонъ провелъ у своего знакомаго, послѣдній познакомилъ его съ тѣмъ, что сталось съ домомъ его отца.

«Ты найдешь его совершенно запущеннымъ», сказалъ онъ между прочимъ.

«Это еще не большое горе, отвѣчалъ Критонъ, но теперешній владѣлецъ, можетъ быть, не захочетъ продать мнѣ его».

«Объ этомъ не безпокойся, прервалъ его Лизикратъ. Я возвращу тебѣ домъ завтра, потому что онъ принадлежитъ мнѣ. Онъ едва не попалъ въ чужія руки, но я въ свое время узналъ о публикаціи, чрезъ которую мѣняло, которому твой отецъ довѣрилъ свое имущество, объявлялъ о продажѣ дома; я уплатилъ за него 40 минъ, которыя, я надѣюсь, ты мнѣ за него отдашь».

«Завтра утромъ я тебя сведу туда, добавилъ онъ. И если тебя ничто не задержитъ, отправимся пораньше».

«Какъ угодно, отвѣчалъ Критонъ, я буду готовъ утромъ». Потомъ они разстались, а одинъ изъ рабовъ, ожидавшій Критона, отвелъ его въ спальную комнату.

Эта комната убрана была очень роскошно; когда юноша раздѣвался, онъ успѣлъ осмотрѣться въ ней.

Красивый, вышитый коверъ, произведеніе тирскаго искусства былъ занавѣсомъ у дверей. У одной изъ стѣнъ, покрытыхъ живописью, стояла постель, которой кроват сдѣлана была изъ клена, у головной части было возвышеніе. На перекладинахъ лежали шерстью набитый кожаный матрацъ и кожаная подушка. Надъ ними постлано было прекрасное милезійское пурпуровое одѣяло, на которомъ лежало еще нѣсколько, но только мягкихъ подушекъ, которыя клали у спины и боковъ. Пестрый коверъ покрывалъ полъ во всю комнату. Около постели стоялъ круглый столъ; доска стола изъ клена отличной наборной работы укрѣплена была на бронзовыхъ ножкахъ, имѣвшихъ видъ козьихъ ногъ. Нѣсколько стульевъ изъ чернаго дерева съ подушками стояло вокругъ стола, а въ углу, противъ кровати, стояла изящно сдѣланная жаровня, куда осенью и зимою клали уголья, чтобы нагрѣть комнату.

Скоро Критонъ отдался въ руки Морфея; сонъ на мягкомъ ложѣ тѣмъ болѣе былъ пріятенъ ему, что онъ провелъ уже нѣсколько ночей въ тѣсномъ уголкѣ барки, на которой плылъ изъ Коринѳа въ Пирей.

Утромъ рано проснулся онъ, исполненный нетерпѣніемъ отправиться на то мѣсто, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и которое онъ могъ назвать теперь своимъ. Едва замѣтилъ рабъ, что онъ всталъ съ постели, вошолъ къ нему и сказалъ, что готова ванна. Критонъ слѣдовалъ за рабомъ, и освѣжившись холодною водою, вытерши съ помощью раба свое тѣло чистымъ масломъ и одѣвшись, сначала отправился въ свою комнату. Тутъ нашолъ онъ вино и хлѣбъ къ завтраку. Онъ опускалъ кусочки хлѣба въ вино и ѣлъ ихъ, потомъ поспѣшилъ къ своему гостепріимцу, который встрѣтилъ его на порогѣ своей комнаты, сказалъ ему любезное привѣтствіе и потомъ вышелъ съ нимъ за ворота. Рабъ домохозяина, слѣдовавшій за ними, несъ ларчикъ.

Еще было раннее утро, еще не наступили собственно часы занятій аѳинянъ. Впрочемъ улицы были уже оживлены. Мущины въ хламидѣ съ многими складками, въ одеждѣ, которая держалась на правомъ плечѣ при помощи запонки, тогда какъ края хламиды падали съ плечъ, проходили мимо ихъ; эти люди хотѣли застать своихъ знакомыхъ дома еще до занятій, почему и вышли такъ рано на улицу. Тамъ рѣзвая толпа дѣтей спѣшила въ гимназію; провожавшій ихъ педагогъ, рабъ, которому поручена была служба водить дѣтей, съ трудомъ слѣдовалъ за ними. Тамъ отворялась домовая дверь, здѣсь другая, изъ которой выходили невольницы съ пустыми кружками въ рукахъ; скоро набралось ихъ большое число; болтая и смѣясь, спѣшили онѣ въ своихъ подвязанныхъ хитонахъ къ девятитрубному фонтану почерпнуть воды. Деревенскіе люди шли въ ворота и несли овощи, плоды и цвѣты, чтобы на рынкѣ разложить ихъ для продажи. Мелочные торговцы тянулись по той же дорогѣ, равно и женщины съ рыбою отправлялись на рынокъ.

Критонъ и Лизикратъ шли, мало обращая вниманія на движеніе въ городѣ. Когда они завернули за уголъ улицы

триподовъ, остановились у дома, который намѣрены были посѣтить. Это былъ старый, мало перемѣнившійся домъ, Критонъ узналъ его съ перваго взгляда. Какъ забилось сердце его, когда онъ увидѣлъ столбы Гермеса, стоящіе стражами при входѣ; на эти столбы одинъ изъ проходящихъ повѣсилъ вѣнки и ленты. Тутъ недалеко отъ дверей стоялъ старый лавръ, который простиралъ свой зеленый вѣнокъ надъ конусообразнымъ алтаремъ Аполлона, покровителя дома. Но что-то внутри дома? Полный нетерпѣнія юноша выжидалъ момента, въ который онъ переступитъ порогъ.

Лизикратъ взялъ ключъ съ тремя зубцами и началъ отпирать дверь. Это стоило ему нѣкотораго труда, потому что давно уже замка не отпирали; наконецъ ключъ обошелся. Двери заскрипѣли на своихъ петляхъ, когда рабъ отбилъ ихъ. Но въ какомъ мрачномъ видѣ представилась внутренность дома, когда вошли туда! Пустымъ стоялъ шалашъ превратника; красною ржавчиною покрытая цѣпь, на которой когда-то была собака, лежала на землѣ. На колоннахъ двора, равно и на тѣхъ, которыя поддерживали комнаты безъ стѣнъ (открытыя), ласточки свили свои гнѣзда, а между капителями пауки развѣсили свои искусныя ткани. Дворъ заросъ травою, и между плитами, которыми уложенъ былъ весь дворъ, поросъ зеленый мохъ. Впрочемъ посрединѣ двора стоялъ еще гермесовъ столбъ, словно такъ же, какъ его запомнилъ Критонъ. Но нѣтъ, и онъ перемѣнилъ свое положеніе. Критонъ вспомнилъ, что онъ прежде былъ немножко наклоненъ къ одной сторонѣ, потому что фундаментъ нѣсколько опустился. Теперь онъ стоялъ совершенно прямо. Критонъ подошолъ ближе, и каменная плита съ краснымъ прожилкомъ, лежавшая у подножія статуи, предъ входомъ въ домъ, лежала теперь на противоположной сторонѣ. Тутъ перемѣна произошла, что бы это значило? Онъ вспомнилъ, что говорили еще въ дѣтствѣ ему, будто бы подъ этою статуей положенъ кладъ, который зарылъ туда

одинъ изъ предковъ его. Чья жь это рука, пользуясь запущеніемъ нежилаго дома, похитила сокровища!

Лизикратъ подошолъ къ нему. «Ты смотришь на статую Гермеса, сказалъ онъ, которая стояла не такъ прямо, и думаешь, можетъ быть, о сокровищахъ, которыя по слухамъ лежали подъ нею»?

Критонъ молчалъ и смотрѣлъ съ недоумѣніемъ на своего гостепріимца. Тотъ продолжалъ: «Слухъ на этотъ разъ не былъ ложнымъ. Купивши домъ, я хотѣлъ поправить статую, которая готова была упасть и подставить новый пьедесталъ. Рабочіе нашли металлическій сундучекъ, въ которомъ было 2000 золотыхъ статировъ (около 9000 руб.). Вотъ твои деньги, прибавилъ онъ, взявши у раба, который сопровождалъ ихъ, ящичекъ, и передавая его Критону. Возьми, что твой предокъ здѣсь сокрылъ, ты будешь его достойнымъ внукомъ».

Критонъ былъ пораженъ и едва могъ выговорить благодарность человѣку, который такъ предусмотрительно и честно сберегъ его наслѣдство. Чрезъ него онъ сдѣлался состоятельнымъ человѣкомъ, и тотчасъ рѣшился разрушающійся домъ возобновить и тутъ остаться на жительство.

Но онъ не все еще видѣлъ. Онъ пошолъ чрезъ дворъ въ заднія пристройки. Тутъ находились женскіе покои. Сколько новыхъ воспоминаній пробудилось опять въ душѣ его. Это была комната, въ которой жила его мать, умершая за долго до смерти отца; вотъ комната, гдѣ прислужницы работали при свѣтѣ лампы, гдѣ онъ игралъ у ногъ своей няни. Теперь все было такъ пусто, все изъѣдено зубами времени. Но скоро, скоро все это засіяетъ въ новомъ блескѣ.

Онъ оборотился, чтобы спросить Лизикрата объ архитекторѣ, но Лизикрата уже не было. Благородный человѣкъ уклонился отъ благодарности и ушолъ. Критонъ нашолъ только своего раба, который ходилъ за нимъ. Рабу онъ передалъ сундучекъ съ деньгами, а самъ поспѣшилъ къ

дому Ификрата, чтобы выразить предъ нимъ, какъ много онъ ему обязанъ, и попросить у него совѣта и помощи въ дальнѣйшей своей дѣятельности.

РЫНОКЪ.

На рынкѣ въ Аѳинахъ до обѣда было сильное движенiе. Это была не простая площадь, свободная отъ строенiя; рынокъ занималъ цѣлую часть города, которая украшена была алтарями, галлереями и статуями, равно какъ и платанами, насаженными Кимономъ. Этимъ мѣстомъ располагали купцы. Часть ихъ разбила здѣсь свои лавочки, сдѣланныя изъ дерна, другiе выложили свои товары на столахъ или просто на землѣ. Всюду, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ сошлись продавцы однихъ и тѣхъ же товаровъ, слышался большой шумъ и крикъ. Тутъ пекарки разложили горкою свои кругловатые хлѣбы и печенье, и горе тому, кто, размахивая своею одеждою, вздумалъ бы разорить съ такимъ старанiемъ построенную пирамиду, или позволилъ бы себѣ подшутить надъ пекаркою въ этомъ родѣ. Тысячи ругательствъ и прозвищъ посыпались бы на его голову, и онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, что не вышло хуже. Тамъ дымились котлы, въ которыхъ женщины варили растенiя и овощи и тутъ же продавали. Это мѣсто окружено было густою толпою людей изъ низшаго класса, который здѣсь имѣлъ завтракъ и обѣдъ. Далѣе былъ горшечный рынокъ, гдѣ гончары или горшечники разложили свои товары и громкимъ голосомъ расхваливали превосходство своихъ издѣлiй предъ

невольницами, которыя уполномочены были своими госпожами купить посуды для кухни. На миртовомъ рынкѣ стояли цвѣточницы, которыя предлагали проходящимъ свои душистые, перевитые розами вѣнки, которые надѣвали на голову во время веселыхъ угощеній (пировъ). Всѣ жизненныя потребности могли найти здѣсь удовлетвореніе; здѣсь было все, отъ ячменной крупы до лакомѣйшихъ рыбъ, отъ луку и чесноку — любимое кушанье простолюдина — до душистыхъ благовоній, сожигаемыхъ на алтаряхъ въ честь боговъ. Здѣсь было тонкое, чистое масло и драгоцѣнный бальзамъ, тамъ стояли сыры и медъ гимедскихъ пчелъ. Здѣсь раздавался громкій крикъ торгаша, который пробивался сквозь густую толпу и предлагалъ проходящимъ купить товары, которые онъ носилъ въ коробѣ. Тамъ толпа обступила публичнаго глашатая и оцѣнщика, который объявлялъ о привозѣ новыхъ товаровъ и о цѣнѣ ихъ, слѣдилъ за случаями воровства, равно какъ ловилъ бѣглыхъ рабовъ.

Нѣсколько юношей, со вкусомъ одѣтыхъ, собравшихся около стола одной торговки бальзамами, принадлежали явно къ числу знатныхъ, но избалованныхъ, изнѣженныхъ повѣсъ. Смотри, какъ они выставляютъ руку и самымъ кончикомъ пальца поправляютъ волосы, которые они подкрасили здѣсь же купленною черною помадою. Уже вдали отъ нихъ слышно благовоніе бальзама, нѣкоторые изъ нихъ держатъ въ рукахъ букеты цвѣтовъ, или плоды. Блѣдный, женственный видъ этихъ щеголей, ихъ худыя, тонкія руки показываютъ, что ихъ работа есть ничего-недѣланіе, а образъ жизни состоитъ изъ ряда удовольствій.

Въ длинной, почти до земли спадающей одеждѣ, идетъ человѣкъ, за нимъ съ покорнымъ видомъ слѣдуютъ три раба. Онъ смотритъ въ землю, чтобы никому не говорить привѣтствія; правую руку онъ положилъ на грудь, чтобы каждый видѣлъ на его пальцахъ дорогія кольца, которыя блестятъ на свѣтѣ солнца. Иногда онъ поворачиваетъ назадъ

свою голову и говоритъ своимъ рабамъ кое что о серебряныхъ кубкахъ, ковшахъ и чашахъ, чтобы проходящіе слышали, какъ мало значатъ для него цѣнныя вещи. Впрочемъ это человѣкъ низкаго происхожденія; недавно въ грязномъ платьѣ онъ бѣгалъ по рынку и добывалъ хлѣбъ тѣмъ, что носилъ за малую плату съ рынка то, что куплено было другими для дома. Теперь онъ, благодаря неожиданному наслѣдству, сдѣлался богатъ и до того ослѣпленъ гордостью, что считаетъ за большое оскорбленіе, когда кто нибудь изъ незнатныхъ рѣшался заговорить съ нимъ.

Особенно много движенія у продавцевъ рыбы, которые продаютъ за дорогую цѣну свои изысканные, вкусные товары.

«А какъ дороги эти щуки?» спросилъ одинъ изъ покупателей. «Десять оболовъ» былъ отвѣтъ. «Это дорого; ты отдашь ихъ мнѣ за восемь!» «Если желаешь получить одну, такъ можно». «О» проговорилъ желающій купить, вынимая восемь оболовъ, «бери деньги и не толкуй больше». «Я говорю не шутя» прибавилъ неумолимый купецъ, «можешь идти дальше».

Вдругъ пошла суматоха, раздались рукоплесканія. Агораномы, исправлявшіе полицейскія обязанности на площади, спѣшатъ на мѣсто, откуда слышится шумъ. Сюда тѣснилась толпа; одни ругались, другіе кричали, нѣкоторые громко смѣялись, иные шли съ мрачнымъ, сердитымъ выраженіемъ лица. Что случилось? Кто-то палъ въ обморокъ, а одинъ изъ рыбныхъ торговцевъ вылилъ на него сосудъ холодной воды, чтобы привести его въ чувство. Это произвело свое дѣйствіе на лежавшаго безъ чувствъ, но многіе изъ присутствовавшихъ и проходившихъ были порядочно обрызганы и остались этимъ очень недовольны. У того знатнаго гастронома, который торговалъ рыбное блюдо, сильно измочено было дорогое платье; одна невольница, стоявшая по несчастью около обморочнаго, была подобно ему вся облита

водою, хитонъ висѣлъ, капая, на ея сухощавомъ тѣлѣ. Но и сосудъ, въ которомъ находились рыбы человѣколюбиваго продавца, былъ отчасти наполненъ водою. Это было не согласно съ закономъ рыночнымъ, по которому рыбы не должны лежать въ водѣ, даже быть облиты водою, чтобы купецъ скорѣе продавалъ ихъ и назначалъ цѣну пониже, пока они не умерли или не испортились. Агораномъ заставлялъ его тотчасъ же вылить воду; съ шутливымъ смѣхомъ онъ исполнялъ приказаніе; каналья далъ притворившемуся обморочному два обола, чтобы онъ упалъ около лавки, и тѣмъ далъ ему возможность спрыснуть водою бѣдныхъ, истомленныхъ жаждою рыбокъ. Вся сцена была похожа на драматическое представленіе. Лавочникъ достигъ своей цѣли, его полумертвыя рыбы освѣжились и снова дышали; сверхъ того можно было его счесть за сострадательнаго, пекущагося о благѣ ближнихъ человѣка.

Рынокъ посѣщали только мужчины и невольницы, порядочной женщины тамъ нельзя было видѣть. Много ропоту пробудилось бы, если бы хоть одна изъ женщинъ замѣшалась въ толпу съ цѣлью что нибудь купить. Приличіе требовало, чтобы мужъ, который постоянно бывалъ на рынкѣ, гдѣ имѣлъ дѣла и видѣлся съ друзьями, закупалъ все, что нужно было для дома. Вообще у грековъ было обычаемъ, что мужъ почти весь день проводилъ внѣ дома, тогда какъ жена жила въ тихомъ затворничествѣ и рѣдко покидала домъ. Если она была вдовою, или не довѣряла знанію мужа относительно покупокъ, она посылала рабыню.—

Среди покупателей, которые прицѣнивались къ разнымъ товарамъ, двигались люди, которые сами ничего не покупали, но тщательно наблюдали за всѣмъ, что происходило. Никто не говорилъ съ ними, но каждый старался даже уклоняться отъ ихъ встрѣчи. Это были опасные сикофанты, люди, которые тѣмъ жили, что клеветали то на того, то на другаго, поднимали искъ противъ кого нибудь, или за-

ставляли его заплатить деньги за мнимое безчестіе и т. п. Такого рода человѣкъ былъ и здѣсь; онъ былъ сухощаваго лица, имѣлъ черные, взъерошенные волосы. Его темные глаза искрились, его губы были лукаво стиснуты. Онъ наблюдалъ за однимъ значительнымъ человѣкомъ, которому замышлялъ нанести ударъ. Подобно скорпіону держалъ онъ на готовѣ жало, чтобы при первомъ случаѣ выпустить его и на смерть ранить свою жертву. Если бы не прибылъ на этотъ разъ одинъ изъ агораномовъ и не заставилъ молодца опасной наружности отойти прочь, кто знаетъ, съ какимъ обвиненіемъ онъ повлекъ бы къ суду знатнаго господина.

Въ особой галлереѣ сидѣли мѣнялы и трасировщики векселей. У нихъ столовъ виднѣлись только богатые люди, потому что здѣсь шли значительныя денежныя дѣла. Зажиточный грекъ рѣдко имѣлъ размѣнныя деньги у себя въ домѣ, его капиталы были у мѣнялы, чрезъ котораго онъ производилъ всѣ свои уплаты.

Предъ однимъ изъ такихъ столовъ стоялъ человѣкъ, по виду купецъ, и разговаривалъ о чемъ-то съ сидящимъ за столомъ мѣнялою (банкиромъ). Первый хотѣлъ получить отъ втораго нѣкоторую ссуду денегъ, и когда сказалъ, на какое дѣло нужны ему деньги, и указалъ на средства къ уплатѣ займа въ назначенный срокъ, мѣняло изъявилъ готовность доставить ему ссуду. Онъ тутъ же отсчиталъ ему деньги и получилъ отъ него росписку. Въ то время какъ этотъ клалъ въ карманъ деньги, трасировщикъ сказалъ ему: «Ты получилъ отъ меня сумму сполна и наличными деньгами: мнѣ ты не даешь ничего, кромѣ маленькаго кусочка бумаги, который стоитъ всего два халкида (копейка). Заплати мнѣ въ срокъ сумму и помни, что на моей сторонѣ законъ, защищающій мои права». Получитель отвѣчалъ: «Не безпокойся, я исполню всѣ условія нашего договора», и удалился. Тогда мѣняло взялъ свою торговую книгу, впи-

салъ въ нее нѣсколько словъ, положилъ бумагу въ ящикъ, въ которомъ лежало много бумагъ подобнаго рода, и обратился къ другому, который уже нѣсколько времени стоялъ предъ его столомъ и ожидалъ мѣнялу. Съ нимъ подошолъ другой, неважная личность.

«Что тебѣ надо? спрашивалъ мѣняло».

«Я купилъ вотъ у этого человѣка раба за двѣ мины (45 руб.), изъ моей счетной книги я знаю, что у тебя лежитъ моихъ 700 драхмъ (129 руб.). Заплати этому человѣку деньги.

Мѣняло взялъ книгу, развернулъ ее, и отыскавъ что нужно, сказалъ: «вообще твой счетъ вѣренъ, но ты кажется забылъ плату за выдачу 350 эгинскихъ драхмъ, которыя я заплатилъ Пазею за купленную тобою слоновую кость».

Подумавъ немного, этотъ отвѣчалъ: «Да, твоя правда, я объ этомъ забылъ.

Тогда трапезовщикъ заплатилъ продавцу рабовъ двѣ мины, отмѣтилъ въ своей книгѣ; а два человѣка, стоявшихъ предъ столомъ, пошли дальше.

У другаго стола разговоры были горячѣе и оживленнѣе; дѣла совершались не безъ возраженій и извиненій. Трапецитъ, который здѣсь ожидалъ покупателей, былъ человѣкъ мрачнаго, отталкивающаго вида. Его блѣдное лицо было все въ морщинахъ, его глазъ непріятно ходилъ кругомъ, какъ будто бы стараясь избѣжать взоровъ проходившихъ. Около него лежали вѣсы, на которыхъ онъ испытывалъ вѣсъ нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ, только уплаченныхъ ему. Онъ не безпокоился о томъ, что навлекалъ на себя своимъ взвѣшиваньемъ презрительное прозвище растовщика, или оболостата. Какъ ему никто не вѣрилъ, такъ и онъ другимъ платилъ тѣмъ же; ему легко было сбыть монету, неимѣющую настоящаго вѣсу. Предъ нимъ лежала доска, на которой онъ вычислялъ проценты, которые наросли по долговой книгѣ; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ бумагу, кото-

рая сдѣлалась совершенно желтою, а потому казалась очень старою.

Тутъ подошолъ одинъ юноша къ столу, и послѣ краткаго привѣтствія сказалъ:

«Я ѣду изъ Сиракузъ и имѣю порученіе отъ Состена получить отъ тебя три таланта, которые ты ему долженъ».

Мѣняло посмотрѣлъ на незнакомца проницательнымъ взглядомъ; его лице немножко исказилось; онъ сказалъ:

«Я не думалъ, чтобы Состенъ спросилъ у меня такую сумму. Развѣ онъ забылъ, что я уже заплатилъ за него 8000 драхмъ». При этихъ словахъ взялъ онъ свою книгу и сказалъ: «Посмотри въ мою торговую книгу. Здѣсь написано: «Состенъ, сынъ Форміона изъ Сиракузъ, положилъ два таланта. Изъ нихъ 8000 драхмъ выдать Фриніону, за котораго явится Эпикратъ, пиреецъ». Видишь ли, добавилъ онъ, у меня остается только 4000 драхмъ».

«Такъ, отвѣчалъ юноша. Но, кажется, я долженъ немножко напомнить тебѣ: Состенъ говорилъ мнѣ, что онъ уже послѣ этого, когда возвращался изъ Понта, внесъ въ твою кассу снова два таланта и 2000 драхмъ; теперь ты согласишься, что онъ долженъ получить отъ тебя полныхъ три таланта».

Трасировщикъ совершенно смутился. Чтобы скрыть свое смущеніе и отклониться отъ дальнѣйшихъ распросовъ, онъ съ досадою проговорилъ:

«Что ты присталъ ко мнѣ? Я тебя не знаю. Зачѣмъ тебѣ мѣшаться въ чужія дѣла. Каждый сикофантъ можетъ явиться и требовать денегъ на чужое имя».

Юноша отвѣчалъ раздраженному: «Еще ты не знаешь, и я не успѣлъ еще сказать тебѣ, что я имѣю полномочіе на полученіе денегъ. Вотъ письмо Состена. Знаешь его печать?»

«Кажется печать его,» проговорилъ мѣняло съ досадою, разсматривая печать.

«Тамъ собственноручное письмо Состена, рука тебѣ должна быть знакома.»

«Можетъ быть и поддѣлка», ворчалъ трасировщикъ, развертывая письмо. Его глаза бѣгали по строкамъ, цвѣтъ лица его мѣнялся, грудь его колебалась; онъ пристально но безтолково глядѣлъ на бумагу; въ самомъ же дѣлѣ онъ думалъ, какъ бы тутъ выпутаться.

Между тѣмъ незамѣтно для мѣнялы подошелъ къ столу старикъ, который быстро сообразилъ, въ чемъ тутъ дѣло. Въ то время, какъ мѣняло держалъ еще письмо въ дрожащихъ рукахъ, вдругъ заговорилъ онъ спокойнымъ тономъ.

«Никакихъ отговорокъ, Ликонъ, не нужно. Еще въ свѣжей памяти, какъ ты лавировалъ съ византійскимъ купцомъ, который требовалъ отъ тебя своихъ денегъ. Весь городъ знаетъ, какъ ты устранилъ отъ дѣла раба, которому оно только и было извѣстно, а потомъ отказался отъ выдачи денегъ, даже осмѣлился съ подкупленными свидѣтелями доказывать, что купецъ занялъ у тебя шесть талантовъ. Помнишь ли, что твой довѣритель, только благодаря мнѣ, нашолъ на тебя управу. Теперь я хочу услужить и этому молодому человѣку».

Мѣняло хотѣлъ обрушиться бранью на старика, но одумался. Словно ничего не понимая изъ того, что говорилъ непрошенный заступникъ, въ которомъ онъ узналъ всѣмъ извѣстнаго оратора и правовѣда, онъ съ добродушною миною промолвилъ:

«Я забылъ вписать, теперь только припоминаю. Дѣйствительно, я долженъ Состену три таланта. Но у меня нѣтъ денегъ въ настоящую минуту, и если бы я обошолъ всѣ столы, никто не можетъ дать мнѣ размѣнной монеты на такую сумму. Приди завтра и получишь деньги».

«Нужно ли, Ликонъ, чтобы я завтра пришолъ съ этимъ юношею?» спросилъ старикъ съ насмѣшливою улыбкою.

«Нѣтъ не нужно» сказалъ мѣняло, «бумаги вѣрны, дѣло въ порядкѣ».

Чѣмъ болѣе приближался полдень, тѣмъ болѣе убывала толпа съ рынка. Деревенскіе жители, закупивши товары, возвращались домой, купцы разошлись по разнымъ гостинницамъ, чтобы захватить съ собою кушаньевъ и напитковъ. Сколько шума было предъ обѣдомъ, а теперь все замолкло, когда солнце достигло своей высшей точки стоянія. Улицы становились пустѣе, площадки безлюднѣе, торговля на этотъ день оканчивалась, и только на слѣдующій день тѣ же сцены возобновятся въ то же время.

ГОСТИННИЦА.

Въ Аѳинахъ, на одной улицѣ, которая не принадлежала къ самымъ люднымъ, стоялъ домъ, по внѣшнему виду котораго можно было заключить, что онъ уже стоитъ не мало годовъ, и что владѣлецъ его не слишкомъ тароватъ былъ на внѣшнее украшеніе. Стѣны расщелились по мѣстамъ, равно и камень, изъ котораго онъ построенъ, выпадалъ обломками изъ стѣны; кровля носила на себѣ явные слѣды поврежденій отъ бурь и вѣтровъ, самыя статуи Гермеса предъ воротами дома, давно, какъ казалось, стояли безъ головъ; они похожи были теперь на двѣ полуразрушенныхъ колоды отъ столбовъ.

Домъ принадлежалъ вольноотпущеннику Дискосу, который въ немъ производилъ выгодный промыселъ содержателя гостинницы. Ежедневно собиралось у него значительное число

молодыхъ людей, чтобы попытать счастья астрагаловъ (игральныхъ костей) на игральной доскѣ, или выставлять на бой пѣтуховъ и перепеловъ, которыхъ Дискосъ имѣлъ много, или даже потолковать просто о новостяхъ дня. Здѣсь часто продавались лошади и собаки, изъ которыхъ не рѣдко именно здѣсь выставлялись на продажу изысканнѣйшія и отличнѣйшія по своимъ качествамъ. Иной жеребецъ, имѣвшій на лѣвой ляжкѣ выжженый знакъ Коппы или Сана, цѣнился очень дорого, болѣе 12 минъ (270 талер.) Любители охоты старались здѣсь покупать собакъ, изъ которыхъ особенно славились лаконскія, моласскія и критскія.

Пространныя комнаты своего дома Дискосъ охотно уступалъ (за деньги) тѣмъ, которые складывались и заказывали у него обѣдъ. Никто не зналъ лучше, какъ угодить молодымъ людямъ вкусными яствами и хорошими винами. Говорили, что онъ никогда своимъ гостямъ не предлагаетъ другаго вина, кромѣ хіосскаго, хотя самъ онъ лучше всякаго зналъ, какъ, почти постоянно, въ первыхъ кружкахъ подавалось самое дорогое вино и отличнаго качества, подъ конецъ же большею частію подносили кислое и не слишкомъ хорошее прамнійское, чего впрочемъ веселое общество не замѣчало. Иногда конечно обманъ выходилъ наружу и Дискосу приходилось плохо. Уже не разъ случалось, что его посуда летѣла въ дребезги; разъ даже его самого нѣсколько молодыхъ людей связали въ особой комнатѣ и такъ наказали за обманъ, что на крикъ его сосѣди поднялись со сна и поспѣшили на помощь страдальцу. Но онъ не исправлялся и не оставлялъ своего дома, потому что хорошо понималъ, что нигдѣ нельзя провести время такъ пріятно, какъ у него, что нигдѣ нельзя найти лучшихъ блюдъ и вина, чѣмъ у него. Что касается личныхъ оскорбленій, которыя нанесены были ему такими непріятными случаями, то онъ вознаграждалъ себя тѣмъ, что умѣлъ извлекать изъ своихъ гостей хорошо барыши, не смотря на то, что гости не слишкомъ довѣряли

ему. Для этого онъ пользовался, какъ ходилъ слухъ, поддѣльными игральными костями; но какъ ни отвратителенъ былъ подобный обманъ, все возраставшая угодливость Дискоса, неподражаемое умѣнье развлекать своихъ гостей, устраняли всякое неудовольствіе, происходившее вслѣдствіе его плутовства. Его вкуснымъ обѣдамъ надо было отдать справедливость предъ всѣми прочими; онъ былъ неистощимъ въ томъ, чтобы придумать что нибудь новое и тѣмъ убить время своихъ гостей; какъ прежде, такъ и послѣ, домъ его былъ однимъ изъ самыхъ людныхъ въ Аѳинахъ. Касса его была полна и хотя онъ большею частію разъигрывалъ роль бѣдняка, но въ тоже время откладывалъ порядочныя суммы у своего банкира.

Разъ утромъ было чрезвычайно весело въ тавернѣ вольноотпущенника. Въ комнатѣ сидѣло нѣсколько юношей за игрою въ кости. Астрагалы безпрестанно катались по доскѣ, принося счастье то тому, то другому. Вдругъ одинъ изъ играющихъ громко закричалъ: стой! «Ты, Ктезій, фальшиво игралъ,» прибавилъ онъ, вспыливъ отъ гнѣва. Обвиненный вскочилъ въ раздраженіи; одни были на сторонѣ его, другіе на сторонѣ обличителя. Споръ шолъ все сильнѣе и готовъ былъ перейти отъ словъ къ дѣлу. Но тутъ Дискосу удалось успокоить раздражонныхъ, споръ кончился, игра продолжалась.

Въ другой комнатѣ, лежали на мягкомъ ложѣ за роскошнымъ обѣдомъ нѣсколько юношей знатнаго рода. Вопреки обычаю, весьма рано они принялись за пирушку. Мѣткія остроты, колкія насмѣшки летѣли съ ихъ губъ. Бесѣда отличалась остроуміемъ, но мало было задушевности. Что за звонъ долженъ былъ раздаваться въ ушахъ тѣхъ, на чей счетъ отпускались безжалостныя остроты.

Гораздо покойнѣе было развлеченіе гостей въ третьей комнатѣ. Тутъ играли въ четъ и не четъ по малой ставкѣ. Другіе занимались тѣмъ, что пускали кубаремъ монету, и въ

то время, какъ она вертѣлась на боку, прикладывали къ ней палецъ—монета не должна была лечь плашмя, но остаться въ стоячемъ положеніи. Простодушныя мины этихъ игроковъ, которые большею частію принадлежали къ простому народу, показывали, что они думали только о томъ, чтобы какъ нибудь убить время.

Гораздо оживленнѣе была сцена на дворѣ. Тутъ стояла толпа мужчинъ и жарко спорила о достоинствахъ лошади. Породистый жеребецъ, купленный однимъ изъ гостей за 20 минъ, и котораго онъ здѣсь показывалъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, возбуждалъ большія похвалы на счетъ другаго жеребца, у котораго выжжено было на бедрѣ Санъ, у перваго знакъ былъ Коппа. Владѣтель Сана не могъ согласиться, чтобы его конь уступалъ другому коню; многіе держали сторону послѣдняго. Различныя мнѣнія такъ горячо и упорно были защищаемы, что споръ былъ уже близокъ къ тому, чтобы кончиться не на шутку; но въ это время, по счастью, вниманіе присутствующихъ было отвлечено въ другую сторону.

У Дискоса былъ перепелъ, который во всѣхъ бояхъ выходилъ побѣдителемъ. Не мало самодовольныхъ минъ выразилось на лицѣ владѣльца перепела, и не мало страдало самолюбіе тѣхъ, чьи птицы бывали побѣждены. Теперь нашолся еще человѣкъ, который бился объ закладъ съ Дискосомъ, что его птица можетъ помѣряться съ Дискосовою; Дискосъ согласился на бой. По его знаку рабъ принесъ помостъ (телія), на круглой поверхности котораго, обнесенной высокимъ ободомъ, долженъ былъ произойти бой. Телія была поставлена среди зрителей, и мужчина, державшій пари, осторожно взялъ перепела, котораго онъ бережно держалъ подъ лѣвою рукою и спустилъ его на помостъ внутрь ободка. «Кто держитъ закладъ? сказалъ онъ, мой перепелъ не вылетитъ за ободъ, какъ бы его ни дразнили.» «Я держу 10, я 20 драхмъ!» вскрикнуло нѣсколько

голосовъ. Тогда начали тыкать пальцамъ на птицу, дергать за перья на головѣ, таскать за хвостъ: ничего не помогало, онъ оборонялся противъ всѣхъ, при чемъ онъ бойко скакалъ то на того, то на другаго изъ дразнящихъ его, но ни разу не кинулся чрезъ плетень.

Тогда Дискосъ принесъ своего перепела, еще непобѣжденнаго. «Желаешь ли ты поставить въ закладъ перепела, или деньги?» спросилъ юноша. «Ты хочешь выиграть мою птицу? да, ты, я вижу, очень хочешь, съ шуткою говорилъ Дискосъ. «Но хотя я его и не потеряю, добавилъ онъ, все таки я никогда не ставлю его въ закладъ!» «Такъ хочешь 30 драхмъ,» возразилъ юноша.» «Я готовъ на 60,» сказалъ Дискосъ. «Идетъ» былъ отвѣтъ.

Маленькіе бойцы были поставлены другъ противъ друга. Едва они замѣтили одинъ другаго, какъ ощетинились другъ на друга, раскрыли свои носы или клювы, глаза ихъ засверкали и, распустивъ крылья, они начали бой. Птицы были одинаковой величины; Дискосовъ былъ нѣсколько сухощавѣе, чѣмъ его противникъ. Впрочемъ онъ не уступалъ, храбро подставлялъ грудь и направлялъ клювъ, и сколько ни возобновлялся бой, онъ удерживалъ свое мѣсто, или, если бывалъ вытѣсненъ, занималъ мѣсто противника. Но онъ не могъ заставить и этого послѣдняго уступить: онъ защищался равно храбро. Однакожъ бой производилъ на зрителей такое впечатлѣніе, что Дискосовъ перепелъ утомится скорѣе. «Я держу еще 40 драхмъ противъ тебя, Дискосъ, сказалъ одинъ изъ стоявшихъ кругомъ. Дискосъ, не отводя своихъ глазъ отъ перепеловъ, махнулъ головою въ знакъ того, что онъ согласенъ. Едва это было произнесено, какъ птица Дискоса, какъ будто раздраженная сомнѣніемъ относительно своей храбрости, бросилась съ удвоеннымъ жаромъ на своего противника, который, какъ будто ошеломленный ударомъ, послѣ короткаго сопротивленія, отлетѣлъ далеко за границу мѣста боя.

«Побѣжденъ, побѣжденъ! воскликнуло нѣсколько голосовъ. «Дискосова птица выиграла.»

Владѣтель побѣжденнаго перепела схватилъ его поспѣшно и говорилъ ему громко на ухо, чтобы уничтожить въ немъ всякое воспоминаніе о случившейся неудачѣ. Побѣдившей птицѣ, напротивъ, слышалась хвала со всѣхъ сторонъ. «Превосходная птица, говорилъ одинъ. «Видѣлъ ли, какъ храбро и ловко сбила она съ мѣста болѣе рослаго противника, восклицалъ другой. «Ни за что не продастъ ее Дискосъ, думалъ третій. Съ важнымъ смѣхомъ взялъ вольноотпущенникъ своего перепела, гладилъ его и прижималъ къ груди, потомъ съ тріумфомъ отнесъ его.

Въ то время, какъ на дворѣ собравшіеся зрители любовались боемъ, въ комнатѣ, гдѣ происходила игра въ кости, послышался громкій говоръ. Игроки такъ увлеклись своею игрою, что не принимали участія въ бою птицъ Только между ними вышло несогласіе. Одинъ пожилой мущина, по своему виду принадлежащій къ низшему сословію, по рѣдкому ли счастію, или при помощи недозволительныхъ хитростей въ игрѣ, обыгралъ совершенно своихъ товарищей. Ихъ кассы запустѣли, и когда каждый по распросамъ замѣтилъ, что денегъ ни у кого не осталось, что они все проиграли, одинъ только былъ въ выигрышѣ,—тогда явилось у нихъ подозрѣніе. Они вызывали обыгравшаго на объясненія; одинъ вспоминалъ объ одномъ, другой о другомъ подозрительномъ метаньи, которыя тотъ дѣлалъ. Подозрѣваемый естественно старался оправдываться. Отъ словъ дошло до дѣла. Онъ видѣлъ, что сопротивляться многимъ нападающимъ трудно, но подобно спартанскому мальчику, терпѣливо выносившему наказаніе розгами у алтаря Артемиды Ортіи, выносилъ онъ удары, которые градомъ сыпались на его спину. Онъ кажется рѣшился скорѣе разстаться съ жизнью, чѣмъ съ выигрышемъ, почему съ возможными усиліями старался спасти деньги, которыя онъ спряталъ частію въ полу своего хи-

тона, частію крѣпко держалъ въ рукахъ. Они держали его за руки и плечи, одинъ даже вцѣпился ему въ бороду, другой въ волосы. Силою раскрыли руки его, разорвали платье, и отнявши у него все, подбивши ему глаза до синяковъ, вытолкали его съ смѣхомъ изъ дома.

«Онъ дѣйствительно заслужилъ такой чести, кричали нѣкоторые, видѣвшіе драку, зачѣмъ онъ затесался не въ свое общество!»

«Но не подалъ бы онъ жалобы? спросилъ кто-то.

«За побои, нанесенные въ игрѣ, возразилъ другой.» Ну, это ему не удастся!»

Дискосъ благоразумно смотрѣлъ издали на происходившее. Когда пожилой человѣкъ былъ вытолканъ, тогда онъ вошолъ къ оставшимся и благодарилъ ихъ, что они очистили его домъ отъ такого бродяги. За это онъ получилъ приказаніе принести лучшаго хіосскаго; не прошло двухъ трехъ часовъ, и отнятые у игрока деньги были у него въ карманѣ.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБѢДЪ.

Еще съ ранняго утра въ домѣ молодаго Тимона все было въ большомъ движеніи. Богатый юноша за нѣсколько мѣсяцевъ только получилъ наслѣдство отъ отца. Трауръ, который обыкновенно продолжался до 10 мѣсяцевъ, онъ старался по возможности сократить, на сколько это дозволялъ обычай. Теперь нужно было отпраздновать вступленіе во владѣнье домомъ. Для этого въ послѣднія недѣли внутренность дома была отдѣлана изящнѣйшимъ образомъ. Знамени-

тые художники украсили стѣны скульптурою и живописью— сценами изъ миѳологіи и героическихъ сказаній; дорогіе ковры разложены были по полу. Занавѣсы предъ дверьми, покрышка на диванахъ состояли изъ лучшихъ вавилонскихъ тканей, подушки и матрацы разноцвѣтные были набиты самою нѣжною шерстью. Статуи изъ бѣлаго мрамора стояли въ портикѣ и по угламъ покоевъ: тутъ Аполонъ съ цитрою, тамъ Артемида, богиня охоты, сестра бога поэзіи. Аѳина, дочь Зевеса, родившаяся изъ его головы, вооруженная щитомъ и шлемомъ, была на стражѣ при входѣ въ залъ, въ которомъ въ углубленіи виднѣлись Граціи, обнимавшія другъ друга, какъ сестры. Этотъ залъ, въ которомъ должна была пройзоти пирушка, еще рано утромъ былъ очищенъ отъ всякой пыли; предъ пышными ложами, которыя расположены были вдоль стѣнъ, молодые рабы разстанавливали красивые столы и ставили на нихъ множество серебряныхъ чашъ и кубковъ, которые были тщательно вычищены. Рабы были одѣты въ хитоны изъ тонкой бѣлой матеріи, хитоны были высоко опоясаны.

Самъ Тимонъ отправился на рынокъ, гдѣ онъ явился однимъ изъ первыхъ покупщиковъ, чтобы получить лучшихъ угрей копайскихъ, самыхъ большихъ морскихъ щукъ и лучшіе плоды. Многіе невольники слѣдовали за своимъ господиномъ и несли въ коробахъ купленные продукты. Искусный поваръ былъ нанятъ для того, чтобы приготовить кушанье. На рынкѣ Тимонъ заказалъ вѣнки, у которыхъ бы не было недостатка въ прекраснѣйшихъ розахъ; вечеромъ, возможно свѣжіе вѣнки слѣдовало ему предложить своимъ гостямъ. Потомъ купилъ благовонные бальзамы и поручилъ одному вольноотпущеннику, который промышлялъ этимъ ремесломъ, привести въ его домъ на вечеръ нѣсколько флейтныхъ артистокъ и танцовщицъ, для развлеченія гостей во время пира.

Пришедши домой, онъ распорядился всѣмъ, все устроилъ

самъ, чтобы небыло недосмотра, чтобы веселье гостей было полнѣе. Потомъ онъ надѣлъ праздничное платье, приказалъ подвязать къ ногамъ шитые золотомъ сандаліи, и такимъ образомъ, въ богатоубранной комнатѣ ожидалъ приглашенныхъ юношей.

Когда гномонъ показывалъ уже болѣе чѣмъ десятифутную длину тѣни, явились гости одинъ за другимъ. Они нашли дверь гостепріимнаго жилища отпертою, и рабъ, вышедшій къ нимъ въ сѣни, вводилъ ихъ въ залъ. Тимонъ привѣтствовалъ ихъ и пригласилъ ихъ занять мѣста. Тотчасъ подошли къ нимъ рабы, развязали у гостей ремни красивыхъ полусапожекъ, другіе принесли серебряные тазы, въ которые лили изъ серебряныхъ же кубковъ отличной работы чрезъ ноги сидящихъ не воду, но чистое какъ перлъ вино, котораго благовоніе увеличилось примѣсью душистаго бальзама.

«Теперь, друзья, сказалъ хозяинъ дома, начнемъ обѣдъ. Рабы, подавайте воду для рукъ, а потомъ несите, что у васъ есть. Представьте, что вы сегодня насъ угощаете, и мы ваши гости, постарайтесь заслужить нашу похвалу.»

Какъ только приказаніе было отдано, принесена была вода и полотенце. Потомъ подвое слугъ несли столы, ставили ихъ предъ ложами гостей и поставили на нихъ кушанья. Другіе обносили кругомъ чистые хлѣбы, лежавшие въ корзинахъ, плетеныхъ изъ пластинокъ слоновой кости.

Еще не съѣдены были первыя блюда, какъ послышался сильный стукъ въ ворота, которыя заперты были извнутри; приглашенные всѣ уже собрались. Кто же это? Вошолъ рабъ и доложилъ господину, что пришелъ Стефаносъ, шутъ и велѣлъ сказать, что онъ снабжонъ всѣмъ тѣмъ, что нужно для того, чтобы хорошенько пообѣдать за чужимъ столомъ.

«Какъ вы думаете, друзья, спросилъ Тимонъ, нужно его пустить?» Потомъ обратившись къ рабу сказалъ: «Впусти его.»

Но послѣдняго приказанія и не нужно было дѣлать, по-

тому что приглашенный уже стоялъ у дверей зала и говорилъ:

«Я шутъ Стефаносъ, который, какъ вамъ извѣстно, не отказывалъ никому изъ васъ, когда его приглашали обѣдать. Теперь я думаю, и вы не откажитесь, когда я васъ приглашаю. Я принесъ съ собою весь запасъ шутокъ.

«Ну хорошо, сказалъ господинъ дома, «насъ всего одиннадцать, есть еще мѣсто для одного; садись и будь моимъ гостемъ.»

Рабы взяли пустыя блюда и поставили на ихъ мѣсто новыя кушанья, которыя сицилійскій поваръ приготовилъ со всевозможнымъ искусствомъ.

«Дѣйствительно, сказалъ Глауконъ, это никакъ не аттическій обѣдъ, это скорѣе беотійскій.»

«Твоя правда, прервалъ Евктемонъ, который чувствовалъ себя особенно хорошо при полныхъ блюдахъ, «я люблю беотійцевъ. Я ничего не дамъ за аттическій обѣдъ, на которомъ подаютъ маленькія кушанья на маленькихъ блюдахъ. Вотъ эти угри такъ угри, какъ велики и вкусны! Клянусь Зевесомъ, копайское озеро прислало самыхъ старшихъ своихъ обитателей на аѳинскій рынокъ.»

«Что за счастливое озеро, возразилъ Стефаносъ, постоянно имѣетъ такія кушанья, при этомъ всегда пьетъ и никогда не напьется.

«Ну я знаю еще одного счастливаго питуха,» смѣясь подшучивалъ Калликлесъ;» видѣлъ ли когда нибудь и кто нибудь, что бы тебѣ вдоволь хватило вина?»

Въ подобныхъ разговорахъ мало по малу кончился обѣдъ. Стефаносу впрочемъ казалось, что слишкомъ рано кончился, поэтому онъ уже при концѣ пользовался временемъ, въ которое ему приходилось молчать, для того, чтобы зубамъ своимъ не давать покоя и ни одного изъ блюдъ не оставить не откушавъ. Онъ пріобрѣлъ честь своему вообще презираемому сословію своею прожорливостью, и навлекалъ на

себя глубочайшее униженіе, ядовитыя насмѣшки, когда только его ненасытной утробѣ не подъ силу было ѣсть. Когда послѣднее блюдо унесли, которое онъ еще безъ горя пересилилъ, онъ обратился съ жалкимъ видомъ къ рабу, который относилъ оное, и какъ бы хотѣлъ сказать: «принесъ бы ты лучше опять первое, чѣмъ уносить послѣднее.»

«Рабы, дайте воды и бальзаму,» сказалъ Тимонъ.

Рабы принесли воду и благовонное мыло для умытія рукъ. Другіе очищали полъ отъ разсыпанныхъ крошекъ. Потомъ сплетены были вѣнки изъ миртъ и розъ, изъ листьевъ бѣлаго тополя и плюща, розданы разноцвѣтныя ленты и благовонныя масла. Вошолъ слуга и налилъ изъ серебрянаго кубка въ золотую чашу чистое вино для жертвеннаго возліянія. Двѣ флейтщицы вошли въ залъ, и въ то время какъ онѣ вызывали изъ своихъ инструментовъ тихіе но торжественные звуки, Тимонъ взялъ чашу, вылилъ изъ нея немного и сказалъ: «доброму духу.» Потомъ выпилъ самъ онъ и передалъ чашу сидѣвшему близъ него, который тоже отпилъ изъ ней и передалъ дальше. Такъ чаша обошла весь кругъ. Когда эта церемонія окончилась, запѣли гимнъ (хвалебный). Потомъ рабы принесли десертъ и поставили серебряный кратеръ, особенный сосудъ, изъ котораго черпали вино и пили. Онъ стоялъ на треножникѣ и былъ украшенъ позолотою по краямъ и одною сценою изъ праздниковъ Діонисія, полурельефной работы.

«Прежде всего, друзья,» сказалъ Главконъ, поднимаясь съ ложа,» какъ и по какому правилу будемъ мы пить?»

«Я думаю, что тутъ никакого закона не нужно», возразилъ Ктезифонъ.»

«Нѣтъ, промолвилъ Полемархосъ, «мы должны имѣть архонта: это большое удовольствіе на пиру.»

«Да, такъ, согласился съ нимъ Наузикратесъ, «давайте выбирать.»

Всѣ согласились.

«Такъ принесите сюда кости (шары),»—сказалъ Тимонъ рабамъ,—«и лучшій игрокъ будетъ царемъ».

«О нѣтъ,» воскликнулъ Полемархосъ, «пожалуй судьба рѣшитъ въ пользу ненасытимаго Стефаноса».

«Такъ пусть будетъ царемъ Глауконъ. Всѣ ли довольны?» спросилъ господинъ.

«Да,» отвѣтили всѣ.

«Ну хорошо,» сказалъ Глауконъ, «я начинаю свое дѣло.» Вставъ и обращаясь съ комически важною миною къ ожидавшимъ приказаній рабамъ, онъ продолжалъ: «ну молодцы» приказываю вамъ приготовить вино, какъ слѣдуетъ. Пословица говоритъ: пей пять или три, только никогда не пей четыре. Будемъ же осторожны на этотъ счетъ. Но тутъ старое хіосское; вино, которымъ угощаетъ насъ другъ, не скоро опьяняетъ. Если чего нибудь въ немъ недостаетъ, можно добавить прохладительными шутками Стефаноса. Наливайте жь маленькіе бокалы, съ нихъ мы начнемъ, а большими кончимъ. Но еще добавлю я вамъ: наливайте поприлежнѣе и ставьте чару предъ тѣмъ, кто проштрафится.»

«Но Глауконъ,» напомнилъ Ктезифонъ, «ты говоришь только о питьѣ; нужно бы подумать и о томъ, какъ намъ развлечься: пѣніемъ, игрою или разговоромъ.»

«Будетъ и это; но сначала кубки сюда,» отвѣчалъ Глауконъ. Мальчикъ подалъ ему до краевъ наполненную чашу. Глауконъ взялъ ее и выпилъ, сказавши: «Зевесу-Сотеру, спасителю». Другіе выпили по его примѣру.

«Теперь друзья, спросилъ онъ, чтожъ намъ дѣлать?»

«Что угодно, только не нужно ученыхъ разговоровъ,» сказалъ Полемархосъ.

«Не нужно и игры въ кости, которая мѣшаетъ веселью,» прибавилъ Паузикратесъ.

«Такъ будемъ отгадывать загадки,» сказалъ Глауконъ. «Да! загадки, загадки!» воскликнули всѣ.

«Хорошо,» продолжалъ Главконъ, «каждый задаетъ загадку своему сосѣду, сидящему направо отъ него, и кто разрѣшитъ загадку, тому я назначаю одну изъ этихъ разноцвѣтныхъ лентъ и поцѣлуй отъ того, кто задалъ загадку; кто жь не разрѣшитъ загадки, тотъ долженъ выпить эту чашу. Для тебя жь, Стефаносъ, чашу наполнимъ соленою водою, потому что знаю, что ты ничего не отгадаешь.»

Громкій смѣхъ друзей слѣдовалъ за этою шуткою. Паразитъ не показалъ и виду обидчивости.

«Теперь, Ктезифонъ, слушай мою загадку,» говорилъ Главконъ; послѣ краткаго размышленія онъ сказалъ: «разгадай:

Знаешь ли ты двухъ сестеръ, изъ коихъ одна рождаетъ другую,
Чтобы самой отъ рожденной родиться?

«По моему, сестры суть день и ночь, которыя попеременно рождаются и умираютъ,» былъ отвѣтъ Ктезифона.

«Вѣрно разгадалъ, сказалъ Главконъ, этимъ бантомъ украшаю твою голову, а вотъ тебѣ и мой поцѣлуй. Теперь твой чередъ».

Ктезифонъ просилъ времени подумать; въ раздумьи положилъ онъ голову на правую руку; съ нетерпѣніемъ молча ожидали друзья. Наконецъ Ктезифонъ сказалъ, обращаясь къ Тимону:

Назови мнѣ творенье, которому ни на землѣ,
Ни въ водѣ нѣтъ между смертными
Другаго подобнаго; особый законъ положила
Природа и членовъ его возрастанью.
Лишь только родился, а ужь страшно великъ;
Въ срединѣ же жизни кажется малымъ.
Но чудно! Къ концу своей жизни, словно въ началѣ,
Опять исполиномъ идетъ.

«Твоя загадка трудна» сказалъ Тимонъ и въ раздумьи теръ себѣ лобъ». Дѣйствительно, не легко отгадать: великъ дитятею, малъ въ цвѣтущемъ возрастѣ и опять великъ.» Онъ думалъ нѣсколько времени, потомъ вскричалъ: «Угадалъ; Глауконъ! сюда съ бантомъ.»

«Сначала скажи, нетерпѣливый,» возразилъ Глауконъ.

«Это гномонъ» отвѣчалъ Тимонъ, «солнечный указатель, стрѣлка на солнечныхъ часахъ. Утромъ тѣнь его велика, въ полдень укорачивается, а вечеромъ опять становится длинною».

«Такъ,» проговорили всѣ заразъ.

«Вотъ тебѣ бантъ,» сказалъ Глауконъ. «А вотъ и поцѣлуй,» прибавилъ къ этому Ктезифонъ.

«Теперь, Тимонъ, твоя загадка?» спрашивалъ Глауконъ.

«Слушай, Хариклесъ,» сказалъ Тимонъ своему сосѣду. «Замѣчай, что я скажу тебѣ:

Не смертенъ, но также не безсмертенъ,
Изъ обоихъ сложонъ; на половину
Съ людьми судьбу дѣля, другую съ божествомъ;
Измѣнчиво является и снова исчезаетъ;
Невидимъ онъ, но всѣмъ равно извѣстенъ».

«Тутъ что-то темно», сказалъ Хариклесъ. «Но если я не ошибаюсь, ты говорилъ про сонъ». Онъ также получилъ обѣщанную награду и потомъ сказалъ: «Моя загадка, Евкемонъ, полна противорѣчій; слушай хорошенько, а то не разгадаешь».

«А если онъ не разгадаетъ», прибавилъ Глауконъ, «что жь, тогда слѣдующій долженъ отгадывать, или всѣ мы должны будемъ раздумывать?»

«Всѣ вмѣстѣ», сказалъ Ктезифонъ; «это разумѣется само

собою, и кто попадетъ на отвѣтъ, тотъ получилъ перевязку и поцѣлуй».

На этомъ согласились, и Хариклесъ сказалъ, обращаясь къ Евкемону:

Ты знаешь ли творенье, что собственныхъ дѣтей
Въ груди своей храня, покойно носитъ?
Безмолвствуютъ они, но чрезъ моря въ чужую землю
Несется звукъ ихъ странныхъ голосовъ.
Со всѣми говорятъ, съ кѣмъ имъ угодно, и вдали
Пойметъ ихъ каждый, никто лишь ихъ не слышитъ».

Въ недоумѣніи сидѣлъ Евкемонъ, не принадлежавшій къ особенно умнымъ. Тщетно онъ пытался и такъ и сякъ придумать что нибудь, мыча что-то сквозь зубы. Не удавалось ему угадать, что это за безмолвные ораторы,— кончилъ онъ тѣмъ, что выпилъ чашу вина. Послѣ этого Хариклесъ сказалъ:

«Теперь, кто изъ васъ разрѣшитъ мою загадку?

«Я,» произнесъ Стефаносъ: «это угадать совсѣмъ не трудно, потому что тутъ говорится не о чемъ нибудь иномъ, какъ о городѣ; дѣти его суть ораторы, они кричатъ, такъ что ихъ слышатъ за моремъ въ Азіи и Ѳракіи».

Громкій смѣхъ раздался послѣ такого наивнаго объясненія. Между тѣмъ многіе кричали: «Слуги! соленой воды!» и успокоились только тогда, когда паразитъ вытянулъ полный кубокъ.

Потомъ Хариклесъ сказалъ: «Стефаносъ, приходилось тебѣ когда нибудь видѣть въ городѣ безгласнаго оратора?»

«Я хочу сказать, что это значитъ», сказалъ Ктезифонъ. «Это—письмо, а дѣти его, которыхъ оно носитъ—буквы, которыя нѣмы и безгласны, и говорятъ только тому, къ кому письмо посылается».

«Превосходно!» воскликнулъ Глауконъ, «только гдѣ найти на головѣ твоей мѣсто всѣмъ повязкамъ, которыя ты заслужилъ»?

Прошло еще нѣсколько времени въ загадкахъ и отгадкахъ, пока не пришлось каждому загадать и отгадать, а Стефаносъ каждый разъ подвергался насмѣшкамъ, которыя онъ терпѣливо переносилъ и прилежно освѣжалъ смѣшаннымъ виномъ свое горло, которое страшно горѣло послѣ соленой воды. Тогда вошла въ залъ нанятая Тимономъ группа танцовщицъ. Старый вольноотпущенный рабъ ввелъ молодую дѣвушку и взрослаго мальчика; за ними шла флейтщица. Въ то время какъ Тимонъ давалъ старику нѣсколько серебряныхъ монетъ, танцовщица выступила на свободное мѣсто, въ сторонѣ отъ ложа сидящихъ. Отрокъ взялъ цитру и ударилъ по струнамъ; къ его игрѣ присоединились плавные звуки флейты. Когда цитра замолкла, флейта одна продолжала мелодію. Тогда дѣвушка велѣла подать себѣ нѣсколько колецъ, которыми она искусно кружила надъ головою, бросала и опять подхватывала ихъ, въ то же время танцуя подъ тактъ флейты. Старый рабъ подавалъ ей одно за другимъ, пока наконецъ цѣлая дюжина завертѣлась между ея руками и потолкомъ комнаты; всѣ онѣ поднимались вверхъ и опускались и ни одно не упало на полъ. Въ удивленіи отъ ловкости и проворства танцовщицы и граціи ея движеній, зрители молча сидѣли нѣкоторое время. Наконецъ дали свободу выраженію своего удивленія громкими восклицаніями.

«Дѣйствительно», воскликнулъ Глауконъ, «твое гостепріимство, Тимонъ, превосходно. Не одинъ отличный обѣдъ ты предложилъ намъ, но также глазу и уху доставилъ высокое удовольствіе».

«Посмотри, другъ», сказалъ съ улыбкою хозяинъ, «она покажетъ намъ еще большую ловкость».

Старикъ принесъ еще большой обручъ, который обложенъ былъ вокругъ прямо стоящими, остроконечными ножами, и

положилъ его на полъ. Опять флейтщица взялась за флейту и играла медленными тонами тактъ одного танца. Дѣвушка поднялась на кончикахъ пальцевъ и начала танецъ. То были плавныя волнообразныя движенія; то впередъ она наклонялась, то въ сторону, ея руки описывали въ воздухѣ круги, ея ноги скользили по полу, то въ быстромъ прыжкѣ летѣли съ одного мѣста на другое. Вдругъ она словно упала навзничь, и юноши думали, что она накололась на ножъ; но вдругъ, нисколько не поврежденная, она продолжала свои восхитительныя движенія въ срединѣ круга, потомъ опять прыгала чрезъ ножи, грозящіе опасностью, и такъ нѣсколько разъ повторяла, пока Павзикратесъ, вставъ и дрожа, упросилъ кончить эту опасную игру. Улыбаясь, остановилась танцовщица и тотчасъ скрылась.

Потомъ выступилъ на средину мальчикъ, обручъ съ ножами былъ удаленъ. И онъ танцовалъ съ рѣдкимъ искусствомъ, которое еще полнѣе высказывалось въ прекрасной симметріи юношескаго стана. Его движенія были выраженіемъ внутренней полноты чувствъ и ощущеній. Въ нихъ выражались то гнѣвъ, проявлявшійся въ его положеніяхъ и минахъ, то горе, которое лежало на душѣ. Потомъ онъ переходилъ къ выраженіямъ дружбы, которая наполняла его грудь, то представлялъ онъ тоску, которая имъ овладѣла. Громкое одобреніе досталось и ему на долю, и долго еще послѣ ухода танцоровъ, гости разговаривали о томъ, что̀ было лучше, выразительная игра мускуловъ отрока, или граціозныя движенія дѣвушки.

«Теперь принесите коттабосъ», сказалъ Глауконъ хозяину, «чтобы и намъ можно было показать свое искусство».

«Да, коттабосъ!» закричали всѣ, и какъ наэлектризованные вскочили съ своихъ ложъ.

«Тише, друзья», говорилъ Тимонъ, прекращая шумъ, и заставилъ ихъ снова занять свои мѣста, «сейчасъ все будетъ готово». Онъ далъ знакъ рабу.

Скоро принесенъ былъ канделябръ, который поставили посрединѣ. Съ вершины его опускалась висящая чаша, подъ которою металлическая фигура, называемая манесъ, такъ была поставлена, что при сильномъ опусканіи чаша должна была касаться фигуры и производить звукъ.

«Ну, Глауконъ, попробуй ты сначала счастья», сказалъ Тимонъ.

«Молча спрошенный взялъ ковшъ, до половины наполненный виномъ. Съ согнутою рукою подошелъ онъ къ канделябру, и съ размаху плеснулъ остатокъ вина въ чашу. Но вино не попало въ чашу, только нѣсколько капель, попавшихъ въ нее, привели ее въ нѣкоторое колебаніе; она покачалась, но не опустилась такъ низко, чтобы дотронуться до манеса.

«Мнѣ не везетъ,» сказалъ раздосадованный Глауконъ и побрелъ на свое мѣсто.

«Ну-ко ты, Ктезифонъ» сказалъ Тимонъ. «Ты кажется хорошо знаешь эту сицилійскую игру».

Ктезифонъ вышелъ на средину, взялъ ковшъ и влага подобно мячу взлетѣла вверхъ и наполнила висѣвшую чашку до того, что она низко опустилась, и медленно качаясь, нѣсколько разъ задѣла верхушку мана, причемъ раздавались довольно громкіе звуки.

Такъ игра нѣсколько разъ обошла кругъ и доставила много развлеченія, смотря потому, съ какимъ искусствомъ или неумѣньемъ принимались за дѣло пирующіе.

Наконецъ настало время разстаться друзьямъ, потому что становилось поздно.

«Слуги», сказалъ Глауконъ, «налейте большой бокалъ, на прощаньи мы должны дать прощальный поцѣлуй нашему отличному хозяину». Потомъ, обращаясь къ остальнымъ друзьямъ, сказалъ: «обвивайте вѣнками грудь, мы будемъ пить въ кругу. Земля пьетъ, пьютъ растенія, и какъ вода съ неба освѣжаетъ луга, такъ и вино радуетъ душу; оно воз-

буждаетъ веселье подобно тому, какъ масло поддерживаетъ пламя».

Взяли большой бокалъ; Главконъ первый сказалъ Тимону:

«Тимонъ, въ знакъ дружбы и любви къ тебѣ». Потомъ онъ выпилъ довольно много и подалъ бокалъ Тимону. Этотъ повторилъ подобное же благожеланіе. Остальные послѣдовали примѣру перваго. Гости отправлялись домой.

«Зажгите факелы» сказалъ Тимонъ слугамъ, «и свѣтите по дорогѣ гостямъ».

Послѣ задушевнаго рукопожатія отпустилъ онъ своихъ гостей.

«Наши вѣнки должны украшать гермы предъ твоими дверями», кричали они и вышли весело на улицу.

ГИМНАЗІЯ.

Прошолъ ужь первый часъ по полудни, движеніе на рынкѣ было уже не такъ велико, за шумомъ и крикомъ предъ купеческими лавками и предъ столами мѣнялъ настала тишина. Большая часть тѣхъ, которые приходили на рынокъ, чтобы сдѣлать покупки и устроить здѣсь другія дѣла, разошлась по домамъ. Только въ мастерскихъ ремесленниковъ продолжалась живая дѣятельность, потому что здѣсь собирались не только для заказовъ или полученія уже оконченныхъ работъ, но также и для того, чтобы потолковать не о торговыхъ дѣлахъ.

Какъ ни тихо было теперь въ срединѣ города, но за то никакъ не повсюду покой и тишина заняли мѣсто дѣятельности. Дѣятельная жизнь только какъ бы переселилась на другія мѣста. На дорогахъ, которыя вели къ городу, видно было много отправлявшихся изъ него и въ него. Прибывшіе изъ деревни и продавшіе на рынкѣ свои товары выходили изъ воротъ, а свободный гражданинъ, котораго никакое «низкое» занятіе не удерживало въ домашней глуши, отправлялся къ мѣстамъ гимнастики для юношей, въ академію или лицей, или киносаргъ. Можетъ быть онъ чувствовалъ необходимость въ укрѣпляющей тѣло гимнастикѣ, или въ освѣженіи купаньемъ, или ему хотѣлось предъ обѣдомъ сдѣлать хорошую прогулку въ дромѣ, гдѣ юноши упражнялись въ бѣганіи, или его влекло посмотрѣть на игры юношей и поговорить съ своими друзьями и знакомыми.

Особенно шумно было у воротъ Діохаресъ, на пути къ лицею, къ которому дорога вела чрезъ многіе сады. Эта гимназія имѣла особенно много посѣтителей. Вокругъ внутренняго хода между колоннами находились пространныя залы, въ которыхъ собрались большія и малыя группы для различныхъ упражненій.

Здѣсь напр. занялъ мѣсто софистъ, одинъ изъ такихъ людей, которые преподавали юношамъ свою мнимую мудрость за деньги. Большая полукруглая скамья, на которой онъ сидѣлъ, едва помѣщала множество его слушателей, которые внимательно прислушивались къ его ловкимъ рѣчамъ. Эти рѣчи были расчитаны на то, чтобы сообщить юношамъ такія знанія, которыя бы дали имъ возможность занять въ политической жизни грековъ видное положеніе, при чемъ учители не всегда руководствовались правилами истины и честности. Они подобны были мелочнымъ торгашамъ, которые расхаживаютъ по дорогамъ и продаютъ товары. Они такъ же поступали съ своими товарами, питающими душу: они

продавали свои знанія, которыхъ нужно было беречься, чтобы не быть обманутымъ.

Одинъ молодой человѣкъ вошолъ въ залъ, въ которомъ онъ какъ-то странно посматривалъ кругомъ. Софистъ замѣтилъ гостя тотчасъ же и сказалъ ему: «Подойди ближе и присоединись къ намъ».

«Что жь я здѣсь найду?» спросилъ гость.

«А найдешь здѣсь вотъ что» отвѣчалъ самонадѣянно софистъ; «если ты останешься со мною, то уже въ первый день возвратишься домой лучшимъ, чѣмъ сюда пришолъ, а въ слѣдующіе дни, которые проведешь со мною, твое усовершенствованіе пойдетъ дальше».

«Но я хотѣлъ бы на это имѣть основанія», говорилъ улыбаясь юноша?

«Можно и на это отвѣчать тебѣ, сказалъ софистъ. «Другіе, у которыхъ ты можешь учиться, злоупотребляютъ дѣломъ, потому что они говорятъ юношамъ, которые прошли уже приготовительный курсъ, объ искусствахъ всякаго рода, астрономіи, геометріи, музыкѣ и прочихъ ничтожныхъ вещахъ. У меня же ты научишься тому, что тебѣ дѣйствительно необходимо знать, именно научишься, какъ вести твои собственныя дѣла, какъ лучше управлять своимъ домомъ, и какъ наилучшимъ образомъ вести дѣла государства на пользу и благо всѣхъ гражданъ».

«Дѣйствительно,» возразилъ юноша, «обѣщаешь ты много, любопытно, будешь ли ты въ состояніи сдержать свое слово». Съ этими словами занялъ онъ мѣсто среди другихъ слушателей, а софистъ съ самодовольною улыбкою продолжалъ:

«Мы для души то же, что врачи для тѣла. Врачъ старается больное тѣло сдѣлать здоровымъ при помощи лѣкарствъ; мы исцѣляемъ души отъ ихъ неразумія силою мудрыхъ рѣчей. Человѣкъ самъ есть мѣрило всѣхъ вещей. Если это мѣрило не вѣрно, то будетъ ложно все, что из-

мѣряется имъ. Но пока душа лишена истинныхъ понятій и представленій, она не въ состояніи ни избрать вѣрное, ни дѣйствовать сообразно съ цѣлію. Всѣ представленія души о внѣшнихъ проявленіяхъ и свойствахъ вещей невѣрны, потому что вѣрна дѣйствительно только одна истина сама. Поэтому, кто узнаетъ истину, можетъ по ней отличить полезное отъ вреднаго, одно дѣлать, другаго избѣгать».

Въ другомъ залѣ былъ риторъ, учитель краснорѣчія, окруженный своими учениками. Одинъ изъ нихъ обработалъ рѣчь на заданную тему, которая теперь прочитана была учителемъ, замѣчены ея достоинства и недостатки.

У прохода около колоннъ стояли мужи и толковали о новостяхъ дня. Недавно получены новыя вѣсти о македонскомъ войскѣ, изъ которыхъ видно, что оно все еще осаждало Тиръ, но городъ все еще не думалъ сдаваться. Говорили о томъ, какъ слѣдуетъ поставить войско, для того чтобы добраться до Тира, говорили о положеніи города, о расположеніи войскъ предъ городомъ. При этомъ нѣкоторые показывали свое знаніе мѣстности тѣмъ, что чертили палкою на песку видъ города и его положеніе.

Внутри колоннады находилась свободная пространная площадь, мѣсто гимнастическихъ упражненій юношества, палестра. Здѣсь одни соревновали другъ другу въ бѣганіи, а зрители громкими кликами ободряли бѣгающихъ юношей. Другіе стояли готовыми къ прыжку и держали ноги въ прыжковомъ положеніи; побѣдителю раздавался почетный привѣтъ.

На открытомъ мѣстѣ, около Ксистоса, крытой колоннады, гдѣ зимою упражнялись во всѣхъ гимнастическихъ искусствахъ, находилось мѣсто для борьбы. Густая толпа зрителей окружала мѣсто. Двое юношей, послѣ хорошаго купанья, натирали свое тѣло чистымъ масломъ въ клеотезіонѣ, или комнатѣ натиранья. Они начали борьбу и держали обхвативъ руками другъ друга. То одинъ, то другой были сдвигаемы

съ мѣста и пятились назадъ, ноги казалось скользили, колѣни подламывались, но ни одинъ еще не упалъ. Такъ шло довольно времени, зрители напряженно слѣдили за борьбою. Наконецъ одинъ изъ юношей сдѣлалъ опасный шагъ въ сторону; тотчасъ другой ударилъ ногою въ ногу противника, и ступней толкнувши въ нее, повалилъ на землю противника. Громкій крикъ удовольствія раздался въ честь побѣдителя, но и побѣжденному не отказано въ признаніи его за хорошаго борца.

На краю палестры текла чистая вода. Здѣсь освѣжались купаньемъ нѣсколько юношей. Подъ тѣнью деревъ, въ паркообразной мѣстности у палестры прохаживались мужи, погрузясь въ серьезные разговоры; это были знаменитые аѳиняне, которые разсуждали здѣсь о томъ, какія предложенія слѣдуетъ внести въ будущее народное собраніе.

По мѣрѣ того, какъ солнце спускалось все ниже и ниже, и тѣни гномона дѣлались длиннѣе и длиннѣе, число присутствующихъ уменьшалось съ каждою четвертью часа. Въ сумерки лицей былъ пустъ; взошедшая луна разливала свой блестящій свѣтъ на пустыя площади и открытыя галлереи.

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНЬЕ.

Поликлесъ былъ очень состоятельный человѣкъ, который пользовался большимъ уваженіемъ у друзей и знакомыхъ за свою честность и за свое благородство. Онъ владѣлъ нѣсколькими помѣстьями въ Аттикѣ, которыя давали значи-

тельный годовой доходъ, имѣлъ много домовъ въ Аеинахъ и въ Пиреѣ, кромѣ того значительная сумма денегъ лежала у мѣнялъ или отдана была взаймы на проценты; цѣнность послѣдней превышала цѣнность недвижимыхъ имѣній. Состояніе его можно было опредѣлить приблизительно въ пятьдесятъ талантовъ. Удачныя торговыя дѣла главнымъ образомъ дали ему возможность пріобрѣсти такое богатство, хорошее хозяйство и управленіе домомъ также содѣйствовали его счастью. Онъ всегда былъ трудолюбивымъ человѣкомъ, бережливымъ лично къ себѣ, но щедрымъ къ другимъ. Сдѣлавшись богатымъ, онъ велъ образъ жизни, соотвѣтствующій его положенію, но далеко не былъ расточительнымъ. Вездѣ въ его домѣ видно было благосостояніе владѣльца: цѣнная мебель, покои были украшены прекрасною стѣнною живописью и скульптурными произведеніями; тутъ были и дорогіе ковры и богатая библіотека, много произведеній искусства, довольно рабовъ и т. п. Но столъ его былъ простъ; охотно онъ приглашалъ къ себѣ друзей, но не для пустыхъ, а для серьезныхъ бесѣдъ; самые обѣды его отличались не столько множествомъ блюдъ и дорогихъ кушаньевъ, сколько хорошимъ качествомъ и вкусомъ предлагаемыхъ яствъ.

Поликлесъ не былъ женатъ, поэтому многіе еще при жизни его подумывали, какъ бы хорошо было, если бы онъ ихъ оставилъ наслѣдниками своего имущества. Но насколько было извѣстно, онъ никогда не высказывалъ, кому онъ думаетъ завѣщать наслѣдство. Поэтому онъ надѣлалъ не мало хлопотъ всѣмъ тѣмъ, которые его знали, особенно же тѣмъ, которые имѣли нѣкоторые виды на богатое наслѣдство, когда вдругъ тяжко занемогъ. Неожиданно посѣтилъ его апоплексическій ударъ, но не причинилъ внезапной смерти, а только уложилъ его въ постель. Опытный домашній врачъ и другъ его былъ приглашонъ; пытали всѣ средства для излѣченія болѣзни, больной пользовался са-

мымъ тщательнымъ уходомъ, но ничто не могло возстановить разрушавшуюся жизненную силу. Друзья его обращались и къ средствамъ Асклепія, пытали и чарами отвести болѣзнь, вопрошали гадателей сновъ, приносили на перекресткахъ умилостивительныя жертвы. Призывали также старухъ, которыя понимали магическія причитанья и припѣвы, знали таинственныя искусства для излѣченія больныхъ. Даже самого больнаго носили въ храмъ (Эскулапа) Асклепія, гдѣ онъ провелъ много дней и ночей. Но когда и это не принесло облегченія, искали помощи у оракула Амфіарая въ Оропѣ, бросали золотую монету въ священныя воды. Всѣ усилія равно оставались тщетными. Тогда домашній врачъ сдѣлалъ послѣднее предложеніе. Онъ совѣтовалъ больному пользоваться водами Эдепса, но и здѣшнія нимфы отказали въ помощи. Поликлесъ не чувствовалъ облегченія своихъ страданій, и лихорадка, посѣщавшая его почти ежедневно, возвращалась все чаще и чаще. Вѣрный врачъ увидѣлъ себя вынужденнымъ объявить, что Поликлесъ болѣе не нуждается ни въ какихъ травахъ, кромѣ одной петрушки. Друзья поняли, что значили эти слова, петрушка употреблялась на вѣнки надгробные.

Было пасмурное утро, когда вокругъ постели больнаго собрались врачъ и друзья. Въ комнатѣ, полъ которой покрытъ былъ мягкимъ ковромъ, царствовала глубокая тишина, которая была прерываема только тяжкими вздохами умирающаго. У кровати больнаго сидѣлъ врачъ, пожилой солидный человѣкъ; въ его движеніяхъ и во всей внѣшности выглядывала полная достоинства простота; онъ сидѣлъ на стулѣ изъ чернаго дерева, на которомъ вились золотыя украшенія. Его черные волосы, въ которые уже пробивалась сѣдина старости, равно какъ и короткіе локоны бороды были тщательно убраны; ослѣпительно бѣлая одежда обличала въ немъ человѣка, который привыкъ являться предъ больными прилично, но безъ пышности, чтобы устранить всякое не-

пріятное впечатлѣніе своей личности. Онъ положилъ свой простенькій ящикъ, въ которомъ находились лѣкарства и инструменты, на круглый столъ, возлѣ него стоявшій; правою рукою онъ держалъ руку своего больнаго друга, и слѣдилъ за біеніемъ пульса. Въ сторонѣ отъ него стояли друзья дома; глаза ихъ обращены были къ врачу, они хотѣли что-то прочитать въ его минахъ. У нижняго конца кровати стоялъ пожилой рабъ съ сложенными руками; его глаза, полные скорби и сожалѣнія, устремлены были на больнаго господина.

Врачъ долго пробовалъ пульсъ молча. Не выражая ни страха, ни надежды, положилъ онъ наконецъ руку больнаго на свое мѣсто; голова больнаго покрыта была пуховою шапочкою. Потомъ врачъ обратился къ рабу, и велѣлъ ему приготовить напитокъ, для чего далъ ему нѣкоторыя травы изъ своего ларчика.

Когда рабъ вышелъ, Поликлесъ поднялъ голову и посмотрѣлъ съ дружескою улыбкою на окружающихъ. Съ особенною любовью остановился его взоръ на врачѣ, который оказывалъ ему всегда самую искреннюю дружбу и помощь. Онъ хотѣлъ говорить, но языкъ отказался служить ему.

Скоро вошолъ рабъ съ стеклянною чашкою въ рукахъ, которую и подалъ врачу. Этотъ взялъ ее, примѣшалъ въ чашу еще чего-то изъ своего ларчика и далъ больному, который поднесъ питье дрожащею рукою ко рту и выпилъ лѣкарство при содѣйствіи врача. Потомъ врачъ просилъ друзей удалиться, далъ рабу нѣкоторыя приказанія относительно обращенія съ больнымъ и самъ оставилъ комнату.

* *
*

Спустя нѣсколько дней домъ Поликлеса былъ домомъ покойника, и раннимъ утромъ его обитатели заняты были приготовленіями къ похоронамъ. Глиняный, наполненный водою

сосудъ предъ дверью дома показывалъ каждому проходящему, что въ этомъ домѣ трауръ. Внутри дома женщины обмывали и снаряжали покойника, котораго другъ, заслужившій особенное довѣріе, Софилосъ дѣлалъ распоряженія, нужныя при погребеніи.

Тогда рабъ доложилъ объ одномъ лицѣ, которое имѣло сообщить Софилосу о важномъ дѣлѣ. Этотъ человѣкъ былъ приглашонъ; то былъ Созилосъ. Онъ спѣшилъ явиться сюда, потому что Поликлесъ вручилъ ему свое завѣщаніе; ктому жь можетъ быть въ немъ находилось желаніе покойнаго, касающееся его погребенія. Онъ тотчасъ назвалъ свидѣтелей, которые были при врученіи ему завѣщанія и которыхъ присутствіе было теперь необходимо при вскрытіи акта.

Софилосъ былъ готовъ тотчасъ же сдѣлать дѣло и пригласилъ свидѣтелей въ комнату. Вошли три человѣка, которые при распросѣ показали, что они присутствовали въ то время, когда Поликлесъ передавалъ свое завѣщаніе Созилосу.

«Такъ вы свидѣтельствуете, спросилъ Созилосъ, что именно это завѣщаніе вручилъ покойникъ въ мои руки?»

«Надпись и печать увѣряютъ въ томъ,» сказалъ одинъ изъ свидѣтелей; «мы можемъ собственно показать только то, что завѣщаніе передано тебѣ; но точно ли это оно, мы не знаемъ. Впрочемъ нѣтъ никакого основанія заподозрить дѣло, потому что печать цѣла, а это печать Поликлеса.»

«Орелъ, держащій змѣю» сказалъ Софилосъ, разсматривая печать, «дѣйствительно, это его перстень съ печатью». «Такъ открой завѣщаніе, предложилъ Созилосъ одному изъ свидѣтелей,» чтобы дѣло было всѣмъ извѣстно; мои глаза слабы, одинъ изъ васъ можетъ прочитать его.

Шнурокъ былъ перерѣзанъ, развернули бумагу и одинъ изъ свидѣтелей прочиталъ:

«Поликлеса, Пеаніера завѣщаніе. Желаю всѣмъ благъ!

Если я не переживу этой болѣзни, такъ послѣднія мои распоряженія будутъ слѣдующія: Я отдаю мой домъ въ Аѳинахъ, вмѣстѣ съ пятью талантами, которые лежатъ у мѣнялы Пасіона, Филону, сыну моего вѣрнѣйшаго друга Софилоса. Равно Софилосу я поручаю исполненіе прочихъ распоряженій этой рукописи. Домъ на Олимпейонѣ поступитъ во владѣніе Терона, сына Калліаса; наемное зданіе въ Пиреѣ дарю Каллистену, сыну Калліаса; сыну Каллипидеса я дарю мою большую серебряную чашу, а его женѣ пару сережекъ съ подвѣсками, два ковра и двѣ подушки, самыя лучшія, какія есть у меня. Моему врачу Зенотемису выдать тысячу драхмъ, хотя онъ своею заботливостію обо мнѣ и своимъ искусствомъ заслужилъ гораздо болѣе. Созилосу я дарю четверную упряжь. Желаю, чтобы меня похоронили на хорошемъ мѣстѣ сада предъ Мелитскими воротами. Теронъ вмѣстѣ съ Софилосомъ и моими родственниками долженъ позаботиться о томъ, чтобы какъ погребеніе, такъ и памятникъ устроены были прилично, но безъ большой пышности. Положительно приказываю, чтобы рабыни моего дома не обрѣзывали волосъ, ни другими уродствами не выражали своей печали обо мнѣ. Деметріосу, который свободенъ ужь давно, я прощаю выкупную сумму и дарю ему пять минъ, иматіонъ и хитонъ (верхнее и нижнее платье), чтобы онъ, много хлопотавшій для меня, могъ прилично жить. Изъ рабовъ Парменіонъ и Харесъ съ своимъ дитятею теперь же получаютъ свободу; а Каріонъ и Донаръ должны еще четыре года служить въ саду и тамъ работать; послѣ этого срока они дѣлаются свободными, если будутъ хорошо вести себя; Манто, моя старая прислужница, получитъ свободу и четыре мины; Сиросъ будетъ проданъ. Завѣщаніе вручаю Созилосу; свидѣтели: Лизимахъ, сынъ Страбона, Хегезіасъ Хегіона и Гиппархосъ Каллиноса.»

Глубокая тишина господствовала въ собраніи, когда кончилъ читавшій. Софилосъ въ раздумьи положилъ руку на

СОКРАТЪ.

Кто не зналъ этого имени, принадлежавшаго человѣку, который могъ бы похвалиться, что оракулъ дельфійскій не ошибся, сказавъ, что нѣтъ человѣка благороднѣе, праведнѣе и мудрѣе его! Съ смѣлостью, исходящею изъ внутренняго убѣжденія въ правотѣ своихъ началъ, дѣйствовалъ онъ противъ разрушительнаго духа времени, и хотя въ этой борьбѣ былъ побѣжденъ, но слова и дѣла его имѣли такое громадное вліяніе, что всѣ благородные умы, какъ въ Греціи такъ и въ Римѣ, смотрѣли на нихъ, какъ на основы честнаго поведенія.

Сократъ былъ сынъ ваятеля Софрониска и Фенареты, род. 469 г. предъ Р. Х. въ Аѳинахъ. Сначала онъ приготовлялся къ искусству своего отца, и Павзаній повѣствуетъ, что ему показывали въ акрополѣ въ Аѳинахъ группу грацій, изваянную рукою Сократа. При этомъ Сократъ не упускалъ изъ виду занятій науками, Математикою, Естественною Исторіею, Философіею. Особенно чувствовалъ онъ въ себѣ наклонность къ Философіи, и когда, по смерти отца, его наслѣдство, управляемоемое нерачительнымъ опекуномъ, было почти соверш нно пот рянно, ему помогалъ добровольно одинъ изъ богатыхъ друзей отца его Критонъ. Сократъ пересталъ заниматься ваяніемъ и предался наукамъ. Но онъ не велъ, подобно другимъ философамъ, такой жизни, которая опредѣлялась только собственною пользою и собственнымъ спокойствіемъ, — онъ старался научить и своихъ согражданъ тому, что онъ узналъ какъ настоящую истину. Ему было столько же дорого образованіе другихъ, какъ и самого себя.

Такъ какъ онъ собственно не набиралъ учениковъ на свои уроки и не бралъ никакой платы за свои поучительные разговоры, то пристали къ нему сначала нѣкоторые благородные юноши, которыхъ онъ умѣлъ привлечь къ себѣ своими разумными рѣчами. Такъ разсказываютъ, что когда онъ въ первый разъ встрѣтилъ Ксенофона, который былъ потомъ однимъ изъ его вѣрнѣйшихъ друзей, то почувствовалъ особенное расположеніе къ юношѣ, отличающемуся красотою и тонкимъ обращеніемъ. Тотчасъ онъ ему предложилъ вопросъ, знаетъ ли онъ, гдѣ покупаютъ мецъ и другія жизненныя потребности, и когда Ксенофонъ отвѣтилъ на это, Сократъ спросилъ: «Знаешь ли, гдѣ пріобрѣтается мудрость и добродѣтель?» Спрошенный смутился и смотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Сократа. «Такъ слѣдуй за мною,» сказалъ послѣдній: «я тебѣ покажу.» Другой, Эсхинъ, бывшій очень бѣднымъ, боялся своей бѣдности и не хотѣлъ вмѣшиваться въ число знатныхъ юношей, приходившихъ къ Сократу. «Какъ это, сказалъ Сократъ, когда замѣтилъ его, «ты считаешь себя слишкомъ ничтожнымъ, и ни во что не ставишь подарокъ, предлагая мнѣ себя самого?»

Среди гордаго, стремящагося къ наслажденіямъ аѳинскаго общества, Сократъ пріобрѣлъ силою серьезнаго, основательнаго самопознанія такое полное господство надъ собой и такую силу воли, что противостоялъ съ мужествомъ всякому искушенію. Онъ былъ безстрашнѣйшимъ, и въ тоже время самымъ общительнымъ лицомъ между согражданами, человѣкомъ съ хорошею совѣстью, съ которою онъ не боялся суда людскаго, и чрезъ это не впадалъ въ заблужденія. «Вся жизнь его была открыта» по словамъ Ксенофона. Утромъ посѣщалъ онъ мѣста прогулокъ и гимнастическихъ упражненій; въ тѣ часы, когда рынокъ кипѣлъ народомъ, онъ былъ на рынкѣ; остальную часть дня онъ проводилъ тамъ, гдѣ надѣялся найти больше народа. Но никогда не видали отъ него какого нибудь поступка, противорѣчащаго

божескимъ или человѣческимъ законамъ, не слыхали даже отъ него подобнаго слова.

Онъ не стремился къ общественнымъ должностямъ, въ особенности онъ держалъ себя вдали отъ государственныхъ дѣлъ, и говорилъ, что лучше будетъ, если въ этихъ дѣлахъ будутъ принимать участіе многіе, чѣмъ если онъ одинъ будетъ дѣйствовать. Впрочемъ онъ не отказывался отъ обязанностей, которыя онъ долженъ былъ исполнять какъ гражданинъ государства. Мужественно готовъ онъ былъ жертвовать жизнью и имуществомъ въ трудныя времена. Онъ сражался въ первыхъ рядахъ при Деліумѣ, Потидеѣ и Амфиполисѣ, и съ такою неустрашимостью и мужествомъ, что пріобрѣлъ общее удивленіе. Тутъ былъ Алквіадъ, его сослуживецъ, который про него разсказываетъ: «Въ перенесеніи всякаго рода трудностей Сократъ превосходилъ не только меня, но и всѣхъ насъ. Когда мы бывали отрѣзанными отъ войска, и что часто бываетъ въ походахъ, должны были терпѣть голодъ, Сократъ былъ примѣромъ для другихъ въ перенесеніи онаго. Въ зиму—выносилъ онъ непогоду также удивительнымъ образомъ. Даже когда холодъ бывалъ такъ великъ, какъ только можно представить себѣ, и многіе или совсѣмъ не выходили, или если и выходили, надѣвали по возможности больше одежды, подвязывали подошвы, опутывали ноги войлоками и мѣхомъ, Сократъ выходилъ въ той же одеждѣ, какую онъ обыкновенно носилъ, и такъ какъ онъ не носилъ никакихъ башмаковъ, то шолъ по морозу гораздо легче чѣмъ тѣ, которые надѣвали обувь. Воины косо поглядывали на него и думали, что онъ ихъ презираетъ. Когда произошло сраженіе, въ которомъ предводитель мнѣ отдалъ справедливость, спасъ меня не другой кто, а онъ; онъ не хотѣлъ оставить меня раненаго и счастливо вынесъ меня и мое оружіе. Въ особенности стоило посмотрѣть на Сократа, когда отступало наше войско у Деліона. Я тогда былъ на лошади, а онъ въ тяжеломъ воору-

женіи и пѣшій. Когда все войско было разсѣяно, онъ съ Лахесомъ отступалъ. Я встрѣчаю ихъ, узнаю и говорю имъ о ихъ мужествѣ и о томъ, что я ихъ не оставлю. Тутъ еще лучше я могъ оцѣнить Сократа, чѣмъ при Потидеѣ, потому что самъ я былъ не въ такомъ страхѣ, сидя на конѣ. Онъ далеко превзошелъ Лахеса въ твердости, и казалось мнѣ, выступалъ гордо и безстрашно, въ сторону бросая взгляды, и покойно обозрѣвая друзей и враговъ. Каждый могъ уже издали видѣть, что если кто осмѣлится затронуть этого человѣка, послѣдній будетъ хорошо защищаться. Вотъ почему и вышли они оба, Сократъ и Лахесъ невредимыми.»

Сократъ не хотѣлъ быть философомъ въ обыкновенномъ смыслѣ; онъ проводилъ свои убѣжденія больше дѣлами, чѣмъ словами. Онъ прошолъ своею практическою мудростью всѣ жизненныя положенія, даже самыя простыя; онъ, по выраженію Цицерона, вызвалъ философію съ неба, принесъ ее въ города и ввелъ ее въ жилища, заставляя людей думать о жизни и нравственности, о добрѣ и злѣ. Всякое разсужденіе имѣло для него цѣну только въ той мѣрѣ, въ какой оно было важно и полезно для жизни. Поэтому размышленія стоили ему большаго напряженія и труда. Такъ однажды ему пришло что-то въ голову; разсуждая, онъ остановился, и такъ какъ не могъ скоро сладить съ мыслью, то и оставался какъ бы прикованнымъ къ мѣсту. Прошолъ полдень; люди замѣчали и въ удивленіи разсказывали другъ другу, что Сократъ съ самаго утра стоитъ и о чемъ-то думаетъ. Наконецъ, когда пришолъ вечеръ и кончился ужинъ, иные взяли свои одѣяла и вышли изъ дому (то было лѣто,) частію для того, чтобы спать на свѣжемъ воздухѣ, частію чтобы посмотрѣть еще на стоящаго человѣка, какъ долго онъ останется ночью на мѣстѣ. И Сократъ стоялъ до самаго утра; когда взошло уже солнце, тогда онъ совершилъ молитву и пошолъ далѣе.

Всякое резонированіе о вещахъ, которыя не имѣютъ значенія въ жизни, онъ порицалъ. Изъ наукъ нужно брать знаній на столько, на сколько они могутъ доставлять удовольствіе и пользу. На главномъ планѣ у него было самопознаніе. Чѣмъ требовательнѣе былъ кто нибудь въ этомъ отношеніи, тѣмъ мудрѣйшимъ казался ему. На познаніи собственной души основывается всякое истинное знаніе, и только чистая душа можетъ познавать самую истину. Въ этомъ смыслѣ онъ стремился также и къ добродѣтели: она была для него настоящею мудростью, потому что она ведетъ къ источнику всего добраго, къ высочайшему добру.

Такія истины, такое стремленіе къ правдивой, стоящей выше всякаго самолюбія дѣятельности, старался онъ распространить между своими согражданами, и всюду, гдѣ бы ни сошолся съ другими, развивалъ истины, служащія основаніями нравственной жизни, нравственнаго поведенія. Особенно онъ старался сближаться съ юношами, которыхъ онъ считалъ болѣе способными принять и понять его взгляды; онъ старался въ юныхъ умахъ пробудить и вкоренить чувство истины и правды. При этомъ онъ умѣлъ помощію вопросовъ о томъ, что всѣмъ извѣстно, наводить на познаніе того, что еще неизвѣстно, и такимъ образомъ вызывать въ людяхъ такія убѣжденія, которыя были его собственными, но въ которыхъ поэтому было больше задушевности, больше послѣдовательности.

Жизнь его совершенно соотвѣтствовала тому, чему онъ училъ. Онъ одѣвался весьма просто и ограничивалъ кругъ своихъ жизненныхъ потребностей. Въ его личности привлекала не внѣшность, но главнымъ образомъ выдающіяся свойства его ума. Онъ былъ сложонъ не только не прекрасно, но даже дурно. У него были широкія плечи, отвислый животъ, слишкомъ выдающіеся изъ орбитъ глаза, слишкомъ вздернутый носъ, толстыя губы и большой ротъ. Но онъ

былъ здоровъ и ко всему привыченъ; немощь душевную и тѣлесную онъ переносилъ спокойно и мужественно.

Хотя онъ такимъ образомъ нашолъ между современниками много друзей и приверженцевъ, и при томъ къ числу ихъ принадлежали благороднѣйшіе и лучшіе, однако число враговъ его было еще больше; потому что онъ не боялся повсюду, гдѣ только представится случай, безжалостно вскрывать пороки своего времени и порицать ихъ. При этомъ онъ не дѣлалъ никакого различія между богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и худороднымъ, онъ наказывалъ всѣхъ, про которыхъ только зналъ, что они ведутъ жизнь въ глупомъ самоослѣпленіи. Особенно всѣми силами противодѣйствовалъ онъ такъ называемой тогдашней мудрости, которая лишена была всякаго истиннаго основанія и истинной почвы. Тѣхъ, которые считали себя мудрыми, тщеславны были своими знаніями, но не вели праведной жизни, называлъ онъ немудрыми. Онъ ставилъ высшею цѣлью мудрости убѣжденіе, что мы ничего не знаемъ, и хвалился, что онъ дошолъ до такого убѣжденія.

Тутъ онъ казался многимъ, у которыхъ не доставало силы сознаться въ своей лживости, которые не могли совладѣть съ собою, тягостнымъ проповѣдникомъ морали, тѣмъ болѣе, что никто не находилъ въ немъ ничего для порицанія. Старались какъ нибудь отъ него отдѣлаться; одинъ плохой стихотворецъ Мелитосъ, кожевникъ Анитосъ и ораторъ Ликонъ явились съ доносомъ на него. Онъ презираетъ боговъ, говорили они, внушаетъ юношеству разрушительныя начала, и подкапываетъ государственное устройство, за что долженъ быть наказанъ смертью. Назначенъ былъ надъ нимъ судъ, и судьи, большинствомъ 3 голосовъ, признали его виновнымъ. По существующимъ законамъ, Сократъ могъ самъ себѣ выбрать штрафъ, изгнаніе изъ отечества, заключеніе на всю жизнь, или уплату денежной пени. Онъ отклонилъ такой выборъ, сознавая вполнѣ свою

невинность, и тѣмъ до того раздражилъ судей, что изъ нихъ восемдесятъ, бывшихъ на его сторонѣ при первой подачѣ голосовъ, теперь подали голосъ противъ него и такимъ образомъ произнесенъ былъ ему смертный приговоръ.

Въ присутствіи многихъ друзей, безъ страха выпилъ онъ кубокъ съ ядомъ. Смерть для него была моментомъ выздоровленія: «Принесите Асклепію пѣтуха, не забудьте этого!» были послѣднія его слова.

КОНЕЦЪ.

